

Александр Киклевич

Язык и логика

Лингвистические проблемы
квантификации

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE

Begründet von
Olexa Horbatsch und Gerd Freidhof
Herausgegeben von
Gerd Freidhof, Peter Kosta, Holger Kuße
und Franz Schindler

Supplementband 60

Александр К. Киклевич

ЯЗЫК И ЛОГИКА

Лингвистические проблемы
квантификации

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN

1998

Автор выражает сердечную благодарность Alexander von Humboldt – Stiftung (Bonn, Германия) за финансовую поддержку в издании этой книги.

А.К.Киклевич. Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации. 1997. – 298 с.

В книге на материале славянских языков (прежде всего – русского и польского) проведено системное, комплексное описание семантической категории квантификации. Предлагается оригинальная концепция квантификации как разновидности количественной семантики, которая заключается в том, что объем участвующего в описываемой ситуации множества объектов определяется по отношению к объему исходного множества объектов, известного говорящему до речевого акта. Описывается место квантификации в системе семантических функций высказывания, важнейшие синтагматические условия реализации кванторных значений, отношения квантификации с близкими ей по содержанию семантическими категориями, структура плана содержания и плана выражения квантификации, а также особенности ее актуализации в речи. Рассматриваются некоторые общие вопросы логического анализа естественного языка. Решается ряд спорных проблем грамматической семантики, например, проблема “двойного отрицания” в славянских языках. Отмечаются типологические свойства подгрупп славянских языков и отдельных языков в аспекте реализации категории квантификации.

Verlag Otto Sagner, München 1998
Abteilung der Firma Kubon und Sagner, München
Druck: Görich & Weiershäuser GmbH, Marburg/Lahn

ISBN 3-87690-687-3

ISSN 0170-1320

Логические символы и сокращения

\subset	включение подмножества в множество
\cap	пересечение множеств
$-$	разность множеств
\emptyset	пустое множество
$\&$	конъюнкция
\vee	дизъюнкция
\rightarrow	импликация
\approx	следование
\equiv	эквивалентность
$=$	констелляция
\neq	неравнозначность
\neg	отрицание
\in	принадлежность элемента множеству
\forall	квантор всеобщности
\exists	квантор существования
Δ	оператор возможности
δ	оператор необходимости
$\{ \}$	заданное множество
$\{x \mid P(x)\}$	множество x -ов, которые обладают свойством P
f	функция
M	множество
\mathfrak{R}	отношение
a, b, c	индивидуальные константы
x, y, z	индивидуальные переменные
P, Q, R, S	предикаты
p, q, r, s	высказывания
\leftrightarrow	равнозначная трансформация
КС	кванторные слова

- Дедушка Тит, а ты все знаешь?
- Все, Афоня, я все знаю.
- А что это, дедушка?
- А чего тебе, Афонюшка?
- А что это все?
- А я уж позабыл, Афоня.
- Проснись, дедушка, скажи мне про все!

Андрей Платонов
“Цветок на земле”

Предисловие

Люди всегда стремились понять тайну количества. Тайну множества и тайну числа.

Аристотель рассматривал количество среди десяти важнейших категорий мышления. Благодаря такому подходу количество вводилось в систему понятий формальной логики, рассматривалось как одно из основных свойств логического суждения. В начале 20 в. была создана математическая логика, и количественная характеристика логического высказывания была уточнена с помощью теории кванторов.

Несомненно, наибольших успехов в постижении сущности количества достигла математика, для которой, собственно, и не существует никакой другой действительности, кроме действительности числовых рядов и отношений между множествами.

Как писал выдающийся венгерский ученый Реньи, “когда математик изучает числа, то его интересует не число овец или судов в гавани, а числа вообще, независимо от того, о числе каких предметов идет речь”. Сократ, один из героев блестяще написанных Реньи “Диалогов о математике”, спрашивает: “Можно ли утверждать, что, например, простые числа существуют в том же смысле, в каком существуют небесные светила и рыбы? Существовали бы простые числа, если бы не было математиков?”

Простые числа, конечно, существуют иначе, чем существуют рыбы или небесные тела, однако для существования простых чисел вовсе не обязательно существование математиков, потому что число, счет, измерение, сравнение объемов и размеров — естественные элементы каждодневной, обыденной интеллектуально-практической деятельности человека. И в этом смысле каждый из нас является, если угодно, “стихийным” математиком.

У математики и лингвистики, на что обратил внимание Мар-

тынов, есть общее, что, между прочим, отличает их от других наук: в них объект и инструмент описания совпадают. Но при описании количества логика и математика сознательно отвлекаются от ситуативности, конкретности количественных выражений, хотя в реальной психологической практике человека количество, качество, связь, свойство, отношение и др. категории актуализируются одновременно и, кроме того, взаимодействуют друг с другом. Именно поэтому для понимания сущности количества (как и сущности других категорий) очень важны сведения так называемых эмпирических наук, среди которых одно из центральных мест занимает лингвистика.

Количественная информация, которая непосредственно представляет собой часть передаваемой в речи информации, а нередко составляет предмет разговора, чрезвычайно разнообразна, и для ее выражения в языках мира используются различные морфологические, лексические, синтаксические и др. средства. Велико также число тех случаев, когда количественная семантика подразумевается, передается в скрытом виде, входит в пресуппозитивный план сообщения, т.е. представляет собой не функцию языковых форм, а функцию языковых значений.

Категория количества — сложно организованная подсистема в семантической системе языка. Лингвистам пока не удалось прийти к единству как относительно внутреннего строения этой подсистемы, так и относительно ее объема и границ. В качестве отдельных функциональных классов языковой категории количества обычно рассматривают: а) числовые выражения (лексические, типа *один, два, сорок*, или морфологические — аффиксы грамматического числа), б) фреквентивные выражения (типа *много, мало, чуть-чуть*), в) параметрические выражения (типа *литр, контейнер, пакет*) и г) кванторные выражения (типа *каждый, некоторые, никогда*). КС в различных языках мира изучены, пожалуй, наиболее слабо. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что практически первое солидное исследование кванторных единиц — работа Сепира “Целостность” (“Totality”) — была опубликована лишь в 1930 году.

За более чем полвека, которые прошли с этого времени, лингвисты значительно приблизились к пониманию языковой сущности квантификации. В общих чертах была определена категориальная функция кванторных единиц как особых детерминаторов значения существительных, были описаны многообразные лексико-семантические отношения между разными типами кванторов и отдельными кванторными лексемами, были, наконец (прежде всего, в последние годы), исследованы особенности речевого употребления кванторных выражений, их функциональные характеристики в семантическом и прагматическом аспектах (многочисленная научная литература в этой области отчасти отражена в приводимом библи-

ографическом списке).

Однако было бы рано говорить о том, что сегодня уже создана целостная и законченная лингвистическая теория квантификации. До сих пор остается нерешенным ряд серьезных теоретических и практических проблем описания этого типа количественной семантики в естественном языке. Например, пока не выработаны строгие критерии семантической классификации внутри макрокатегории количества, четко не определены границы между отдельными ее подклассами и место в общей системе количественной семантики категории КС. Одни исследователи причисляют к кванторам типы обобщающих, неопределенных, отрицательных местоимений, числительные, маркеры оценочного количества, другие же понимают квантификацию более узко.

К сожалению, далеко не всегда можно признать удовлетворительными лингвистические решения ряда проблем, касающихся отношения количества к категориям качественной семантики. Одной из таких категорий является степень, в которой усматривают и качественные, и количественные признаки (что отражает объективный синкретичный характер этой категории). Несмотря на объективные семантические корреляции, квантификация и степень представляют собой самостоятельные категории языка, поэтому иногда встречаемая трактовка интенсификаторов типа *очень*, *вовсе*, *слишком* и т.п. как кванторов выглядит, пожалуй, манипулятивной.

Современные исследования квантификации в качестве своей концептуальной основы используют логическую семантику (разработанную Расселом, Витгенштейном, Черчем, Тарским и др.). Тем самым в лингвистическую теорию значения были импортированы не только достоинства аналитического метода математической логики, но и некоторые ее существенные, хотя и не всегда очевидные просчеты. Как представляется, сама проблема соотношения категорий качества и количества не получила в логической семантике адекватного решения. Так, в соответствии с теорией, предложенной в “Принципах математики” Рассела и Уайтхеда, различаются квантор всеобщности и квантор существования. Квантор всеобщности представляет собой логический оператор со значением полного участия рассматриваемой предметной области в высказывании (высказывание “выполняется” по отношению ко всей предметной области). Квантор существования означает наличие объектов рассматриваемой предметной области в ситуации, описываемой высказыванием (имеются объекты из заданной предметной области, по отношению к которым высказывание “выполняется”). Однако внимательное прочтение этих определений позволяет сделать вывод, что квантор всеобщности и квантор существования выражают два различных типа семантики: полноту — неполноту и существование — несуществование. В основе первой семантической

оппозиции лежит количественное сравнение исходного и актуального множеств, а именно — их равенство или неравенство. Вторая оппозиция, по существу, является качественной, ведь в этом случае речь идет о наличии или отсутствии элементов исходного, известного до речевого акта множества в ситуации, которая описывается высказыванием.

Лингвисты не обращали внимания на эту исключительно важную деталь, и, думается, здесь кроется причина того, что до сих пор нет логически обоснованного объяснения феномена так называемого “двойного” отрицания в славянских языках. До сих пор отсутствует рациональная, логически непротиворечивая классификация КС — именно в аспекте их количественной семантики, ведь троичная система основных типов языковых кванторов — обобщающих, неопределенных и отрицательных местоимений — противоречит двоичной системе кванторов в математической логике, а также двоичной системе общих и частных суждений в формальной логике.

Применение к языковым кванторам единого концептуального подхода, который бы, однако, учитывал специфику количественного содержания в естественных языках, позволяет пересмотреть некоторые фундаментальные постулаты теории квантификации. Так, наряду с общеизвестной оппозицией абсолютной и относительной квантификации, в этой книге вводится новая оппозиция — синтетической и аналитической квантификации, которая отражает не экстенциональный, а интенциональный аспект кванторной семантики.

В некоторых современных лингвистических теориях значения количественная сторона КС и вовсе элиминируется: они, вместе с указательными, личными, притяжательными местоимениями, артиклями объявляются операторами денотативного статуса именных групп. В книге будет показано, насколько такой подход правомерен применительно к языковым знакам, которые, с одной стороны, характеризуют существительные в количественном аспекте, с другой стороны, сами требуют предварительной актуализованности именных групп, т.е. обладают специфической дистрибуцией с операторами денотативного статуса.

Отношения макрокатегорий количества и качества в содержании языковых кванторов проявляются также в том, что основная количественная семантика в лексическом значении КС, как правило, дополняется рядом качественных семантических признаков, в целом же с содержательной точки зрения КС имеют сложную структуру. Выявить множество семантических отношений в универсуме КС — важная и интересная научная задача, которая неоднократно ставилась и решалась многими исследователями. Однако, во-первых, эти отношения не систематизировались в рам-

ках единой категории квантификации (с учетом оппозиций абсолютной — относительной и синтетической — аналитической квантификации); во-вторых, возможности подобной систематизации ограничивались тем, что объектом рассмотрения, как правило, был достаточно узкий класс единиц. В этой книге рассматривается и анализируется более 400 лексических единиц, главным образом, современного польского и русского литературных языков (эпизодически мы будем обращаться к материалу других языков, например, болгарского, белорусского, чешского, немецкого и др.). В отдельных случаях будут описываться особенности реализации категории квантификации в разных славянских языках, рассматриваться явления, которые представляют собой типологические черты той или иной группы, подгруппы языков или отдельного языка.

Обычно квантификация ассоциируется с классом лексических единиц, специализирующихся в выражении этой семантики. Однако в действительности для выражения кванторной семантики используются не только лексические, но и морфологические средства, не только синтетические, но и аналитические формы. Одним из чрезвычайно интересных средств манифестации кванторной семантики является употребление значений других семантических категорий, кванторное значение в этом случае является следствием некванторного. Мы опишем и систематизируем все подобные случаи.

Важнейшая особенность языковых кванторов (как и всех вообще единиц естественного языка), в отличие от их аналогов в логике, проявляется в многозначности. Практически каждое КС допускает вторичную семантику, которая может сохранять категориальные количественные признаки, а может терять их. Вся глава 3 будет как раз посвящена таким процессам динамического преобразования КС и выражений с КС в тексте. Отдельное место займет описание типов семантической актуализации кванторов в речи.

Предлагаемая читателю книга является результатом многолетней исследовательской работы, которая проводилась в научных центрах Минска, Варшавы (Польша), Бохума (Германия) и Граца (Австрия). В связи с этим мы благодарим директора Института "Полоникум" Варшавского университета докт. Барбару Яновскую, директора Семинара славистики Рурского университета в Бохуме проф. Хельмута Яхнова, директора Института славистики университета Карла Франца в Граце проф. Вольфганга Айсмана за любезно предоставленную нам возможность получения необходимой научной информации в руководимых ими институтах. Мы выражаем также сердечную благодарность Фонду поддержки научных исследований / Fonds zur Förderung der wissenschaftlichen Forschung (Вена, Австрия), а также Фонду имени Александра фон Гумбольдта / Alexander von Humboldt — Stiftung (Бонн, Германия) за финансо-

вую поддержку научных проектов “Logisch-semantiche Beschreibung der Quantorwörter in den modernen slawischen Sprachen / Логико-семантическое описание кванторных слов в современных славянских языках” и “Funktional-semantiche Klassen syntaktischer Operatoren und ihr Zusammenwirken in Sprache und Text / Функционально-семантические классы синтаксических операторов и их взаимодействие в языке и речи”, которые легли в основу проблематики предлагаемой монографии.

Александр Киклевич
Boschum, январь 1998

ВВЕДЕНИЕ

Одной из характерных черт современной лингвистики является ее тесная связь с логикой (Петров 1986, 6). Использование логики в европейском средневековом языкознании осуществлялось с целью экспликации универсальных и рациональных элементов плана содержания естественных языков. Игнорирование этнической специфики языков, а также многих элементов эмпирической языковой семантики, одним из первых противников которого был арабский мыслитель 10 в. Абу Хайян (1988, 59–67), привело к кризису и, позднее, краху логической доктрины в языкознании в конце 19 в. Монстр логицизма до сих пор внушает страх многим лингвистам.

Нельзя не усмотреть исторических реминисценций в дихотомии логической, т.е. абстрактной (“чистой”), и лингвистической, т.е. эмпирической, семантики, которую предлагал Freundlich (1972, I). Согласно Brekle, логическая семантика исследует универсальные способы интерпретации содержания формальных языков, которые являются неизменными в любой “специальной” семантике, а лингвистическая семантика сосредоточена на эмпирическом описании содержания языковых знаков в речевых актах (1972, 20; см. также: Смирнова 1990, 10). Ullmann подчеркивал, что дисциплинарное взаимодействие логики и лингвистики возможно только при посредничестве психологии (1967, 22).

И все-таки, несмотря на довольно сложную и противоречивую историю, логический анализ языка, который, вслед за Падучевой (1979, 74), можно понимать как структурное моделирование языковых единиц разной степени сложности с помощью формул “той или иной логики”, занимает значительное место в современных лингвистических исследованиях, составляя основу лингвистической теории референции, семантического синтаксиса, герменевтической семантики (семантики понимания), ситуативной семантики, модальной семантики, прагматической семантики (семантики употребления) и др. Так, Кривоносов считает, что “путь исследования текста — только в интеграции языкознания и логики. Этот путь — центральное направление в изучении структуры текста” (1993, 21).

Интерес современной лингвистики к логическим методам описания языка обусловлен несколькими факторами. Одним из них является объективное существование сферы языкового содержания, которое отражает логические формы мышления и которую Панфилов называл логико-грамматическим уровнем языка (1963, 74). Другим фактором является развитие самой логики, которая те-

перь уже не ограничивается описанием идеальных систем (вроде языка математики), а обращается к естественным знаковым системам, прежде всего — к естественным языкам. При этом современную логическую семантику характеризует двуединство экстенционального и интенционального подходов. Первый состоит в изучении онтологического аспекта языковых знаков или, как пишет Palek (1975, 207), в выявлении отношений в триаде: множество языковых выражений (язык) — множество индивидов (универсум) — множество истинностных значений ('истина' — 'ложь'). Интенциональный подход заключается в экспликации способов сигнификации ("осмысления") знаков, т.е. характеристики их денотатов, и отражает гносеологический аспект знаковых систем.

Современный логический анализ языка является одной из наиболее сбалансированных лингвистических дисциплин. С одной стороны, его достоинством является дискурсивный характер — ориентированность на отношения языка (или текста) к элементам его психологической и онтологической ниши. С другой стороны, логический анализ языка лишен нередко встречающихся в исследованиях по прагмалингвистике или лингвистике текста интуитивизма и созерцательности — благодаря использованию развитого концептуального и формального аппарата сохраняется унаследованная от структурализма способность к моделированию языка. В данной работе мы сознательно стремимся к тому, чтобы для описания языковых выражений с кванторами последовательно использовать метод моделирования, а именно — их представление в виде формул логики предикатов. Поскольку КС естественного языка выполняют семантическую функцию, отчасти сходную с функцией логических кванторов, привлечение формального аппарата для семантического представления маркеров категории квантификации является обоснованным. Формальное представление высказываний с КС позволяет обобщить их содержательные сходства и различия в эксплицитном виде, открывает возможности наблюдения над моделями, их сопоставления (эти символические модели приводятся в тексте книги лишь при особой необходимости, но в ходе исследования их роль была исключительно важной). Формулы логики предикатов выступают в работе, прежде всего, как субститутивные модели и выполняют объяснительную функцию. Под моделью понимается система объектов, которая воспроизводит структуру или поведение другой системы объектов (Пиотровский 1966, 16). По Лосеву (1968, 28), "модель есть структура, перенесенная с одного субстрата на другой". В процессе познания субститутивная модель ценна не своим структурным или функциональным подобием с оригиналом, а возможностью ее интерпретации. "В некоторых (хотя и довольно редких) случаях, — пишет Щедровицкий, — научное познание строится на основе опе-

раций с самими объектами. Чаще всего (и всегда, когда мы имеем дело с так называемыми множественными или массовыми объектами) оно вырабатывается на основе познавательных операций с моделями объектов” (1967, 31). Именно использование формул логики предикатов как субститутивных моделей языковых выражений с КС позволяет представить их содержание в аналитическом виде, эксплицировать место квантификации в семантической структуре высказывания, сопоставить кванторную семантику с семантикой других категорий.

В меньшей степени формулы логики предикатов будут использоваться как порождающие модели — даже в адаптированном виде они все-таки отражают семантическую структуру высказывания достаточно фрагментарно. Именно по этой причине формальный аппарат символической логики будет применяться, преимущественно, в первой, теоретической главе и лишь эпизодически привлекаться при анализе конкретных выражений.

Квантификация — одна из тех содержательных категорий естественного языка, которые, можно сказать, были открыты благодаря проникновению в лингвистическую семантику идей экстенциональной логики. Конечно, составляющие эту категорию единицы, прежде всего — классы обобщающих, неопределенных и отрицательных местоимений, изучались и в рамках традиционной лингвистики (а именно — традиционной грамматики), однако представление о квантификации как о самостоятельной семантической категории языка сформировалось только в последние десятилетия.

Категориальная характеристика КС определяется их ролью семантических операторов (функторов) высказывания, т.е. таких компонентов его содержательной структуры, которые не имеют прямых номинативных корреляций с индивидами той или иной области того или иного возможного мира, а выступают маркерами отношений между высказыванием в целом и (известной до коммуникативного акта) совокупностью индивидов, по отношению к которой высказывание имеет силу истинного или ложного констатива или силу перформатива.

Без применения точных субститутивных моделей, которые могут предложить науке о языке логика и математика, успешное развитие современной семантики вряд ли возможно, однако влияние логики на языкознание не ограничивается только распространением ее метаязыка — оно иногда принимает формы беззастенчивой колонизации. В лингвистическую семантику проникают чуждые ей элементы, а механистическое калькирование матриц логического анализа зачастую приводит к искажению научной картины языка, что проявляется и в области исследования языковых кванторов. Поэтому особую значимость для современного учения о содержании языка представляет лингвистически адаптированная

логическая семантика, репрезентативные свойства которой позволили бы осуществить адекватное моделирование плана содержания языковых знаков. Как справедливо указывает Бондарко, “в настоящее время при широко распространенном увлечении лингвистов логическими аспектами семантики особенно важно подчеркнуть необходимость и актуальность исследования собственно языковых значений” (1978, 169).

Заимствованная из математической логики, лингвистическая теория квантификации испытывает сильнейшее влияние постулатов логической семантики, многие из которых противоречат объективным фактам естественного языка, но тиражируются под гипнотическим воздействием традиции и отдельных авторитетов. Здесь, в частности, имеется в виду широко распространенное, хотя ошибочное теоретическое положение, согласно которому кванторы присоединяются к нереферентным терминам, обладающим неопределенным “денотативным статусом”. Вслед за логиками многие лингвисты рассматривают передачу кванторной информации как обязательную операцию, без которой высказывание остается “голой” синтаксической схемой и не способно функционировать как коммуникативная единица, ориентированная относительно некоторой индивидуальной области одного из возможных миров. Следуя логическим постулатам, лингвисты неправоммерно объединяют кванторы с операторами “денотативного статуса” (артиклями, указательными местоимениями и др.), ошибочно квалифицируют КС как включающие метаязыковые предикаты, искусственно ограничивают универсум кванторных единиц, рассматривая лишь незначительную подгруппу избранных форм — местоимения *все, некоторые, каждый, любой, всякий, никто, ничто, никогда, нигде* и немногие другие.

Нельзя не отметить и того факта, что внимание к логическому (референциальному) аспекту семантики КС отвлекает лингвистов от их морфологических, синтаксических, словообразовательных, прагматических и некатегориальных лексико-семантических признаков, которые составляют важную и необходимую часть их языкового содержания. С другой стороны, грамматическое описание КС (например, в таких фундаментальных исследованиях, как академические грамматики национальных языков) зачастую проводится в отрыве от логической семантики и выглядит несколько архаичным (редкими исключениями являются: Русская грамматика 1979а, 1979б и Русская грамматика 1980б).

Около 30 лет назад Вейнрейх писал: “То, как представляются в естественных языках операции, аналогичные связыванию переменных в логических исчислениях, еще нуждается в специальном исследовании” (1970, 184). Однако и сегодняшнее состояние разработки лингвистической теории квантификации в целом вряд ли

можно признать удовлетворительным. Вместе с тем в современной лингвистике, как представляется, накоплены предпосылки, необходимые для интегрального моделирования категории квантификации, которое включало бы описание ее общекатегориальных парадигматических и синтагматических свойств, описание манифестирующих ее внутреннюю структуру конструктивных признаков (лексико-семантических, морфологических, синтаксических, словообразовательных, прагматических), описание динамических процессов с участием кванторных единиц в языке и речи. Эта научная задача и составила ядро проекта функционального исследования семантической категории квантификации в естественном языке, который реализован в данном исследовании.

Квантификация последовательно рассматривается нами как самостоятельная семантическая категория естественного языка (хотя и взаимодействующая с другими категориями). Под категорией понимается "любая группа языковых элементов, выделяемая на основе какого-либо общего свойства" (Лингвистический 1990, 215). Как верно отмечено в польской академической грамматике, категория представляет собой не объединение отдельных языковых единиц, а объединение целых "функциональных классов", между которыми устанавливаются семантические оппозиции (Gramatyka 1984b, 24). В отличие от морфологических (грамматических) категорий, которые характеризуются, прежде всего, обязательностью актуализации значения одного из функциональных классов категории (другими словами, обязательной квалификацией принадлежности языковой единицы к одному из функциональных классов), а также наличием регулярных средств выражения (Дегтярев 1973, 90), лексико-семантические категории обладают единством, преимущественно, в сфере плана содержания. Языковые единицы, составляющие такие категории, как правило, характеризуются различными грамматическими признаками и принадлежат к различным частям речи.

КС в целом разнородны по своим поверхностно-синтаксическим, словообразовательным и словоизменительным свойствам, однако составляют целостную семантическую категорию как единицы с общей семантико-синтаксической функцией, которая заключается в определении количественного отношения актуального множества участников ситуации к исходному множеству объектов, известных говорящему до коммуникативного акта.

ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ КВАНТИФИКАЦИИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Парадигматические и синтагматические характеристики знаков неразрывно связаны между собой, что, в частности, нашло отражение в известной формулировке Гака: “синтаксис семантичен, а семантика синтаксична”. Наиболее успешное воплощение этот принцип лингвистического анализа получил, как представляется, в дистрибутивной методике, которая объединила преимущества структурного и функционального подходов.

Единство парадигматики и синтагматики является поэтому необходимым условием функционального лингвистического моделирования языка. Это правило верно не только для отдельных знаков, но и для совокупностей знаков — языковых (грамматических и семантических) категорий. Синтагматические свойства семантической категории обусловлены регулярными правилами сочетаемости составляющих ее единиц, в частности, такими параметрами, как семантико-синтаксический (категориальный) статус дистрибутивных партнеров, активные и пассивные валентности, выполняемая в линейной структуре высказывания (текста) типовая функция и др. Парадигматический план семантической категории составляет множество категорий, содержательно либо формально соотносимых с ней по своим синтагматическим признакам. В этом аспекте проявляется значимость категории в системе языка, а именно — те свойства, которые характеризуют ее как автономную группировку языковых знаков.

В соответствии с данными теоретическими предпосылками далее будут описаны синтагматические и парадигматические характеристики категории квантификации.

1.1. Квантификация в синтагматическом аспекте

Генезис лингвистической теории квантификации восходит к логике. Оттуда заимствована и концептуальная база описания кванторных единиц естественных языков, и формальный аппарат моделирования линейных структур с квантификацией (метаязыковые трансформации), и значительная часть культивируемой терминологии. Поэтому краткий анализ квантификации в логическом высказывании позволил бы выделить важнейшие постулаты логики в этой сфере семантики, без которых ни современная лингвистическая теория значения, ни, в частности, теория квантификации

не могут быть корректно и удовлетворительно истолкованы. Нельзя не согласиться с Крыловым в том, что “системного рассмотрения квантификации можно достичь лишь в том случае, если исчислить ее логически возможные типы” (1984, 140).

Анализ важнейших положений логической теории квантификации необходим и для того, чтобы, изучив особенности КС в естественных языках, установить, в какой степени современная логика способна адекватно моделировать данную сферу языковой семантики, а в какой — она бессильна перед (пользуясь метафорой Барта) “шумом языка”.

С другой стороны, категория квантификации должна быть представлена в широком контексте языковой структуры, ее параметры должны быть согласованы с важнейшими элементами языкового механизма и языковых функций. Далее будет рассмотрено место категории квантификации в системе функционально-семантических классов синтаксических операторов, теоретико-множественная природа кванторной семантики, синтагматические условия реализации КС в речи, межпарадигматические отношения квантификации к макрокатегориям количества, степени и истинности.

1.1.1. Квантификация в логическом высказывании

Современная теория квантификации в математической логике и лингвистике вытекает из теоретико-множественной парадигмы аристотелевской логики (Semantik 1991, 460). В традиционной формальной логике понятие квантификации отсутствует, однако концепт этой категории содержится в теоретико-множественном представлении простого атрибутивного суждения, где квантификация соответствует объему субъекта суждения, что проявляется в прямых корреляциях формул обеих логик (Ajdukiewicz 1960, 17; Klaus 1973, 265).

Классификация суждений по объему (или количеству) включает единичные, частные и общие суждения (иногда единичные суждения не выделяются), которые различаются в зависимости от того, распространяется предикат на единичный объект, подмножество (часть) объектов или на все объекты некоторого множества (класса) (Асмус 1947, 80; Бакрадзе 1951, 159; Городецкий 1912, 18; Горский 1963, 115; Кириллов, Старченко 1987, 57; Кондаков 1954, 169; Логика 1956, 91; Мчедлишвили 1978, 24–26; Свинцов 1987, 84; Таванец 1953, 67; Фогараши 1959, 227; Формальная 1977, 54). Обычно с учетом количества и положительного или отрицательного качества выделяют четыре типа суждений: общеутвердительные (А), общеотрицательные (Е), частноутвердительные (И) и частноотрицательные (О). Липпс предлагал классификацию атрибутивных суждений, в которой учи-

тывался также „качественный“ или „эмпирический“ тип определения субъекта (1902, 46–50).

Описание суждений по объему основывается на логике классов. Теоретико-множественный подход к содержанию высказывания в формальной логике заключается в представлении субъекта и предиката как взаимодействующих классов. Все типы атрибутивных суждений можно интерпретировать в терминах отношений между множествами:

$$A: (M_1 \subset M_2) \text{ или } (M_2 = M_1)$$

$$I: (M_1 \cap M_2)$$

$$O: (M_1 - M_2)$$

$$E: (M_1 \cap M_2) = \emptyset$$

Поскольку и субъект, и предикат суждения представляют собой классы, то вполне естественно, что оно может быть описано также с точки зрения объема предиката. Общей характеристикой объема термина в суждении является его распределенность. Термин считается распределенным, если он актуализируется в полном объеме, и нераспределенным, если он участвует в суждении частью своего объема. Общепринятая типология суждений по признаку распределенности терминов представлена в таблице 1.1.

Таблица 1.1

тип суждения	S	P
A	+	-
I	-	-
O	-	+
E	+	+

Поскольку распределенность/нераспределенность характеризует не только субъект, но и предикат атрибутивного суждения, то в содержащем такое суждение высказывании всегда возможна конверсия терминов, т.е. преобразование высказывания, в результате которого субъект становится предикатом, а предикат — субъектом (Мартынов 1966, 50; Уемов 1961, 21), ср. *Некоторые химические элементы не являются металлами* \leftrightarrow *Все металлы являются химическими элементами*. Возможность конверсии субъекта и предиката была для Линде фактором, свидетельствующим о принципиальной ошибочности общепринятого деления терминов суждения на субъект и предикат (1915, 56).

Введение понятия распределенности термина позволяет расширить классификацию суждений. Так, в формальной логике выделяются два типа общеутвердительного суждения *Все S суть P* и *Все S, и только они, суть P* (Кондаков 1967, 144; Уемов 1961, 21). В

высказываниях второго типа предикат распределен, а это значит, что прямое и конвертированное суждения имеют общий объем, ср.: *В этом смысле всякая революция есть смута и всякая смута есть революция* (Франк). Распределенность/нераспределенность предиката варьируется в формальной логике только для общеутвердительных суждений. В действительности же это варьирование не ограничено ни качеством, ни количеством суждения. Так, Бакрадзе иллюстрировал нераспределенность предиката высказывания *Все люди суть (некоторые) животные* возможностью его трансформации в высказывание *Некоторые животные суть (все) люди* (1951, 194), что косвенно указывает на распределенность предиката в данном частноутвердительном высказывании (в логике частноутвердительные суждения содержат нераспределенный предикат, см. таблицу 1.1). Уемов принимает во внимание трансформацию *Некоторые химические элементы не являются металлами* \leftrightarrow *Все металлы являются химическими элементами*, которая указывает на распределенность предиката в частноотрицательном суждении (1961, 21). Однако в других случаях частноотрицательное суждение не допускает общеутвердительной трансформации, например: *Некоторые дети не любят томатный соус* \leftrightarrow *Некоторые из тех, кто не любит томатный соус, являются детьми*.

Приведенные факты позволяют расширить систему типов атрибутивных суждений с учетом распределенности предиката. Рассмотрим высказывания с частичным объемом субъекта: *Некоторые школьники — коллекционеры* и *Некоторые животные — хищники*. В первом выражении предикат не распределен, а во втором распределен, ср. трансформации: *Некоторые коллекционеры — школьники* и *Все хищники — животные*. Различие между выражениями данных типов можно показать с помощью логики классов: в первом случае реализуется отношение $M_1 \cap M_2$ — пересечение (произведение) классов, а во втором — отношение $M_2 \subset M_1$ — включение объема предиката в объем субъекта.

В общеотрицательных суждениях предикат, видимо, всегда распределен, однако и они могут иметь двойкой логический смысл в зависимости от наличия эксклюзивной или инклюзивной частицы. Так, высказывания *Никто из детей тоже не спал* и *Не спали только дети* содержат распределенный предикат и могут иметь одну и ту же трансформацию: *Никто из тех, кто спал, не был ребенком*. Однако при сохранении отрицательного качества предиката исходного высказывания трансформации будут различаться: *Никто из детей тоже не спал* \leftrightarrow *Некоторые из тех, кто не спал, были детьми*; *Не спали только дети* \leftrightarrow *Все те, кто не спал, были детьми*.

Понятие логической распределенности термина будет использоваться далее при описании некоторых дистрибутивно-семантических свойств квантификации, см. разделы 1.1.3.2 и 1.1.3.7.

Понятие квантификации возникло в математической логике, в частности, в ее разделе — логике предикатов. Стандартный язык логики предикатов составляет множество символов с фиксированными семантическими свойствами (Горский 1962, 72; Дюкро 1982, 272; Ивлев 1988, 30; Клини 1957, 67; 1973, 93; Коссек, Костюк 1982, 50; Костюк 1975, 5; Осуга 1989, 79; Попович 1975, 153; Тондл 1975, 65–67; Шиханович 1965, 150; Чарняк 1983, 177; Черч 1960, 44; Bachmann 1985, 121–124; Grzegorzczuk 1975, 25; Hall Partee 1978, 84; Klaus 1973, 256; Rasiowa 1975, 211; Schnelle 1973, 95–96; Stanosz 1985, 44; Wall 1973, 92):

- 1) предикаты P, Q, R, S (математическая логика различает предикаты первого и второго (высокого) порядка; предикаты первого порядка применяются к индивидуальным аргументам, а предикаты высокого порядка (например, модальные операторы) — к пропозициональным аргументам (или к высказываниям);
- 2) индивидуальные константы a, b, c, d ;
- 3) индивидуальные переменные x, y, z ;
- 4) юнкторы (пропозициональные связки, или логические союзы) $\&, \vee, \rightarrow, \equiv, =$;
- 5) кванторы \forall, \exists ;
- 6) оператор отрицания \neg .

Основными компонентами в структуре высказывания на языке логики предикатов являются предикаты и аргументы, причем последние могут выступать в виде переменных или констант:

$$P(x, y) \quad (1.1)$$

$$P(a, b) \quad (1.2)$$

Формула 1.1 отражает открытую пропозицию, которая обладает только смыслом и лишена конкретной локализации в одном из возможных миров. Формула 1.2 отражает закрытую пропозицию, которая обладает не только смыслом, но и значением, т.е. существует хотя бы один возможный мир, по отношению к которому она может быть истинной или ложной.

Поскольку переменная обладает значением, в область которого входит группа констант (логики называют их возможными мирами), например, $x = \{a, b, c\}$, то превращение открытой пропозиции в закрытую может быть достигнуто в результате замены переменной на соотносимые с ней константы:

$$P(x) \rightarrow P(a) \quad (1.3)$$

Другой способ актуализации истинностного значения высказывания — количественное определение той области значения переменной, которая участвует в описываемой ситуации. Так, если известно, что $x \in M$ и $P(x)$, то, ограничив область M , мы получим закрытую пропозицию, например: *Для всех x -ов из области M верно, что x обладает свойством P .* Такие операторы, присоединение которых к переменным превращает предикатную формулу в высказывание с истинностным значением, называют кванторами (или квантификаторами) (Тарский 1948, 39). Кванторы применяются только к переменным (к общим терминам), ср.: **каждый Петр I, *каждый я.* Замена переменной на константу при наличии квантора невозможна, поэтому переменные закрытых пропозиций называют связанными. Открытая пропозиция содержит свободные переменные. Если хотя бы одна переменная в формуле свободна, то считается, что формула лишена истинностного значения и не является высказыванием.

Обычно выделяют два вида кванторов: квантор всеобщности и квантор существования. Квантор всеобщности (абсолютный, большой, общий, универсальный квантор) означает 'для всех x -ов верно, что...'. Высказывание с квантором всеобщности истинно тогда и только тогда, когда оно истинно для всех констант в области значения связанной переменной, и ложно тогда и только тогда, когда оно ложно хотя бы для одной из констант в области значения связанной переменной. Формула с квантором всеобщности может иметь вид:

$$\forall x \quad P(x) \quad (1.4)$$

$$x \in M$$

Она читается как 'Для всех x -ов, которые входят в множество M , верно, что они обладают свойством P '.

Квантор существования (относительный, малый, частный, экзистенциальный квантор) означает 'существует по крайней мере один x , для которого верно, что...'. Высказывание с квантором существования истинно тогда и только тогда, когда оно истинно хотя бы для одной из констант в области значения переменной, и ложно тогда и только тогда, когда оно ложно для всех констант в области значения переменной. Формула с квантором существования может иметь вид:

$$\exists x \quad P(x) \quad (1.5)$$

$$x \in M$$

Она читается как 'Существуют x -ы, которые входят в множество M , такие, для которых верно, что они обладают свойством P '.

В отдельных случаях различаются два варианта квантора существования: \exists — ‘по крайней мере для одного x -а верно, что...’ и $\exists!$ — ‘только для одного x -а верно, что...’ (Дюкро 1982, 279).

В некоторых редакциях логики предикатов употребляется также квантор единичности, или йота-оператор:

$$\begin{array}{l} \iota x \quad P(x) \\ x \in M \end{array} \quad (1.6)$$

Оператор ι означает, что высказывание $P(x)$ верно только для одного элемента из заданного множества M (Bachmann 1985, 125; Schwarz, Chur 1993, 220). Понятие йота-оператора активно используется в некоторых лингвистических работах, в том числе и при описании языковых кванторов (Косеска-Тошева 1987, 402; Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 34–40; Grzegorzczkova 1976, 195; Koseska-Toszewa 1978b, 70; Weinsberg 1983, 172).

1.1.2. Квантификация в языковом высказывании

Благодаря возникновению и развитию математической логики и логической семантики лингвисты получили не только формальный аппарат для моделирования языковых знаков в аспекте их содержания, но и принципиально новую концептуальную систему описания языковой семантики. Однако влияние логики на семантическое моделирование естественного языка имеет, как мы уже указывали, и ряд негативных сторон. Характерное для многих современных исследований языкового значения механическое перенесение постулатов логической семантики в область естественного языка приводит к существенному снижению коэффициента подобия лингвистической модели, потому что логическая и языковая семантика вовсе не конгруэнтны. С одной стороны, можно говорить о большей синтагматической сложности высказывания в математической логике. Скудость словаря и грамматики логики предикатов компенсируется линейным объемом высказывания. При этом, когда его структура усложняется за счет введения многоместных предикатов, логическое высказывание практически теряет опору в обыденном сознании и в языке, который призван это сознание отражать. Как пишет Кривоносов, “математическая логика оперирует формальными знаковыми системами, которые настолько отвлечены от содержания мышления, что для возврата к своей “исходной точке” требуется специальная процедура интерпретации” (1993, 47). Причина подобной коллизии между логикой и языком — не в сложности метаязыка математической логики, а в сложности самой логико-семантической структуры, в высокой степени абстрактности логического высказывания, в конце концов

— в том, что, как писал Реньи, “математика изучает понятия, которые сама же и создает” (1980, 33).

С другой стороны, языковая семантика характеризуется чертами, которые не отражены в математической логике. Языковое высказывание включает не только такие параметры, как смысл и значение, но также множество видов интерпретации (например, модальность), многочисленные варианты подтекстовой информации, выполняет разнообразные коммуникативные (прагматические) функции. Кванторы в логике являются единственным классом актуализаторов высказывания. В естественном же языке таких классов несколько и их семантические свойства дифференцированы.

Корректное описание квантификации в естественном языке возможно лишь при учете собственно языковых семантических признаков, а также в системе семантических категорий, которые в том или ином виде манифестированы в речевом материале.

1.1.2.1. Пропозиция и референция

Согласно одному из постулатов современной ситуативной семантики, “значение простого декларативного предложения состоит в отношении между выражением и описываемой ситуацией” (Barwise, Perry 1987, 24; см. также: Теория 1992, 30). Дискуссионным, однако, остается вопрос о статусе высказывания как имени или описания ситуации (Витгенштейн 1985, 50; Drozdek 1986, 168; Geach 1972, 17; Jachnow 1991, 127).

Пропозициональная функция высказывания соотносит его с типом ситуации. В ситуативной семантике он описывается с помощью понятий “индивиды” (символически a, b, c) и “отношения” (символически p, r, q, s) (Barwise, Perry 1987, 65; Schwarz, Chur 1993, 177). Например, высказывание *Дерево растет* относит описываемую ситуацию к ситуативному типу (a, p), а высказывание *Кошка пьет молоко* — к типу (a, b, p). Часть содержания высказывания, которая указывает на тип обозначаемой ситуации, называется пропозицией (Арутюнова 1976а, 34; Горский 1962, 72; Ионице, Потапова 1982, 26; Клини 1973, 93-94; Льюис 1983, 217; Панкрац 1992, 12; Столнейкер 1985, 421; Черч 1960, 33). Пропозиция выражает сигнификативное значение, или смысл, высказывания, она лишена соотнесенности с конкретной ситуацией, а также таких компонентов содержания высказывания, как коннотация, интерпретация и др., поэтому некоторые исследователи трактуют пропозицию как когнитивный инвариант утверждения, вопроса, приказа, предположения, обещания и т.д. Так, высказывания *Я приказываю вам взять город; Я запрещаю вам брать город; Я сомневаюсь во взятии города* содержат разные прагматические

функции, но общую пропозицию, соотносимую с ситуативным типом (a, b, r). Один и тот же смысл, писал Витгенштейн, допускает и истинное, и ложное употребление — значит, смысл высказывания отражает возможное положение вещей (1985, 115). Пропозиция потенциально соотносима с множеством однотипных ситуаций, которое составляет ее объем. Все референты в объеме знака, в том числе — пропозиции, задаваемые дескриптивными условиями, а именно — его смыслом, называются возможными мирами. Монтегю трактует возможные миры как “возможные ситуации использования” языковых знаков (1981, 224). Поскольку один и тот же смысл соотносится с множеством возможных миров, то пропозицию можно определить как класс возможных миров, по отношению к которому смысл актуализируется в виде истины или лжи (см.: Столнейкер 1985, 421; Semantik 1991, 72–80).

Термин “возможные миры” широко употребляется в современной лингвистике, и это отражается на его семантической неоднозначности. Можно различать, по крайней мере, четыре важнейших значения этого термина:

- 1) дескриптивные возможные миры представляют собой объекты, входящие в объем знака;
- 2) дискурсивные возможные миры составляют контекст описываемого события (Киклевич 1992g, 45);
- 3) эпистемические возможные миры — “возможные состояния дел или направления развития событий, совместимые с рассматриваемой установкой некоторого определенного лица” (Хинтиikka 1980, 87);
- 4) альтернативные возможные миры — положения дел, не совместимые с реальным (Николаева 1985, 31–33; Хинтиikka 1981, 43);
- 5) логические возможные миры — условия истинности сложного суждения.

С содержательной точки зрения высказывание характеризуется двумя важнейшими свойствами: композициональность отражает зависимость значения целого высказывания от значений его компонентов (Semantik 1991, 40), а эмергентность — несводимость смысла высказывания к механическому суммированию значений составляющих его словоформ (Бенвенист 1974, 15; Бозанкет 1914, 91; Бондарко 1978, 51; Кубрякова, Панкрац 1982, 14; Миллер 1972, 34; Фреге 1987, 364; Мауелова 1979, 135).

Принцип композициональности обусловлен особым характером номинации высказывания, в основе которой лежит изоморфизм между структурой означаемого (референциальной ситуации) и структурой означающего (высказывания) (Арутюнова 1976, 27; Богданов 1983, 8; Витгенштейн 1985, 97; Freundlich 1972, 2; Helbig

1992, 7; Maugó 1982, 65). Составляющим структуру ситуативных типов индивидам (партиципантам) и отношениям между ними в высказывании соответствуют аргументы (именные группы, термы, тайгены, предметные имена) и предикаты (ёгены) (Богданов 1987, 17; Гаргов 1987, 455; Мартынов 1977, 18; Ревзин 1978, 135–136). Семантическая функция (или семантический падеж) компонента высказывания — это его номинативное отношение к определенному элементу ситуативного типа.

Предикат составляет семантическое ядро высказывания (Куррилович 1962, 52; Мартынов 1966, 75–76; Теньер 1988, 118). Под семантической валентностью (полем интенции) предиката понимается количество и качество окружающих его аргументов (Богданов 1977, 51; Теньер 1988, 250; Helbig 1992, 7; Semantik 1991, 36).

В полипредикативном (т.е. семантически сложном) высказывании выделяются включающее (главное) и включенное (зависимое) высказывания. Принято говорить также о включающем и включенном предикатах. Полипредикативными считаются синтаксические структуры, имеющие хотя бы одну включенную пропозицию, например: *Jan umarł bezdzietnie* = 'Ян умер, и у Яна не было детей' (Grzegorzczukowa 1977, 25).

Предикатными аргументами являются компоненты высказывания, занимающие типичную для аргументов синтаксическую позицию (как правило, приглагольного элемента), но выполняющие предикативную семантическую функцию (Гуревич 1989, 97; Типология 1985, 6–7; Pisarkowa 1965, 83), ср.: *Приезд брата порадовал нас* = 'Брат приехал, и этот факт доставил нам радость'.

Классификация аргументов — один из спорных вопросов современного семантического синтаксиса. Филлмор, основатель теории семантических падежей, выделял агентив, инструменталис, датив, фактитив, локатив и объектив (1981, 405–406), добавив впоследствии реципиент, источник, результив и контрагентив. В работах других исследователей приводятся различные по объему и качеству списки семантических функций аргументов (Богданов 1977, 52–55; Левицкий 1988, 40; Лещенко 1988, 40–41; Никитин 1988, 126; Панкрац 1992, 48–57; Helbig 1992, 180; Panevová 1980, 45 и др.). Один из наиболее обширных перечней семантических функций аргументов высказывания приведен Золотовой (1988, 430–432) — он и взят в данной работе за основу.

Пропозиция — это, как указывалось, соотношенность высказывания с ситуативным типом, набор признаков, которыми должна обладать ситуация, чтобы быть потенциально обозначенной данным высказыванием. Но помимо пропозициональной, высказывание выполняет также референциальную (референтную) функцию, которая заключается в указании на конкретную, ин-

дивидуализированную ситуацию в одном из возможных миров.

В силу принципа композициональности (см. выше) референтная функция высказывания в целом зависит от референции его компонентов, а именно — аргументов. Это положение ситуативной семантики заимствовано из математической логики, где область истинности пропозиции $P(x)$ совпадает с множеством значений переменной x , при которых пропозиция истинна (Шиханович 1965, 144). Денотативный статус аргумента зависит от наличия либо отсутствия конкретной индивидуальной области одного из дискурсивных возможных миров, по отношению к которой аргумент выполняет номинативную функцию (Падучева 1985, 83; Теория 1992, 237; Giusti 1982, 4). В зависимости от денотативного статуса именные группы представлены двумя типами: 1) референтными (индивидуализированными, выделенными) и 2) генерическими (нереферентными, невыделенными, предикатными, универсальными). Ср. высказывания: *Ученый открыл новый закон* и *Жених Терезы — ученый*. В первом высказывании аргумент с семантической функцией субъекта имеет референтное употребление — подразумевается конкретный исполнитель действия; во втором высказывании та же словоформа употреблена нереферентно, поскольку обозначает не конкретное лицо, а признак, ср.: ‘Жених Терезы принадлежит к классу ученых’.

Референтность — сложное понятие, включающее, помимо предметности, конкретность, т.е. выделенность объекта из класса (Гуревич 1983, 55; Gramatyka 1984a, 303; Grzegorzczukowa 1996, 32; Sawicka 1978, 55). Референтная функция основана на идентификации объекта: “Говорящий <...> апеллирует к соответствующей части идентифицирующего знания слушающего для того, чтобы указать ему, к какому из объектов в области его идентифицирующего знания относится сообщаемая в этом высказывании информация” (Стросон 1982b, 114).

Различие денотативных статусов словоформ связано с семантической структурой знака, которую составляют два компонента: указание на означаемое и способ представления означаемого в знаке, которым в разных работах соответствуют термины денотация — сигнификация, значение — смысл, экстенционал — интенционал, объем — содержание и др. (Джемс, 1981, 15; Жинкин 1965, 10; Липпс 1902, 46; Льюис 1983, 211; Рассел 1982, 41-54; Ревзин 1978, 185; Тондл 1975, 29; Фреге 1977, 181-210; Ajdukiewicz 1960, 140; Brekle 1972, 56; Mayenowa 1979, 125; Schifko 1975, 67-73; Semantik 1991, 8; Ullmann 1967, 65). Благодаря сигнификативному компоненту осуществляется характеристика объекта, т.е., по Стросону (1982a, 75), передается предикативная информация, в частности, о том, что объект включен в некоторый таксономический класс. Напротив, денотативный компонент значения сло-

ва обуславливает его референтное употребление, т.е., по Стросону, позволяет осуществить идентификацию объекта, или выделение из класса.

В связи с общепринятым разграничением идентификации и характеристики хотелось бы заметить, что иногда ответы на вопросы “О чем вы говорите?” (идентифицирующий) и “Что вы говорите об этом?” (характеризующий) совпадают — это имеет место в высказываниях с аутореференцией (Киклевич 1994а, 104–105), например: *Россия пока делает то, что она делает* (ТВ “Останкино”. “Новости”. 22 марта 1992); *Я был против того, чтобы экономическую реформу начинать таким образом, каким она начата* (“Комсомольская правда”. 22 февраля 1992); *Если бы не “Серафита”, я сильно сомневаюсь, что моя авантюра с Мориканом закончилась бы так, как она закончилась* (Миллер, пер. Куберского).

Оппозиции референтных — нереперентных именных групп соответствует логическое противопоставление единичных (сингулярных) и общих терминов (Горский 1985, 12; Дорошевский 1973, 108; Черч 1960, 17; Kraszewski 1975, 51), языковыми коррелятами которых считаются собственные и нарицательные имена. В известной теории Рассела единичным и общим терминам соответствует дихотомия имени и дескрипции (1993, 26–27). Дескрипция, в отличие от имени, представляет собой описание предмета и обозначает характеризующий его признак, т.е. символизирует интервал абстракции (Новоселов 1978, 199–202), в котором объекты не различимы. В логике предикатов ту же оппозицию составляют константы и переменные.

Семантические особенности номинативных знаков отражаются на их синтаксических функциях. Так, согласно тезису Рассела, имена выполняют в высказывании функцию аргументов, а дескрипции — функцию предикатов (1982, 50; см. также: Арутюнова 1982, 9; Grzegorzczukowa 1990, 121; Kotarbiński 1958, 218; Tokarz 1986, 133).

Референтный денотативный статус аргументов сопровождается *дейксисом*: ведь если референция основывается на выделенности объекта, то должен существовать субъект, для которого эта выделенность очевидна, к сфере “идентифицирующего знания” или к “рамке референтности” которого принадлежит объект. Рамка референтности, как пишет Нёргор-Сёренсен, “включает в себя все, что собеседник в данный момент, в данной речевой ситуации может идентифицировать однозначно на основе контекста, конституции или личного социально-культурного базиса” (1987, 156). Подчеркивая субъективный характер референтной функции, Стросон указывал, что эта функция характеризует не выражение языка, а его употребление в речи (1982а, 63; см. также: Линский 1982, 162).

Лексическими формами референтных именных групп являются имена собственные и определенные дескрипции. Считается, что одним из условий референции является значение, т.е. дескриптивная квалификация объекта как элемента некоторой совокупности (Серль 1982, 197), поэтому в лингвистической семантике существует понятие актуализации — применение к неопределенной дескрипции маркеров референтности. Такие маркеры и называются актуализаторами (или операторами денотативного статуса). В функции актуализаторов выступают артикли, некоторые местоимения (прежде всего — указательные, личные и притяжательные) и некоторые прилагательные, например: *мой знакомый, этот город, упомянутая работа, болг. старецът, дървото* и др.

Изложенные здесь постулаты современной теории референции, однако, не исчерпывают круга проблем, связанных с описанием экстенциональной семантики высказывания и его компонентов. В этой области имеется ряд сложных, нерешенных вопросов, и один из них — соотношение категорий референтности и определенности.

Референтность и определенность имеют ряд общих свойств, например, общую функцию — актуализации и детерминации имени, а также ряд общих форм манифестации (артикли, местоимения и др.). Определенность/неопределенность основывается на признаке идентификации объекта или класса объектов, ср.: *Приходила твоя знакомая* = 'Приходила женщина, которую я идентифицировал как твою знакомую'; *Приходила какая-то женщина* = 'Приходила женщина, которую я не могу идентифицировать'. Идентификация объекта при определенности обозначаемой его именной группы может быть обусловлена коммуникативными, эмпирическими и энциклопедическими факторами.

Коммуникативные факторы основаны на семантической связности текста (диалога) и заключаются в предупоминании обозначаемого референта, ср.: *А. Если ты мне дашь нитки / коробку эту / я заштопаю // Б. А где она?* (Русская 1978), где аргумент *она* обладает коммуникативной определенностью, ср.: 'та, которая упомянута'.

Эмпирическая определенность возникает благодаря указанию на непосредственный перцептивно-практический контакт между речевым субъектом и референтом знака, например: *А. Тань, а сколько мне на костюмчик нужно? Б. Ну здесь ширина небольшая / наверное девяносто //*, где аргумент *здесь* обладает эмпирической объективной определенностью, ср.: 'наблюдаемый предмет (кусоч ткани)'

Энциклопедическая определенность обусловлена наличием устойчивого образа референта, хранящегося в долгосрочной памяти субъекта, например: *...Я сяду на "Кропоткинской" / а у "Библиотеки" выйду / и через Военторг пройду // Как ты думаешь?*, где аргумент

ты на “Кропоткинской”, у “Библиотеки”, через Военторг обладают энциклопедической определенностью, ср.: ‘на той станции, которую я знаю как “Кропоткинскую”’.

Однако идентифицирующее знание, как указывалось выше, необходимо и для актуализации референтных именных групп. Таким образом, статус признака идентификации предмета оказывается не совсем ясным.

Имя обозначает конкретный предмет путем остенсивного указания, субъектом которого выступает либо говорящий, либо информант, у которого говорящий ранее получил информацию. В теории каузальных цепочек Крипке имена собственные характеризуются как жесткие десигнаторы, семантическое определение которых возможно только благодаря возвращению к моменту “крещения” предмета. Это значит, что референтное употребление именных групп возможно только в том случае, когда один из участников речевого акта является свидетелем номинации объекта. Но Серль писал, что “в обычной речи слушающий может вообще не требовать никакой идентифицирующей дескрипции и может удовлетвориться высказыванием с неидентифицирующим выражением” (1982, 193; см. также: Стросон 1982а, 72; Доннелан 1982, 140). Ср. ситуацию, когда некто рассказывает о незнакомом нам господине Коврове. Допустим, (не имея никакого представления о личности Коврова) мы спрашиваем рассказчика: *И все это сделал Ковров?* = ‘И все это сделал тот, кого вы назвали Ковровым?’ Не зависимо от того, включен ли *Ковров* в нашу референтную рамку или нет, данная именная группа будет иметь референтное употребление. Но тогда возникает закономерный вопрос: на чем же основывается референтность именной группы и существуют ли относительно строгие критерии ее определения?

Отношения между категориями референтности/генеричности и определенности/неопределенности, с нашей точки зрения, наиболее точно описал Gladrow (1979), который исходит из того, что речь идет о двух различных семантических категориях, одна из которых (референтность) обусловлена логико-семантическими, а другая (определенность) — коммуникативными признаками высказывания. Связь данных категорий такова: для генерических именных групп не существенна оппозиция определенности — неопределенности, а это значит, что данная оппозиция выделяется только в рамках референтности. Чтобы быть определенной или неопределенной, указывает Gladrow, аргумент должен иметь конкретный, выделенный денотат, который существует в описываемой ситуации (1979, 33–35). При первом упоминании предмета в артиклевых языках употребляется неопределенный артикль, при следующих упоминаниях — определенный артикль. Если же именная группа употреблена генерически, то подобная замена артиклей не про-

исходит, ср.: нем. *Weigert langweilte sich jetzt häufig. Er suchte einen Hund, der ihm Gesellschaft leisten sollte... Als er schließlich einen Hund gefunden hatte, konnte er sich nicht mit ihm anfreunden (Baýgept теперь часто скучал. Он искал собаку, которая бы составила ему общество... Но когда он, наконец, нашел собаку, он не мог с ней подружиться)*. В первом случае именная группа *ein Hund* употребляется нереферентно, а во втором случае — референтно, но, несмотря на повторное упоминание, используется неопределенный артикль, который означает, что в качестве референтного символа именная группа выступает в данном тексте впервые.

Следует обратить внимание на то, что данные наблюдения касаются только аргументов, которые обозначают единичные объекты. В лингвистике получила широкое распространение точка зрения, согласно которой “референция понимается как функция, ставящая в соответствие выражению языка один и только один объект” (Баранов 1993, 128). Согласно Чесноковой (1992, 8–9), единичность противопоставляется множественности как определенное количество неопределенному. Эта идея заимствована из теории дескрипций Рассела (1982, 48), ее же более широким философским контекстом является номинализм, исключающий возможность именованя сущностей.

Это лингвистическое положение, однако, с очевидностью противоречит естественной речевой практике, в которой могут именоваться не только единичные предметы, но и совокупности предметов, и даже свойства и признаки предметов, ср.: *Этот студент написал талантливую научную работу; Эти студенты посещают кружок зарубежной литературы; Кто это сделал; Этот твой прыжок был очень красивым* и т.д. Если мы ограничим универсум референтов именных групп только множеством единичных предметов, мы искадим картину реальности, о которой Пуанкаре писал: “Физиологи учат нас, что организмы образуются из клеточек; химики прибавляют, что сами клеточки образуются из атомов. Значит ли это, что эти атомы или клеточки составляют реальность или по крайней мере единственную реальность? Тот типичный способ, по которому упорядочиваются эти клеточки и который порождает единство индивидуума, не есть ли также реальность, гораздо более интересная, чем реальность отдельных элементов?..” (1990, 213).

Количественная характеристика лексической номинации аргументов позволяет выделить единичные и множественные аргументы (Булыгина, Шмелев 1987, 204), ср.: *Ученик читает книгу и Ученики прочли книги*.

Множество в языковом сознании предстает как совокупность объектов того или иного таксономического класса в количестве больше одного. Холодович (1978, 174) различал 12 типов множественных объектов, отраженных в естественном языке: конеч-

ное — бесконечное, конкретное — дискретное, однородное — неоднородное, арифметическое — алгебраическое, тотальное — партитивное множество, предметное множество — множество предметов (ср. классификации других авторов: Булыгина, Шмелев 1987; Гносеологические 1969, 130; Горский 1962, 67; Крумова 1987, 15-16; Уемов 1978; Feleszko 1978, 6; Leinfellner 1978). В данной работе предлагается классификация множеств, которая адаптирована к целям описания квантификации:

1. Множество.
- 1.1. Партитивное множество.
- 1.2. Гипонимическое множество — *люди*.
- 1.1.1. Дискретное множество.
- 1.1.2. Адискретное множество — *вода*.
- 1.1.1.1. Упорядоченное множество.
- 1.1.1.2. Неупорядоченное множество — *листья*.
- 1.1.1.1.1. Статическое множество.
- 1.1.1.1.2. Динамическое множество — *спектакль*.
- 1.1.1.1.1.1. Объект-система.
- 1.1.1.1.1.2. Система объектов — *команда*.
- 1.1.1.1.1.1.1. Однородное множество — *бусы*.
- 1.1.1.1.1.1.2. Неоднородное множество — *город*.

Гипонимическое (виртуальное) множество в данной системе соответствует тотальному множеству у Холодовича, а под динамическим понимается сентенциальное множество.

Приведенная выше типология множеств построена с учетом их имманентных признаков. Функциональные свойства характеризуют множество как единую совокупность объектов и, в частности, проявляются в его отношениях к другим множествам (Горский 1985, 67; Любищев 1977, 135; Марков 1982, 47; Панфилов 1982, 312; Пете 1981b, 342; Смирнов 1978, 80; Ферстер 1965, 8). По функциональным признакам можно различать: суммативные — интегративные, дистрибутивные — коллективные множества. Суммативные множества функционально не отличимы от составляющих их элементов, но функция множества является результатом суммирования функций подмножеств. Эта характеристика суммативных множеств называется аддитивностью. Так, объем книги складывается из объемов глав, размер квартиры — из размеров отдельных комнат и т.д. Интегративные множества не сводимы к механической сумме их составляющих и, помимо аддитивных, характеризуются эмергентными признаками, которые не совпадают с признаками частей, например: *Большая Медведица имеет форму ковша — *Часть звезд Большой Медведицы имеет форму ковша*.

Дистрибутивные (разделительные) множества характеризуются возможностью применения признака множества к его элементам, ср.: *Дети уснули — Павлик уснул*. Коллективные (собира-

тельные) множества не допускают трансфера признака совокупности на уровень элементов, например: *Дети переговаривались* — **Павлик переговаривался*.

С точки зрения границ множества различаются четкие и нечеткие множества. В нечетких неоднородных множествах элементы обладают разным коэффициентом совместимости с общим характеристическим свойством множества (Заде 1976, 10). В нечетких однородных множествах варьируется коэффициент совместимости объема и содержания множества, что нашло отражение в известных парадоксах “лысого” и “кучи зерна” (Борель 1923, 85; Ajdukiewicz 1960, 138).

Вслед за Тарским (1948, 107) можно также различать множества по степени сложности: множества 1-й степени состоят из первичных элементов, множества 2-й степени — из множеств 1-й степени сложности, множества 3-й степени — из множеств 2-й степени сложности и т.д.

Имеются два типа представления множества: термовое (эмпирическое), которое задается списочно (т.е. перечислением его элементов), и дескриптивное (качественное), которое характеризуется общим признаком (Греллинг 1935, 7; Караулов 1976, 109; Липс 1902, 46; Лейкина 1979, 38; Степанов 1981, 15; Schwarz, Chur 1993, 143). Ср.: *Сижу на пятом этаже, И все мое добро* — *Табак, коробочка ТЭЖЭ И мягкое перо* (Корнилов), где сочинительная конструкция *Табак, коробочка ТЭЖЭ и мягкое перо* реализует термовое, а существительное *добро* — дескриптивное представление одного и того же множества.

В отличие от дескриптивных маркеров множества, для которых характерно, что объем обратно пропорционален содержанию, содержание и объем множества при термовом определении не различаются. Поэтому сочинительная конструкция как способ термового представления множества всегда сохраняет внутреннюю форму и не подвержена деэтимологизации.

Существуют синтетические и аналитические формы множественных аргументов. К первым относятся: грамматические значения (преимущественно) множественного и обобщенного единственного числа, ср.: *Тигры опасны; Белый медведь живет на севере*, а также собирательные существительные типа *листва*. Корреляции между грамматической и референциальной множественностью являются предметом обсуждения в обширной научной литературе (Арбатский 1954, 7; Булатова 1983, 120; Булыгина 1977, 156; Булыгина, Шмелев 1987, 204; Дегтярев 1987, 59; Кошечая, Лукашенко 1972, 50; Красильникова 1983, 107-120; Крумова 1987, 14; Ревзин 1969, 103; Руденко 1988, 48 и др.). Синтетическими формами множественных аргументов являются также слова, в лексическом значении которых содержится компонент ‘множество’,

которые Куайн называет “массовыми терминами” (1986, 60), например, *вода, обувь, город, армия, стадо* и др. К аналитическим формам множественных аргументов относятся: 1) конструкции с сочинительной связью, например, *отец и мать*; 2) конъюнктивные по содержанию конструкции с подчинительной связью, например, *отец с матерью*. Оператор конъюнктивности, таким образом, служит не только средством когезии высказываний в тексте, но и формой экспликации множественных аргументов, на что обращалось внимание в литературе (Бюлер 1993, 292; Wierzbicka 1969, 122).

С учетом разграничения единичных и множественных аргументов можно уточнить рассмотренную выше взаимосвязь категорий референтности и определенности. Как уже было показано, Gladrow рассматривает оппозицию определенности — неопределенности только в рамках референтности. На этом основании можно выделить три типа именных групп:

1. Референтные определенные, например: *Я знаю этого артиста*;
2. Референтные неопределенные, например: *Я встретил какого-то артиста*;
3. Нереферентные, например: *Владимир Андреевич — артист*.

Система множественных именных групп несколько сложнее. Во-первых, следует разграничивать понятия множества и подмножества. Во-вторых, номинативные характеристики множества и подмножества различаются. Множество, которое включает универсум объектов, обладающих указанным свойством, не представляет собой конкретного выделенного денотата, а значит, соотносимые с таким множеством аргументы являются нереферентными терминами. Вместе с тем генеричность обуславливает определенность подобных терминов, потому что множество является определенным в двух случаях: либо когда задано общее характеристическое свойство, либо когда перечислен его поэлементный состав (см. выше понятия дескриптивного и термового множества). Если о некотором множестве объектов известно, что условием вхождения в него является наличие признака ‘быть артистом’, то символ такого множества, например, существительное *артисты* обладает семантикой определенности, ведь мы всегда можем идентифицировать объект как элемент данного множества благодаря этому дескриптивному признаку. Крылов определяет имена генерических множеств как символы с “перманентной известностью” (1984, 124–154).

В высказывании *Киты — млекопитающие* словоформа *киты* обладает генерической определенностью: каждый предмет, идентифицируемый как кит, обладает свойством ‘быть млекопитающим’ (*Если x является китом, то x является млекопитающим*).

Иная ситуация в высказывании *Киты подплыли к самому кораблю*, которое нельзя трансформировать в виде импликации **Если x является китом, то он подплыл к самому кораблю*. В этом случае существительное *киты* обозначает уже не универсальное множество, а подмножество китов. Для того, чтобы символ этого подмножества был определенным, требуется его дополнительная характеристика, например, с помощью местоимения: *Исследуемые нами киты подплыли к самому кораблю*.

Реализацию категории определенности/неопределенности в системе множественных именных групп можно представить в виде следующей иерархии:

1. Множество.
 - 1.1. Определенное множество.
 - 1.2. Неопределенное множество: *множество, группа, совокупность, (какие-то) предметы*.
 - 1.1.1. Дескриптивное множество: *дети*.
 - 1.1.2. Термовое множество: *Миша, Коля, Маша и Лена*.
 - 1.1.1.1. Определенное подмножество: *эти дети*.
 - 1.1.1.2. Неопределенное подмножество: *какие-то дети*.

1.1.2.2. Определение квантификации

Лингвистические определения квантификации, главным образом, основываются на постулатах логической семантики, в частности, логики предикатов. При этом не всегда учитываются особенности собственно языкового содержания КС, что, естественно, приводит к существенным теоретическим просчетам. Покажем это на конкретных примерах.

Большинство исследователей связывает квантификацию с понятием экстенционала (экстенсии) предиката — множества индивидов, по отношению к которым предикат, по терминологии Тарского, выполняется. Если имеется формула $P(x)$ и область значений переменной x составляют индивидные константы a, b, c , то экстенционал предиката P конгруэнтен подмножеству множества индивидных констант a, b, c , относительно которого высказывание с этим предикатом имеет истинностное значение, т.е. истинно или ложно. Косеска-Тошева, Гаргов рассматривают квантификацию как свойство предиката, а именно — “наложение (или установление) ограничений на экстенсию предиката в различных ситуациях, в которых он участвует” (1990, 21; см. также: Dörpke 1985, 45; Hlavsa 1975, 72). Однако данный подход и сам термин “квантификация предиката”, по нашему мнению, некорректны: КС семантико-синтаксически связаны непосредственно с аргументами, ср. *весь день, каждое лето, некоторые ошибки*. Это касается

и кванторных словоформ, которые занимают приглагольную синтаксическую позицию: *всегда опаздывает* = 'каждый раз, когда приходит, опаздывает'. Чейф справедливо подчеркивает, что КС — особые маркеры значений существительных (1975, 234).

Другим существенным недостатком определений приведенного типа является то, что в них не уточняется характер ограничения экстенсии предиката, в чем также нельзя не усмотреть влияния логики: кванторы в логике предикатов (как указывалось выше) являются единственной категорией операторов, выполняющих функцию ограничения области значений переменной. В отличие от логики, в естественном языке понятие, выраженное дескрипцией, может быть ограничено несколькими способами, ср. ряд примеров с нарицательным существительным *книги*: *новые книги, какие-то книги, четыре книги, эти книги, мои книги, все книги, некоторые книги, много книг, несколько книг* и т.д. Эта особенность языковой семантики не отражена в определении Ревзина, который включал в категорию квантификации “элементы, ограничивающие ту область, на которую распространяется высказывание”, т.е. определял квантификацию слишком широко (1978, 142).

Наконец, некорректно связывать квантификацию только с экстенсией предиката, потому что КС определяют ту долю исходного, известного говорящему до акта передачи информации множества, которая участвует в событии, а ведь событие является референтом всего высказывания в целом. Так, в высказывании *Некоторые люди постоянно опираются о дверной проем* КС *некоторые* обозначает не частичный объем универсального множества людей в экстенсии предиката *опираться*, а относительное количественное участие множества *людей* в ситуации *X-ы постоянно опираются о дверной проем*, которая обозначается высказыванием как целостной коммуникативной единицей.

В понимании Ревзина КС определяют, “для каких термов из соответствующей предметной области выполняется предикат” (1978, 142). Из этой характеристики не вытекает, что квантификация представляет собой именно категорию количественной, а не качественной семантики. Казалось бы, этого недостатка лишены приводимые далее определения:

“Пропозиции соответствует класс высказываний, получаемых в результате подстановочной операции: $P(x) — P(a), P(b), P(c)$ и т.д. Квантификация устанавливает, какое количество высказываний из этого множества истинно” (Tokarz 1986, 134);

“Кванторами будем называть каждое выражение X естественного языка, которое указывает на определенное количество элементов множества, представленного в высказывании

переменной *У*, к которой относится выражение *X*" (Vertulani 1990, 180);

"Эти выражения (КС. — А.К.) обозначают, для какого количества предметов выполняется высказывание, произносимое после них" (Grzegorzczuk 1975, 25; см. также: Karolak 1986, 65).

Общим недостатком определений этого ряда является то, что они не позволяют различать единицы семантически нетождественных подклассов категории количества, прежде всего — КС и числительные.

Как считает Lakowa (1987, 102), смысл квантификации состоит в том, что из ограниченного или неограниченного множества объектов выбирается один или все объекты, которым с помощью предиката приписывается некоторое свойство. Однако, во-первых, высказывание здесь отождествляется с предикатом, а во-вторых, объем категории квантификации неоправданно ограничивается только всеобщностью и единичностью — из рассмотрения исключаются маркеры относительной квантификации, например, такие, как местоимение *некоторые*.

В концепции, которую предлагает Karolak, "квантор обозначает множество индивидуальных предметов, к которым в соответствии с истиной можно произносить данный предикат, или множество значений аргументной переменной, для которых предикат выполняется" (1986, 66; см. также: 1989, 22). Помимо неприемлемого отождествления предиката и высказывания, Karolak, как и Wierzbicka (1969, 126), трактует квантификацию как метаязыковой предикат. Так, высказывание *Все дети пошли в кино* в соответствии с данным подходом получит интерпретацию: 'Предикат *пойти* может быть при условии истинности произнесен по отношению ко всему множеству детей'. Подобные интерпретации носят, однако, чисто "технический" характер и могут быть использованы лишь как металингвистическое средство представления языкового материала. Объективное языковое сознание не оперирует, конечно же, концептами типа "предикат" или "произносится при условии истинности" — сами эти понятия и соответствующие им термины могут быть носителем языка неизвестны и недоступны.

Вторым существенным недостатком определения Karolaka и многих подобных является заимствованная из логики экспансия признака истинностного значения: денотативный статус высказывания признается только тогда, когда оно обладает значением истины или лжи. Это положение применительно к естественному языку представляется ошибочным. Истина/ложь являются лишь фрагментом семантической структуры высказывания-констатива (декларативного высказывания), а именно — составляют категорию эпистемической модальности. Высказыва-

ния с референтными аргументами могут быть лишены истинностного значения, если они функционируют в качестве перформативов, ср. *Руки вверх!* Такие высказывания могут содержать также КС, например: *Все поднимите руки вверх!*

Одно из наиболее точных определений квантификации, с нашей точки зрения, предложил Крылов (1984, 124–154). В его концепции кванторная семантика состоит в установлении отношения актуального множества, о котором сообщается в высказывании, и исходного множества объектов, характеризующегося перманентной или окказиональной известностью для коммуникантов. Вместе с тем автор не уделил внимания именно количественной стороне этого отношения, а ведь множества могут быть сопоставлены как по содержанию, так и по объему. Автор выделяет три типа отношений актуального и исходного множеств: сужение, отождествление и расширение, — однако комментирует и иллюстрирует только первое из них (1984, 140–141). Если сужение может рассматриваться как тип представления относительной квантификации, то отождествление и расширение, с нашей точки зрения, лишены корреляций с кванторной семантикой. Так, абсолютная квантификация основана на отношении исходного множества к референтному, а не актуальному (см. далее), ср.: *Все дети Ивана — музыканты*, где общекванторная семантика устанавливает равенство объемов множеств {дети Ивана} и {дети Ивана, которые являются музыкантами}. Поскольку исходное множество в сфере квантификации выступает экзистенциальной нормой референтного множества (см. раздел 1.2.1), а относительный объем референтного множества, маркируемый КС, не превышает этой нормы, то выделяемое Крыловым отношение расширения также оказывается за пределами собственно кванторной семантики — впрочем, из-за отсутствия примеров трудно судить, какой конкретный смысл вкладывал автор в понятие расширения.

Из высказанных замечаний вытекает, что квантификация нуждается в новом лингвистическом определении. С одной стороны, это определение должно учитывать ту общую семантическую основу, которая характеризует квантификацию в логике и в естественном языке; с другой стороны, необходимо отразить и те “сокровенные” языковые свойства КС, которые проявляются в речевом материале, но отсутствуют в системах логической семантики.

КС выполняют в структуре высказывания семантическую функцию, которую нельзя представить без анализа ее синтагматического контекста. Этот контекст составляют синтаксическая (пропозитивная), дескриптивная, референтная (денотативная) и детерминативная функции. Определим их с помощью формального языка логики предикатов.

Синтаксическая функция аргумента (семантическая

функция в узком значении):

$$x = f_1 P \quad (1.7)$$

Синтаксическая функция, контрагентом которой является предикат, обуславливает место аргумента в пропозиции:

(1.8)

(1.9)

Эта функция, контрагентом которой является открытая пропозиция, характеризует аргумент посредством его отнесения к некоторому виртуальному онтологическому классу, ассоциирует его с

(1.10)

где участвующий в событии с отношением P объект характеризуется как такой, который обладает свойством Q .

Благодаря дескриптивной функции аргументы входят в таксономические (семантические) классы (лексико-семантические группы) — парадигматические ряды с общей тематической семантикой (Щерба 1974, 203; Караулов 1976, 36; 1981, 148-151), ср.: *сутки* — тема “Время”, *город* — тема “Место”, *страх* — тема “Чувство” и т.д. Словоформы одного и того же таксономического класса могут выполнять в высказывании разные синтаксические функции, что убедительно показал Helbig (1992, 164-165). Ср. высказывания, в которых существительные одного и того же таксономического класса (“Место”) обозначают различные типы аргументов: нем. *Der Zug fuhr nach München* (Поезд уехал в Мюнхен) — директив; *Die Bomben zerstörten die Stadt* (Бомбы разрушили город) — пациентив; *Helmut arbeitet in München* (Гельмут работает в Мюнхене) — локатив.

Независимость семантико-синтаксических функций словоформ от их принадлежности к таксономическому классу, однако, лишь относительна — эти семантические признаки в определенной степени взаимосогласованы, например, агентивная синтаксическая функция коррелирует с таксономической семантикой одушевленности (Гак 1972, 375; см. также раздел 1.1.2.1). Ограничения, которые накладываются в высказывании на таксономические характеристики аргументов, называются их селективными признаками (Міхневіч 1976, 130-151; Богданов, 1983, 7; Gramatyka 1984a,

ми (Міхневіч 1976, 130–151; Богданов, 1983, 7; Gramatyka 1984a, 53). Нарушение селективных правил построения высказывания обусловлено либо метафорическим употреблением отдельных словоформ (Богданов 1977, 75; Максапетян 1990, 24–25), либо изменением онтологического дискурса (Киклевич 1992g, 43–46; 1993d, 17–18).

Дескриптивная функция обуславливает потенциальную истинность высказывания. Ср. выражения: *Что-то обладает каким-то свойством; Железо электропроводно; Фарфор электропроводен*. В первом аргумент (как и предикат) дескриптивно не определен, поэтому высказывание не может быть ни истинным, ни ложным — отсутствует возможный мир, с которым оно могло бы быть потенциально соотносено. Второе и третье высказывания обладают истинностным значением (одно — истиной, другое — ложью), потому что их аргументы содержат указание на определенный таксономический класс одного из возможных миров (физической реальности). Проблема истинностного значения в высказываниях с дескриптивными аргументами зависит только от того, способен ли субъект идентифицировать таксономический класс и найти тот возможный мир, с которым соотносимо высказывание, но само существование такого возможного мира уже предусматривается дескриптивной функцией.

Лексемы *полный* и *пустой*, несмотря на семантическое сходство с КС типа *весь* и типа *ничто*, выполняют именно дескриптивную функцию и в семантической структуре высказывания могут быть представлены как включенные предикаты (в традиционной терминологии их можно характеризовать как качественные атрибуты), ср.: *Девушка принесла полное ведро воды* = ‘Девушка принесла воду, которая находилась в ведре, которое было полным’.

Референтная функция аргумента:

$$x = f_3 (P (x) \quad (1.11) \\ Q (x))$$

Эта функция, контрагентом которой является открытая пропозиция с дескриптивным аргументом, определяет денотативный статус аргумента. Если дескриптивная функция обуславливает потенциальную истинность высказывания, то от референтной зависит то, какой именно характер будет иметь истинностное значение. В высказываниях с нереферентными терминами реализуется аналитическая истина, которая основывается на логических связях, в частности, на содержании пропозициональных связей (логических союзов), как, например, в выражении *Кит — млекопитающее*, которое можно трансформировать в виде импликации: ‘Если предмет является китом, то он является млекопитающим’. Высказывания с нереферентными аргументами отражены в следующей

формуле:

$$P(x) = Q(x) \rightarrow P(x) \quad (1.12)$$

В высказываниях с референтными именными группами реализуется синтетическая истина, которая основана на эмпирической соотнесенности высказывания с конкретной ситуацией и конкретными, индивидуализированными объектами. Такая истинность достигается в результате актуализации высказывания и его аргументов, ср. формулу (1.13), где [A] — актуализатор:

$$P(x) \quad (1.13)$$

$$Q(x)$$

$$[A](x)$$

Формула читается: 'x, который обладает свойством Q, такой который индивидуализирован (соотнесен с референтной рамкой говорящего), обладает свойством P'.

Детерминативная функция аргумента:

$$x = f_4(P(x)) \quad (1.14)$$

$$Q(x)$$

$$[A](x)$$

Для символов подмножеств (и единичных объектов) эта функция устанавливает конкретное значение актуализирующего предиката (условно говоря — раскрывает в формуле квадратные скобки). Если аргумент включен в референтную рамку говорящего, т.е. коммуникативно, энциклопедически или ситуативно известен ему, то он обладает семантикой определенности (можно говорить о референтных определенных аргументах):

$$x = f_4(P(x)) \quad (1.15)$$

$$Q(x)$$

$$A(x)$$

Примером такого аргумента является словоформа *преступники* в высказывании *Эти преступники разоблачены*.

Другой подкласс актуализаторов, который выделяется благодаря детерминативной функции, обозначает неизвестность объекта одному из участников коммуникативного акта, ср.: *Приходила какая-то женщина*. Актуализатор *какая-то*, с одной стороны, указывает на то, что речь идет о подмножестве множества женщин (собственно, о подмножестве, состоящем из одного элемента). Это — референтная часть семантики данного неопределенного местоимения. С другой стороны, *какая-то* обозначает неспособность рече-

вого субъекта идентифицировать это подмножество — ничего более того, что упомянутый объект принадлежит к классу женщин, он сообщить не может. Это — детерминативная часть лексического содержания данного местоимения. Высказывания с неопределенными референтными аргументами обобщены в формуле:

$$x = f_4 \left(\begin{array}{l} P(x) \\ Q(x) \\ \neg A(x) \end{array} \right) \quad (1.16)$$

Значение неопределенности реализуется также в тех случаях, когда идентификатор подмножества или единичного референта именной группы вообще отсутствует, как, например, в высказывании *За домом был сад*, где словоформа *за домом* характеризуется коммуникативной определенностью, а словоформа *сад* — неопределенностью, ср. трансформацию: 'То, что находилось за известным говорящему домом, был сад'.

При генерической определенности имеется ссылка на множество предметов, обладающих заданным свойством, т.е. детерминативная функция в данном случае совпадает с дескриптивной:

$$\begin{array}{l} P(x) \\ Q(x) \end{array} = P(x) \quad (1.17) \\ x \in M = \{x \mid Q(x)\}$$

Формула означает: 'x-ы, такие, которые относятся к множеству предметов, которые обладают свойством Q, обладают свойством P'.

Кванторная функция аргумента, контрагентом которой является открытая пропозиция с определенным аргументом, состоит в уточнении информации об идентифицированном множестве или подмножестве индивидов, которые являются участниками описываемого события. Например, в высказывании *В наши дни редко кому удастся придумать новую и интересную математическую игру* КС *редко кому* используется для количественной конкретизации значения аргумента *живущие в наше время люди, которым удастся придумать новую и интересную математическую игру*. В целом же данное высказывание означает: 'Существуют люди, которые живут в наше время, такие, которым удастся придумать новую и интересную математическую игру, и количество таких людей мало'.

Кванторной функцией обладают генерические или конкретно-референтные аргументы. В первом случае она может быть представлена так:

$$x = f_5 \cdot (P(x) \quad (1.18)$$

$$x \in M = \{x \mid Q(x)\})$$

Например, в высказывании *Все люди ошибаются* квантор ограничивает предметную область, совпадающую с генерическим множеством людей: 'Все такие, которые являются людьми, ошибаются'.

Применительно к аргументам с конкретно-референтным значением кванторная функция может быть представлена так:

$$x = f_5 \cdot (P(x) \quad (1.19)$$

$$Q(x)$$

$$A(x))$$

Итак, для реализации кванторной функции необходимо, чтобы аргумент высказывания был определен в синтаксическом, дескриптивном, референтном и детерминативном аспектах, т.е. КС применяются к аргументам с фиксированным отношением к конкретному предикату, конкретному таксономическому классу и конкретной определенной индивидуальной группе.

Сущность квантификации, таким образом, заключается в том, что она уточняет референциальную характеристику аргумента высказывания посредством указания на относительный объем обозначаемого им множества индивидов, в котором оно участвует в ситуации, описываемой высказыванием. Если под термином Тарского "выполнение высказывания" понимать его употребление в качестве констатива или перформатива, то квантификацию можно определить и как категорию слов, которые ограничивают тот объем множественного референта определенного аргумента, по отношению к которому высказывание выполняется как констатив или перформатив.

Значение категории квантификации имеет и градуальный аспект. С этой точки зрения кванторная семантика может быть определена как количественная степень участия соотносимого с аргументом множества индивидов одного из возможных миров в ситуации, описываемой высказыванием.

Мы установили, что КС выполняют функцию особых референциальных операторов, а именно — операторов количественной определенности множественных аргументов. Предстоит, однако, уточнить, в чем заключается семантическая специфика таких операторов, а также тот способ, которым КС достигают ограничения актуализованной предметной области. Для решения этой задачи будет использована теоретико-множественная модель.

В содержании высказывания с КС можно выделить три типа множеств:

- 1) исходное множество (M_1) — известная говорящему совокупность индивидов, содержание которой совпадает со значением связанного аргумента. Так, в высказывании *Некоторые жесты при рукопожатии нежелательны* имеется исходное множество {жесты};
- 2) актуальное множество (M_2) — класс индивидов, содержание которого определено посредством указания на его участие в ситуации, ср. {то, что нежелательно при рукопожатии};
- 3) референтное множество (M_3) — результат объединения содержаний исходного и актуального множеств, ср. {жесты, которые нежелательны при рукопожатии}.

В качестве количественных актуализаторов КС применяются к определенным множествам, но по характеру конкретизации их объема КС существенно отличаются от других количественных операторов — числительных и фреквентивных слов. Числительные сопоставляют объем референтного множества с объемом эталонного множества (подробнее см. в разделе 1.2.1). Так, высказывание *Двое студентов в нашей группе — спортсмены* может быть интерпретировано как ‘Количество студентов нашей группы, которые являются спортсменами, равно эталонному множеству из двух элементов’. Фреквентивные слова характеризуют объем референтного множества с точки зрения его соответствия некоторой ситуативной норме; например, высказывание *В нашей группе мало спортсменов* можно представить в трансформации ‘Объем множества предметов, которые являются студентами нашей группы, таких, которые являются спортсменами, невелико, т.е. меньше ожидаемой нормы’. КС определяют референтное множество посредством сопоставления его объема с объемом исходного множества. Так, в одной из известных работ указывается, что КС “показывают, какую часть от общего количества членов совокупности составляет количество участвующих в событии объектов” (Селиверстова 1964, 80). Булыгина, Шмелев трактуют квантификацию как категорию количественной оценки множества, которая определяет “количественное соотнесение референта именной группы с “исходным” (“объемлющим”) множеством” (1988а, 5; см. также: Труб 1990, 195).

Характер этого “количественного соотнесения” для разных подклассов КС, однако, варьируется — это касается и содержания операторов сопоставления, и его участников. Для одного типа кванторной семантики, который в дальнейшем будет определен как синтетическая квантификация (см. раздел 2.2.4.1.7), оператор количественного сравнения имеет значения ‘равняться’ — ‘не равняться’, а в качестве элементов количественного отношения выступают исходное и референтное множества. Функция КС в

этих случаях состоит в указании на то, совпадает или не совпадает объем референтного множества с объемом исходного. Ср.: *Все студенты нашей группы — спортсмены* = ‘Объем множества предметов, которые являются студентами нашей группы, таких, которые являются спортсменами, равен объему множества предметов, которые являются студентами нашей группы’; *Только некоторые студенты нашей группы — спортсмены* = ‘Объем множества предметов, которые являются студентами нашей группы, таких, которые являются спортсменами, не равен объему множества предметов, которые являются студентами нашей группы’.

В тех случаях, когда реализуется иной тип кванторного значения, в дальнейшем именуемый аналитической квантификацией, КС функционируют как операторы со значениями ‘пересекаться’ — ‘не пересекаться’, которые характеризуют отношения исходного и актуального множеств. Ср.: *По крайней мере некоторые студенты нашей группы — спортсмены* = ‘Множество предметов, которые являются студентами нашей группы, и множество предметов, которые являются спортсменами, пересекаются, т.е. имеют общие элементы’; *Ни один студент нашей группы не является спортсменом* = ‘Множество предметов, которые являются студентами нашей группы, и множество предметов, которые являются спортсменами, не пересекаются, т.е. не имеют общих элементов’.

Поскольку референтное множество само по себе является результатом пересечения объемов исходного и актуального множеств, то при аналитической квантификации фактически определяется, является оно пустым или не пустым, ср.: *По крайней мере некоторые студенты нашей группы — спортсмены* = ‘Множество предметов, которые являются студентами нашей группы, таких, которые являются спортсменами, не пусто’; *Ни один студент нашей группы не является спортсменом* = ‘Множество предметов, которые являются студентами нашей группы, таких, которые являются спортсменами, пусто’.

Таким образом, кванторная семантика указывает на ту часть исходного множества, которая актуализирована в ситуации. Например, высказывание *Все эти квартиры проданы* можно истолковать как ‘Для всех предметов, которые являются квартирами, такими, которые известны говорящему, верно, что они проданы’, что отражает формула:

$$\forall x \begin{matrix} Q(x) \\ P(x) \\ A(x) \end{matrix} \quad (1.20)$$

Поскольку наличие свойств у объектов обуславливает их принадлежность к классам (в логике свойства отождествляются с

классами), то это же выражение можно интерпретировать с помощью понятия множества: 'Для всех известных говорящему предметов, которые принадлежат к множеству квартир, верно, что они принадлежат также к множеству проданных предметов':

$$\begin{array}{l} \forall x \\ x \in M_1 \\ M_1 = \{x \mid P(x)\} \end{array} \quad \begin{array}{l} x \in M_2 \\ M_2 = \{x \mid Q(x)\} \end{array} \quad (1.21)$$

Приведенные выше предикатные формулы отражают семантическую бивалентность КС в естественном языке: их реализация обязательно учитывает виртуальную и актуальную информацию о множестве. Löbner (1990, 102) пишет о КС как о двуместных операторах, одно место при которых занимает терм, а другое — предикат. Это дает основание квалифицировать кванторную функцию в семантической структуре высказывания как регулятор отношений исходного и актуального множеств:

$$x = f(M_n R M_m) \quad (1.22)$$

Категориальное свойство семантической бивалентности КС является важным дифференциальным признаком этого класса лексических единиц. Семантическая бивалентность не позволяет употреблять кванторную семантику в качестве предикативного — признака — КС реализуются как определители аргументов только в контексте уже актуализованных предикатов. Числительные, количественные (фреквентивные) наречия и количественные существительные этой бивалентности лишены, что позволяет употреблять такие слова в качестве предикатов (именных частей составных сказуемых), например: *Их было четверо; Их было много; Их была тьма; *Они были многие; *Они были все* (см. также: 2.2.1.1).

1.1.3. Дистрибутивные свойства квантификации

В естественном языке квантификация реализуется при выполнении ряда синтагматических и трансформационных условий, которые зависят от содержательных характеристик связанных кванторами аргументов. В качестве категориальных свойств КС далее будут рассмотрены: 1) экзистенциальность, 2) субстанциальность, 3) множественность, 4) аддитивность, 5) факультативность, 6) дескриптивность и 7) определенность.

1.1.3.1. Условие экзистенциальности

Одно из важнейших свойств всех количественных слов естественного языка, включая квантификацию, — условие экзистенциальности, которое состоит в том, что предметная область связанной переменной не должна быть пустой (Brykczynski 1990, 213; Reis 1977, 132; Weiss 1977, 242). Это означает, что связанный аргумент обязательно выступает в качестве субъекта экзистенциальной пресуппозиции или, как пишет Хинтиikka (1981, 47), пустые термы исключены из рассмотрения, ср.: *В некоторых мифах овца выступает как искупительная жертва*, пресуппозиция *Существуют мифы*.

Характеризация объекта может включать указание на то, что́ они есть, и на то, что они е́сть (Слинин, Сергеев 1979, 86). Условие экзистенциальности в выражениях с КС обусловлено номинативной природой высказывания: пропозиция, составляющая семантический каркас высказывания, представляет собой функцию, устанавливающую “соответствие между предметами некоторой предметной области, для которой она имеет смысл, и истиной или ложью” (Горский 1962, 72). Из этого определения вытекает существование “предметов некоторой предметной области”, для которой высказывание имеет смысл. Экзистенциальная пресуппозиция осуществляет презентацию онтологического “меню”, ориентирует высказывание относительно конкретного дескриптивного (а иногда и дискурсивного) возможного мира.

К особенностям реализации свойства экзистенциальности в естественном языке следует отнести то, что в высказываниях с квантором существования экзистенциальный глагол дублируется в ассерции и пресуппозиции, ср.: *Существуют нерадивые студенты*, пресуппозиция *Существуют студенты*. Однако его семантико-синтаксический статус различен. Во-первых, экзистенциальный глагол выполняет кванторную функцию и может быть заменен квантором другого грамматического типа, например: *Некоторые студенты нерадивы* (Селиверстова 1988, 104; Karolak 1990, 108). В этом случае, отмечает Паде (1985, 20), часть противопоставляется целому. Во-вторых, экзистенциальный глагол может выполнять также функцию бытийного предиката (Аругюнова, Ширяев 1983, 28–30) и тогда замены на КС не допускает, ср.: **Некоторые студенты*.

Если высказывание имеет несколько экзистенциальных пресуппозиций и в их содержании дублируются общие элементы, то проквантифицирован может быть каждый из экзистентов, однако многократная квантификация (во избежание тавтологии) здесь нежелательна. Особенность данных выражений заключается в том, что варианты высказывания с квантификацией разных аргументов (например, агента и темпоратива) оказываются

семантически сходными. На явления этого типа обратила внимание Grzegorzycowa (1987, 137). Ср. (ее пример): выражения *Ciało puszczone spada zawsze na dół* и *Każde puszczone ciało spada na dół* являются результатом применения КС к аргументам высказывания *Puszczone ciało spada na dół* с пресуппозициями *Istnieją puszczone ciała; Istnieją odcinki czasu, kiedy się puszcza ciało*. Высказывание с темпоративным квантором *Дома были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином...* (Гоголь) может быть преобразовано в высказывание с субстанциональным квантором *...Все дома дома были с мезонином*.

Отношение экзистенциальных пресуппозиций, как, впрочем, и всех других, к истине/лжи особое: в рамках данного онтологического дискурса они обладают “вечной” истинностью, которая не изменяется в зависимости от истинностного значения асертивной части. Кроме этого, экзистенциальные пресуппозиции обладают также элементом субъективной истины — уверенностью говорящего в верности предпосылок сообщения. Анализ специальных эпистемических предикатов (пропозициональных установок), инкорпорируемых в экзистенциальные пресуппозиции выражений с КС, проведен нами в работе (Киклевич 1994а, 101–104).

Требование истинности пресуппозиций (включая экзистенциальные) выполняется не всегда, например, в высказываниях, на которые (хотя и в другом аспекте) обратил внимание Ицкович (1982, 54–55; см. также: Апресян 1990, 39–42; Бэбби 1985, 468; Филлмор 1988, 88–89; Birkenmaier 1979, 122–126; Růžička 1981, 4–7). Выражение *Сток талых вод не наблюдался* имеет пресуппозицию *Был сток вод*, а выражение *Стока вод не наблюдалось* — пресуппозицию *Стока вод не было*. Ср. также: *Мороз не чувствовался*, пресуппозиция *Мороз был* и *Мороза не чувствовалось*, пресуппозиция *Мороза не было*. С логической точки зрения пресуппозиции являются консеквентами импликации *Если сток вод наблюдался, то сток вод был*. При этом отношения между антецедентом и консеквентом соответствуют стандартным импликативным формулам логики высказываний:

$$p \rightarrow q \quad (1.23)$$

$$\neg p \rightarrow q \vee \neg q \quad (1.24)$$

$$\neg q \rightarrow \neg p \quad (1.25)$$

$$q \rightarrow p \vee \neg p \quad (1.26)$$

Ср.: *Сток вод наблюдался* \rightarrow *Сток вод был*; *Сток вод не наблюдался* \rightarrow *Сток вод был или стока вод не было*; *Стока вод не было* \rightarrow *Сток вод не наблюдался*; *Сток вод был* \rightarrow *Сток вод наблюдался или не наблюдался*. Истинная пресуппозиция *Сток вод был* является предпосылкой совокупности возможных миров, в том числе и альтернативных ($p \vee \neg p$). Ложная пресуппозиция *Стока вод не было* — это, соб-

ственно, уже не пресуппозиция, а условие, при котором определенное событие не наступает (*Стока вод не наблюдалось* = 'Сток вод не наблюдался, потому что его не было').

В зависимости от наличия/отсутствия отрицания в пресуппозитивной части высказывания меняется обоснование ложности его ассертивной части, ср.: *Мы не видели там ни одного фонаря* (пресуппозиция *Там были фонари*) и *Мы не видели там ни одного фонаря, потому что там не было ни одного фонаря*. В первом случае ложность высказывания обусловлена субъективными, а во втором — объективными факторами, ср.: *Несмотря на то, что там были фонари, мы их не видели* и *Поскольку фонарей там объективно не было, мы их не видели и не могли видеть* (подробнее см. в работе: Киклевич 1994а, 106-109).

КС дифференцируются в зависимости от контекста истинной или ложной пресуппозиции. Ср. высказывания *Мы не увидели всех горящих там фонарей* и *Мы не увидели ни одного горящего там фонаря*. Первое выражение содержит истинную пресуппозицию *Там были горящие фонари*, а второе — ложную пресуппозицию *Там не было горящих фонарей*. Возможностью актуализации в высказываниях с отрицанием при ложности экзистенциальной пресуппозиции характеризуются только отрицательные местоимения, хотя ложная пресуппозиция не является обязательным условием их употребления, ср. *Мы не увидели ни одного из горящих там фонарей*, пресуппозиция *Там были горящие фонари*.

1.1.3.2. Условие субстанциальности

Как отмечает Kąkolak (1990, 78), экзистенциальные пресуппозиции имеются только у тех компонентов высказывания, вместо которых может быть поставлена константа (т.е. имя собственное). Это означает, что условие экзистенциальности обуславливает другое важное свойство квантификации — условие субстанциальности. Это свойство КС заключается в том, что они применяются только по отношению к аргументам — символам участников и обстоятельств ситуации, которые составляют субстанциальную сферу того или иного онтологического дискурса. Условие субстанциальности отличает квантификацию в естественном языке от квантификации в некоторых редакциях логической семантики, которые допускают применение кванторов к предикатам (Klaus 1973, 303).

Дистрибутивное свойство субстанциональности запрещает употребление КС в контексте "чистой" предикативности (Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 74). Это означает, что в лексическом содержании связанного аргумента обязательно присутствует компонент 'предмет, который', или 'тот, кто', или 'такой, который', ср.: *Между*

высокими утесами мы обнаружили всех высадившихся на остров, где КС *все* применяется к аргументу со значением ‘те, кто высадились на остров’.

Ошибочна основанная на постулатах логической семантики точка зрения, согласно которой имена в сочетании с КС теряют референциальность и приобретают предикативную функцию (Kačolak 1990, 74). Так, в высказывании *Oni są lekarzami* существительное *lekarzami* выражает только признаковую семантику (“чистую предикативность”), что делает актуализацию КС невозможной, ср.: **Oni są wszystkimi lekarzami*, но *Oni wszyscy są lekarzami*.

В обсуждаемом здесь аспекте вызывают интерес включающие КС высказывания тождества и презентации, например: *Это — все наши сотрудники*. Было бы ошибочным квалифицировать *наши сотрудники* в этом выражении как квалитативный предикат. Данное высказывание отражает ситуацию демонстрации или отождествления демонстрируемых объектов с некоторым исходным множеством, ср. трансформацию: ‘Демонстрируются все те, кто является нашими сотрудниками’. Высказывание характеризуется в этом случае логической распределенностью (см. 1.1.1) — при инверсии субъекта и предиката значение полноты множества сохраняется: ‘Все те, кто демонстрируется, является нашими сотрудниками’.

В высказываниях тождества КС может функционировать как оператор рестриktivности, ср.: *Жители хутора были всеми моими собеседниками*, которое может иметь несколько преобразований: *Все, с которыми я общался, были жителями хутора; Я не разговаривал ни с кем, кроме жителей хутора; Только жители хутора были моими собеседниками*.

В лингвистической литературе можно, однако, встретить и термин “квантификация предиката” (вариант — “квантификация ситуаций”), который применяется для характеристики адвербиальных КС типа *всегда* и *везде* (Касевич 1988, 73–77; Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 34; Откупщикова 1979, 60; Dörrke 1985, 138; Grzegorzczukowa 1973, 84–88; 1976, 195; Lakowa 1987, 87). В соответствии с этим подходом, например, выражение *Она всегда сама разжигала огонь* может быть интерпретировано как применение темпорального квантора к серии ситуаций типа *Необходимо разжечь огонь*, ср.: *В каждой ситуации, когда необходимо было разжечь огонь, она делала это сама*.

КС широко используются для количественного определения сентенциональных (динамических) множеств, ср.: *Уверяли, что он разжился на торговле черными рабами, но все это не мешало ему прочно обосноваться в здешнем обществе* (Сологуб), где это — сентенциальный аргумент со значением ‘торговля черными рабами’. Однако в высказываниях с адвербиальными КС таксономическая характеристика исходного множества иная. Так, КС *всегда* является опре-

делителем не предиката, а аргумента с семантической функцией темпоратива, на что указывает и возможность его аналитического преобразования: *всегда — в любое время*, ср.: *Зал в этом театре всегда переполнен*, где *всегда* обозначает, что в каждом интервале времени, равном длительности спектакля в этом театре (или в каждый момент времени, когда начинается спектакль в этом театре), зал в этом театре переполнен, т.е. описываемая ситуация абсолютно совместима с рассматриваемым отрезком времени (или множеством моментов/отрезков времени). Высказывание *В Париже они всегда останавливались в "Рице"* может быть истолковано как 'В каждый отрезок времени, когда они приезжали в Париж, они останавливались в „Рице“, где КС относится не к предикату, а к предикатному аргументу со значением 'отрезки времени, когда они приезжали в Париж'. Разумеется, в данном высказывании можно усмотреть также сентенциальную семантику — указание на серию ситуаций типа *Они на некоторое время приезжают в Париж* благодаря экзистенциальной пресуппозиции *Существует серия ситуаций, когда они приезжают в Париж*. Однако квантификация этого сентенциального множества осуществляется не темпоративным, а немаркированным с тематической точки КС, например *каждый*, ср.: *Во время каждой поездки в Париж они останавливались в "Рице"*. КС *всегда* актуализируется благодаря наличию иной пресуппозиции, экзистентом которой является слово со значением времени, ср.: *Существуют отрезки времени, когда они находятся в Париже* (подробнее см.: Киклевич 1994d; Kiklewitsch 1995).

Условие субстанциональности для квантификации не означает, что связанный аргумент должен обозначать только материальные предметы (субстанции в прямом значении). Субстанциональность охватывает широкий круг эмпирических и концептуальных объектов: вещи, живые существа, события, состояния, а также различные субстантивированные обстоятельства событий и элементы "рефлексивной реальности" (термин Богина) — отрезки времени и пространства, условия, цели, способы действия, качества и количества и т.д., ср. сочетания *все деревья, каждый поэт, все лето, в некоторых местах, при любых условиях, по-всякому* и т.д. Именно поэтому сочетаемость с КС, как и сочетаемость с экзистенциальным предикатом, является дистрибутивным критерием субстанциональности (аргументности).

Впрочем, в естественных языках не исключена и возможность применения КС к предикатам, ср.: *Каждый его жест был изящным*, где действие квантора распространяется на предикат *жест*, ср. трансформу *Он всегда изящно жестикулировал*. Однако в подобных случаях предикат субстантивирован (семантически, а иногда, как с примером *жест*, и грамматически), что проявляется в его счетности (*жест — жесты*), и обязательно является включен-

ным, т.е. имеется предикат более высокого порядка, по отношению к которому предикат, связанный КС, выступает как аргумент. Ср. формальное представление приведенного высказывания:

$$\begin{array}{l} \forall P \qquad \qquad \qquad \text{Изящно (Жестикулировать)} \quad (1.27) \\ \text{Жестикулировать (P)} \\ \text{Жестикулировать (x)} \\ \text{Он (x)} \end{array}$$

Формула может быть прочитана: 'Для всех его действий, таких, которые являются жестами, верно, что они изящны'.

В речевом материале можно встретить употребление КС в сочетании с именами, которые не обозначают субстанций, например, чеш. *Pan K. nebyl žádný mladík*, что дает основание некоторым ученым допускать возможность присоединения КС к признаковым словам (Hlavsa 1975, 89). Однако такая трактовка не верна, потому что, как справедливо отмечает Падучева (1985, 210), в этих случаях происходит семантическая деривация КС (подробнее см. в главе 3). Характерной особенностью конструкций с подобной семантической деривацией является несчетность абстрактных существительных, с которыми сочетается КС, например: *Przy całej niemożności zapobieżenia zbrodni, znaczną część społeczeństwa cechowała obojętność* ("Tygodnik Powszechny". 1991/7); *Wie, gdzie chodzić w nocy niebezpiecznie, a gdzie można z całym spokojem* ("Polityka". 1991/12); *Z całym zatem bezwstydem umysłowym pragną poruszyć tę kwestię* ("Polityka". 1993/5). КС имеют в приведенных примерах переносные значения, которые относятся к категории интенсивности, ср.: *przy całej niemożności — wcale, absolutnie nie można; z całym spokojem — absolutnie spokojnie; z całym bezwstydem — absolutnie bezwstydnym*.

1.1.3.3. Условие множественности

КС применяются только к аргументам, которые обозначают множества индивидов (Селиверстова 1964, 80), и в этом заключается их дистрибутивное свойство множественности. Так, в высказывании *Принесите кто-нибудь воды* предполагается, что адресатом является группа лиц (Русская грамматика 1979а, 315). При несоблюдении этого условия употребление высказывания считается некорректным: — *Почитать значит признавать, что на этой планете я всех красивее, всех наряднее, всех богаче и всех умней. — Да ведь на твоей планете больше и нет никого!* (Экзюпери).

В современной лингвистической семантике, однако, распространен другой подход, при котором оппозиция единичных — множественных аргументов подменяется оппозицией

единичных и общих терминов. Так, в высказываниях *Jakiś chłopiec pyta już drugi raz, gdzie jest Anna*; *On zobaczył pewną kobietę w czarnej sukni*; болг. *Тя няма никакъв талант, Утре ще се срещна с един адвокат* усматривается квантификация аргументов *chłopiec, kobieta, адвокат, талант* (Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 91). Степанов интерпретирует высказывание *Некоторые студенты — философы* как ‘Существует такой x , что x является как студентом, так и философом’ (1981, 170–171), при этом, однако, не учитывая, что квантифицируемый аргумент имеет множественный характер, т.е. количество x -ов, являющихся студентами и философами, больше одного.

Данный подход может быть объяснен тем, что свойства и множества в логике не различаются, поэтому дескрипция ошибочно отождествляется с множеством.

Лишенное связи с множеством, КС может использоваться как оператор неопределенности, например, местоимение *jakiś* в высказывании *Jakiś chłopiec pyta już drugi raz, gdzie jest Anna*, в котором Grzegorzczukowa усматривает относительную квантификацию (1976, 195).

Структурным критерием разграничения КС и маркеров качественной определенности/неопределенности аргументов является тест на отрицание: поскольку малый квантор является отрицанием большого и наоборот, то квантификация в высказывании может фиксироваться только тогда, когда, во-первых, ее форма допускает отрицание и, во-вторых, при отрицании сохраняется категориальная кванторная семантика. Ср.: *Nieprawda, że Anna zna osobiście przynajmniej niektórych pracowników biura — Anna osobiście nie zna nikogo z pracowników biura* (в данном случае в высказывании выражается кванторная семантика), но *Nieprawda, że o to pyta jakiś chłopiec — o to pyta pijany sąsiad* (в данном случае в содержании высказывания кванторного значения нет).

Для того, чтобы в семантическом представлении высказываний с квантификацией формулами логики предикатов выделить дескрипции, которые выступают в качестве общего характеристического свойства исходного множества, мы используем символическое выражение $\{x \mid P(x)\}$ со значением ‘множество x -ов, таких, которые обладают свойством P ’, например:

$$\forall x \quad Q(x) \quad (1.28)$$

$$x \in M = \{x \mid P(x)\}$$

На объективный характер условия множественности указывает и “отрицательный” материал — сочетаемость КС с единичными аргументами приводит к семантической деривации КС, т.е. к изменению их категориальной семантики (Падучева 1985, 210), например: *Это будет тебе дорога в Маниловку; а Заманиловки никакой*

нет (Гоголь), где КС *никакой* в сочетании с единичным аргументом (именем собственным) употребляется в значении оператора категоричности. Количество переносных значений КС в формах единственного числа значительно превышает количество аналогичных значений форм множественного числа (подробнее явления этого типа будут рассмотрены в разделе 3.2.2.3).

В выражениях с глаголами *переболеть, перебраниться, перебивать* и т.п., как указывает Апресян (1974, 85), содержится кванторное значение, однако только в том случае, если подразумевается множественный аргумент — в противном случае происходит “зачеркивание” семантики глагола: **Он перебивал в Москве.*

1.1.3.4. Условие факультативности

Будучи единственным средством конкретизации значения переменной в логике предикатов, кванторы выполняют функцию оператора истинностного значения высказывания и, поскольку логическое высказывание обязательно характеризуется истиной или ложью, являются облигаторными компонентами логических выражений. В формулах с многоместными предикатами требуется, чтобы каждая переменная была связанной (проквантифицированной). Квантификация всех имеющихся в высказывании с многоместным предикатом аргументов называется многократной (Гаргов 1987, 456; Кинэн 1982, 244; Лакофф 1981, 313; МакКоли 1983, 182; Чарняк 1983, 178; Döppke 1985, 138; Koseska-Toszewa 1978b, 75; Lyons 1984, 153; Nozyska 1988, 133-156; Stanosz 1985, 43-50)

Это положение математической логики механически переносится некоторыми лингвистами и в область естественного языка. Его можно сформулировать так: в каждом высказывании с общими именами выражается квантификация (Döppke 1985, 126; Grzegorzczukowa 1973, 84; 1976, 195; Hlavsa 1975, 73).

Однако естественный язык не укладывается в эту схему, потому что отнюдь не каждое употребление аргумента сопровождается употреблением КС. В высказывании *Покупки Чичикова сделались предметом разговора* (Гоголь) отсутствует количественная конкретизация множественного аргумента *покупки* (это высказывание неверно было бы интерпретировать как *Все покупки Чичикова сделались предметом разговора* или как *Некоторые покупки Чичикова сделались предметом разговора*), а аргументы *Чичиков, предмет, разговор* не проквантифицированы как не имеющие множественного статуса. Ср. также отрезок текста, в котором только один из аргументов (*острова*) проквантифицирован: *Люди радовались. Среди них начиналось искусство. Они были нам близки. Они, наверное, пели. И песни их были слышны за озером и по всем островам. И желтыми пятнами колыхались огромные огни. Около них двигались темные точки толпы.*

Воды, бурные днем, делались тихими и лилово-стальными. И в ночном празднике носились по озеру силуэты челнов (Н.Рерих. “О старине моления”).

Чтобы включить подобные (кстати сказать, многочисленные) языковые факты в общую семантическую парадигму, некоторые исследователи вводят понятие “скрытой” (“невыраженной”), квантификации (Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 33–35). Существительное, таким образом, оказывается обреченным на квантификацию.

В идее криптоквантификации есть, конечно, рациональное зерно: квантификация, как и другие семантические категории языка, может быть выражена имплицитно, т.е. вытекать из семантических отношений между компонентами высказывания, а также из содержания, имеющегося в контексте. Так, в высказывании *Соседство этой женщины возбуждало во мне беспокойство совершенно напрасное*, которому в тексте предшествует *Кресло мое приходилось рядом с ложей первого яруса, в которой помещалась девица, предъясвлявшая такое изобилие телесных форм, которое невольным образом отвлекло меня от представления* (Салтыков-Щедрин), квантификацию выделять нельзя, потому что ни один из имеющихся аргументов не имеет множественного характера. Однако если намеренно изменить контекст и модифицировать семантическую структуру высказывания, то в ней появится элемент темпоральной квантификации, например: *В пансионате моей соседкой по этажу была девица, предъясвлявшая такое изобилие телесных форм, которое невольным образом отвлекло меня от работы. Соседство этой женщины возбуждало во мне беспокойство*, ср.: *Соседство этой женщины всегда/постоянно (пока я жил в пансионате) возбуждало во мне беспокойство*.

Условие факультативности при реализации КС заключается в том, что квантификация в естественном языке не принадлежит к числу грамматических категорий, которые должны быть с необходимостью выражены в речи — ее актуализация зависит от намерения речевого субъекта.

Практически во всех случаях исследователи рассматривают только экзистенциальное значение “скрытой квантификации” (Freundlich 1972, 29; Karolak 1990, 132; Quine 1990, 125–128), например: *Петя купил книгу* = ‘Существует книга, которую купил Петя’. Такая интерпретация, однако, не является кванторной: во-первых, не выполняется условие множественности — книга, которую купил Петя, не сопоставляется с каким-либо исходным множеством книг; во-вторых, не выполняется условие определенности (о котором речь пойдет дальше) — книга, которую купил Петя, не известна корреспонденту сообщения; в-третьих, семантика квантификации не проявляется при отрицании высказывания, ср.: *Не правда, что Петя купил книгу — он купил набор открыток*.

Свойство факультативности КС проявляется также в том, что получение сведений о квантификации множества может иметь вид принуждения к уточнению отсутствующей в одной из предшествующих реплик диалога информации о количественном участии того или иного объекта (объектов) в обсуждаемом событии, ср.: — *Надо убрать снег с тротуаров. — Со всех?*

Многократная квантификация в естественном языке реализуется чаще всего при условии дублирования типа количественного значения КС (полноты/неполноты, наличия/отсутствия), ср.: *Всегда везде были камеры* (Солженицын); *Он всегда принимает все близко к сердцу* (Житинский); *My wszyscy musimy całkiem zgolić wszystko* (Mroźek); *Wszystko jest we wszystkim* (Lem). Однотипность кванторной семантики является основанием для их введения в сочинительную конструкцию (Киклевич 1982, 86), например: *Мы все и повсюду — не такие, какие были раньше* (“Лит. газета”. 11 апреля 1990); *Było źle, ale nie zawsze i nie każdemu* (Passent).

Обязательность КС проявляется лишь в отдельных сочетаниях, например, с именными группами со значением дименсива: обозначение меры времени и пространства при этом сопровождается употреблением кванторов *весь, целый, каждый* (Золотова 1988, 153), Ср.: *Помилуйте, у Типякова совсем нельзя останавливаться! Шум, гвалт всю ночь* (Чехов) — **Шум, гвалт ночь; И снова тишина, готовая каждую секунду испугать чем-то* (Горький) — **И снова тишина, готовая секунду испугать чем-то; ...Он возил за собой чуть ли не всю войну* (Битов) — **Он возил за собой чуть ли не войну.*

1.1.3.5. Условие аддитивности

Условие аддитивности ограничивает актуализацию КС контекстом суммативных множеств (определение которых см. в разделе 1.1.2.3). Для множеств этого типа характерно, что имеющееся у них общее функциональное свойство может быть экстраполировано на любое подмножество, ср.: *Весь город сгорел — Пятый квартал города сгорел*. Лингвистический смысл аддитивности в высказываниях с КС состоит в том, что они представляют собой результат семантического объединения (индуктивного обобщения, суммирования, “слияния”) высказываний с аргументами, которые являются обозначениями отдельных подмножеств рассматриваемого множества, например: *Весь город сгорел — Первый квартал города сгорел, второй квартал города сгорел, третий квартал города сгорел и т.д.*

Условие аддитивности означает, что высказывания с общим и частным квантором взаимопреобразуемы, составляют бинарную парадигму, например: *Весь город сгорел — Часть города сгорела*. Данная характеристика квантификации позволяет квалифициро-

вать ее как категорию реляционного типа. Напротив, если параллелизм большого и малого кванторов невозможен, в большинстве случаев квантификация не может быть вообще актуализирована, ср: *Город называется Вена* — **Весь город называется Вена* — **Часть города называется Вена*. Именно отсутствие условия аддитивности запрещает присоединение адвербиальных темпоративных КС к качественным предикатам типа *знать*, *любить*, *понимать* и т.п. (Булыгина, Шмелев 1989, 55; Семантические 1982, 47), ср.: **Лена всегда/иногда знает английский язык*.

В высказываниях с нарушением условия аддитивности содержатся ложные пресуппозиции, поэтому высказывание не корректно, ср.: **Он снял с пальца часть кольца*, пресуппозиция *Невозможно снять с пальца только часть кольца*; **Иван повернул всю голову*, пресуппозиция *Нельзя повернуть только часть головы*.

Поскольку аддитивность и интегративность, как указывалось в разделе 1.1.2.3, являются функциональными характеристиками множества, то употребление КС связано не с конкретным списком существительных множественного числа, а с типами семантических отношений между исходным и актуальным множествами. Одно и то же множество в разных высказываниях может допускать либо не допускать возможность квантификации, ср.: *Вы испачкали все усы* — **Мне нравятся все Ваши усы*. Это же касается и лексического выбора предикатов: **Мне нравятся все Ваши усы* — *Мне нравятся все Ваши стихи*.

Имеются языковые факты, которые, казалось бы, противоречат свойству аддитивности КС. Ср. высказывания: *Некоторые химические элементы — металлы* — **Все химические элементы — металлы*; *Все люди смертны* — **Некоторые люди смертны*. Квантификация проявляет себя в этом случае как нереляционная категория, однако квантифицируемое множество остается аддитивным. Так, высказывание *Некоторые химические элементы — металлы* может быть получено в результате умозаключения по неполной индукции: *Если (железо — металл, и алюминий — металл, и платина — металл), то некоторые химические элементы — металлы*.

Высказывания типа *Все химические элементы — металлы* некорректны не в языковом, а в энциклопедическом аспекте — их правильность или неправильность зависит от онтологического дискурса или фрейма. Например, высказывание *Бабушка сварила весь суп* некорректно, если имеется в виду приготовление супа из свежих натуральных ингредиентов, и, напротив, корректно, если имеется в виду приготовление супа из консервированного концентрата. Корректность высказывания *Все граждане имеют доступ к средствам массовой информации* варьируется в зависимости от демократического или тоталитарного типа политической системы в государстве.

Таким образом, выражения с КС могут выступать в роли индикаторов возможных миров и индикаторов культур. Принципиально возможно поэтому построение кванторной модели культуры.

Одним из сопутствующих признаков условия аддитивности является объем исходного множества, ср.: *Он написал весь роман / *всю записку; Он прошел все 2 километра / *все два метра; Он прождал весь час / *всю секунду*. Высказывание в этих случаях корректно только по отношению к множеству, объем которого субъективно оценивается как относительно большой. Например, высказывание *Он прошел все два метра* некорректно применительно к здоровому взрослому человеку, но вполне корректно, если, например, речь идет о ребенке, который начинает ходить. Другим сопутствующим признаком свойства аддитивности является сложность объекта, ср.: *Он раскрыл весь пылесос / *все ножницы*.

При актуализации КС учитывается также однократный или многократный, мгновенный или продолжительный характер действия: **Вася случайно/вдруг порвал всю газету; Несколькими движениями Вася порвал всю газету на мелкие куски*.

1.1.3.6. Условие дескриптивности

Если аргумент не содержит дескриптивной функции, он не имеет полноценной лексико-семантической реализации — в этом случае аргумент выражен местоимением неизвестности или так называемым нулевым местоимением, ср.: *Я что-то нашел* = ‘Я нашел предмет, который я не могу идентифицировать’; *В дверь постучали* = ‘В дверь постучал человек, и мне не было известно, кто стучит’ (о семантических корреляциях неопределенно-личных высказываний и некоторых неопределенных местоимений см.: Теория 1991, 45). Применение КС к недескриптивным аргументам в естественных языках исключено, что и дает основание применительно к квантификации говорить о дистрибутивном свойстве дескриптивности. На объективный характер этого свойства квантификации указывают языковые примеры, в которых опорное существительное при КС отсутствует, что при дефиците контекстных факторов приводит к непониманию сообщения: — *О, Маврикий Николаевич все знает, его не конфузьте!* — *Что же знает?* (Достоевский); *Неужели все кончено?.. Что — кончено? Что — все?* (Битов); — *Że co? — Wszystko. — Dajżeż spokój, co to znaczy wszystko?* (Andrzejewski); — *Co pan oferuje ludziom, którzy chcą zorganizować kongres? — Wszystko. — Co to znaczy wszystko?* (“Polityka”. 1992/17).

На первый взгляд, рассматриваемое свойство КС кажется тривиальным. Целесообразность его описания объясняется принципиально иной ролью этого параметра в логической семантике.

Квантор в логике предикатов изначально вводится как оператор ограничения дескриптивно заданной предметной области, составляющей значение переменной в пропозиции, при этом исходная предметная область фиксируется в формуле, например:

$$\forall x \quad P(x) \quad (1.29)$$

$$x \in M$$

Поскольку же множество в логике отождествляется с общим характеристическим признаком, то символ множества в формуле обычно заменяется символом предиката. Однако на этом логическая абстракция не заканчивается: указание на исходное множество элементов вообще редуцируется:

$$\forall x P(x) \quad (1.30)$$

Эта операция объясняется тем, что область значений связанной переменной при исчислении кванторов, а также в рамках других структурных отношений между ними не существенна (Rasiowa 1975, 212). В формулах типа (1.26) квантор применяется к недескриптивному аргументу, о котором известно только его место в пропозициональной структуре: “Запись $\forall x P(x)$ означает, что ‘всякий x обладает свойством P ’, — пишет Костюк (1975, 44). Осуга (1989, 97–98) указывает, что истинностное значение предикатной формулы со связанными переменными можно определить и без подстановки вместо переменных единичных терминов, например, в формуле (1.31):

$$\forall x \exists y P(x, y) \quad (1.31)$$

Однако совершенно очевидно, что данное логическое выражение, как и его языковой аналог *Все субъекты выполняют действие P над некоторыми объектами*, даже при наличии кванторов не может быть ни констативом, ни перформативом — предметная область (множество индивидов), которая соотносится с переменными x и y и которая является контрагентом функции истинности, не задана.

В логике предикатов широко употребляются формулы с комбинированием кванторов и пропозициональных связок (Горский 1985, 90; Клини 1973, 165; Степанов 1981, 170; Dahl 1978, 95; Freundlich 1972, 31; Hall Partee 1978, 84–85; Karolak 1990, 92; Lyons 1984, 152; Schnelle 1973, 95; Semantik 1991, 40; Wall 1973, 100–103; Weinberg 1983, 187):

$$\forall x \in M \quad P(x) \leftrightarrow \forall x P(x) \rightarrow Q(x) \quad (1.32)$$

Первая часть формулы читается как ‘Для всякого x -а, такого, который обладает свойством P , верно, что он обладает свойством Q ’, а вторая часть формулы — как ‘Для всякого x -а верно, что если он обладает свойством P , то он обладает свойством Q ’. Высказывания с квантором существования интерпретируются с помощью формул, включающих оператор конъюнкции; вторая часть формулы (1.33) читается как ‘Существуют x -ы, которые обладают признаком P и признаком Q ’:

$$\exists x \in M \quad P(x) \equiv \exists x P(x) \& Q(x) \quad (1.33)$$

Однако при подобном семантическом представлении выражений с КС различия между тем, что называют “областью рассуждения”, и областью предикации нейтрализуются, поскольку пропозиции, соотносимые с исходным и актуальным множеством, локализируются на одном уровне семантической структуры высказывания. Формула (1.33) в силу симметричности конъюнкции может быть инвертирована:

$$\exists x P(x) \& Q(x) \leftrightarrow \exists x Q(x) \& P(x) \quad (1.34)$$

что является еще одним доказательством игнорирования логикой предикатов иерархичности семантики высказывания. На очевидность градации исходного и актуального множеств в высказывании указывают трансформации типа: *Некоторые дети опоздали в школу — Некоторые опоздавшие в школу — дети; Некоторые люди любят сидеть со скрещенными лодыжками — *Некоторые из тех, кто любит сидеть со скрещенными лодыжками, — люди*. При инверсии исходного и актуального множеств в естественном языке либо трансформируется смысл высказывания, либо оно становится некорректным. Семантическое представление высказываний естественного языка с помощью предикатных формул типа (1.32) — (1.33) справедливо критикует Дюкро (1982, 272).

Применение пропозициональных связей в предикатных формулах с кванторами некорректно еще и потому, что пропозициональные связи и кванторы выполняют хотя и сходные, но не одинаковые референциальные функции. Первые устанавливают истинностное значение сложного высказывания с учетом истинностных значений всех составляющих, ср. матрицу истинностных значений высказывания *Если данный химический элемент является металлом, то он электропроводен*:

Таблица 1.2

	электропроводен	не электропроводен
является металлом	1	0
не является металлом	1	1

В отличие от коннекторов, кванторы актуализируются при условии, что исходное множество обязательно существует в одном из дискурсивных возможных миров, а значит, логические предпосылки квантификации иные. Так, содержание квантора *все* в высказывании *Все металлы электропроводны* не имеет ничего общего с указанием на отношение к свойству “электропроводность” элементов, не являющихся металлами. Матрица истинностных значений высказывания с КС имеет вид:

Таблица 1.3

	электропроводен	не электропроводен
является металлом	1	0

Поскольку кванторы рассматриваются в логике в условиях недескриптивных аргументов, то закономерно, что они квалифицируются как референциальные актуализаторы высказывания, или операторы истинностного значения (Осуга 1989, 97; Kotarbiński 1986, 148; Rasiowa 1975, 211; Ziemiński 1987, 59). Эту точку зрения некоторые лингвисты необоснованно экстраполируют на область естественного языка (Падучева 1985, 134; Karolak 1989, 13). Так, Sgall считает, что чешское высказывание *Mladý člověk došel včera do místa* не имеет истинностного значения, а высказывание *Každý mladý člověk se musí učit u starších* обладает им именно благодаря употреблению КС (1986, 74–75).

В данной работе принимается другая точка зрения, согласно которой кванторы естественного языка нельзя квалифицировать как операторы истинностного значения высказывания, поскольку, во-первых, истинностное значение в естественном языке не является единственным показателем референтности, а во-вторых, КС не является гарантом применимости высказывания к конкретной ситуации, если предметная область связанного аргумента заранее не известна носителю языка. Приведенное чешское высказывание с КС содержит дескрипцию *mladý člověk*, которая соотносит аргумент с определенным таксономическим рядом, известным говорящему. Если заменить эту дескрипцию, например, символом *x*, то даже квантор будет бессилен спасти высказывание от неопределенности: *Každý x se musí učit u starších*.

Заданность исходного множества как условие введения квантора предусматривается в некоторых концепциях совре-

менной логики. Это множество называется “областью рассуждения” (Павилёнис 1975, 100), “предметной областью выбора” (Белнап, Стил 1981, 105), “областью поиска” (Хинтиikka 1980, 281), “интересующей нас областью” (Гладкий, Дрейзин 1983, 130), “исходным множеством” (Булыгина, Шмелев 1988а, 5–6). Актуализация области рассуждения является также условием употребления вопросительных (Рахилина 1990, 29) и других типов местоимений.

В теории кванторов Хинтиikka высказывание, содержащее семантику квантификации, без уточнения предметной области понять нельзя, ср.: **Существуют стулья* (1981, 261). Если переменная не определена, то выражение с квантором не имеет истинностного значения, подчеркивает Скотт (1981, 288–289). Если же выделить в предметной области D некоторые “точки соотнесения” (эти “точки соотнесения” Скотт называет также возможными мирами), то высказывание получит истинностное значение применительно к этим точкам.

В теоретико-игровой семантике Хинтиikka истинностное значение высказывания с квантором устанавливается в процессе диалога Субъекта с Природой. Задача Субъекта состоит в том, чтобы для выражения

$$\forall x \quad P(x) \quad (1.35) \\ x \in D$$

доказать истинность множества подстановочных примеров $P(a)$, $P(b)$, $P(c)$ и т.д. благодаря наличию известной ему индивидуальной области $D = \{a, b, c... n\}$, которая включает значения переменной x (1981, 281–309). Подобную методику описания квантификации предлагают также другие исследователи (Асанидзе 1981, 37; Белнап, Стил 1981, 105; Малкольм 1981, 272).

1.1.3.7. Условие определенности

Применение квантора к аргументу в высказывании $P(x)$, указывает Шиханович, не зависит от x , но зависит от P и от множества x -ов. Если исходное множество не “фиксировано”, то выражение $P(x)$ не является высказыванием (1965, 148). Одним из аспектов данной “фиксированности” является дескриптивная функция связанного аргумента, другим — его детерминативная функция. Условие определенности заключается в том, что квантификация актуализируется только применительно к определенным аргументам. Ср. пример, который приводит Gladrow: — *Что там такое? — Все мальчики дерутся* (Теория 1992, 202). Связанный аргумент *мальчики* является не только дескриптивно заданным (‘такие, которые являются мальчиками’), но и качественно определенным

— имеется в виду некоторое выделенное подмножество известных говорящему мальчиков. Ср. ряд аналогичных примеров:

...Приезжий отправился делать визиты всем городским сановникам (Гоголь), где КС количественно характеризует множество сановников в упомянутом ранее в тексте городе NN;

Привозная площадь была величиной с большое поле. В прежние время по базарным дням крестьяне уставляли ее всю своими телегами (Пастернак), где КС всю присоединяется к коммуникативно определенному аргументу ее;

Целуйтесь, никто не дрожи! (Заболоцкий); — Всем понятно? — Всем, — сказали все (Платонов); Кто-нибудь дайте ей лук (Володин), где КС никто, всем, кто-нибудь относятся к ситуативно определенным множествам лиц — адресатам сообщения;

Они перепробовали все слова, какие только приходили им на ум (Гауф, пер. Любарской), где проквантифицированный аргумент слова определен благодаря ассоциативным связям с определенными аргументами они и им.

Необходимо отметить, что определенность связанного аргумента далеко не всегда выражается с помощью специальных актуализаторов, наоборот — очень часто она обусловлена контекстом. Причем именно контекст является тем фактором, от которого зависит конкретно-референтный, а не генерический характер связанного аргумента, например: *Иван-царевич перелез через каменную стену и прокрался в белокаменные конюшни. Все сторожа спали (Фольклор)*. Выражение *все сторожа* не обозначает, конечно же, всех живших во времена Ивана-царевича сторожей, а лишь подмножество сторожей, которые находились в белокаменных конюшнях. Символ этого подмножества — аргумент *сторожа*, является определенным благодаря предупомнутости *белокаменных конюшен*. Этот же принцип лежит в основе определенности связанного аргумента *придворные* в высказывании *Пошел он дальше и увидел, что в зале лежат и спят все придворные* (Братья Гримм, пер. Петникова).

Речевые факты этого типа, при всей их, казалось бы очевидности и бесспорности, не согласуются, однако, с основными положениями господствующей в современной лингвистической семантике доктрины. Общепринятым считается подход, согласно которому КС применяются к неопределенным аргументам. “Квантифицированными являются имена предметов, конкретное участие которых в действии нельзя определить при речевом акте”, — указывает Giusti (1982, 4; См. Также: Grzegorzczukowa 1987, 133; Karolak 1990, 121; Palek 1965, 258; Weiss 1977, 242).

Данная концептуальная модель заимствована из логики, в которой кванторы применяются только к общим терминам (переменным) и которая вообще не интересуется выражениями, значение которых зависит от индивидуальных констант (Kotarbiński 1957, 147). В естественном языковом дискурсе как раз наоборот — подавляющее большинство высказываний имеет не качественную, а ситуативную семантику. В частности, ранее на материале корпуса выражений с сочинительной связью мы установили, что количественное соотношение ситуативных и общих высказываний приблизительно таково: 80 % — 20 % (Киклевич 1990b, 129).

В лингвистической семантике распространен подход, согласно которому КС трактуются как детерминаторы (операторы) денотативного статуса аргументов (Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 21; Падучева 1985, 85; Кронгауз 1984, 107; Крылов 1984, 139; Сулейменова 1985, 78; Giusti 1982, 5; Grzegorzczukowa 1987, 133; Karolak 1989, 7-9; Sgall 1986, 74). По определению Падучевой, “актуализаторы — это те слова... которые превращают общее имя в актуализованную именную группу. Например, из общего имени *молодой человек* можно получить именные группы *этот молодой человек*, *все молодые люди*, *какой-нибудь молодой человек*, которые либо предназначены для соотнесенности с объектом, либо имеют какой-то другой денотативный статус” (1985, 85). К лексемам, которые выражают референтный денотативный статус, относятся: 1) местоимения неизвестности, 2) слабоопределенные, 3) экзистенциальные, 4) универсальные, 5) отрицательные, 6) вопросительные местоимения. Среди нереперентных аргументов выделяются: 1) экзистенциальные, 2) универсальные, 3) атрибутивные, 4) родовые, 5) предикатные (Падучева, 1985, 90-101). Нельзя не заметить противоречивости этих классификаций: экзистенциальные и универсальные местоимения относятся и к числу референтных, и к числу нереперентных операторов.

Данная трактовка неминуемо приводит к признанию функционального единства категорий квантификации и определенности (Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 33; Sawicka 1978, 55). Grzegorzczukowa предложила вовсе отказаться от термина и понятия “квантификация”, заменив его термином “референция” (1992, 273; 1995, 120-123).

Можно различать два аспекта отношения этих категорий: 1) определенность в рамках квантификации и 2) квантификация в рамках определенности.

Первый подход заключается в построении “кванторной модели определенности”, а именно — в типологии кванторных значений по признакам определенности/неопределенности (Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 33-35). В данной модели кванторному значению единичности (которое фактически не является

кванторным, а рестриктивным значением) приписывается семантика определенности, а кванторным значениям экзистенциальности и универсальности — семантика неопределенности. При этом на материал естественного языка механически переносится идея Рассела о нерезерентности неединичных терминов. Применительно к естественному языку эта идея непродуктивна, поскольку и множественные аргументы способны обладать конкретной референцией, например: *эти шарики, мои книги*.

К недостаткам “кванторной модели определенности” следует отнести и то, что, с одной стороны, кванторы трактуются как референциальные актуализаторы высказывания, а с другой стороны, допускается, что они могут быть носителями семантики неопределенности.

“Кванторная модель определенности”, далее, нерепрезентативна — ее положение о том, что в высказываниях с квантором всеобщности выражается неопределенность (см. также: Русская грамматика 1979а, 366; Hlavsa, Svozilová 1969, 123; Ingarden 1972, 48), противоречит объективному речевому материалу, ср.: *Все поднимите руки вверх!*; *Пришло 10 человек, каждый имел при себе оружие* (пример из работы: Апресян 1974, 242) а также выражения, приведенные в начале этого раздела.

Другой подход характеризуется описанием маркеров категории определенности в терминах категории квантификации. Так, в артиклевых языках артиклям приписываются значения КС (Giusti 1982, 7; Schwinn 1989, 82; Semantik 1991, 42). Например, в высказываниях нем. *Ein Mann schläft* и *Jeder Mann, der einen Esel hat, schlägt ihn* усматривается относительная и абсолютная квантификация, что позволяет описать их с помощью формул:

$$\exists x \quad Q(x) \\ \{x \mid P(x)\} \quad (1.36)$$

где P — *ein Mann*, Q — *schlafen*;

$$\forall x \quad \forall y \quad R(x, y) \\ \{x \mid P(x)\} \quad \{y \mid Q(y)\} \quad (1.37)$$

где P — *ein Mann*, Q — *ein Esel*, R — *schlagen*. Ревзин критиковал такой подход, считая, что артикли обладают коммуникативным, а не когнитивным значением (1978, 165).

В безартиклевых языках кванторную интерпретацию получают указательные и неопределенные местоимения. Так, Grzegorzyczykova (1976, 193) трактует указательные местоимения *tam*, *tu*, *wtedy* как маркеры единичной квантификации, аналогично поступает Hlavsa (1975, 15). Неопределенные местоимения в лингвистических работах устойчиво ассоциируются с выражением квантор-

ной семантики экзистенциальности.

Уже в разделе 1.1.3.3 на конкретном фактическом материале мы показали, что неопределенные местоимения как носители семантики неидентифицированности объекта не имеют никакого отношения к квантификации. Хотя следует отметить, что местоимения этого типа способны манифестировать и кванторную семантику, однако уже без значения неопределенности (Giusti 1982, 4–5). Так, в высказывании *Кто-то из сотрудников остался в лаборатории, а кто-то ушел в бизнес* словоформа *кто-то* выполняет кванторную функцию: ‘Существуют сотрудники, которые остались в лаборатории, и существуют сотрудники, которые ушли в бизнес’. Неопределенные местоимения с кванторной функцией обозначают наличие элементов исходного множества в референциальной ситуации высказывания и при негации преобразуются в отрицательные, ср.: *Неправда, что кто-то из сотрудников лаборатории ушел в бизнес* ↔ *Ни один из сотрудников лаборатории не ушел в бизнес*.

Недифференцированную трактовку неопределенных местоимений как экзистенциальных КС справедливо критикует Wróbel (1987, 168–175). Мечковская указывает, что качественная неопределенность и количество референтов в системах славянских местоимений противопоставлены друг другу: “Достаточно высокая степень неопределенности предполагает и количественную неопределенность и, следовательно, плохо совмещается с указанием на количество референтов. Таким образом, дифференциация местоимений по признаку количества референтов <...> и дифференциация по признаку неопределенности в указании — это две разнонаправленные градации” (1988, 390).

Предлагаемая в данной работе модель квантификации основывается на постулате, согласно которому одним из условий актуализации КС является семантика генерической или конкретно-референтной определенности связанного аргумента. Напротив, КС не могут применяться к неопределенным именованным группам. Мы следуем утверждению Морриса, согласно которому кванторы в естественных языках “указывают, какое количество из класса, определенного тем или иным характеризующим признаком, надо учитывать” (1983, 60). С различными оговорками эта идея высказывается и другими исследователями (Булыгина, Шмелев 1988а, 9; Ницолова 1986, 183; Теория 1992, 202; Semantik 1991, 51; Vertulani 1990, 180). Так, высказывание *Вся соль кончилась* корректно только при условии, что имеется в виду некоторое подмножество соли, о котором говорящему известно больше, чем только то, что это — подмножество соли. Условие определенности связанного аргумента как категориальное дистрибутивное свойство квантификации подразумевается в концепции Крылова, который рассматривает функцию КС как установление отношений между актуальным и

исходным множествами объектов, причем под исходным множеством понимается “заранее известное множество объектов (разрядка моя. — А.К.), находящихся в общем поле зрения коммуникантов и выступающее в качестве смыслового источника для мысленного построения актуального множества” (1984, 140). Автор выделяет перманентную и окказиональную известность исходного множества, при этом окказиональная известность представлена действительной определенностью — на основе “актуального соприсутствия исходного множества в речевой ситуации”, и анафорической определенностью — возникающей в результате предупомянутости референта.

Lyons разграничивает три типа операторов: детерминаторы, квантификаторы и классификаторы (1989, 77–78). Для детерминаторов (например, артиклей) характерна семантическая функция конкретизации отнесения именных групп к объектам, функция идентификации обозначаемых объектов. Результатом применения актуализатора к именной группе является значение определенности. Квантификаторы, которые, как подчеркивает Lyons, ни в коем случае нельзя отождествлять с детерминаторами, выражают признаки, касающиеся объема множества или количества субстанций. Если детерминатор указывает на то, какой элемент или какое подмножество данного множества имеется в виду, то квантификатор информирует о том, к какому количеству фактов относится сообщение (1989, 79–80; см. также: Vednarek 1994, 15).

Некорректность часто встречаемого в литературе отождествления детерминаторов и КС имеет также дистрибутивно-структурное обоснование: единицы этих типов допускают параллельную актуализацию в одном и том же синтагматическом контексте, т.е. находятся в отношении контрастной дистрибуции, ср.: *все ее статьи, все предшествующие события, всегда в это время года, каждый такой поступок*. Контрастная же дистрибуция является показателем отнесенности языковых единиц к разным категориям. Miodunka вполне обоснованно рассматривает кванторные местоимения (обобщающие, отрицательные и некоторые виды неопределенных) отдельно от других типов местоимений, в том числе — определительных, указательных и притяжательных (1974, 79).

Дистрибутивное условие определенности именных групп при реализации КС проявляется также в “отрицательном” материале. Так, Birkenmaier объясняет несочетаемость копулятивных глаголов типа *наловил, нарвал* с КС (ср.: **наловил всей рыбы*) тем, что эти глаголы требуют неопределенных объектов (1979, 112).

Субъект бытийных высказываний, как известно, не определен (Арутюнова, Ширяев 1983, 21). Поэтому вполне естественно, что КС не сочетаются с такими субъектами, на что обратила внимание Ницолова (1982, 41–43), ср.: болг. **Всеки тигър съществува*;

**Някой тигър съществува.* КС может быть введено в высказывание с бытийным глаголом только при условии, что аргумент дополнительно конкретизирован маркером объективной определенности, ср.: болг. *Всички тези тигри съществуват; Всички тигри там още съществуват; Всички построени от Кольо Фичето църкви съществуват.*

Местоимение *целый* сочетается с существительными, денотат которых не конкретизирован, и именно на этом основании данная лексема не включается в число КС (Булыгина, Шмелев 1988а, 9; Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 122; Сулейменова 1985, 80), ср.: *У прапорщика была целая банка консервов — *У прапорщика была вся банка консервов.* Оценочную семантику в сочетании с неопределенными именами может выражать и польское местоимение *cały* (Chojak, Zagon 1991, 116–117; Schabowska 1967, 20–21; Киклевич 1992е, 31–32).

В семантической концепции Ревзина КС трактовались как когнитивные, а не коммуникативные единицы (1978, 143). Однако наблюдения над речевым материалом показывают, что КС не безразличны к коммуникативному статусу аргументов: помимо эпистемической или ситуативной определенности, КС характеризуются, как правило, также коммуникативной определенностью, которая состоит в упомянутах исходного множества в предшествующем контексте или в его тематичности, ср.: *Несколько баб из Сурса — все надели красные башмаки* (Орбели); *Mamy tu kilku prawników. Wszyscy pracują przy łopatach* (Hen). Причем данным свойством КС отличаются от числительных, которые добавляются и к неопределенным терминам

Связанный квантором аргумент не всегда может входить в рематическую часть высказывания. Ср. высказывание *Я ожидал, что в комнате взрослые, но оказалось, что там — дети.* Если множество детей предварительно не характеризуемо, применение к нему кванторного определителя невозможно — **Я ожидал, что в комнате взрослые, но оказалось, что там — все дети.* По этой причине нельзя согласиться с Дюкро, который усматривает в высказываниях типа *Пьер купил книги* экзистенциальную квантификацию объекта: ‘Существуют книги, такие, которые купил Пьер’ (1982, 274). Аргумент *книги* в этом случае не определен и составляет рему высказывания, которое могло бы быть интерпретировано в виде: ‘То, что купил Пьер, есть книги’.

Неопределенностью предикатного аргумента объясняется и невозможность употребления КС в некоторых высказываниях с союзным подчинением, ср.: **Я не заметил всего того, что в дом вошли какие-то люди* (подробнее см. раздел 2.2.1).

Невозможность употребления КС характерна для назывных высказываний, потому что здесь объекты впервые вводятся в фокус рассмотрения, ср.: *Зеркальные шкафы. Комоды. Диваны. В обоях*

*клопы. На столах тараканы (Холин) — *Все зеркальные шкафы; *Некоторые диваны.*

Мы уже указывали на то, что генерическая определенность базируется на заданности множества, т.е. на некотором дескриптивном признаке, который без ограничения может быть применен ко всем элементам данного множества. Наличие в только что приведенной дефиниции КС *ко всем* — сигнал того, что в самом содержании генеричности имеется кванторная семантика. Высказывание *Киты — млекопитающие* подразумевает, что имеется в виду не какое-то подмножество китов, а все существующие киты, т.е. возможна трансформация: 'Киты (а я имею в виду все предметы, такие, которые являются китами), являются млекопитающими'. КС в данной трансформе по своей семантической функции напоминает детерминатор, а именно — актуализатор значения определенности. Только применительно к подобным фактам и подобным трансформам можно было бы вслед за некоторыми исследователями (Zagon 1995, 20 и др.) относить КС к метаязыковым операторам. Однако с содержанием КС в естественном языке такая квалификация не имеет ничего общего. Во-первых, потому, что в высказывании *Киты — млекопитающие* и т.п., собственно, нет ни одного КС. Во-вторых, потому, что КС являются единицами асертивной части высказывания, а квантификация в контексте метаязыкового предиката относится к пресуппозитивной семантике высказывания. Так, в высказывании *Все хорошие философы имеют плохих жен* квантификация реализуется дважды — как собственно квантификация и как метаквантификация, ср. трансформу: 'Имеются в виду все предметы, такие, которые являются хорошими философами, и все предметы, такие, которые являются хорошими философами, имеют плохих жен'. При этом, являясь пресуппозицией высказывания, выражение *Имеются в виду все предметы, такие, которые являются хорошими философами* сохраняет свою истинность при отрицании асертивной части высказывания: 'Имеются в виду все предметы, такие, которые являются хорошими философами, и не все предметы, такие, которые являются хорошими философами, имеют плохих жен'.

1.2. Квантификация в парадигматическом аспекте

В разделе 1.1.2.4 отмечалось, что в некоторых лингвистических определениях квантификация объединяется с другими семантическими категориями языка. Этот факт косвенно указывает на существование объективных межпарадигматических отношений, в которые вступает квантификация в системе языка. Каждая

языковая единица амбивалентна: она одновременно входит в некоторое количество парадигм, которые могут быть сгруппированы в зависимости от степени абстрактности характеризующего их признака. Так, Солнцев различает большие и малые парадигмы (1977, 77–78). В зависимости от формата можно различать микро-, мезо- макро-, мегапарадигмы и т.д. Например, структура “лингвистического универсума” у Карпова включает множество иерархически упорядоченных парадигм: культура — литература — текст — композиция — словоформа — морфема и др. (1992, 44).

Одной из актуальных задач современной лингвистики является переход от описания отношений между отдельными знаками внутри языковых парадигм, с которым неплохо справилась структурная лингвистика, к описанию отношений между парадигмами, а именно — отношений между микропарадигмами внутри мезопарадигм, между мезопарадигмами внутри макропарадигм и т.д., т.е. к описанию отношений между отношениями. Некоторые теоретические и практические аспекты этого подхода разработаны в работе (Киклевич 1988а, 56–60).

Далее будет проанализировано место категории квантификации в структуре семантических макропарадигм количества, степени и истинности.

1.2.1. Квантификация и количество

Некоторые исследователи причисляют КС к маркерам категории количества, которая включает также числительные, грамматические формы числа, количественные местоимения, наречия и существительные, а также количественные синтаксические конструкции (Ильин, Смирнова 1973, 75; Bednarek 1994; Schabowska 1967, 5; Korešný 1962, 86). Так, Сепир писал, что квантор — это “выражение, представляющее некоторое количество” (1993, 386; см. также: Панфилов 1982, 231; Пете 1981b, 340; Уфимцева 1974, 162; Чеснокова 1992, 103; Nozsiscka 1978, 211; Vertulani 1990, 180; Weingich 1976, 199). Количественный характер КС проявляется в возможности их текстовой (анафорической) соотнесенности с вопросительным количественным местоимением, ср.: — *Сколько месяцев в году имеют 28 дней? — Все.*

Место квантификации в макропарадигме количества объясняется тем, что КС эксплицируют результат количественного сравнения исходного, актуального и референтного множеств объектов. Например, в высказывании *Из пяти участников соревнований медали получили только трое* объем исходного множества равен пяти элементам (‘количество участников соревнований равно пяти элементам’), а объем референтного множества — трем элементам (‘количество получивших медали равно трем элементам’). Это не-

равенство объемов множеств и лежит в основании относительной квантификации. Приведенное выше высказывание может быть преобразовано в выражение с малым квантором: *Только некоторые участники соревнований получили медали.*

Для описания квантификации в парадигматическом аспекте важны ее дифференциальные признаки в оппозициях к другим категориям. Ср. с этой точки зрения КС и числительные. Достаточно часто КС и числительные объединяются в один класс с общей категориальной семантикой (Максимова 1984, 457; Dörrke 1985, 118; Grzegorzczukowa 1973, 89; Vertulani 1990, 180 и др.). Земская (1992, 146) называет “квантификаторами” композиты с числительными типа *девятиэтажка, десятитомник*. Одной из предпосылок такого теоретического решения является то, что некоторые КС, как отмечают Зализняк, Падучева (1974, 32), подобно числительным, имеют только формы одного числа.

В данной работе отношения между КС и числительными трактуются иначе: данные классы слов, несмотря на содержательное сходство, составляют автономные языковые парадигмы с существенными дифференциальными признаками (ср. также: Уфимцева 1974, 162; Komárek 1978, 9; Lakowa 1987, 91; Karolak 1986, 65; Nozsiscka 1978, 213; Weinsberg 1983, 143). Обоснованием такого подхода может быть известный структурный принцип контрастной дистрибуции, о котором шла речь в предыдущем разделе: КС и числительные могут параллельно употребляться в одной и той синтагматической группе, ср.: *Возьмите все пять шариков*, где *все* — маркер относительного, а *пять* — абсолютного количества. Такая возможность параллельного употребления свидетельствует о том, что КС и числительные отражают разные аспекты количественного содержания аргумента и принадлежат к разным микропарадигмам в парадигме ‘количество’. На эту дистрибутивную сторону отношений между КС и числительными обращает внимание Bogusławski (1966, 50).

Дистрибутивная самостоятельность КС и числительных касается также их сочетаемости с объектом копулятивных глаголов, на что указывает Birkenmaier (1979, 109), ср.: *нарвал три охапки цветов; *нарвал 100 цветов; *нарвал все цветы; *нарвал все охапки цветов*. С другой стороны, КС могут сочетаться с именами адискретных множеств, а числительные — нет, например: *Весь сахар кончился; *Три сахара кончились*.

Wiśniewski (1990, 95–98) отмечает различие КС и числительных в конструкциях с сочинительными союзами, ср.: *Kupiłem pięć róż i goździków; Kupiłem wszystkie róże i goździki*. В отличие от высказывания с КС, первое выражение неоднозначно: имеется в виду, что субъект купил либо пять роз и пять гвоздик (всего — десять цветов), либо пять роз и гвоздик вместе (всего — пять цветов).

Вне счетности, как известно, нет количества (Русская грамматика 1979а, 311), и это правило строго соблюдается при сочетаемости числительных. Однако КС образуют синтагматические группы и с существительными, счетность которых не очевидна, например: *Все переживания оказались напрасными / *пять переживаний.*

Очевидным дифференциальным признаком КС и числительных является то, что категория числительных включает бесконечное множество количественных значений, а категория квантификации — только два: абсолютную квантификацию (в содержании лексем типа *все, каждый, любой, всякий*) и относительную квантификацию (в содержании лексем типа *некоторые, часть, иногда, местами*). Как пишет Карпов, “в силу чисто количественной (числовой) семантики числительные обладают максимальной деривационной способностью <...> Есть ряд базовых числительных от 1 до 10, все производные могут быть или словосложениями, или комплексами из двух, трех и более словоформ” (1992, 66). Для морфологии КС эта характеристика не пригодна.

Категории КС и числительных различаются также своим отношением к семантике определенности (хотя Hlavsa 1975, 46–47 рассматривает КС, числительные, количественные наречия, указательные местоимения в рамках категории определенности). Для квантификации, как показано в предыдущих разделах, характерно условие качественной определенности связанного аргумента, тогда как числительные могут применяться и к неопределенным аргументам, которые, в частности, занимают положение в рематической части высказывания, например: — *Что купил? — Два килограмма бананов / *все два килограмма бананов / *все килограммы бананов.* Условие определенности не позволяет присоединять КС к аргументам совместно с маркерами аппроксимативности, например: **Я купил все две-три книги; *Я купил все приблизительно три книги.*

Если принять деление атрибутов на качественные и количественные, как предлагал Кореšný (1953, 115–116), числительные следует отнести к классу маркеров дескриптивной функции аргументов, которая реализуется в аспекте количества. В таком случае числовым выражениям в высказывании будет соответствовать статус включенных предикатов — синтаксическое свойство, присущее и для качественных атрибутов, ср.: *По пустынной дороге ехали три велосипедиста* = ‘По дороге, которая была пустынна, ехали велосипедисты, которых было трое’. Именно такую модель синтаксической интерпретации числительных предложил Bogusławski (1966, 52). Но КС требуют слишком большого количества разнообразных условий своей актуализации (т.е. дистрибутивно-семантически они слишком зависимы), чтобы функционировать в качестве предикатов, пусть и включенных. Так, в высказывании *Все велосипедисты ехали по пустынной дороге* нельзя выделить включенную

пропозицию **Велосипедисты, которые были все, ехали по пустынной дороге.*

Синтаксическая совместимость КС и числительных возможна только при условии, если аргумент высказывания обладает семантикой определенности, ср.: *На витрине было пять книг. Настя купила все эти пять книг.* В первом высказывании *пять книг* является неопределенным термином (и КС применить к нему нельзя, ср.: **На витрине было все пять книг*), а во втором — определенным термином, который упомянут в предыдущем сообщении ('пять книг, которые были на витрине и о которых шла речь'). Кстати, высказывание *На витрине было пять книг* интересно тем, что дистрибутивно-грамматической формой указания на неопределенность аргумента (субъекта существования, или экзистента) является единственное число глагольного предиката *было*. При замене грамматического значения единственного числа на множественное в высказывание вводится значение определенности аргумента, что позволяет применить к нему КС, ср.: *На витрине были все пять книг* (здесь предполагается, что о книгах уже шла речь в предыдущем дискурсе).

Языковая система требует сочетаемости КС с определенными именными группами и допускают подобную сочетаемость числительных. Некорректность некоторых выражений числительных с личными местоимениями, ср. **пять нас*, **десять их*, **сто вас*, Мельчук объясняет тем, что "местоимение-заместитель 3-го лица (*он, она, оно, они*) <...> выполняет функцию всей именной группы, т.е. замещает *S*, взятое вместе взятое со всеми его рестриктивными определениями и атрибутами, а также дополнениями; следовательно, подобные зависимые и не должны выступать при местоимении" (1985, 74). Однако с этой точки зрения нельзя объяснить существования выражений типа *Их было пятеро; Возьмите все эти пять шариков* (некоторые из них приводит и сам Мельчук) — в данном случае аргумент определен (известен говорящему), однако его семантическая сочетаемость с числительным вполне корректна. Для объяснения подобных языковых фактов следует, видимо, принять другую версию, которую упоминает Мельчук: сочетания числительных с личными местоимениями регулируются собственно синтаксическими правилами (1985, 73).

Если рассмотреть определенность в рамках макропарадигмы количества, как это делал Сепир (1993, 395; см. также: Пете 1981b, 344; Šikra 1991, 85), то окажется, что количественные значения в этом аспекте можно структурировать в виде градуальной оппозиции (см. таблицу 1.4).

Таблица 1.4

Тип количественного значения	Характеристика количественного значения	Тип выражения
номинальное количество	соотношение с числовым рядом	числительные
	единичность/множественность	грамматическое число
реальное количество	соотношение с исходным множеством	КС

Наиболее конкретную количественную информацию о множестве передают числительные, а наименее конкретную – КС.

Спорным является вопрос о принадлежности к категории квантификации количественных наречий *несколько, много, мало*. По мнению Ondrus'a (1969, 14–17), количественные наречия не соответствуют грамматическим признакам числительных. Как считает Супрун (1969, 24–25), будучи количественными словами, данные единицы не имеют фиксированного отношения к числовому ряду: *много* вообще не имеет верхнего числового предела, числовые значения *несколько* варьируются в интервале между 3 и 20, а значения аналогичных лексем в других славянских языках – в интервале между 3 и 10 (Тополиньска 1987–1988, 32). Однако, как и числительные, количественные наречия, в отличие от КС, не характеризуются условием определенности и в высказывании могут быть преобразованы в предикаты, ср.: *В этом направлении идет много электричек* = 'Электричек, которые идут в этом направлении, много' или 'Количество электричек, которые идут в этом направлении, большое'. Напротив, если условие определенности соблюдается, количественное слово выражает кванторную функцию, например: *Многие дамы были хорошо одеты и по моде...* (Тоголь), где имеются в виду дамы известного нам города NN. Кроме того, количественные наречия, как правило, соотносят объем референтного множества не с объемом исходного множества, а с количественной нормой данного множества в ситуациях данного типа, другими словами, выражает так называемое оценочное количество. Так, в высказывании *В этом году мы собрали много грибов* словоформа *много* означает, что количество грибов, которые мы собрали в этом году, превышает ситуативную норму, т.е. количество грибов, которое обычно собирается или которое было собрано в прошлом году и т.д.

В макропарадигме "количество" можно выделить три основных подкласса, которые различаются нормой (или эталоном) количественного признака.

Номинальное количество (которое выражается чис-

лительными) соотносит объем данного множества с эталоном арифметического ряда. Как определяет Bogusławski (1966, 55), L — понятие арифметического ряда, которое актуализируется после произнесения некоторого числа. Например $L = 1, 2, 3$ после произнесения числа *три* (см. также: Супрун 1969, 5). Высказывание *В корзине пять яблок* можно интерпретировать как 'В корзине находится такое количество яблок, которое равняется объему эталонного множества из пяти элементов'. Семантику номинального количества в обобщенном виде отражает формула (1.38), где M_m — эталонное множество:

$$\begin{array}{ccc} \text{Num } x & \mathfrak{R} & \text{Num } x \\ P(x) & & x \in M_m \\ Q(x) & & \end{array} \quad (1.38)$$

Оценочное количество (которое выражается фреквентивными наречиями и существительными) соотносит объем данного множества с эталоном ситуативного ряда. Аристотель (1978, 64) квалифицировал это значение как 'соотнесение' и не рассматривал его в рамках категории количества. Высказывание, содержащее такое количественное значение, сопровождается эпистемической пресуппозицией о норме объема множества для ситуаций подобного типа (Чеснокова 1992, 101). Так, исходной предпосылкой высказывания *В доме было мало мебели* является некоторое количество мебели в доме, которое говорящий квалифицирует как норму. Ср. обобщенное представление этого количественного значения в формуле:

$$\begin{array}{ccc} \text{Num } x & \mathfrak{R} & \text{Num } x \\ P(x) & & P(x) \\ Q(x) & & \delta Q(x) \end{array} \quad (1.39)$$

которую можно прочесть как 'Количество предметов, которые обладают свойством P , таких которые обладают свойством Q , больше/меньше количества предметов, которые обладают свойством P , таких, которые в соответствии с нормой должны обладать свойством Q '.

Реальное количество соотносит объем данного множества с эталоном экзистенциального ряда — объемом исходного множества. Реальное количество может быть представлено формулой (при генерически определенном связанном аргументе актуализирующая пропозиция $A(x)$ избыточна):

$$\begin{array}{ccc} \text{Num } x & \mathfrak{R} \text{ Num } x & (1.40) \\ P(x) & Q(x) & \\ Q(x) & A(x) & \\ A(x) & & \end{array}$$

которая означает: 'Количество известных говорящему предметов, которые обладают свойством P , таких, которые обладают свойством Q , равно/не равно количеству известных говорящему предметов, которые обладают свойством Q '. Так, в высказывании *Только некоторые издатели отдают предпочтение массовой литературе* множество издателей, отдающих предпочтение массовой литературе, количественно сравнивается с множеством существующих издателей. С помощью КС *некоторые* (в сочетании с рестриктором *только*) адресат информируется о том, что эти множества не конгруэнтны. Маркеры абсолютной квантификации (обобщающие местоимения), напротив, обозначают равенство актуального и исходного (экзистенциального) множеств. Это сохранение экзистенциальной нормы в высказывании с абсолютной квантификацией отражается в семантической деривации некоторых КС: так, местоимение *cały*, помимо кванторного значения, в выражениях типа *On wrócił cały* обладает вторичной семантикой 'аутентичный, неповрежденный, соответствующий своей норме'.

1.2.2. Квантификация и степень

Парадигматически корреляции между квантификацией и степенью очевидны: квантификация может быть определена как количественная степень участия исходного множества индивидов в описываемой ситуации. Чеснокова 1992, 145 считает, что степень является разновидностью количественной семантики. Между некоторыми маркерами квантификации и степени имеется прямая этимологическая или словообразовательная связь, ср. *все — вовсе — совсем; cały — całkiem — wcale — całkowicie*.

Одним из примеров родственности рассматриваемых категорий являются отношения между квантификацией и грамматическим значением превосходной степени прилагательных и наречий. Кванторная семантика в качестве базового семантического компонента входит в представление выражений с суперлативом, например: *В этой деревне Макар самый богатый* ↔ *В этой деревне Макар богаче всех* = 'Макар превосходит всех других жителей этой деревни богатством'. Кванторный семантический компонент выполняет функцию оператора, превращающего значение компаратива в значение суперлатива. Некоторые польские формы суперлатива представлены в русском языке сочетаниями с КС, ср.: *naj-*

więcej — больше всего, najlepiej — лучше всего.

Отдельные исследователи трактуют это подобие КС и интенсификаторов как категориальное тождество и включают слова степени *большой, полный, почти, совсем, весьма* и др. в состав квантификации (Литвак 1984, 103; Разлогова 1980, 65). Такое решение, однако, не приемлемо, ведь общность квантификации и степени проявляется на уровне макропарадигмы, однако эти группировки слов обладают принципиально самостоятельными свойствами на уровне парадигмы. Так, согласно Червенковой, интенсификаторы с семантико-синтаксической точки зрения относятся к предикату, а КС — к аргументу (1975, 41; см. также: Věličová 1992, 119). Ср. высказывания *Корабль полностью погрузился в воду* и *Пловец совершенно выбился из сил*. В первом выражении словоформа *полностью*, несмотря на приглагольную синтаксическую позицию, выполняет кванторную функцию — она семантически характеризует подлежащее, ср. семантически сходное высказывание *Весь корабль погрузился в воду*. Во втором выражении словоформа *совершенно* как в поверхностно-синтаксическом, так и в глубинно-семантическом аспекте определяет предикат, преобразование в выражение с КС было бы в этом случае некорректным: **Весь пловец выбился из сил* или **Пловец весь выбился из сил*.

Слова степени могут актуализироваться в контексте неаддитивных множеств, а КС, напротив, требуют условия аддитивности. Так, системный объект, референт существительного *прораб* как носитель окказионального признака 'быть пьяным' характеризуется интегративностью, что отражается в плане его дистрибуции с КС и интенсификаторами: *Прораб был совсем пьян — Прораб был немного пьян — Прораб был несколько не пьян; *Прораб был полностью пьян — *Весь прораб был пьян — *Прораб был частично пьян — *Часть прораба была пьяна*.

На некорректность объединения КС и слов степени в одну парадигму указывает и возможность их прямой сочетаемости друг с другом — контрастная дистрибуция, ср. *почти все, ровно ничего, абсолютно всегда*. Семантика степени, которая, в частности, является функцией редупликации словоформ в высказывании, сопровождает и повтор КС, ср. *все-все-все, ничего-ничегошеньки, nic a nic, nigdy, przeniędy*. В письменном тексте для дополнительного выражения семантики предельности употребляются специальные невербальные средства, например, разрядка или изменение шрифта, ср.: *Kiedyś przeżył taką chwilę, w której mu się wydawało, że w s z y s t k o zrozumiął* (Hen).

Имеется оппозиция глаголов со значением каузации малой и максимально большой степени изменения состояния объекта, например: *притушить — затушить, пригасить — загасить, приоткрыть — закрыть*. Эту оппозицию, скорее всего, можно квалифицировать

как кванторную. В семантическом толковании этих глаголов присутствуют кванторные элементы, ср.: *Притушите фонарь* = ‘Сделайте так, чтобы в фонаре горела только часть пламени’; *Затушите фонарь* = ‘Сделайте так, чтобы все пламя в фонаре не горело’. Поскольку кванторное значение инкорпорировано в содержание глагола, то, естественно, что поверхностно-синтаксическое дублирование КС не корректно, ср.: **Затушите весь фонарь*. Впрочем, это правило имеет оговорки. Ср. высказывания *Затушите костер* и *Затушите фонарь*. В первом выражении объект квантификации и объект каузации совпадают — это пламя костра, во втором — могут не совпадать, если субъект непосредственно воздействует не на пламя фонаря, а на имеющуюся на его корпусе специальную вращаемую головку. Далее, в первом выражении предполагается многократное воздействие на пламя костра, во втором — однократное воздействие на пламя фонаря. Наконец, в первом высказывании весь костер охвачен пламенем, а во втором — только часть фонаря — фитиль. Эти семантические факторы обуславливают возможность либо невозможность употребления КС в контексте предиката *затушить* и т.п., ср.: *Затушите весь костер*; **Затушите весь фонарь*. В принципе, допустимо и корректное выражение *Затушите весь фонарь* — если имеется в виду, что горит фонарь как целостный объект (например, кто-то поджег его, облив бензином).

Аналогичные семантические характеристики имеют глаголы *приоткрыть*, *закрыть* и их адвербиальные соответствия *настежь* и *наглухо* (Кіклевіч 1993e, 33). Высказывания *Окно раскрыто настежь* и *Окно закрыто наглухо* обозначают положения дел, которые получены в результате воздействия на окно, однако не прямо на раствор окна (который и является объектом квантификации), а на конструктивные элементы окна как агрегата (например, в результате воздействия на ручку и створки окна). Если говорящий произносит высказывание *Вы закрыли все окно* или *Откройте все окно*, они будут корректны только в том случае, когда объект каузации и объект квантификации различаются — объект каузации совпадает с инструментом, который не принадлежит окну как агрегату, ср.: *Она раздвинула шторы и открыла все окно*; *Отодвиньтесь — своей головой вы закрыли все окно* (где такими инструментами являются шторы и голова).

Некоторые глаголы “изменения функционального состояния” составляют только конверсивные оппозиции, например: *запечатать* — *распечатать*, *настроить* — *расстроить*, *задернуть* — *отдернуть*, *запахнуть* — *распахнуть* и т.п. (Копыленко, Попова 1989, 42–43), отсутствие градуальности в подобных оппозициях означает отсутствие кванторной семантики в содержании их компонентов.

Если обобщить некоторые лингвистические исследования

степени (Кржижкова 1974, 124; Червенкова 1977, 123; Věličová 1992, 120; Šikra 1991, 100-101), то можно дифференцировать несколько функциональных классов этой категории:

- 1) чрезмерная — достаточная — недостаточная степень (*чрезмерно, достаточно, недостаточно*);
- 2) высокая — низкая степень (*очень, не очень*);
- 3) превышающая норму — не достигающая нормы степень (*много, мало*);
- 4) предельная — непредельная степень (*совершенно, почти*);
- 5) достигшая — не достигшая нормы степень (*абсолютно, не совсем*).

Кванторные значения также могут быть структурированы в аспекте семантики степени (Тондл 1975, 105; Löbner 1990, 75): семантика обобщающих местоимений соотносится с максимальной степенью — как писал Сепир (1993, 387), “в данном контексте квантифицируемое не следует мыслить как способное к количественному росту”; семантика неопределенных местоимений соотносится со средней, а семантика отрицательных местоимений — с минимальной степенью. При этом необходимо отметить, что максимальная степень означает экзистенциальную норму множества.

1.2.3. Квантификация и истинность

В макропарадигме истинности, кроме кванторов, имеются рестрикторы и юнкторы. Рестрикторы, которые выражаются частицами, определяют отношение высказывания к альтернативным дескриптивным возможным мирам. Например, в выражении *Только плохой врач затрудняется в постановке диагноза* частица *только* выполняет рестриктивную семантическую функцию: она соотносит высказывание с множеством врачей, которые не являются плохими, и указывает, что по отношению к этому возможному миру данное высказывание ложно, ср.: *Хороший врач не затрудняется в постановке диагноза*. Напротив, частица *и то*, как отмечает Санников (1990, 217), не передает информации об остатке множества, ср.: *Петя — отличник, и то он не решил задачу* = ‘Петя — отличник; Петя не решил задачу; ожидалось, что Петя решит задачу’.

Частицам посвящена большая лингвистическая литература. Один из наиболее авторитетных специалистов в этой области Николаева отмечает, что для функционирования языковых единиц данного типа обязателен пресуппозитивный фон (1985, 82-99), например: *В нашем классе только Маша носит длинные волосы*, пресуппозиция *Другие девочки нашего класса носят короткие волосы* (см. также: Щур 1988, 74; Nozsicska 1988, 129; Wierzbicka 1991, 379).

Благодаря наличию пресуппозитивного фона, считает Rathmayr (1983, 198), высказывание может функционировать как косвенный речевой акт.

В структуре содержания частиц исследователи усматривают также элементы с другими семантическими функциями, например, модальные. Червенкова отмечает, что различие частиц *лишь* и *только* заключается в том, что первая предполагает градуированность множества и невысокую позицию выбранного элемента на шкале (1990, 78). В семантической интерпретации высказываний с частицей *даже* Падучева усматривает компонент деонтической модальности, ср.: *Даже первоклассники меня поняли*, пресуппозиция *От первоклассников это труднее всего было ожидать* (1985, 73).

Высказывания с частицами и КС имеют сходное семантическое представление. Например, Богуславский (1985, 86) предлагает формальную запись семантической структуры высказывания *Мальчик съел только персик*:

$$P(x, y) \text{ И } \neg \exists (y) \quad (P(x, y)) \quad (1.41) \\ y \neq \text{персик}$$

На естественный язык эта формула может быть переведена как 'Мальчик съел персик, и не существует предмета, который не являлся бы персиком, такого, который съел мальчик'.

Элемент отрицательной абсолютной квантификации усматривает в содержании нем. *nur* Dörpke (1985, 125), ср.: *In der Kiste liegen nur zwei Bälle* = 'В ящике лежат только два мяча и ничего больше'. Такие случаи Dörpke квалифицирует как качественное ограничение. Принципиально не отличается от этой интерпретация частицы *только* Гарговым (1987, 457): 'Существует объект со свойством *P*, и всякий другой объект со свойством *P* совпадает с ним'.

Рестрикторы непосредственно сочетаются только с маркерами относительной квантификации (*только некоторые, даже некоторые, *только все, *только никто, *даже все, *даже никто*) и играют важную роль в процессе функционирования КС (Киклевич 1989с, 52-54; 1996, 93-105; см. также 2.2.4.1.5).

Можно различать эксклюзивные и инклюзивные рестрикторы. Первые исключают истинность высказывания по отношению к альтернативному возможному миру, а вторые — включают возможный мир в число тех, по отношению к которым высказывание истинно. Типичными представителями этих групп являются частицы *только* и *даже*. Их семантика может быть в обобщенном виде отображена формально:

$$\text{Только } x \quad P(x) = P(x) \ \& \ \neg P(\neg x) \quad (1.42)$$

$$\text{Даже } x \quad P(x) = P(x) \ \& \ P(\neg x) \quad (1.43)$$

При отрицании маркеров относительной квантификации рестрикторы регулируют его направление: эксклюзивные рестрикторы сохраняют качество суждения, а инклюзивные изменяют, ср.: *Неверно, что только некоторые хорошие философы имеют плохих жен* \leftrightarrow *Все хорошие философы имеют плохих жен*; *Неверно, что хотя бы некоторые кондитеры жарят хворост на газовой плите* \leftrightarrow *Ни один кондитер не жарит хворост на газовой плите*. Подробнее роль рестрикторов в отрицании КС будет проанализирована в разделе 2.2.4.1.6.

Функция КС и рестрикторов в сообщении заключается в том, чтобы соотносить актуальные положения дел с виртуальными рядами их потенциальных участников. Аналогичную функцию, в сущности, выполняют и союзы: они фиксируют истинностные параметры сложного высказывания в логических возможных мирах типа: “все составляющие истинны”; “часть составляющих истинна, а часть ложна”; “все составляющие ложны”.

Связь между союзами и КС имеет и более конкретные контуры. В подстановочной интерпретации кванторов высказывание с КС трансформируется в высказывание с пропозициональной связкой, т.е. элементы логики терминов интерпретируются с помощью элементов логики высказываний (Асанидзе 1981, 37; Белнап, Стил 1981, 252; Павилёнис 1975, 90; Bachmann 1985, 127; Klaus 1973, 257; Tokarz 1986, 134). Так, выражения с абсолютной квантификацией преобразуются в конъюнкцию простых высказываний, а выражения с относительной квантификацией — в их дизъюнкцию:

$$\forall x \quad Q(x) \equiv Q(a) \& Q(b) \& Q(c) \dots \& \dots Q(n) \quad (1.44)$$

$$P(x) \quad P(a) \quad P(b) \quad P(c) \quad P(n)$$

$$\exists x \quad Q(x) \equiv Q(a) \vee Q(b) \vee Q(c) \dots \vee \dots Q(n) \quad (1.45)$$

$$P(x) \quad P(a) \quad P(b) \quad P(c) \quad P(n)$$

На этом основании квантификация квалифицируется как обобщение пропозициональных связок (Бессонов 1985, 55). Одни исследователи считают, что подстановочная интерпретация КС возможна только для конечных (регистрающих) множеств (Клаус 1960, 286), другие, напротив, указывают, что, когда множество бесконечно, использование квантора “позволяет удовлетвориться конечным выражением” (Grzegorzczuk 1975, 109; Kotarbiński 1957, 150). Горский отмечает, что квантификация бесконечных множеств реализуется в рамках умозаключения по неполной индукции (1985, 19), ср.: *Толя любит “Мамбу”, Коля любит “Мамбу” — все любят “Мамбу”*.

Hirst (1974, 133) предложил обратную операцию — использование КС как элементов семантического представления союзов. При этом, однако, следует учитывать, что союз как маркер кван-

тификации должен сопровождаться пресуппозитивной информацией о существовании исходного множества индивидов. Так, в выражениях с союзом *и* эта информация отсутствует, и, напротив, она является неотъемлемым компонентом выражений с союзом *и... и*, ср.: *Пришли X и Y* = 'Множество тех, кто пришел, состоит из X и Y'; *Пришли и X, и Y*, пресуппозиция *Имеется множество из X и Y* и пресуппозиция *Ожидалось, что придет X или Y*. В целом высказывание *Пришли и X, и Y* можно интерпретировать как 'Все объекты множества, состоящего из X и Y, пришли, и это больше ожидаемого объема'. Таким образом, в выражениях с союзом *и... и* помимо конъюнкции содержится абсолютная квантификация и оценочное значение 'больше ожидаемого'. Абсолютная квантификация соотносит объем участников ситуации с их экзистенциальной нормой (*X и Y*), а оценочное значение — с их пропозициональной нормой (*X или Y*).

На кванторные свойства некоторых союзов (*и... и*, *или... или*, *ни... ни* и др.) обратил внимание Санников (1989, 196). Он, в частности, указывает, что союз *и... и* включает значения 'больше нормы' и 'все'.

Если соединительный союз *и... и* коррелирует с семантикой абсолютной квантификации и может быть употреблен в контексте обобщающих местоимений, ср. *Пришли все: и X, и Y, и Z*, то разделительные союзы *или... или*, *либо... либо* коррелируют с семантикой относительной квантификации, ср.: *Придет кто-нибудь один: или X, или Y, или Z*.

Спорной является логико-семантическая интерпретация союза *ни... ни*. Широко распространена трактовка этого союза как соединительного (Русская грамматика 1980, 618; Санников 1989, 197–198). Однако, как представляется, имеется больше оснований для того, чтобы трактовать *ни... ни* как разделительный союз с обязательной отрицательной дистрибуцией (Киклевич 1988b, 21–22; 1990d, 52–55; исключения и их условия см. там же). Санников указывает, что "союз *ни... ни* синонимичен союзу *и... и*, но употребляется в отрицательном контексте", и называет его кванторный коррелят — отрицательные местоимения типа *никто*, *ничто*, *никогда* (1989, 198). Однако союзы *ни... ни* и *и... и* не являются семантически тождественными субститутами, ср.: *Не щадил ни себя, ни других* и *Не щадил и себя, и других* — первое высказывание может быть интерпретировано как 'Неверно, что щадил хотя бы одного из множества, состоящего из себя и других', а второе — как 'Для каждого из множества, в которое входили он и другие, было верно, что он не щадил их'. Логическое содержание первого высказывания включает антидизъюнкцию, а содержание второго высказывания — обратную конъюнкцию, ср. формулы:

$$\neg \exists x \quad Q(x) \equiv Q(a) \neg \vee Q(b) \neg \vee Q(c) \dots \neg \vee \dots Q(n) \quad (1.46)$$

$$P(x) \quad P(a) \quad P(b) \quad P(c) \quad P(n)$$

$$\forall x \quad \neg Q(x) \equiv \neg Q(a) \& \neg Q(b) \& \neg Q(c) \dots \& \dots \neg Q(n) \quad (1.47)$$

$$P(x) \quad P(a) \quad P(b) \quad P(c) \quad P(n)$$

Обобщающие и неопределенные местоимения как кванторные корреляты союзов *и... и* и *ни... ни* не являются взаимоотрицаемыми. Их семантическое сходство основано на том, что они выражают абсолютную квантификацию, однако обобщающим местоимениям свойственно значение полноты класса, а отрицательным — значение пустоты класса, которое является результатом отрицания неопределенного местоимения, ср.: *Неправда, что хотя бы часть населения поддержит такого президента ↔ Ни одна часть населения не поддержит такого президента* (подробнее об отношениях между абсолютной и относительной квантификацией см. в разделе 2.2.4.1.7).

Таким образом, основным функциональным классам в рамках категории квантификации (прежде всего — классам обобщающих, неопределенных и отрицательных местоимений) соответствуют три типа союзов: соединительные, разделительные и отрицательные.

Симметричность систем КС и союзов проявляется также в том, что в их лексическом содержании повторяются и некоторые дополнительные семантические признаки, например союз *ли... ли*, который обозначает, что “для описываемой ситуации различия между X-м и Y-м (членами, которые связаны союзом. — А.К.) не существенны — она имеет место при любых условиях” (Санников 1989, 117), семантически соотносим с КС типа *всякий, кто угодно, лишь бы кто, кто попало*, в содержании которых имеется признак качественной невыбранности элементов. “Особым случаем” употребления *и... и*, по Санникову, являются выражения, “где этот союз сближается по значению с разделительными союзами” (1989, 197). Именно в этом значении *и... и* может соответствовать КС *любой*, которое сочетает в себе семантику абсолютной и относительной квантификации (о чем речь пойдет в следующей главе), ср.: *Он уживется и с одним, и с другим, и с третьим ↔ Он уживется с любым из них*.

Семантическое различие между союзами *или... или* и *либо... либо* можно, видимо, объяснить их корреляциями с КС: *либо... либо* означает ‘говорящему известно, что только один элемент множества входит в ситуацию’, что соответствует значению сочетания *только один* (где *один* — маркер относительной квантификации с дополнительным значением единичности), а *или... или*, кроме указанного выше, имеет значение ‘говорящему не известно, какой из

элементов множества примет участие в ситуации', что соответствует семантике КС типа *кто-то*, которые, помимо квантификации, выражают субъективную неопределенность. Вполне объяснимой является некорректность выражений типа **Кто-то, либо Ньютон, либо Паскаль уже описывал это явление* (пример Санникова) — в таких случаях семантика субъективной истины в содержании союза противоречит семантике неопределенности в содержании КС.

Специфика союзов как маркеров квантификации заключается в том, что, в отличие от ее других форм, они сочетаются с символами, которые обозначают элементы множества, т.е. когда множество задано эмпирически, тогда как другие КС (*все, каждый, некоторые, никто*) сочетаются, преимущественно, с символами, обозначающими множество в целом. т.е. когда множество задано дескриптивно (см. также раздел 3.2.1.2).

Семантические отношения между КС и союзами имеют и другую сторону. В высказываниях с КС можно выделить как минимум две пропозиции: включающую, которая характеризует актуальный план высказывания, и включенную, которая характеризует виртуальный план высказывания, например: *Все монеты были разложены по номиналу* ↔ *Все монеты, которые имелись, были разложены по номиналу*. Интерпретация подобных выражений в логике основана на сочетании квантора и юнктора, см. формулы (1.32) и (1.33), например: 'Для всех *x*-ов верно, что если они являлись монетами, то они были разложены по номиналу'. Однако не вызывает сомнений, что данная интерпретация не соответствует объективному языковому смыслу рассматриваемого высказывания. Во-первых, в высказывании подразумеваются имеющиеся у некоторого известного лица монеты, а не вообще предметы, которые являлись монетами. Во-вторых, трансформа содержит значение потенциальности, тогда как базовое высказывание ее лишено. В-третьих, трансформа, благодаря юнктору *если... то*, соотносится со всеми логическими возможными мирами, т.е. учитывает и те объекты, которые не являются монетами (хотя и союзы естественного языка не всегда выражают канонические, полные пропозициональные связки, см.: Санников 1989, 104; Киклевич 1991с, 187-188), тогда как в высказывании с КС *Все монеты были разложены по номиналу* вообще ничего не сообщается об объектах, которые не являются монетами.

Необходимо также учесть и то обстоятельство, что высказывания с абсолютной квантификацией при распределенном и нераспределенном сказуемых соотносятся с разными пропозициональными связками, ср.: *Все металлы электропроводны* — импликация (1011), *Все прямоугольники с равными сторонами — квадраты* — эквивалентность (1001). Общим содержательным признаком этих высказываний являются истинностные значения в первых двух воз-

можных мирах (10), что и является логико-семантической основой абсолютной квантификации.

Таким образом, если выражения с КС интерпретировать в терминах логики высказываний и в качестве простых высказываний рассматривать включающую (актуальную) и включенную (виртуальную) его части, то квантификация может быть представлена в виде набора нестандартных (“усеченных”) пропозициональных связок, см. таблицы 1.5, 1.6, 1.7.

Таблица 1.5

Возможные миры	<i>Имелись монеты</i>	<i>Монеты были разложены по их номиналу</i>	<i>Все монеты были разложены по их номиналу</i>
1	истинно	истинно	истинно
2	истинно	ложно	ложно

Таблица 1.6

Возможные миры	<i>Имелись монеты</i>	<i>Монеты были разложены по их номиналу</i>	<i>Часть монет была разложена по их номиналу</i>
1	истинно	истинно	истинно
2	истинно	ложно	истинно

Таблица 1.7

Возможные миры	<i>Имелись монеты</i>	<i>Монеты были разложены по их номиналу</i>	<i>Ни одна монета не соответствовала своему номиналу</i>
1	истинно	истинно	ложно
2	истинно	ложно	истинно

Наконец, третий аспект отношений между КС и союзами касается их взаимодействия в семантической структуре высказывания (вместе с другими категориями — такими, как совместность, прерывность действия и т.п.). Результатом этого взаимодействия является логическое содержание высказывания, которое не всегда соответствует стандартному значению имеющейся в нем пропозициональной логической связки. Так, в высказываниях с соединительным союзом *и* может содержаться не только конъюнкция, как это общепринято в логической и лингвистической литературе, ср.: *Иван с утра ушел на охоту, и Петр ушел вместе с ним*, — но также эквивалентность и констелляция, ср.: *Иван иногда зимой ходит на охоту, и Петр иногда зимой ходит на охоту, причем всегда они охотятся вместе; Иван иногда ходит на охоту, и Петр иногда охотится вместе с ним*. Более того, при этом содержание высказываний с одной и той пропозициональной связкой может варьироваться. Рассмотрим вы-

сказывания:

- (1) *Иван с утра ушел на охоту, и Петр ушел вместе с ним.*
- (2) *Иван ушел на охоту, и Петр ушел на охоту;*
- (3) *Иван всю эту зиму жил на даче, и Петр всю эту зиму жил на даче.*

Во всех трех высказываниях содержится конъюнкция, однако их интерпретация с помощью логики высказываний не тождественна:

$$(1) = (p \equiv q) \& (p \vee q) \quad (1.48)$$

$$(2) = p \& q \quad (1.49)$$

$$(3) = (\neg (p \rightarrow q) \& \neg (q \rightarrow p)) \vee (p \& q) \quad (1.50)$$

Содержащие союз *и* высказывания с констелляцией также могут различаться логической структурой:

- (4) *Иван иногда ходит на охоту, и Петр иногда охотится вместе с ним;*
- (5) *Иван иногда ходит на охоту, и Петр иногда ходит на охоту.*

$$(4) = (p \equiv q) \vee \neg (p \& q) \quad (1.51)$$

$$(5) = (p \equiv q) \vee (p \vee q) \quad (1.52)$$

Подробнее логическое содержание сложных высказываний с комбинированием КС и союзов описано в работе (Киклевич 1991с. 181-197).

1.3. Резюме

В главе 1 ставилась задача определить те важнейшие языковые свойства, которые характеризуют квантификацию как целостную группировку слов. Рассматривая квантификацию в качестве самостоятельной языковой парадигмы, мы последовательно описали ее интегральные и дифференциальные признаки.

Пропозициональная структура высказывания отражает лишь структуру типовой денотативной ситуации, поэтому для конкретизации передаваемого им содержания используются дополнительные средства, к множеству которых принадлежат и КС. Квантификация представляет собой одно из звеньев в содержательной структуре высказывания, а именно — упорядоченную совокупность частных семантических функций, относящихся к сфере количественной определенности множественных аргументов.

Сущность квантификации состоит в определении объема

множества индивидов, участвующих в описываемой высказыванием ситуации, при котором он сравнивается с объемом заданного и известного говорящему до речевого акта исходного множества индивидов. Результатом этого сравнения является такая семантическая структура высказывания, в которой КС обозначают, в каком (полном или неполном, пустом или непустом) объеме исходное множество объектов участвует в событии. Например: *Обвиняемый был уже в зале и гулял перед публикой с женой и тремя друзьями. Все были оживлены...* (Тэффи). КС *все* используется в данном случае для указания на полное участие упомянутого множества {обвиняемый, его жена, три его друга} в ситуации, соотносимой с высказыванием *X-ы были оживлены*.

Поскольку для реализации кванторной функции требуется, во-первых, информация о том, что́ известно о множестве объектов, во-вторых, информация о том, что́ об этом множестве сообщается, то КС являются семантически бивалентными единицами: это такие определители аргументов, которые выступают только при наличии пропозиционального предиката. Этим КС отличаются, например, от числительных и фреквентивных слов, которые могут употребляться и в предикативной функции, ср.: *В этот день народу в суде было мало* (Тэффи).

Взаимодействие семантических компонентов в структуре высказывания приводит к тому, что КС применяются только к тем аргументам, которые содержат несколько иерархически упорядоченных функций: синтаксическую (место в структуре пропозиции), дескриптивную (соотнесенность с таксономическим классом), референтную (соотнесенность с предметом) и детерминативную (соотнесенность с референтной рамкой субъекта). Так, выражение **каждый шар* вне контакта с предикатом и вне локализации в конкретной пропозициональной структуре бессмысленно. Некорректно и применение кванторного определителя к не дескриптивным аргументам, которые не соотнесены с каким-либо понятием, ср.: **На столе лежит каждое что-то*. Языковой код запрещает использовать КС применительно к символам "чистой предикативности", например: **Это — каждый шар*. Наконец, актуализация КС невозможна, если аргумент имеет неопределенный денотативный статус, ср.: **На столе лежат все какие-то книги*. Эти и другие особенности реализации КС составляют множество дистрибутивных свойств квантификации: экзистенциальность, субстанциональность, множественность, дескриптивность, определенность, факультативность и аддитивность. В обобщенной форме их можно характеризовать так: категория квантификации актуализируется применительно к дескриптивным аргументам асертивного высказывания, которые выступают субъектами экзистенциальных пресуппозиций, обозначают генерически или конкретно-референтно определенные сумма-

тивные множества индивидов при наличии у говорящего намерения указать на относительное количество участников описываемого в высказывании события из числа рассматриваемых предметов.

Предложенная функционально-семантическая концепция категории квантификации содержит несколько новых положений. Во-первых, КС рассматриваются как особые операторы количественной определенности, существенно отличающиеся от операторов денотативного статуса, на что указывает факт их контрастной дистрибуции, ср.: *Все эти деньги были потрачены на наряды*. Во-вторых, КС не превращают открытых пропозиций в закрытые и сами по себе не являются актуализаторами истинностного значения высказывания, так как для этого требуется выполнение ряда дополнительных условий. Высказывание *Все x-ы обладают свойством P*, несмотря на употребление КС, ни истинно, ни ложно, потому что область применения квантора не задана — не известно, к какому таксономическому классу относятся *x-ы*, и не выделена — не известно, о каком конкретном подмножестве *x-ов* идет речь. В-третьих, для КС обязательна сочетаемость с множественными аргументами, а не с общими именами, как считается в литературе. В высказывании *Коля весь покраснел* связанный аргумент выражен именем собственным *Коля*, потому что в данном случае оно обозначает множественный объект (партитивное, дискретное, упорядоченное, статическое, целостное, неоднородное множество). В-четвертых, в отличие от логики предикатов, в естественном языке КС характеризуются дистрибутивным свойством определенности: о характеризуемом ими аргументе говорящему, как правило, известно больше, чем только его семантическая функция в пропозиции и его дескриптивные свойства. Референт связанного квантором аргумента выделен говорящим либо как подмножество, совпадающее по объему с заданным множеством (при генерической, или универсальной, определенности), либо как подмножество, с которым говорящий имеет непосредственный контакт в процессе интеллектуально-практической деятельности (при конкретно-референтной определенности). В-пятых, категория квантификации не обязательна ни в поверхностно-синтаксической, ни в глубинной структуре высказывания — ее выражение целиком зависит от намерения субъекта. Так, в высказывании *Они пили ликер, говорили пошлости и целовались (Тэффи)*, несмотря на то, что субъект *они* выступает в конкретно-референтном значении, кванторная семантика отсутствует; высказывание *Они оба пили ликер, говорили пошлости и целовались* имеет принципиально другое содержание.

Синтагматическая многоаспектность (многомерность) категории квантификации проявляется и в парадигматическом аспекте: квантификация выступает как парадигма в составе нескольких различных по содержанию семантических макропарадигм. В рамках

макрокатегории количества КС обозначают ту часть исходного множества объектов, на которую распространяется высказывание. Принадлежность к макропарадигме степени проявляется в том, что КС квалифицируют аргумент с точки зрения максимального, среднего или минимального вхождения исходного множества объектов в ситуацию. Наконец, как операторы референциального значения высказывания, КС входят и в макропарадигму истинности: они указывают на те возможные логические миры, в которых высказывание со связанным аргументом истинно или ложно.

Открытость квантификации является одним из препятствий ее лингвистического описания — нередко свойства КС ошибочно переносятся на свойства единиц других категорий и, наоборот, кванторам приписываются объективно отсутствующие у них признаки. Однако по совокупности признаков в семантической структуре языка квантификация занимает вполне конкретное и самостоятельное положение и не может быть идентифицирована с какой-либо другой категорией. Так, в отличие от числительных и фреквентивных слов, КС соотносят объем актуального множества не с арифметической или ситуативной, а с экзистенциальной нормой — с тем объемом множества, который известен говорящему до передачи сообщения, ср.: *В прошлом месяце выпало много снега. Но весь снег скоро растаял*, где *много* означает, что количество выпавшего в прошлом месяце снега велико (по отношению к ожидавшейся норме), а *весь* означает, что количество растаявшего снега равно количеству снега, который выпал в этом месяце.

В рамках градуальной макропарадигмы КС указывают на максимальную, среднюю или минимальную степень актуализации множества объектов в той или иной ситуации, тогда как другие единицы этой парадигмы либо применяются для дополнительной квалификации предикатов (*очень сильный, совершенно убедительный, почти проснулся, чрезмерно старается, не совсем точный*), либо сами выступают в качестве предикатов (*Вина было много*).

От актуализаторов денотативного статуса аргументов КС отличаются количественным значением; кроме того качественная определенность аргумента является необходимым условием для реализации КС.

В отличие от союзов, высказываниям с КС соответствуют неполные матрицы истинностных значений, что обусловлено свойством экзистенциальности связанного аргумента. Так, в высказывании *Все окна в комнате были раскрыты*, не учитываются условия, при которых высказывание *В комнате имелись окна* ложно, так как оно составляет содержание экзистенциальной пресуппозиции.

Рестрикторы квалифицируют истинностное значение высказывания по отношению к потенциальным участникам, которые подразумеваются в его пресуппозитивной части, тогда как КС вы-

ступают истинностными операторами по отношению к ассертивной части высказывания.

Поэтическая формула Левитанского “*Так — а все-таки иначе, так — а все же не совсем...*” универсальна. Значимость каждой языковой единицы и каждой группировки языковых единиц характеризуется единством тождества и различия. Квантификация не является с этой точки зрения исключением. Ее корреляции и связи с другими семантическими парадигмами в системе языка отражают, с одной стороны, целостность и упорядоченность интеллектуальной модели мира, а с другой стороны — ее экономность, потому что концептуализация мира в этом случае достигается комбинированием уже имеющихся понятий (“семантических примитивов”). Категория квантификации — это своего рода гносеологическое предложение, в котором сочетаемость отдельных компонентов (таких, как ‘количество’, ‘объем’, ‘множество’, ‘определенность’, ‘степень’, ‘истинность’ и др.) создает уникальный смысл, без которого наши представления о мире были бы неполными.

ГЛАВА 2. КАТЕГОРИЯ КВАНТИФИКАЦИИ В СТРУКТУРНОМ АСПЕКТЕ

Свойство поливалентности характеризует не только категорию квантификации в целом, но и составляющие ее лексические единицы, которые обладают множеством признаков различной природы. В данной главе будут систематизированы важнейшие языковые признаки КС. Структура категории квантификации представляет собой упорядоченную систему оппозиций и микропарадигм, основными составляющими которой являются:

1. Структура плана выражения.
2. Структура плана содержания.
 - 2.1. Синтаксис.
 - 2.2. Морфология (словоизменение).
 - 2.3. Морфология (словообразование).
 - 2.4. Лексическая семантика.

2.1. Структура плана выражения категории квантификации

Языковые формы, используемые для выражения значений категории квантификации, или, в соответствии с уже сложившейся в современной лингвистике терминологией, составляющие ее функциональное поле, неоднородны. Они могут быть отнесены к двум группам: 1) номинативные (экспликативные) и 2) имплекативные формы. Под номинативными формами квантификации понимаются языковые единицы, которые непосредственно являются носителями кванторных значений и которые ассоциируются с общепринятым понятием о плане выражения знака как о материальном объекте, “который используется в качестве представителя другого объекта” (Супрун 1983, 154), см. рис. 2.1.

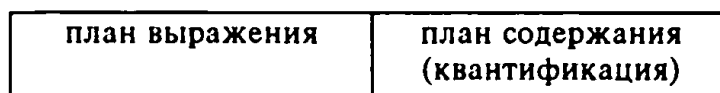

Рис. 2.1

Примером номинативной формы с кванторным значением может быть лексема *все*. Отношение номинативной формы к ее плану содержания описывается в рамках философской категории отражения.

Под имплицативными формами квантификации понимаются языковые единицы, которые, имея статус плана содержания одного знака, составляют план выражения другого знака. Например, грамматическое значение совершенного вида глаголов может имплицировать также семантику абсолютной квантификации, ср.: *Иван прочитал газету* ↔ *Иван прочитал всю газету*. Имплицативные формы, которые обобщены на рис. 2.2, соответствуют философской категории ассоциации.

план выражения А	план содержания А	
	план выражения квантификации	план содержания квантификации

Рис. 2.2

Как правило, имплицативными формами квантификации являются не отдельные значения, а взаимодействие нескольких значений, как, например, в высказывании *Выпей молоко* = 'Выпей все молоко', где семантика абсолютной квантификации имплицирована, во-первых, грамматическим значением совершенного вида глагола, во-вторых, грамматическим значением винительного падежа существительного, ср. выражения, в которых изменение этих грамматических значений приводит к потере семантики квантификации: *Пей молоко; Выпей молока*.

2.1.1. Номинативные формы квантификации

Основные номинативные формы квантификации представлены тремя классами: 1) синтетическими, 2) аналитическими и 3) нулевыми.

Синтетические формы составляют ядро функционального поля квантификации как в плане парадигматики — словарного количества слов, так и в плане синтагматики — частоты их употребления. Например, лексема *весь* при общей частоте 5102 входит в число 22 наиболее частых слов русского языка (Частотный 1977); лексема *увесь* при частотах 2480, 2071, 1884, 1911 и 2800 — в число 14, 12, 17, 10 и 14 наиболее частых белорусских слов в текстах художественной прозы, поэзии, фольклора, публицистики и разговорной речи (Мажэяка, Супрун 1976; 1979; 1982; 1989; 1992). Лексемы *wszystek* и *cały* при абсолютной частоте 870 и 745 занимают соответственно 50-е и 61-е места в польском языке (Słownik 1990). Различие частотных характеристик сходных по семантике лексем, с одной стороны, в русском и белорусском, с другой стороны, в польском языке объясняется тем, что *wszystek* и *cały* отчас-

ти выступают как супплетивные формы одного и того же квантора: *wszystek* — во множественном, а *cały* — в единственном числе (подробнее об этом см. далее). Если просуммировать абсолютные частоты этих супплетивных форм, то польский аналог русского *весь* и белорусского *увесь* с общей частотой 1615 переместится на 25-е место, что приблизительно соответствует рангу *весь* и *увесь*.

Среди синтетических форм квантификации можно выделить 1) лексические и 2) морфологические.

К лексическим формам относятся КС, ядро лексического значения которых составляет одно из значений категории квантификации. Необходимо отметить, что грамматическая характеристика кванторных лексем неоднородна — в эту группу входят и местоимения *весь, каждый, никто, некоторые* и др., и существительные *большинство, часть, половина* и др., и глаголы *быть, существовать, иметься* и др., и прилагательные *круглый (год), постоянный, непрерывный* и др., и наречия *всегда, везде, полностью* и др., и частицы *ни, и* и др.

К морфологическим формам квантификации относятся некоторые виды аффиксации и словосложения. Отдельные префиксальные формы перфективных переходных глаголов обладают семантико-дистрибутивным признаком квантификации: во-первых, они указывают на то, что их объект выступает в полном или частичном объеме (это обычно фиксируется в лексикографических толкованиях подобных глагольных форм, см.: Апресян 1974, 85); во-вторых, в высказывании они, как правило, сопровождаются употреблением соответствующего КС. Так, некоторые глаголы с приставкой *пере-* (*перекусать, переловить, перечитать, пересмотреть*) являются маркерами абсолютной квантификации, ср.: *Иван перечитал все книги в библиотеке*. В контексте партитивности они теряют кванторную семантику, ср.: *Иван перечитал часть книг в библиотеке* = 'Существуют книги в библиотеке, которые Иван прочитал повторно'.

Кванторную функцию в некоторых случаях выполняют и глагольные приставки *повы-, вы-* в словах *повывести, повыгонять, повывернуть, повыбивать, повыловить, повымереть, повырубить, выкипеть, выкосить, вырубить, вычерпать, выбрить*, ср.: *Вода в чайнике выкипела* ↔ *Вся вода в чайнике выкипела*. В белорусском языке, кроме аналогичных глаголов с приставками *пера-, павы-* и *вы-*, имеется также группа глаголов с двойными приставками *папа-, паза-*, которые выражают абсолютную или же относительную квантификацию объекта с дополнительным семантическим признаком большей степени объема множества ('много' или 'долго, многократно'): *папасыпаць, папазбіраць, пазабіраць, папаварыць, папаваяваць, папагаладаць, папаадкасваць, папападкрэсліваць, пападпіраць, пападпісваць* и др., ср.: *Калі б не пападпіралі яблыні, яны б зламаліся* ↔ *Калі б не падперлі*

ўсіх яблынь, яны б зламаліся. Подобную функцию в белорусском языке выполняет и приставка *аба-*, например, в словах *абабегчы, абабегаць, абабраць* и т.п.

О глаголах „полного охвата“ в русском языке см.: Падучева, Розина 1993.

Ряд глагольных префиксов указывает и на значение частичного объема множественного объекта действия, например, префикс *от-* в лексемах с деструктивным значением *откусить, отгрызть, отломать, отделить, отрезать, отпилить*, ср.: *Гостю отрезали часть пирога; *Гостю отрезали весь пирог.*

Суффиксальные и конфиксальные формы итеративных глаголов, например, *pisywać, czytywać, chadzać, mawiać, mieszać, poszukiwać* и т.п. (в польском языке они распространены значительно шире, чем в русском) выражают значение темпоративной относительной квантификации, ср.: *Jan miewał bóle głowy* = ‘У Яна время от времени были головные боли’.

Кванторная семантика выражается также в составе композитов, ср. *ежедневно, ежечасно, всесторонний, codzienny, corocznie, sąlogoczny* и др. Подробнее эти средства выражения квантификации будут описаны в разделе 2.2.3.

Аналитические формы квантификации представляют собой устойчивые сочетания слов (идиоматические или не идиоматические), например: *ни один, ни разу, ни за что, в любом месте, все время, не с кем, как один, сплошь да рядом, и тут и там, ни кола ни двора, все, ani razu, cały czas, co rok, co... to, od A do Z, od deski do deski, kto bądź, jak jeden mąż, do suchej nitki* и др.

Нулевые формы квантификации представлены выражениями с эллиптированным экзистенциальным глаголом. Исследователи отмечают, что в этом случае реализуется абсолютная квантификация (Kantorczyk 1990, 523). Ср.: *На этой полке есть книги по информатике* ↔ *Некоторые книги на этой полке — по информатике; На этой полке — книги по информатике* ↔ *Все книги на этой полке — по информатике.* Отсутствие поверхностно-синтаксической маркировки кванторного значения здесь, как и в ряде других случаев, ассоциируется с семантикой абсолютной квантификации, поскольку именно значение абсолютной квантификации воплощает в себе экзистенциальную норму множества.

Незамещенная синтаксическая позиция имеется также в высказываниях с конструкцией *...а иногда и...*, ср.: *Я давала через специальную дыру в фанере ему огурец, а иногда и морковку* (Шпаликов); *Опоздавших заставляли выпивать огромные кубки сильно фальсифицированной мадеры, вызывавшей быстрое опьянение, а иногда и смерть* (“Неделя”. 1982/17). КС *иногда* употребляется здесь с дополнительным семантическим признаком невысокой степени объема множества, а эллиптированный компонент, напротив, выражает пол-

ную или большую степень, ср.: *Я всегда/обычно давала ему огурец, а иногда и морковь, ...вызывавшей всегда/обычно быстрое опьянение, а иногда и смерть.*

2.1.2. Импликативные формы квантификации

Импликативные формы квантификации составляют область “скрытой” семантики, потому что в этом случае изоморфизм плана выражения и плана содержания знака нарушается: одному и тому же плану выражения одновременно соответствует несколько планов содержания. Это приводит к увеличению степени синтетичности языкового высказывания и, естественно, к усложнению его лингвистического моделирования. “При логическом анализе предложения, — пишет Падучева, — одна из самых сложных проблем — это выявление кванторов, связывающих переменные в логической структуре, и установление их сфер действия” (1979, 75).

Импликативные формы квантификации представлены несколькими видами. Так, для выражения семантики квантификации могут использоваться формы существительных множественного числа (МакКоли 1983, 182; Чарняк 1983, 178; Osadnik 1987, 131 и др.), например: *Планеты движутся вокруг Солнца* ↔ *Все планеты движутся вокруг Солнца*; *Рыбы дышат жабрами* ↔ *Все рыбы дышат жабрами*. Это семантическое свойство естественного языка проявляется и в формальной логике, где общее атрибутивное суждение может не иметь специального маркера (Асмус 1947, 81; Васильев 1989, 18; Кондаков 1954, 170). При моделировании естественного языка с помощью формул логики предикатов допускается отождествление общего имени с переменной, связанной квантором всеобщности (Hall Partee 1978, 84; Lyons 1984, 151), ср.:

$$P(x) \equiv \forall x P(x) \quad (2.1)$$

Казалось бы, приведенные факты дают основание для признания субстантивных форм множественного числа как номинативных (в частности, морфологических) маркеров квантификации. Однако ряд обстоятельств не позволяет сделать этого.

Одним из них является то, что форма существительного во множественном числе не всегда семантически тождественна именному словосочетанию с общим квантором. Так, Чейф считает, что высказывание *Все слоны любят земляные орехи*, в отличие от высказывания *Слоны любят земляные орехи*, передает новую информацию, а именно — информацию о полном составе класса слонов (1975, 234). Павилёнис (1975, 94) показывает, что высказывания с существительными множественного числа могут выражать как абсолютную, так и относительную квантификацию, ср. *Люди смертны*

↔ *Все люди смертны; Люди жадны* ↔ *По крайней мере некоторые люди жадны*. Булыгина, Шмелев указывают, что различия между связанным аргументом в высказывании *Все дети любят сказки* и генерическим аргументом в высказывании *Дети любят сказки* заключается в степени категоричности — в первом случае она больше (1989, 205–206).

Употребление форм множественного числа существительных для выражения квантификации обусловлено взаимодействием нескольких семантических признаков, в частности, номинативной характеристикой предиката. Так, Lakowa отмечает, что болг. *Момчета спортуват* в зависимости от квалитативного или эпизодического значения предиката будет иметь две интерпретации: либо ‘Все мальчики занимаются спортом’, либо ‘Эти (известные) мальчики занимаются спортом’ (1987, 91). Таким образом, употребление форм существительных множественного числа сопровождается семантикой абсолютной квантификации только в контексте квалитативного предиката (Hartig 1975, 144; Stanosz 1985, 57; Tokarz 1986, 136).

Другим таким фактором, который создает условия для кванторной реализации множественного числа, являются грамматические значения синтаксически совместимых компонентов. Так, Апресян выделяет в высказывании *Дети любят яблоки* (форма объекта — во множественном числе) значение абсолютной квантификации субъекта *дети*, которое отсутствует в высказывании *Мальчики читают книгу* (форма объекта — в единственном числе), ср.: *Все дети любят яблоки; Эти (известные) мальчики в данный момент читают книгу*.

Некоторые языковые выражения со “скрытой” квантификацией, содержащие существительные множественного числа, обладают значением абсолютной или относительной квантификации в зависимости от эпистемических предпосылок высказывания. Так, интерпретация высказывания *Весной в садах зацветают деревья* как ‘Все деревья в садах весной зацветают’, а высказывания *Осенью птицы улетают на юг* как ‘Многие птицы осенью улетают на юг’ обусловлена фреймами существительных *дерево* и *птица*.

В употреблении существительных множественного числа как имплицативных маркеров квантификации можно усмотреть действие одного из универсальных прагматических механизмов, который можно квалифицировать как характеристика по умолчанию: отсутствие указания на признак равнозначно указанию на норму признака. Нормой кванторного признака является совпадение объемов исходного и актуального множеств, т.е. значение абсолютной квантификации. Именно поэтому умолчание о квантификации, при отсутствии дополнительных ограничений (которые, в частности, рассмотрены выше), семантически тождественно выражениям со значением полноты класса (подробнее об этом см.:

Копыленко 1993, 133; Кіклевіч 1994, 52–53).

Подобные основания позволяют употреблять в качестве имплицитивной формы квантификации существительные с грамматическим значением обобщенного единственного числа, т.е. такие, которые характеризуются универсальным (генерическим) денотативным статусом: *Вода кипит* ↔ *Любая вода кипит* (Мартынов 1966, 80; Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 114; Tokarz 1986, 136). В подобных выражениях предикат обладает свойством квалитативности, например, *кипит* означает 'обладает способностью к кипению'. Если аргумент лишен значения генеричности, а предикат — значения квалитативности, высказывание не содержит квантификации, ср. (пример Мартынова): *Вода уже кипит* ↔ *Эта (известная) вода (в данный момент) уже кипит*. Ср. также: *Сердце красавицы склонно к измене* ↔ *Сердце каждой красавицы склонно к измене* или *Сердце красавиц обычно склонно к измене*. В болгарском языке дополнительным указателем универсального денотативного статуса аргумента в контексте квалитативного предиката является определенный член, ср.: *Кучето е приятел на човека* ↔ *Всеко куче е приятел на човека* (Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 114).

Во всех случаях, когда обобщенное единственное число имеет кванторное значение, высказывание содержит импликацию, ср.: *Если x — вода, то она кипит*. Это семантическое правило не выполняется, например, в высказывании *Человек появился на Земле 500 тысяч лет назад*, которое нельзя преобразовать в выражение *Если x — человек, то он появился на Земле 500 тысяч лет назад*. Словоформа *человек* в рассматриваемом высказывании функционирует как эталонный представитель класса людей и выражает так называемую родовую (или эталонную) множественность (Руденко 1990, 195). Так, Grochowski (1991, 70–72) различает общие и аналитические высказывания, например: *Słoń ma trąbę* и *Kogut jest ptakiem*. Общее высказывание, содержащее существительное с обобщающим единственным числом, может быть представлено в виде конъюнкции $x_1 \& x_2 \& x_3 \& x_n$ или в виде импликации *Если $x \in M$, то $P(x)$* . Такие высказывания эмпиричны и могут быть верифицированы. Аналитические высказывания, содержащие эталонное единственное число, информируют о связи признаков, ср.: *Kogut jest ptakiem* = 'Быть петухом значит быть птицей'. Grochowski усматривает в подобных выражениях логическое отношение следования (которое базируется на отношении логического подчинения терминов *ptak* и *kogut*): *Из того, что $P(x)$, следует, что $Q(x)$* . Аргумент, выраженный формой обобщающего единственного числа, может быть заменен на термин с единичной референцией или проквантифицирован, что невозможно для аргумента, выраженного формой родового единственного числа, ср.: *Ten słoń też ma trąbę*; *Każdy słoń ma trąbę*; **Ten kogut też jest ptakiem*; **Każdy kogut jest pta-*

kiem (см. также: Руденко 1990, 194). Grzegorzycykowa (1987, 134) не точно интерпретирует высказывание *Człowiek opanowuje kosmos* с существительным *człowiek* в родовом значении как выражение с квантификацией, ср. **Każdy człowiek opanowuje kosmos*.

Грамматические формы единственного числа партитивных существительных в позиции темы высказывания выражают значение относительной квантификации с дополнительным признаком единичности, например: *A мешок соли он оставил себе* = 'Существовал один мешок соли, который он оставил себе'; ср. при иной коммуникативной структуре: *A себе он оставил мешок соли* = 'То, что он оставил себе, есть мешок соли', где кванторная семантика отсутствует.

"Скрытая" квантификация обнаруживается также в высказываниях с формами существительных в винительном падеже, на что указывает Nozsiscka (1990, 114), ср.: *Выпей молока* = 'Выпей часть молока' и *Выпей молоко* = 'Выпей все молоко'. В отличие от партитивных по семантике форм родительного падежа, формы винительного падежа имплицитно семантику абсолютной квантификации. Высказывания *Выпей молоко* и *Выпей все молоко* отличаются, видимо, только модальностью категоричности, а также некоторыми комбинаторными свойствами на уровне связного текста, ср.: — *Я выпью только этот стакан.* — *Нет, выпей все молоко / *Нет, выпей молоко.*

Глаголы с некоторыми кванторными аффиксами (они рассмотрены в разделе 2.1.1) сочетаются только с соответствующими по значению формами родительного или винительного падежа, ср.: *Вылейте молоко / *молока; Отлейте молока / *молоко.*

Семантика абсолютной квантификации в высказываниях с винительным падежом существительных выражается только при соблюдении дистрибутивных условий квантификации, например, определенности — объект, называемый формой винительного падежа, должен быть известен говорящему и входить в тему сообщения, ср.: *Выпейте (это) молоко.* При иной коммуникативной структуре семантика квантификации в подобных выражениях выделена быть не может, ср.: — *Что я должен выпить?* — *Выпейте молоко* = 'То, что вы должны выпить, является молоком'.

Другим важным свойством конструкций с винительным падежом существительных, имеющих значение абсолютной квантификации, является условие аддитивности, ср.: — *Выпей молоко.* — *Нет, я не выпью все молоко, а только стакан;* — *Купите новое зеркало.* — **Нет, я куплю только часть зеркала.*

Адамец выделяет в неличных высказываниях нулевые эквиваленты местоимений, в том числе и кванторных (1987, 108-112), например: *При такой работе устаешь ↔ Каждый при такой работе устает, Приятно встретить друга ↔ Всякому приятно встретить*

друга; Тебя не поймешь ↔ *Тебя никто не поймет* (см. также: Теория 1991, 62; Grzegorzczukowa 1987, 133). Сопутствующими семантическими компонентами подобных выражений являются импликация или модальность, ср.: *При такой работе устаешь* = 'Каждый *x*, если он выполняет такую работу, в нормальном случае устает'; *Приятно встретить друга* = 'В нормальном случае каждому *x*-у, если он встретит друга, будет приятно'; *Тебя не поймешь* = 'Никто не может тебя понять'. Для функционирования неличных высказываний со значением абсолютной квантификации характерен также ряд других семантических признаков, как, например, грамматическое и лексическое значение глагольного предиката, тип референции аргументов, синтаксическая структура, контекст (подробнее об этом см.: Адамец 1987, 112).

Кванторная информация передается в условных высказываниях, а также в простых и сложных высказываниях других типов, содержащих импликацию (Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 120; Grzegorzczukowa 1991, 77-79; Semantik 1991, 11; Zimmermann 1993, 272). Например: *Где бандиты, там и красотки* (Мериме, пер. Гаршина) ↔ *Везде, где есть бандиты, есть и красотки; Если голубь ранен в крыло, он обречен* ↔ *Каждый голубь, который ранен в крыло, обречен; Кто dużo pracuje, czasu nie marnuje* ↔ *Jeżeli ktoś dużo pracuje, on nie marnuje czasu* ↔ *Każdy, kto dużo pracuje, nie marnuje czasu*. Откупщица использует импликацию для семантического представления высказываний с абсолютной квантификацией, ср.: *Все коровы нашего колхоза высокоудойные* = 'Если данная конкретная корова наша колхозная, то она высокоудойная' (1984, 6).

Однако, несмотря на очевидные корреляции между абсолютной квантификацией и импликацией, было бы ошибочно квалифицировать, например, условный союз *если... то* как номинативную форму квантификации, потому что импликация выражает абсолютную квантификацию не в изолированных условиях, а во взаимодействии с другими семантическими признаками, например, качественным характером предиката, ср.: *Если Иван сегодня опоздает, он заранее предупредит об этом; Если Иван опаздывает, он заранее предупреждает об этом*. Первое высказывание является ситуативным и не содержит квантификации, а второе, при качественной интерпретации, содержит значение абсолютной квантификации: 'Каждый раз, когда Иван опаздывает, он заранее предупреждает об этом'.

Для ряда высказываний с импликацией, содержащих абсолютную квантификацию, характерны трансформы, в которых антецедент включает экзистенциальный предикат со значением относительной квантификации, ср.: *Кто dużo pracuje, czasu nie marnuje* = 'Если есть тот, кто много работает, он не теряет времени' или 'Если кто-то много работает, он не теряет времени':

$$\exists x \{x \mid P(x)\} Q(x) \rightarrow \neg R(x) \leftrightarrow \forall x \{x \mid P(x)\} \neg R(x) \quad (2.2)$$

где P — человек, Q — работать, R — терять время. Формула показывает, что семантика абсолютной квантификации выступает производной от семантики относительной квантификации, и импликация является одним из функторов, которые превращают одно кванторное значение в другое.

В работе (Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 148–172) выявлены грамматические категории глагола, семантически пересекающиеся с квантификацией, прежде всего — вид и время. Упомянутые авторы приходят к выводу, что совершенный вид не совместим со значениями абсолютной и относительной квантификации. На нарушение нормы в некоторых сочетаниях глаголов совершенного вида с формами абсолютной квантификации обращает внимание Кржижкова (1969а, 190), ср.: *Брат всегда приходит с подарками*; **Брат всегда/иногда пришел с подарками*. Однако данные наблюдения верны (с некоторыми оговорками, которые будут сделаны далее) только для темпоративных аргументов. В высказываниях с переходными глаголами совершенный вид является одним из средств выражения квантификации объекта (Аспекты 1980, 242; Мучник 1971, 102; Николаева 1985, 109; Schwenk 1991, 100–101). Ср.: *Иван прочел книгу* ↔ *Иван прочел всю книгу*, *Иван читает книгу* ↔ **Иван читает всю книгу*. Семантическая корреляция между значениями абсолютной квантификации и совершенного вида обусловлена общим содержательным компонентом ‘предельность’: абсолютная квантификация означает максимальный предел актуального множества (когда оно равно по объему исходному), а совершенный вид означает предел ситуации, результативность события, границу факта (Бондарко 1983, 127). Следует уточнить, что в высказываниях со “скрытой” квантификацией объекта формы совершенного вида обозначают завершение ряда однотипных ситуаций: прочтение книги складывается из прочтений ее частей. При однократности действия семантика “скрытой” квантификации в контексте совершенного вида не актуализирована, ср.: *Мальчик ожег руку* ≠ ‘Мальчик ожег всю руку’.

Импликативной формой абсолютной квантификации является также отрицание, ср.: *To już było czymś nie słychanym, bo nie opuszczał posiłków* (Lem) ↔ *Nigdy nie opuszczał posiłków*.

Важными условиями актуализации “скрытой” квантификации в высказываниях с частицей *nie* являются общий характер отрицания и повторяемость действия. Так, в приведенном выше высказывании подразумевается серия приемов пищи и указывается, что в этой серии не было события, в котором субъект не участво-

вал. Напротив, однократность действия является фактором, который блокирует кванторную значимость отрицания, например: — *Иван уже дома? — Нет, еще не приходил / не пришел*, что не равнозначно высказыванию *Нет, еще никогда не приходил*.

В рассмотренных выше примерах отрицание имплицитно квантификует темпоративного множественного аргумента (а именно — компенсирует отрицательное местоимение *никогда*). Для подобных выражений характерно, что если отрицается переходный глагол, то объект выражен существительным множественного числа, ср.: *nie opuśczał posilków*. В сочетании подобных глаголов с формами существительных единственного числа дополнительно квантифицируется множественный аргумент с семантической функцией объекта, ср.: *Nigdy nie opuścił posilku* ↔ *Nigdy nie opuścił żadnego posilku*; *“Ruch” nie stracił do tej pory punktu* ↔ *“Ruch” nie stracił do tej pory żadnego punktu*; *Nikt, oprócz mnie, nie odczyta z niej jednej sylaby* (Nowak) ↔ *Nikt nie odczyta z niej nawet jednej / żadnej sylaby*.

Модальность и квантификация имеют прямые корреляции (Смирнов 1981, 12). Значения квантификации могут быть описаны с использованием значений модальности: абсолютная квантификация в утвердительном высказывании — через оператор необходимости, относительная квантификация — через оператор возможности, абсолютная квантификация в отрицательном высказывании — через оператор невозможности или обратной необходимости, ср.: *Все металлы электропроводны* = ‘Если *x* является металлом, то необходимо, что *x* электропроводен’; *Некоторые металлы драгоценны* = ‘Если *x* является металлом, то возможно, что *x* драгоценен’; *Ни один металл не является газом* = ‘Если *x* является металлом, то невозможно, что *x* является газом’ или ‘Если *x* является металлом, то необходимо, что *x* не является газом’. Семантические корреляции между модальностью и квантификацией имеют конкретно-речевое проявление: *Собственно, между этими словами и не было разницы: “надо” — значило “надо всем” — и тебе, и другим* (“Правда”. 14 декабря 1981).

Булыгина, Шмелев осуществляют обратную операцию — описывают модальность в терминах квантификации (1990, 139).

Поскольку между КС и союзами имеется значительное логико-семантическое сходство (которое описано в разделе 1.2.3) и аналогичную семантическую близость исследователи обнаруживают между союзами и модальными словами (Тарский 1948, 52; Gramatyka 1984a, 84; Dittel 1977, 139; Maldžieva 1989, 99–100), то в силу отношения транзитивности $xRy \ \& \ yRz \rightarrow xRz$ все эти категории могут быть объединены в интегральную макропарадигму, в которой значения КС, союзов и модальных слов скоординированы между собой (см. таблицу 2.1).

Таблица 2.1

МАКРОКАТЕГОРИЯ ИСТИННОСТИ		
КАТЕГОРИИ	Функциональный класс А	Функциональный класс В
КС	абсолютная квантификация	относительная квантификация
Союзы	конъюнкция обратная конъюнкция антидизъюнкция	дизъюнкция
Модальные слова	необходимость обратная необходимость невозможность	возможность

Модальные слова, кроме основного интерпретативного значения модальности, имплицируют также содержательно близкие значения квантификации (Булыгина, Шмелев 1990, 140; Kąkolak 1989, 14). Этим свойством обладают, прежде всего, формы алетической модальности, ср.: *Получая сдачу, он обязательно пересчитывал деньги* ↔ *Получая сдачу, он всегда пересчитывал деньги*; *Получая сдачу, он мог пересчитать деньги* ↔ *Получая сдачу, он иногда пересчитывал деньги*. Деонтическая модальность как импликатор квантификации может сочетаться с нулевым местоимением, ср.: *Так не поступают* = 'Так нельзя поступать' преобразуемо в высказывание *Так никто из порядочных людей не поступает*. Связь модальности и квантификации проявляется и в том, что модальная семантика иногда передается с помощью КС (см. также 3.2.2) — некоторые экзистенциальные местоимения обладают значением проблематичности, ср.: *On cos jest obrażony* = 'Похоже на то, что он оскорблен'.

В разделе 1.2.2 обращалось внимание на семантическое сходство между абсолютной квантификацией и превосходной степенью прилагательных и наречий. Это сходство дает основание трактовать формы суперлатива как импlicative формы квантификации, ср.: *Самым жестоким видом злодейства сейчас является троцкизм* (Платонов) ↔ *Троцкизм является более жестоким видом злодейства, чем все остальные*. Аналогами конструкций "КС + форма компаратива" типа *Наша сборная выступила хуже всех*, как отмечал Виноградов (1972, 208), являются включающие форму сравнительной степени обобщенно-отрицательные обороты, например: *Счастливей меня нет человека* (Чехов) = 'Не существует х-а, который является человеком, такого, который является счастливей меня'.

2.2. Структура плана содержания категории квантификации

В логике кванторы лишены семантической структуры — некоторые считают концепты логических кванторов так называемыми “семантическими примитивами”, т.е. такими, которые не членимы на составляющие. Если в логике наличия двух кванторов достаточно, чтобы превратить любую пропозицию в истинностное высказывание (Клаус 1960, 75), то количество КС в естественных языках значительно превышает величину „два“, и языковые кванторы, составляющие обширную систему, имеют, в отличие от логических, богатую семантическую структуру.

Традиционное представление о местоимениях (в том числе и о кванторных) как об элементах языка, лишенных сигнификативного значения, в современной семантике подвергнуто критике (Вольф 1974, 4; Петрова 1989; Якобсон 1972, 98) — и это справедливо уже хотя бы потому, что именно по понятийным признакам местоимения делятся на семантические классы: личные, притяжательные, указательные, вопросительные, обобщающие, неопределенные, отрицательные и др.

Структура плана содержания любой языковой категории производна от структуры плана содержания отдельной языковой единицы. Важнейшие языковые признаки, которые составляют ядро структуры плана содержания категории квантификации, относятся к уровням синтаксиса, морфологии (словоизменения и словообразования) и лексической семантики.

2.2.1. Синтаксические признаки КС

Синтаксические характеристики словоформ проявляются в глубинно-семантическом и поверхностно-синтаксическом аспектах высказывания, что воплощается в понятиях семантической функции, синтаксической позиции, синтаксической связи и синтаксической модели.

В главе 1 КС определены как семантически бивалентные единицы: с одной стороны, они относятся к аргументу, с другой стороны, требуют ситуативной локализации его множественного денотата, т.е. относятся к аргументу, который рассматривается в контексте конкретной ситуации.

В лингвистической литературе, однако, эта особенность квантификации обычно игнорируется, а семантическая функция КС понимается по-другому. Согласно известной точке зрения, в семантической структуре высказывания КС являются включающими предикатами (Богданов 1977, 83–84; Hinst 1975, 132; Kagalak 1990, 75). Трактовка КС как включающих предикатов находит

отражение и в структурно-семантическом представлении высказывания — КС, как правило, изолируются от пропозиции (Van Holk 1992, 53; Weinsberg 1983, 174), ср. структуру высказывания *Wszystko płynie* (пример Weinsberg'a):

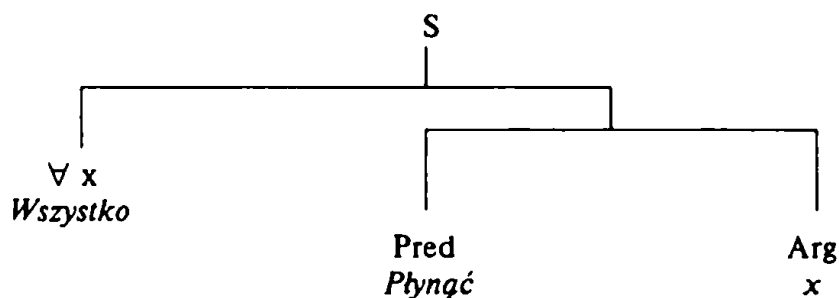

Рис. 2.3

С одной стороны, данная трактовка имеет ряд оснований. Логическим основанием является то, что в математической логике кванторы функционируют подобно предикатам — это отражается в символической записи логических выражений: $P(x)$, $\forall(x)$, $\exists(x)$. Грамматическим основанием является то, что часть КС выражена формами глаголов, например: *существовать*, *быть*, *иметься*, *встречаться*, *попадаться* и др., хотя некоторые исследователи, к сожалению, игнорируют кванторную семантику подобных лексем (Мразек 1985, 121; Źmigrodzki 1991, 23–37). Экзистенциальный предикат составляет также элемент семантической структуры отрицательных *не*-слов (типа *негде*) и *ни*-слов (типа *нигде*). Семантическим основанием рассмотрения КС как включающих предикатов считается их сочетаемость с общими именами, что характерно также для некоторых типов предикатов — фазисных, модальных и др. (Богданов 1977, 99; Ницолова 1982, 39; Степанов 1981, 144; Karolak 1990, 94).

Однако, как свидетельствуют речевые факты, КС обладают рядом важных характеристик, которые отличают их от предикатов. Логическим основанием дифференциации семантических функций КС и предикатов является то, что, во-первых, пропозициональные предикаты входят в открытые и закрытые пропозиции, а кванторы — только в закрытые; во-вторых, пропозициональный предикат может быть разновалентным (иметь разное количество обязательных аргументов, в том числе и один), а кванторы всегда бивалентны, ср. формулу $\exists(x, P(x))$, где в поле интенции квантора существования входят два аргумента: переменная x и открытая пропозиция (предикатный аргумент) $P(x)$.

Грамматическое различие КС и предикатов состоит в том, что предикативная семантическая функция может быть соотнесена лишь с небольшим числом КС, а именно — глагольных или полученных в результате компрессии сочетаний с глаголом. Вейнрейх

отмечает отсутствие в грамматической системе английского языка кванторных глаголов типа **to all* — **всёкать* (1970, 185). Большинство же КС имеет другую синтаксическую природу — это касается субстантивных, прономинальных, адverbиальных и адъективных КС, интерпретация которых не может быть осуществлена с применением предиката, ср.: *Старость дается каждому человеку в награду* = 'Для каждого, кто является человеком, верно, что старость дается ему в награду'.

Наконец, не позволяют отождествлять КС с предикатами и семантические основания: КС не сообщают о действиях, состояниях, процессах, свойствах и отношениях объектов, а, как и многие семантические операторы, регулируют референциальные отношения между аргументами и высказыванием. На это указывает невозможность применения КС к номинативу — субъекту назывных высказываний (см. раздел 1.1.3.7), а также невозможность компрессии высказываний с КС, ср.: *Возможно, что завтра дети пойдут в цирк* — *Это возможно, но Многие дети любят ходить в цирк* — **Дети — многие*. Модальное слово функционирует как предикат, аргумент которого обладает обязательным селективным признаком сентенциальности, тогда как КС семантически бивалентны: они связывают целое (высказывание) и часть (аргумент).

Имеется ряд предпосылок для рассмотрения КС как квантитативных атрибутов (Hlavsa 1970, 33; Kopečný 1953, 115–121; Svoboda 1956, 36–40). В пользу такой трактовки КС свидетельствует ряд факторов: во-первых, признаковая семантика КС, состоящая в уточнении содержания множественных аргументов; во-вторых, присущая КС факультативность в высказывании; в-третьих, характерная для многих КС адъективная грамматическая семантика и словоизменительная парадигма; в-четвертых, свойственная адъективным КС присубстантивная синтаксическая позиция.

Однако, как и в случае с предикатами, синтаксическая функция КС не может быть однозначно соотнесена с атрибутом. Адъективные квалитативные атрибуты преобразуются во включенные предикаты или предикатно-аргументные комплексы (Ильин и др. 1974, 51–54; Hinst 1974, 76; Weiss 1977, 84), ср.: *grzeczny dzieciak* ↔ *dzieciak, który jest grzeczny*; *подземная дорога* ↔ *дорога, которая проходит под землей*. КС подобного преобразования не допускают (Левонтьев 1969, 120; Czapiga 1994, 143; Hartig 1975, 172), ср.: *Do pokoju weszła kobieta cała w bieli* ↔ **Do pokoju weszła kobieta, która była w bieli i która była cała*. Кстати, данное правило позволяет отграничивать от категории КС некоторые прилагательные с количественной семантикой, например, *полный, pełny*, ср.: *Na stole stały srebrne tace pełne owoców* (Iwaszkiewicz) — *Tace były pełne owoców*; *Spacerowali tam i z powrotem po pełnym ludzi peronie* (Iwaszkiewicz) — *Peron był pełen ludzi*.

Если прилагательные-атрибуты могут выражать постоянный

признак предмета, не зависящий от ситуации, в которой он участвует — это дает основание относить, по крайней мере, некоторые атрибуты к числу, по терминологии Мартынова, модификаторов, то КС всегда выражают переменный признак и относятся к числу актуализаторов высказывания (1966, 82).

Отождествлять КС с атрибутами не позволяет и их сочетаемость с определенными аргументами, ср.: *Все они уже купили билеты лотереи; *Глупые они уже купили билеты лотереи*. Некорректность выражений второго типа объяснил Мельчук (1985, 74): поскольку объект определен (*они*), то этот определенный символ включает в себя все его постоянные характеристики, так что употребление квалитативного атрибута попросту избыточно. КС выражает не постоянный, а переменный признак объекта; ни лексическое значение, ни фрейм имени этого объекта не содержат данного признака, поэтому употребление КС в сочетании с определенным аргументом позволяет выражать принципиально новую информацию. Это, кстати, касается и прилагательных со значением переменного признака, например: *Глупые, они купили билеты лотереи ↔ Глупо поступив, они купили билеты лотереи; Брат вернулся усталый ↔ Когда брат вернулся, он выглядел усталым*.

Квалитативные атрибуты — одновалентные единицы, поэтому они способны входить в бинарные словосочетания, ср.: *свежие яблоки*. Синтаксическая связь с существительным не только важна, но и как, считают многие исследователи, достаточна для понимания сущности этого класса синтаксических единиц. Определение, указывает Поллер, “обусловлено не столько синтаксическими функциями, сколько лексико-грамматическими свойствами имени существительного” (1957, 57). Как член именного словосочетания, атрибут относится скорее к фазе номинации аргументов, которая предшествует образованию высказывания (Золотова 1988, 7–8). Значимость лексико-семантических признаков для синтаксического функционирования атрибутов, по сравнению с другими компонентами высказывания, наиболее высока (Киклевич 1992b, 118).

КС, в отличие от атрибутов, не являются только определениями существительных, это — бивалентные единицы и они актуализируются только в контексте предиката. Как пишет Fukushima, КС связывают денотацию предиката с денотацией общего имени, они не относятся только и непосредственно к общему имени (1991). Не случайно Нарский назвал кванторы “неполными символами” (1962, 152). Ср.: *Во всех казармах уже дали отбой* — здесь КС *все* характеризует казармы не просто как некоторый выделенный фрагмент пространства, а как локатив в ситуации ‘X, который в нормальном случае дает отбой, дал отбой в месте Y’, и вне соотношения с этой ситуацией выражение *во всех казармах* не имеет референциального значения.

Как единицы с категориальной бивалентностью, КС не составляют бинарных сочетаний. К словосочетаниям относятся “грамматические единства, образуемые посредством соединения двух или большего количества слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, и служащие обозначением какого-нибудь единого, но расчлененного понятия или представления” (Грамматика 1954, 6). Виноградов, автор этого определения, подчеркивал, что словосочетание — строительный материал для предложения, вне которого оно относится к области номинативных средств языка. В традиционной грамматике некоторые кванторные, например — обобщающие, местоимения, образуют вместе с существительными определительные сочетания типа *весь двор, все сыновья, каждое утро*. В основе таких сочетаний лежат “количественно-обобщающие” и “отвлеченно-типизирующие” отношения (Грамматика 1954, 287). Традиционная грамматика принципиально не различает синтаксического и семантического статуса конструкций типа “прилагательное + существительное” и типа “кванторное местоимение + существительное”, игнорируя дейктическую природу местоименных слов. Данный фактор необходимо принимать во внимание именно потому, что от словосочетания требуется, чтобы оно выполняло номинативную функцию. Сочетания существительных с прилагательными такой функцией обладают, что позволяет употреблять их при остенсивном указании, ср. сочетание *опытный мастер* в высказывании *Это — опытный мастер*. Однако объединение существительного и КС в одну синтагматическую группу не приводит к образованию словосочетания с номинативной функцией, ср.: **Это — каждый мастер*.

Некоторые КС занимают позиции, характерные для аргументов, например: *Я все слышал; Иван всегда охотится с собакой; Дом полностью сгорел*. Однако очевидно, что в первом высказывании КС применяется к эллиптированному актанту, ср.: ‘Я слышал все то, о чем шла речь’. Во втором высказывании КС содержит, помимо значения абсолютной квантификации, указание на семантическую функцию темпоратива (Добрева, Савова 1987b, 376; Чуглов 1985, 71; Grzegorzczukowa 1987, 133), само же значение этого локатива эллиптировано, ср.: ‘Во все отрезки времени, когда Иван охотится, он берет с собой собаку’. В третьем высказывании КС *полностью* обозначает не обстоятельство, при котором осуществляется событие, как, например, аргумент *на окраине* в высказывании *Дом на окраине сгорел*, а количественную степень участия референта существительного *дом* в ситуации ‘*X сгорел*’.

Итак, можно резюмировать, что синтаксическая функция КС не может быть отождествлена ни с предикатом, ни с атрибутом, ни с аргументом. Это — функция бивалентных семантических операторов, связывающих, с одной стороны, соотносимую с аргументом

область возможных миров и, с другой стороны, его локализацию в ситуации, обозначаемой высказыванием.

Имеется, однако, ряд языковых фактов, которые, казалось бы, противоречат сделанному выше выводу. КС в изоляции от предиката входят в состав заголовков, названий, подписей, которые выполняют не только коммуникативную, но и номинативную функцию, например: *Вся Москва* (название издательства), *Целый день* (название стихотворения Кузмина), *Некоторые особенности белорусско-русского билингвизма* (название статьи Супруна), *Margines na całą stronę; Cały ten brud; Dostęp do wszystkiego; Wszystko co najważniejsze; Wszyscy przeciw wszystkim; Gra o wszystko* (заголовки статей в еженедельнике "Polityka"). Особенность подобных выражений заключена в том, что они представляют собой результат компрессии: отсутствующий в поверхностно-синтаксической структуре предикат является компонентом глубинно-семантической структуры, на что указывает возможность их грамматического преобразования, ср.: *Некоторые особенности белорусско-русского билингвизма* ↔ *Рассматриваются некоторые особенности белорусско-русского билингвизма; Margines na całą stronę* ↔ *Margines, który zajmuje całą stronę*. Эллиптирован предикат и в высказываниях типа *Офицеры — все; Офицеры — не все; В лидирующей группе из наших — никого*, в которых может быть осуществлена интерполяция предиката, ср.: *Офицеры присутствуют все/не все; В лидирующей группе из наших нет никого*.

В других случаях, когда семантическая связь КС с предикатом как главным представителем высказывания нарушена, КС претерпевает изменение своего значения, например: *Рыба — вся*, где местоимение употребляется в переносном значении законченности, предельности события, ср.: *Рыба кончилась* (подробнее эти факты см. в главе 3).

Под синтаксической позицией словоформы понимается ее место в формально-грамматической структуре высказывания. Определить синтаксическую позицию значит указать грамматическую характеристику подчиняющего компонента и уровень подчинения.

Исследователи отмечают неоднородность КС в плане синтаксической позиции (Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 34; Осенмук 1985, 74; Hlavsa 1970, 33; Karolak 1989, 13; Pisarkowa 1969, 31). По этому признаку КС можно разделить на несколько групп:

- 1) КС в позиции распространителя 3-го уровня (или распространителя распространителя) синтаксически зависят от существительных и местоимений, например: *Все ← вещи остались в каюте*;
- 2) КС в позиции распространителя 2-го уровня синтаксически зависят от предиката, который может быть

выражен глаголом или прилагательным, например: *По-говорите* ⇒ с каждым из участников экспедиции; *В кубрике всегда* ⇐ *грелись вахтенные*;

- 3) КС в позиции независимого члена высказывания выражены экзистенциальными глаголами, например: *Оставшихся на борту членов команды* ⇐ *не было*.

Однако в ряде случаев определение синтаксической позиции КС связано со значительными трудностями. Часть такого материала составляют конструкции с незамещенной синтаксической позицией связанного аргумента, ср.: *Болело совершенно все* (Битов). КС в подобных выражениях содержат как элементы признаковой семантики (ср.: *свершенно все* — *свершенно больной*), так и элементы предметной семантики (ср.: *болело все* — *болела голова*). В этом отношении КС напоминают числительные, которые, по замечанию Виноградова, сочетают в себе свойства существительных и прилагательных (Грамматика 1954, 16).

Незамещенная синтаксическая позиция существительного может быть результатом эллипсиса, ср.: *Навстречу им проехали две школьницы* — *каждая на одном роликовом коньке, надетом на правую ногу* (Золотарев); — *Будете пить темное пиво или светлое?* — *Светлое*. В данных выражениях легко интерполируемы (кроме прочих) словоформы существительных *школьница* и *пиво*, ср.: *Каждая школьница ехала на одном роликовом коньке* и *Я буду пить светлое пиво*. Считается, что данная операция принципиально не изменяет смысла высказывания (Hlavsa 1970, 38).

Если исходить из пресуппозиции, что эллипсис выступает реализацией какого-то общего семантического правила и это правило должно быть так или иначе отражено в содержании высказывания (иначе эллипсис не являлся бы средством экономии речевых усилий), то рассматривать эллипсис только как устранение “информационно излишних компонентов в предложении, в силу чего уменьшается его объем при сохранении прежней информации” (Мурзин 1984, 27), было бы, вероятно, недостаточным. Если трактовать незамещенную синтаксическую позицию словоформы как знак-молчание, или нулевой знак, то он должен быть characterized как индексальный, в содержательном отношении зависимый от контекста, ср.: *Каждая ∅ ∅ на одном роликовом коньке* = ‘Каждая школьница ехала на одном роликовом коньке’; *∅ ∅ светлое ∅* = ‘Я буду пить светлое пиво’. Однако нулевой знак можно трактовать и как семантически устойчивый метаязыковой оператор с сигнификативным значением ‘то, что упомянуто / о чем шла речь / что вытекает из обстоятельств речи’. Тогда высказывания с эллипсисом будут представлять собой не только редуцированные варианты плана выражения высказы-

вания, но и варианты его содержания. Так, высказыванию *Каждая ∅ ∅ на одном роликовом коньке* можно поставить в соответствие интерпретацию: ‘Каждый предмет в множестве предметов, о котором шла речь, делал то, о чем шла речь, используя один роликовый конек’.

КС может находиться в позиции, характерной для существительного (Szprakowicz 1986, 76), ср.: *Wszyscy są zmęczeni*. Нельзя согласиться с мнением (см.: Nozsiscka 1990, 121), что привербальная позиция (или “позиция именной группы”) свойственна КС и не свойственна прилагательным — ведь именно такую позицию занимают субстантивированные прилагательные, ср.: *Хотят ли русские войны?* (Евтушенко). Данная синтаксическая позиция обусловлена семантическим признаком субстанциональности ‘тот, кто’, который, помимо признаков ‘быть человеком’ и ‘быть русским’, входит в содержание данного слова, ср.: = ‘Верно ли, что те, кто являются людьми и являются русскими, хотят войны?’ Подобным образом функционируют и некоторые адъективные обобщающие местоимения: *Wszyscy są zmęczeni* = ‘Все те, которые являются людьми, о которых идет речь, устали’. Семантический признак ‘те, кто являются людьми’ в этом случае, видимо, инкорпорирован в содержание КС, т.е. *wszyscy* дополнительно выступает как маркер персональности. В данном случае не приходится говорить об эллипсисе, потому что условия эллиптирования словоформ иные. В выражениях рассматриваемого типа, скорее всего, наблюдается то, что Супрун применительно к числительным (в выражениях типа *Троим не страшно*) назвал контекстной субстантивацией (1969, 28; см. также: Чеснокова 1992, 45). Контекстная субстантивация КС зависит, в частности, от лексического значения предиката, т.е. основана на семантической избыточности высказывания — предикат *są zmęczeni* обладает селективным признаком ‘личный субъект’.

Субстантивированные адъективные КС не только зависят от глагольного предиката, но и сами способны управлять предложно-падежными формами существительных — Кибрик назвал это явление обратным подчинением (1992, 106), например: *Некоторые из религиозных взглядов Диккенса свидетельствуют о его уравновешенности*. Возможны также инвертированные формы подобных выражений, например: *Из товарищей к братьям никто не приходил* (Достоевский). В выражениях этого типа содержится ограниченная квантификация аргумента (на что обращал внимание уже Сепир 1993, 393), т.е. аргумент характеризуется конкретно-референтной определенностью, ср.: *из религиозных взглядов Диккенса*, а не просто *из взглядов*; *из товарищей* (подразумевается) *братьев*, а не просто *из товарищей*.

В высказываниях типа *каждый из нас* очевидно противоречие между синтаксической позицией и синтаксической функцией КС:

с семантической точки КС является определителем аргумента, а с поверхностно-синтаксической — управляет им. Структурно-семантическая противоречивость подобного типа характеризует также сочетания с числительными и некоторые другие (Йомдин 1990, 31; Hlavsa 1970, 37; Kopečný 1962, 86–87; Saloni 1977, 161).

Специального внимания заслуживают синтаксические конструкции КС с прилагательными (а также причастиями, притяжательными и определительными местоимениями). Рассмотрим несколько высказываний с субстантивными КС: *Tylko zła, Wasza Miłość, zaznałem, niczego innego* (Andrzejewski); *W Polsce uroda kobiet nie jest niczym nadzwyczajnym* (Wojciechowski); *Nie ma w tym nic dziwnego* (Hen). В польском языке распространены также конструкции типа “*nikt + Adj*”, которые в целом не характерны для восточнославянских языков, например: *Nikt uczciwy nie wyrazi podobnej opinii* (Karuściński) — **Никто порядочный не выскажет такого мнения*, ср.: *Ни один порядочный человек не выскажет такого мнения*.

Согласно известной точке зрения (Шахматов 1941, 302; Пешковский 1956, 159; Ермакова 1969, 89), кванторное местоимение в сочетании с прилагательным занимает подчиненную позицию. Т.е. структура высказывания *Я не видел ничего подобного* может быть представлена в следующем виде: *Я ← не видел ⇒ подобного ⇒ ничего*.

Согласно другой точке зрения (Misz 1967, 60), субстантивные (по своим грамматическим признакам) местоимения, наоборот, подчиняют прилагательное: *Я ← не видел ⇒ ничего ⇒ подобного*. Mędelska (1992, 57) объясняет такую синтаксическую зависимость семантической трансформацией: *wszystko ⇒ nowe ↔ wszystko, co nowe*.

Однако, как показывают наблюдения, в зависимости от лексического (субстантивного или признакового) значения прилагательного и коммуникативной структуры выражения этого типа допускают двоякую интерпретацию, ср.: *Ничего подобного я не видел* = ‘В множестве предметов, подобных упомянутому предмету, не существует такого, который я видел бы раньше’; *Я не видел ничего подобного* = ‘В множестве предметов, которые я видел раньше, не существует подобного упомянутому предмету’. В первом случае прилагательное выражает субстантивную семантику и подчиняет себе КС, а во втором носителем признака субстанциональности является КС, прилагательное же выступает как дескриптивная характеристика актуального множества {подобные предметы}.

Такое же положение наблюдается в конструкциях, которые образуют с прилагательными адъективные КС, например: *Wszystko inne jest podejrzone* (“Polityka”. 1992/41); *Przyjmuję wszystkich chorych bez wyjątku* (“Polityka”. 1992/20); *Każdy głupi potrafi*. Если прилагательное обозначает переменное свойство объекта, то оно является носителем только признаковой семантики, а значит, семантико-

синтаксически зависит от КС; если же прилагательное выражает постоянный признак, оно субстантивируется и КС выступает при нем как определитель. Поскольку показателем переменного или постоянного характера признака может быть тематичность или релативность прилагательного в высказывании, то выражения с разной коммуникативной структурой имеют и разную семантико-синтаксическую структуру, ср. высказывания *Przyjmuje wszystkich chorych bez wyjątku*, где КС подчиняет прилагательное ('Он принимает всех тех, кто болен, без исключения') и *Przyjmuje wszystkich chorych bez wyjątku*, где прилагательное подчиняет КС ('Если речь о тех, кто болен, то он принимает всех их без исключения').

Под монотонными будем понимать синтагматические группы, состоящие из единиц одной и той же части речи. Так, монотонные местоименные конструкции польского языка в виде декартова произведения представила Pisarkowa (1969, 23). Среди них можно найти и выражения, включающие КС, например: *Wszystko to prawda, ale nie cała* (Passent). Некоторые исследователи считают, что в конструкции типа "КС + Pron_{dem}" главным является КС (Słownik 1990, xli). Такое решение представляется нам спорным, потому что КС в данной конструкции — вторичный и факультативный компонент, тогда как указательное местоимение обозначает аргумент высказывания. Даже в случае элиминирования указательного местоимения его семантика в высказывании сохраняется, ср.: *Biskup robi dlań wszystko ↔ Biskup robi dlań wszystko to, czego potrzebuje*. В качестве зависимого атрибута выступает КС и в сочетаниях с личными местоимениями (Renni и др. 1973, 328; Hlavsa 1970, 39), ср.: *Ona страдает сильнее всех нас* (Сологуб), *всех ← нас*.

В польском языке при отсутствии личного местоимения 1-го или 2-го лица возможно присоединение к КС окончания глагола прошедшего времени, например: *Wszyscyśmy wiedzieli o groźnej sytuacji w tym regionie*. КС в таких случаях выступает как целостный инкорпоративный комплекс с включенной в его содержание семантикой персональности и занимает в высказывании позицию распространителя глагольного предиката.

Указательное местоимение, как известно, может употребляться в качестве соотносительного компонента сложноподчиненных предложений (Белошапкова 1977, 228), ср.: *Я знаю то, что знают и другие*. Местоименно-соотносительные высказывания могут включать и КС, например: *Я знаю все то, что знают и другие; Я знаю все, что знают и другие*. В высказываниях, где КС сочетается с указательным местоимением (ср.: *все то, что*), оно занимает припрониминальную позицию, а в выражениях типа *Я знаю все, что знают и другие*, как указывает Белошапкова, оно выступает в роли указательного местоимения и имеет "субстантивную природу" (1977, 229-230).

Как правило, КС в соотносительной функции занимают привербальную синтаксическую позицию, например, в высказывании *Я знаю все, что знают и другие*. Однако в той же функции КС может занимать и присубстантивную позицию, например: *Я пребывал в состоянии экстаза от всего, что бросилось в глаза* (“Студ. меридиан”. 1990/2), где *от всего* зависит от словоформы экстаза.

Следует обратить внимание на одну существенную особенность употребления КС в сложноподчиненном предложении — они актуализируются только при относительном подчинении, ср.: *Она занавешивала своим налетом все, что́ было внутри — Она занавешивала своим налетом все то, что́ было внутри, но *Я не заметил всего, что в дом вошли люди — *Я не заметил всего того, что в дом вошли люди*. Данное явление обусловлено дистрибутивным условием определенности, ведь в высказываниях типа **Я не заметил всего того, что в дом вошли люди* пропозициональный аргумент *того, что в дом вошли люди* является неопределенным, на что указывает и трансформация: *То, чего я не заметил, было то, что в дом вошли люди*. Если мы преобразуем аргумент так, чтобы он выражал детерминативную функцию, вхождение КС в высказывание не будет встречать препятствий: *Входили и выходили люди, но я не замечал всего этого*.

На синтаксическую позицию КС влияют также их линейно-синтаксические свойства. Так, высказывания *Все на площадке танцуют* и *Все танцуют на площадке* семантически не тождественны: в первом из них квантор охватывает тех, кто находится на площадке, а во втором — тех, кто имеется в виду (например, *гости* или *пары*).

Для адъективных КС типичной является препозиция по отношению к определяемому существительному, ср.: *Все небо затянуло тучами*. Отступления от этого порядка слов Урысон назвала неканоническим употреблением кванторов (1989, 189) — это выражения типа: *Русские с состоянием все хлынули за границу* (Достоевский); *В селе мужицкие дворы все большие* (Бунин); *Женщины все любопытны* (Сологуб).

Встречается также дистантное расположение КС и опорного существительного, например: *Кавказ был весь как на ладони* (Пастернак). Подобный порядок слов позволяет распределить КС и связанный аргумент по разным частям коммуникативной структуры высказывания: аргумент принадлежит теме, а КС — реме сообщения.

Связанный аргумент в подобных выражениях имеет также черты, общие с так называемым именительным темой: он, преимущественно, выражается словоформой в именительном падеже, находится обычно в инициальном положении, может выступать объектом делиберативного глагола, ср.: *Если говорить о му-*

жицких дворах, то все они были большие. Но от именительного темы связанный препозитивный аргумент отличается тем, что он включен в структуру высказывания и семантико-синтаксически связан с предикатом. Это подтверждается возможностью употребления высказываний с таким аргументом как придаточных, что не характерно для высказываний с именительным темы, ср.: *Он сказал, что русские с состоянием все хлынули за границу*; **Он сказал, что виды на ярмарку, пока они не определены*. Для именительного темы не характерны формы личных местоимений, а в высказываниях с постпозитивным адъективным КС такие местоимения выглядят вполне естественно, например: *Мы находимся все в таком тяжелом плену* (Пришвин).

Следует отметить, что в некоторых случаях более предпочтительной является неканоническая форма порядка слов. Это высказывания с деструктивами, ср.: **Вся чашка разбилась*; *Чашка разбилась вся/полностью/вдребезги*. То же касается высказываний, в которых связанный аргумент выражен одушевленным существительным, в особенности — именем собственным: высказывания типа *Иван весь дрожал*, по нашим наблюдениям, более распространены, чем высказывания типа [?]*Весь Иван дрожал*. Сочетания квантора *cały* с личными местоимениями имеют обычно инвертированный порядок слов, т.е. *Zwęszył ją całą*, а не **Zwęszył całą ją* (Киклевич 1992e, 33). Напротив, говорящий испытывает некоторые затруднения, изменяя канонический порядок слов, если в высказывании имеется числительное, ср.: *Все 20 книг исчезли*; [?]*20 книг все исчезли*.

Вопрос о синтаксической позиции КС в выражениях типа S/Pron — Quant — VF и S/Pron — VF — Quant не имеет однозначного решения в научной литературе. Согласно одной точке зрения, КС в этом случае синтаксически относится к словоформе, выражающей предикат, а семантически представляет собой характеристику степени его интенсивности (Кржижкова 1974, 138; Урысон 1989, 190). Так, Кржижкова рассматривает в одном ряду выражения *весь синий, почти синий, очень синий, совершенно синий* и т.п. Иногда в качестве обоснования такой трактовки приводятся семантически сходные высказывания с постпозитивным адъективным КС и адвербиальным КС, чья привербальная позиция не вызывает сомнений, ср.: *Огромный подоконник весь использовался Потаповым* (Солженицын) ↔ *Огромный подоконник целиком/полностью использовался Потаповым*. Согласно другой точке зрения, постпозитивные адъективные КС синтаксически бивалентны — они связаны и с аргументом, и с предикатом (Русская грамматика 1980b, 148; Hlavsa 1970, 34–37; Van Holk 1992, 53). Мигирин относил подобные единицы к явлениям переходности на уровне членов предложения (1968, 41).

Нам, однако, более предпочтительным представляется третье решение. Насколько можно судить по фактическому материалу,

нет никаких доводов в пользу того, что постпозитивные адъективные КС в поверхностно-синтаксической структуре высказывания (ведь речь идет об их синтаксической позиции) как-либо связаны с глагольным предикатом. Белошапкова вообще не считала, что порядок слов влияет на синтаксические зависимости в высказывании (1977, 142). Приводимый в качестве аргумента синтаксической связи постпозитивного КС с предикатом параллелизм высказываний типа *Дача сгорела вся* и *Дача сгорела полностью* ничего не доказывает, так как это лишь семантический параллелизм, а формально-синтаксические и семантические отношения членов предложения, как мы видели на примере сочетаний типа *некоторые из них*, не всегда симметричны.

Если адвербиальные КС дублируют синтаксическую функцию партнера по синтагматической группе, то КС является зависимым, а аргумент — главным, например: *Только в коридорах кое-где выбиты стекла* (Сологуб), ср.: *в коридорах* \Rightarrow *кое-где*; *Нигде в мире нет такого количества туннелей, как в Швейцарии*, ср.: *нигде* \Leftarrow *в мире*. Подобную структуру имеют сочетания темпоративных адвербиальных КС со словоформой *больше*, например: *Никогда больше я его не встречал* = 'Не существовало момента времени, относящегося к будущему, такого, когда бы я его встречал', ср.: *никогда* \Leftarrow *больше*.

В тех же случаях, когда КС (адвербиальное, субстантивное или субстантивированное) не дублирует синтаксической функции аргумента, оно зависит от предиката, например: *Никто в городе не ждал ревизора* = 'Никто из тех, кто живет в городе, не ждал ревизора', ср.: *никто* \Rightarrow *в городе*, *никто* \Leftarrow *не ждал*; *Там все огромно и певуче* (Ходасевич) = 'Все то, что есть там, огромно и певуче', ср.: *там* \Rightarrow *все*, *все* \Leftarrow *огромно*. Такой же тип связи характерен для сочетаний нетемпоральных КС (отрицательных местоимений) с наречием *больше* в значении 'другой', ср.: *От него больше ничего не добьешься* = 'От него невозможно добиться ничего другого', ср.: *больше* \Leftarrow *ничего*, *ничего* \Leftarrow *не добьешься*. К этой группе можно отнести сочетания субстантивных КС с формами сравнительной степени, ср.: *Умоляю тебя, поедem! Лучше Москвы ничего нет на свете!* (Чехов), ср.: *лучше* \Leftarrow *ничего* \Leftarrow *нет*; *И гудом только смерть назвать нельзя — Нет в мире ничего обыкновенней* (Елагин), ср.: *нет* \Rightarrow *ничего* \Rightarrow *обыкновенней*.

Многообразие поверхностно-синтаксических характеристик КС проявляется также в аспекте синтаксической связи: они могут быть связаны сочинительно (*все или некоторые*) или подчинительно (*все шарики*), причем сочинительные конструкции составляют как из тождественных, так и из различных по синтаксической функции компонентов, ср.: *все или некоторые* — *все и всегда*. В рамках подчинительной связи КС могут занимать позицию зависимого или главного члена. Для КС как зависимого члена синтагматической группы характерны:

- 1) согласование, например: *все* \Leftarrow *источники*;
- 2) управление, например: *не вижу* \Rightarrow *никого*;
- 3) примыкание, например: *нет* \Rightarrow *нигде*;
- 4) координация, например: *никто* \Leftarrow *не спит*.

КС как главный член синтагмы может быть связано с зависимым:

- 1) согласованием, например: *ничего* \Rightarrow *лучшего*;
- 2) управлением, например: *никого* \Rightarrow *из них*;
- 3) примыканием, например: *ничего* \Rightarrow *больше*;
- 4) координацией, например: *существуют* \Rightarrow *ученые*.

Наблюдения над поверхностно-синтаксическими характеристиками КС обобщены в множестве структурных схем предложений, включающих лексические маркеры категории квантификации (см. таблицу 2.2).

Таблица 2.2

№	Модель	Пример
1	$\text{Quant}_{\text{Adj}} - \text{S}/\text{Pron}_{\text{S}} - \text{VF}$	<i>Все дети/они уснули.</i>
2	$\text{Quant}_{\text{Adj}} - \text{Adj}/\text{Pron}_{\text{Adj}}/\text{Num} - \text{S} - \text{VF}$	<i>Все новые/эти/сто две книги исчезли.</i>
3	$\text{Quant}_{\text{Adj}} - \text{Adj}/\text{Pron}_{\text{Adj}} - \text{VF}$	<i>Все остальные / наши проиграли.</i>
4	$\text{Quant}_{\text{Adj}} - \text{Num} - \text{VF}$	<i>Все трое проиграли.</i>
5	$\text{Quant}_{\text{Adj}} - \text{NS} - \text{VF}$	<i>Все, кто пришли потом, опоздали.</i>
6	$\text{Quant}_{\text{Adj}} - \text{Pron}_{\text{dom}} - \text{NS} - \text{VF}$	<i>Все те, кто пришли потом, опоздали.</i>
7	$\text{Quant}_{\text{Adj}} - \text{VF}$	<i>Все опоздали.</i>
8	$\text{Quant}_{\text{Adj}} - \text{Pron}_{\text{Adv}} - \text{VF}$	<i>Все здесь работают.</i>
9	$\text{Quant}_{\text{Adj}} - \text{Praep} - \text{S}/\text{Pron}_{\text{S}}/\text{Adj} - \text{VF}$	<i>Все в комнате спали.</i>
10	$\text{S} - \text{Quant}_{\text{Adj}}$	<i>Офицеры – все.</i>
11	$\text{Quant}_{\text{VF}} - \text{S} - \text{NS}$	<i>Есть люди, которые не умеют плавать.</i>
12	$\text{Quant}_{\text{VF}} - \text{Adj}/\text{Pron}_{\text{Adj}} - \text{S}$	<i>Есть талантливые спортсмены.</i>
13	$\text{Quant}_{\text{VF}} - \text{S} - \text{Praep} - \text{S}$	<i>Есть актеры без таланта.</i>
14	$\text{Quant}_{\text{S}} - \text{S} - \text{Adv}$	<i>Бывают нарушители поневоле.</i>

15	S/Pron _S - Quant _{Adv} - (Part _{Neg}) - VF	<i>Директор всегда опаздывает.</i>
16	S - (Part _{Neg}) - VF - Quant _{Adv} - Adv/Pron _{Adv}	<i>Брат работает всегда вечером/никогда не работает вечером.</i>
17	S - (Part _{Neg}) - VF - Quant _{Adv} - Praep - S/Pron _S	<i>Брат работает всегда по утрам/никогда не работает по утрам.</i>
18	Quant _S - S _{gen} - VF	<i>Половина отряда вернулась.</i>
19	Quant _S - Praep - (Adj/Pron _{Adj}) - S/Pron _S - (Part _{Neg}) - VF	<i>Часть из этих домов продана; Никто из пассажиров не спал.</i>
20	S _{gen} - Part _{Neg} - VF - Quant _S	<i>Друзей никого не видел.</i>
21	Quant _S - Adj/Pron _{Adj} - Part _{Neg} - VF	<i>Никто другой не сделает.</i>
22	Quant _S - Adv/Pron _{Adv} - Part _{Neg} - VF	<i>Никто там не живет.</i>
23	S - Quant _S - Part _{Neg} - VF	<i>Брат никого не знает.</i>
24	Quant _S - Part _{Neg} - VF	<i>Никто не спит.</i>
25	S/Pron _S - Quant _{Adv} (1) - Quant _{Adv} (2) - VF	<i>Он всегда везде успеваает.</i>
26	S/Pron _S - Quant _{Adv} (1) - Konj - Quant _{Adv} (2) - VF	<i>Он всегда и везде успеваает.</i>
27	S/Pron _S - Quant _{Adv} - Quant _{Adj} - VF	<i>Он всегда всем помогает.</i>
28	S/Pron _S - Quant _{Adv} - Konj - Quant _{Adj} - VF	<i>Он всегда и всем помогает.</i>
29	S/Pron _S - Quant _{Adj} (1) - Quant _{Adj} (2) - VF	<i>Он всему и всем радуется.</i>
30	S/Pron _S - Part _{Neg} - VF - Quant _S (1) - Konj - Quant _S (2)	<i>Он не боится никого и ничего.</i>
31	S/Pron _S - (Part _{Neg}) - VF - Quant _S - Quant _{Adv}	<i>Никто никогда ему не мешает.</i>
32	S/Pron _S - (Part _{Neg}) - VF - Quant _S - Konj - Quant _{Adv}	<i>Ему не мешает никто и никогда.</i>

2.2.2. Морфологические признаки КС

КС естественного языка отличаются от кванторов в логике, а также от других естественных языковых семантических операторов не только разнообразием синтаксических признаков, но и разнородными морфологическими характеристиками. В отличие от союзов и частиц, КС относятся к тем единицам языка, которые, как пишет Супрун, “образуют тесную семантически спаянную группу слов, однако не имеют особых грамматических свойств и, следовательно, не составляют особой части речи” (1969, 4; см. также: Барлас 1976, 68).

Далее будут описаны грамматические признаки КС двух ти-

пов: 1) общие — частеречная принадлежность слова и 2) частные — принадлежность к грамматическим парадигмам внутри частей речи.

По частеречной принадлежности можно различать 1) прономинальные (или кванторные местоимения), 2) адъективные, 3) субстантивные, 4) адвербиальные и 5) вербальные (глагольные) КС.

К кванторным местоимениям относятся выражающие кванторную семантику подклассы обобщающих, отрицательных и неопределенных местоимений. Местоимения составляют ядро функционального поля квантификации как в парадигматическом, так и в синтагматическом аспекте. Например, в десятке наиболее частых (по абсолютной частоте) КС польского языка восемь мест занимают местоимения (см. таблицу 2.3).

Таблица 2.3

№	Ранг	Лексема	Частота
1	50	<i>wszystek</i>	870
2	61	<i>cały</i>	745
3	77	<i>nic</i>	597
4	79	<i>każdy</i>	581
5	85	<i>wszystko</i>	525
6	92	<i>coś</i>	487
7	158	<i>część</i>	320
8	183	<i>żaden</i>	279
9	185	<i>często</i>	272
10	216	<i>nikt</i>	247

С теоретической точки зрения выделение среди местоимений разряда кванторных является достаточно спорным. Местоимения, как неоднократно указывалось в литературе, обладают заместительной (или анафорической) функцией (Аничков 1968, 120; Вейнрейх 1970, 166; Вольф 1974, 3-6; Майтинская 1969, 26; Ницолова 1991, 45-46; Реформатский 1967, 59; Сидоренко 1990, 11; Biedermann 1981, 83-85; Gaertner 1933, 161; Klajn 1985, 13-19; Szober 1924, 65). Эта функция проявляется в том, что в синтагматическом аспекте местоимения обозначают объекты или признаки через соотнесенность с речевым актом или с говорящим (Бенвенист 1974, 287; Виноград, Флорес 1995, 219; Падучева 1985, 11; Шелякин 1986, 5), а в парадигматическом плане — образуют, по выражению Мечковской, “теневые системы, которые в какой-то мере репрезентируют грамматические и некоторые другие категориальные оппозиции, значимые для тех лексических классов, которые замещаются данными местоимениями” (1988, 383-384). Именно по этой

причине “местоимения (как класс. — А.К.) характеризуются скорее спецификой по сравнению с другими словами, чем внутренним единством этой специфики” (Супрун 1988, 15).

Противоречие, заложенное в употреблении термина “кванторные местоимения”, заключается в том, что, как считают некоторые исследователи, данные единицы лишены заместительной функции. Ревзин называл значение КС когнитивным и противопоставлял его коммуникативному значению местоимений (1978, 134). В самом деле, в выражении *Все мои друзья — музыканты* отсутствует анафорическое или катафорическое соотношение КС *все* с каким-либо элементом текста, хотя высказывание при этом выглядит вполне корректно. Именно поэтому Вейнрейх включает КС в число форматоров — единиц, выполняющих логические операции и включающих только сигнификативный семантический компонент (1970, 166), отличая их от десигнаторов (полнозначных имен) и дейктических слов. Одни исследователи (Мартынов 1966, 81; 1974, 46; Grzegorzczukowa 1987, 133) дифференцируют классы местоимений и КС по семантическим признакам, другие (Зализняк, Падучева 1974, 32; Майтинская 1969, 33; Słownik 1990, xl–xli) — по морфологическим признакам.

Однако анализ функционирования КС свидетельствует о наличии в их содержании местоименных свойств. Природа местоимений лишь частично воплощена в анафоре. Якобсон определял шифтеры как единицы, для семантического толкования которых необходимо обращение к контексту (1972, 97). Но контекст не обязательно составляют кореферентные символы, как это имеет место в случае анафорической связи (Jodłowski 1973, 114). Дейксис основывается на том, что реализация знака требует ряда коммуникативных и эпистемических предпосылок, без которых его употребление невозможно. Так, личное местоимение *я* употребляется при условии, когда речевой субъект и один из участников описываемой высказыванием ситуации совпадают, указательное местоимение *это* — когда именуемый предмет известен говорящему до коммуникативного акта. Подобные условия обязательны также для актуализации КС. В предыдущих разделах говорилось о том, что семантика квантификации предполагает ссылку на исходное множество индивидов и это множество трактуется говорящим как известное, а значит, при актуализации КС хотя бы косвенно предполагается ссылка на говорящего. Супрун — один из немногих, кто подметил эту особенность КС. Выделяя словоформу *оба* как аналог выражения *все два* из ряда числительных, он пишет: “Слово *оба* подобно местоимениям и тем, что в нем отражается дейктический характер значения: оно указывает обычно на уже упоминавшиеся предметы” (1969, 37).

Дейктический характер местоимений обуславливает необхо-

димось использования в их лексикографическом толковании мета-языкового оператора ‘употребляться’, ср. (примеры из “Словаря русского языка”): *Я* – ‘употребляется для обозначения говорящим самого себя’; *Ты* – ‘употребляется при обращении к одному лицу’. Лексикографическое описание КС в том же словаре строится на иных принципах, ср.: *Каждый* – ‘один из ряда подобных, взятый подряд, без выбора, без пропусков; всякий, любой’. И сам принцип, и само определение не безупречны. Во-первых, здесь налицо порочный круг толкования; во-вторых, выражения *один из ряда подобных, взятый подряд* и др. не являются субститутами *каждый*, по крайней мере, в некоторых контекстах, ср.: *Каждый день мы встречались в этом парке* — **Один из ряда подобных дней мы встречались в этом парке*. В-третьих, не учитывается дейктический характер слова *каждый* — невозможность его истолкования без упоминания о существовании множества индивидов, к которому оно применяется как количественный оператор. По аналогии с другими дейктическими словами, семантическое толкование *каждый* в словаре могло бы, например, иметь вид: *Каждый* — ‘употребляется для указания на полный объем известного говорящему множества объектов в описываемой ситуации’ — с добавлением, разумеется, ряда дополнительных семантических признаков.

Все КС обладают дейктичностью, однако к числу кванторных местоимений относятся только те единицы, которые, кроме лексико-семантических признаков, обладают также грамматической общностью с другими классами местоимений, например — лексемы, образованные от вопросительных местоимений: *никто, нигде, никогда, ничей, кто-то, где-то, когда-то, чей-то* и др. При этом учитываются также характеристики морфологических парадигм, типы грамматических форм, особенности реализации грамматических категорий. Так, лексему *весь* можно отнести к числу местоименных, потому что, несмотря на ряд общих с прилагательными признаков, она, во-первых, имеет специфическую грамматическую форму именительного падежа (с нулевым окончанием); во-вторых, не образует степеней сравнения; в-третьих, не имеет кратких форм; в-четвертых, не выполняет предикативной функции.

По совокупности грамматических признаков кванторные местоимения можно разделить на несколько классов:

- 1) **адъективные** $\text{Quant}_{\text{Pron/Adj}}$ — составляют оппозиции по роду, числу и падежу, например: *каждый, весь, любой, всякий, ничей*;
- 2) **субстантивные** $\text{Quant}_{\text{Pron/S}}$ — образуют оппозиции по падежу и одушевленности, например: *никто, ничто, кое-кто, кое-что*;
- 3) **адвербиальные** $\text{Quant}_{\text{Pron/Adv}}$ — не образуют морфоло-

гических оппозиций, например: *нигде, никогда, полностью, всегда, всюду*.

Среди КС имеются также представители других частей речи:

- 1) кванторные глаголы Quant_{VF} , например: *быть, бывать, существовать, иметься, встречаться, попадаться, случаться*;
- 2) кванторные наречия Quant_{Adv} , например: *часто, редко, полностью, целиком, навеки, вечно, ежемесячно, каждодневно, настежь*;
- 3) кванторные существительные Quant_S , например: *часть, половина, большинство, меньшинство*;
- 4) кванторные прилагательные Quant_{Adj} , например: *постоянный, каждодневный, ежегодный, многие, немногие, круглый (год)*.

Для большинства из этих слов кванторная функция является единственной или же основной, но некоторые КС, прежде всего — глаголы, регулярно выполняют и другие семантические функции, ср.: *Встречаются бессердечные люди* (\leftrightarrow *Некоторые люди бессердечны*) — *Саша и Нина встречаются*.

В пределах части речи КС входят в частные грамматические категории: падеж, род, число и др. В соответствии с грамматической традицией они делятся на две группы: 1) классификационные и 2) реляционные. Далее рассматриваются важнейшие признаки КС в структуре этих типов категорий.

Как указывает Мартынов, морфологические показатели слова — “позиционные определители”, значимые в области комбинаторики единиц знаковой системы (1966, 74). Однако морфология относится не только к синтагматическому, но и к парадигматическому плану, хотя степень “синтагматичности” и “парадигматичности” грамматических категорий варьируется. Например, одной из референциальных грамматических категорий, как указывал Реформатский (1987, 81), является число существительных — морфологическое средство выражения множественного и единичного характера количественной номинации аргументов.

Классификационное грамматическое значение является важным компонентом содержания КС, способным указывать на таксономические свойства того референтного класса, к которому они применяются или, по Блумфилду, “служит сферой действия” КС (1968, 270). Ср.: *Никто не пропадет* и *Ничто не пропадет* — в первом КС определяет множество людей, а во втором — множество неодушевленных объектов, что обусловлено именно грамматической семантикой одушевленности кванторного местоимения *никто* и семантикой неодушевленности местоимения *ничто*.

В зависимости от специализации (термин Сепира), т.е. соотношенности местоимения с определенным таксономическим классом индивидов, оно выражает определенный тематический признак, или тематику (Левин 1973, 108-110; Мигирин 1973, 68; Głuszkowska 1985, 24-25). Многие описания КС в толковых словарях, по существу, сводятся к указанию на их тематические признаки, ср. некоторые дефиниции в “Тлумачальным слоўніку беларускай мовы”: *ніхто* — *ні адзін чалавек*; *нідзе* — *няма ні ў якім месцы* и т.д.

Одна из наиболее известных классификаций местоимений по тематическим признакам принадлежит Левину, который различает 10 классов: *что, кто, какой, чей, который, сколько, когда, где, куда, как*. В этом перечне, однако, отсутствует ряд признаков, например: *зачем, почему, откуда* и др., которые, в частности, можно найти у Сепира (1993, 403). По грамматико-тематическим свойствам КС можно разделить на несколько классов (см. таблицу 2.4).

Таблица 2.4

№	Тематический класс	Примеры
1	одушевленный объект (лицо)	<i>все, никто, кто-то, кое-кто, кто-нибудь, кто-либо, некого</i>
2	неодушевленный объект (вещь, факт)	<i>всё, ничто, что-то, кое-что, что-нибудь, что-либо, нечто, нечего</i>
3	время	<i>всегда, никогда, когда-то, когда-нибудь, когда-либо, некогда, некогда, иногда</i>
4	пространство	<i>везде, всюду, повсюду, нигде, где-то, кое-где, где-нибудь, где-либо, негде</i>
5	направление	<i>повсюду, отовсюду, никуда, ниоткуда, откуда-то, откуда-нибудь, откуда-либо, неоткуда</i>
6	принадлежность	<i>ничей, чей-то, чей-нибудь, чей-либо</i>
7	цель	<i>ни зачем, зачем-то, зачем-нибудь, зачем-либо, незачем</i>
8	причина	<i>ни почему, почему-то, почему-нибудь, почему-либо, не отчего</i>
9	качество	<i>всякий, всяко, никакой, какой-то, какой-нибудь, какой-либо</i>
10	количество	<i>нисколько, сколько-нибудь, сколько-либо, не-сколько</i>
11	способ	<i>по-всякому, никак, как-то, как-нибудь, как-либо</i>
12	немаркированные	<i>каждый, весь, любой</i>

Список тематических типов КС требует некоторых комментариев. Прежде всего следует обратить внимание на то, что содержание таксономических классов, которые обозначаются связан-

ными аргументами, манифестируют не только субстанциальные признаки (лицо, вещь, факт), но и такие признаки, как качество, количество, способ и т.д. Это возможно только благодаря тому, что человеческое сознание не только расчленяет мир в зависимости от объективных свойств его элементов, но и концептуализирует мир, т.е. объединяет онтологически разнородные факты в единые категории. Одной из форм подобной концептуализации выступает субстантивация признаков, состояний, отношений и др. Результатом актуализации названных ментальных операций являются эпистемические возможные миры, которые составляют онтологический фон языковых выражений. К примеру, количество может быть интерпретировано как предметная область, состоящая из множества величин объема класса — эталонное множество, которое позволяет применять к символам субстанций маркеры номинального количества. Если это множество величин в конкретном акте коммуникации является исходным, т.е. известным говорящему до трансляции сообщения, то соблюдаются важнейшие презумпции квантификации и, значит, символ такого множества величин может быть проквантифицирован. Ср.: *Если вы найдете в лесу сколько-нибудь грибов, то вечером мы сварим грибной суп*. Количество грибов, которые растут в лесу, является содержанием субъекта экзистенциальной пресуппозиции: 'В известном говорящему арифметическом ряду существует множество величин, которому равно количество грибов, которые растут в лесу'. Лексема *несколько* в зависимости от наличия или отсутствия исходного количества функционирует как количественное наречие либо как КС, ср.: *Возьмите из этой корзины несколько шариков* = 'Возьмите из этой корзины шарик в количестве от 3 до 10'; *Нет, вы возьмите из корзины только несколько шариков, остальные мне еще нужны* = 'Число шариков, которое разрешается взять из корзины, не должно равняться числу шариков в корзине'.

Специального комментария требует также оппозиция квантификаторов одушевленных и неодушевленных объектов, например: *все — всё* (наиболее очевидная в случае контекстной субстантивированности). С одной стороны, неодушевленные кванторные местоимения могут употребляться как немаркированные, ср.: *Всё ушло и примолкло* (Пушкин); *Нежнее, чем польская панна, И значит — нежнее всего* (Бальмонт); *Ничто не вечно под Луной* — где словоформы *все, всего* и *ничто* обозначают персональность или предметность в широком смысле. С другой стороны, одушевленные КС обычно функционируют в тексте как носители семантики персональности, ср.: *Он не хотел никого и ничего знать* (Казаков), где *никого* = 'никого из людей'. Выражение персональности является основным грамматическим признаком лично-мужских форм множественного числа польского местоимения *wszyscy*, ср.: *Owszem, powinnaś*

lubić koleżanki i wszystkich (Kunciewiczowa), где *wszystkich* = ‘всех других людей’. Оппозиция по лицу существует только во множественном числе, формы же единственного числа вступают в грамматические оппозиции в рамках релятивных категорий — рода и падежа, ср.: *wszystek* — *wszystka* — *wszystko*, *wszystek* — *wszystkiego* и т.д. При этом функционирование таких словоформ в присубстантивной синтаксической позиции тематически ограничено: местоимения *wszystek*, *wszystko*, *wszystka* в единственном числе квантифицируют только неодушевленные неупорядоченные объекты (вещества и материалы), например: *wszystko mleko*, *wszystek piasek*, *wszystka woda*. Во всех остальных случаях семантику местоимения *wszystek* в единственном числе в присубстантивной позиции выражает кванторное местоимение *cały*, ср.: *cały dom*, *cały czas*, *cały lot*. Семантико-грамматическую сочетаемость *cały* с аргументами отражает таблица 2.5, которая составлена на основе 10 сплошных выборок по 150 употреблений указанных кванторных местоимений из прозаических текстов польских писателей 20 в. (Broszkiewicz, Iwaszkiewicz, Kunciewiczowa, Lem, Nowak, Nowakowski, Panas, Stachura, Schulz, Żukowski).

Таблица 2.5

Лексико-семантический разряд существительного	Количество словоупотреблений	
абстрактные существительные	227	59%
в т.ч. со значением времени	80	21%
конкретные существительные	151	39%
личные местоимения	6	2%

Как видно из таблицы, кванторное местоимение *cały* с тематической точки зрения является немаркированным, хотя в сфере его сочетаемости предпочтение отдается неодушевленному существительному, среди которых ядро составляют абстрактные.

Следует отметить, что тематическая характеристика КС реализуется не только с помощью морфологических (синтетических), но и с помощью лексико-синтаксических (аналитических) форм, ср. устойчивые выражения *все время*, *в любое время*, *в любом месте*, *во всех местах*, *в любых условиях*, *по любой причине*, *по любому поводу* и т.п.

Реляционные грамматические признаки КС являются конструктивными, т.е. проявляются в аспекте дистрибуции, а не номинации языковых знаков. К числу важнейших реляционных признаков КС относятся число и падеж.

Поскольку каждая форма квантификации связана с семантикой множества, то грамматическое различие единственного

и множественного числа применительно к единицам данного типа лишено традиционного смысла (Зализняк, Падучева 1974, 32). Так, различие местоимений *весь* и *все* заключается не в их сочетаемости с символами единичных элементов и символами множеств, как, например, в оппозиции форм прилагательных *новый* и *новые*. Связанный аргумент в выражениях *весь x* и *все x* является множеством независимо от грамматического числа имени существительного, которое можно поставить вместо *x*, ср.: *Wszystko to są czytelne dla ludzi znaki* (Lem); *Czyż to wszystko nie są kłamstwa?* (Stachura), где кванторное местоимение единственного числа актуализируется в контексте множественного числа глагола. Различие между кванторными формами единственного и множественного числа состоит только в том, что в первом случае КС применяется к множеству, имя которого всегда, а во втором случае — не всегда морфологически производно от имени его элемента, ср.: *все дома* = ‘все *x*-ы, такие, что *x* является домом’; *весь дом* = ‘все *x*-ы, такие, что *x* является частью дома’ (хотя возможна и омонимия символа элемента множества и символа множества в сочетаниях с существительными *pluralia tantum*, например: *все ножницы*). Символ множества в сочетаниях с КС в единственном числе произведен от формы символа элемента, если для обозначения множества используются собирательные существительные, ср.: *Вся листва в саду пожелтела*, где имя множества *листва* морфологически производно от имени элемента множества *лист*.

Кванторное местоимение *весь* применяется к символам партитивных множеств объектов, а *все* по отношению к типу множества не маркировано. Это дает возможность видеть в оппозиции *все* — *весь* не только грамматическое, но и лексико-семантическое основание, а значит, квалифицировать *все* и *весь* как самостоятельные лексические единицы (подобное мнение разделяют: Grzegorzczukowa 1987, 136–137; Hlavsa 1975, 83; Karolak 1989, 10; Dąbrowska и др. 1996, 12).

Имеет свои особенности и оппозиция по числу КС *wszystek*. Для анализа функциональных свойств *wszystek* в рамках категории числа обратимся к данным, которые содержит таблица 2.6 (составленная на основе того же материала, что и таблица 2.5).

Данные таблицы свидетельствуют о том, что формы единственного числа местоимения *wszystek* исключительно редко используются в присубстантивной позиции (2 случая из 1500; в частотном словаре польского языка соотношение абсолютных частот похожее: 6 — 1595), но единственное число этого местоимения не является “мертвым” — форма *wszystko* охватывает одну треть всего массива словоупотреблений (а именно — 602 употребления), однако встречается только в приглагольной позиции (ср.: *wiem wszystko*). По данным частотного словаря польского языка соотношение упо-

Таблица 2.6

КС	Грамматическое значение	Количество словоупотреблений		
		Присубстан- тивная позиция	Приглаголь- ная позиция	Всего
<i>wszystek</i>	ед. ч.	0	0	0
<i>wszystka</i>	ед. ч.	2	0	0
<i>wszystko</i>	ед. ч.	0	602	602
<i>wszystkie</i>	мн. ч.	244	0	244
<i>wszyscy</i>	мн. ч.	36	146	182
<i>wszego</i>	ед. ч.	2	0	2
<i>wszyściuteńko</i>	ед. ч.	0	1	1
<i>cały</i>	ед. ч.	412	0	412
<i>całe</i>	мн. ч.	55	0	55
		751	749	1500

реблений *wszystko* в приглагольной и присубстантивной позиции примерно то же: 525 – 5 (Słownik 1990, 686). Таблица 2.7, построенная на основании данных этого словаря, содержит информацию о частотах отдельных грамматических форм числа и падежа.

Таблица 2.7

В приглагольной позиции			В присубстантивной позиции		
Словоформа	Падеж, число	Частота	Словоформа	Падеж, число	Частота
<i>wszystkiego</i>	G _{SG}	39	<i>wszyscy</i>	N _{PL}	211
<i>wszystkiemu</i>	D _{SG}	1	<i>wszyscyśmy</i>	N _{PL}	1
<i>wszystkim</i>	I _{SG}	14	<i>wszystek</i>	N _{SG}	1
<i>wszystkim</i>	L _{SG}	27	<i>wszystkich</i>	G _{PL}	219
<i>wszystko</i>	N _{SG}	265	<i>wszystkich</i>	A _{PL}	40
<i>wszystko</i>	A _{SG}	179	<i>wszystkich</i>	L _{PL}	65
		525	<i>wszystkie</i>	N _{PL}	152
			<i>wszystkie</i>	A _{PL}	111
			<i>wszystkiego</i>	G _{SG}	2
			<i>wszystkim</i>	D _{PL}	39
			<i>wszystkimi</i>	I _{PL}	27
			<i>wszystko</i>	N _{SG}	3
					870

Было отмечено, что в присубстантивной позиции семантика *wszystek* выражается формой *cały*, которая к тому же не употребляется в приглагольной позиции (см. таблицу 2.6). С другой стороны, оппозиция *cały* — *całe* носит не только грамматический, но и лексико-семантический характер: это — словоформы с различным лексическим содержанием. *Cały* в единственном числе выражает, в основном, кванторную семантику (исключения рассмотрены в работе: Киклевич 1992е, 31–32), а во множественном числе — некванторную семантику. Кстати, в болгарском языке в кванторном значении употребляется и форма множественного числа *целите*, ср.: *Прочетох всичките книги* = ‘Нет не прочтенных книг’; *Прочетох целите книги* = ‘Прочел все книги от начала и до конца’ (Ницолова 1986, 188). Таким образом, в противопоставлении *cały* — *wszystcy/wszystkie* актуализированы не лексико-семантические, а грамматические признаки, что дает основание считать *cały* основной и притом супплетивной формой единственного числа местоимения *wszystek* в присубстантивной синтаксической позиции. В целом же классификационные и реляционные грамматические формы местоимения *wszystek* образуют единую замкнутую систему с последовательной связью ее элементов (см. рис. 2.4).

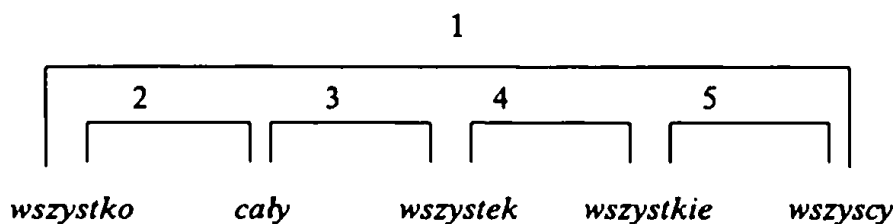

Рис. 2.4

Данная система включает 5 оппозиций:

- 1) оппозиция *wszyscy* — *wszystko*: сходство синтаксической позиции, различие числа и тематики;
- 2) оппозиция *wszystko* — *cały*: тождество по числу, различие по синтаксической позиции;
- 3) оппозиция *cały* — *wszystek*: тождество по числу, различие по тематике;
- 4) оппозиция *wszystek* — *wszystkie*: тождество по неодушевленности, различие по числу;
- 5) оппозиция *wszystkie* — *wszyscy*: тождество по числу, различие по тематике и позиции.

Образование форм множественного числа ограничено также для других видов КС, например, кванторного местоимения *каждый*, на что обращают внимание Зализняк, Падучева (1974, 33), ср.

**каждые люди, *каждые рюмки, *каждые тетради.* По мнению упомянутых авторов, местоимение *все* восполняет “отсутствующую форму единственного числа от слов *всякий, каждый, любой*”. Такой интерпретации, однако, препятствует ряд обстоятельств. Во-первых, форма множественного числа местоимения *каждый* семантически избыточна, потому что семантика множественности заключена уже в его лексическом содержании. Во-вторых, в отличие от *весь*, местоимения *каждый, любой, всякий* применяются, как в большинстве случаев и *все*, к символам гипонимических множеств объектов, а не партитивных объектов-систем. В-третьих, формы множественного числа местоимений *каждый, любой, всякий* употребимы в выражениях типа *Каждые три дня в начале месяца отдел не работает; Он добивался победы любыми средствами; Пользоваться фондом библиотеки можно без всяких ограничений* (на что, впрочем, указывают и Зализняк, Падучева).

Грамматические значения и формы категории падежа КС в целом соответствуют словоизменительным парадигмам местоимений, существительных и прилагательных. Интерес вызывают лишь падежные формы КС в аспекте их функционирования.

Прежде всего это относится к возможности употребления форм именительного и родительного падежа отрицательных местоимений для выражения семантической функции субъекта, ср.: *Никто не был дома* и *Никого не было дома*. Данное синтаксическое чередование привлекало внимание многих исследователей, см. обзор в работе (Besters-Dilger 1988, 349–352). Различия названных падежей в данной семантической функции, как считают одни исследователи, заключаются в том, что формы типа *никто* сочетаются с переходными, а формы типа *никого* — с непереходными глаголами (Bogras, Christian 1977, 318). Согласно другой точке зрения, именительный падеж при переходном глаголе требует неодушевленного объекта, в остальных же случаях употребление обеих падежей регулируется стилистическими факторами. Некоторые авторы квалифицируют различие именительного и родительного падежа в функции субъекта как исключительно стилистическое. Наконец, предлагаются и дистрибутивные критерии их разграничения: сочетаемость с атрибутом или с отрицательными парафразами глагола. Важно подчеркнуть, что для всех этих трактовок характерно признание семантического тождества высказываний, в которых субъект выражен местоименной формой именительного и формой родительного падежа. Наблюдения над фактическим материалом, однако, не подтверждают этой предпосылки.

Имеется семантический параллелизм между, с одной стороны, выражениями типа *Никто не был дома* и *Никого не было дома*, и, с другой стороны, выражениями типа *Брат не был дома* и *Брата не было дома; Дети не были в цирке* и *Детей не было в цирке*, которые де-

тально проанализировал Ицкович (1982, 52-56). По его мнению, высказывание с формой именительного падежа включает определенный, а высказывание с формой родительного падежа может включать и неопределенный субъект. Так, высказывание *Дети не были в цирке* он интерпретирует как 'Дети (известные говорящему) в цирк не ходили, они остались дома' или 'Дети (известные говорящему) никогда в цирке не бывали', а высказывание *Детей не было в цирке* — как 'Какие бы то ни было дети в цирке отсутствовали'. Высказывания типа *Детей не было в цирке* обычно включают переходные и возвратные глаголы, глаголы в формах пассивного залога, а также переходные глаголы, управляющие одушевленным существительным.

Данные семантические характеристики применимы к высказываниям с чередованием форм именительного и родительного падежа отрицательных местоимений. Родительный падеж употребляется в высказываниях, семантическая структура которых включает субъект, не связанный с этой формой, например: *Ничего тебе не сделается* ↔ *Никто ничего опасного тебе не сделает*, *Ничего не вспоминается* ↔ *Не могу ничего вспомнить*; *За этим ничего не крылось* ↔ *Никто за этим ничего не скрывал*; *Ничего здесь не лежит* ↔ *Никто здесь ничего не положил*. Напротив, формы именительного падежа сопровождаются семантикой активности действия и поэтому сочетаются с переходными глаголами, прежде всего, когда они управляют одушевленным существительным (объектом действия), например: *Ничто не предвещало бури* = 'В множестве объектов природы не существовало такого, активные стихийные изменения которого сообщали бы о скором начале бури', однако: **Ничего не предвещало бури*.

Именительный падеж отрицательных местоимений (как и вообще именительный падеж) в падежной системе является немаркированным и может употребляться для выражения объекта действия, например: *Его ничего / ничто не интересует*; *Ничто / ничего не случилось*. Ср. также: *Никто не испугал нас* — **Никого не испугало нас*; *Никого не оказалось рядом* — *Никто не оказался рядом*. В польском языке немаркированность именительного падежа сильнее — лексема *żaden* употребляется в ряде случаев, когда ей в русском языке соответствует *ничего* или возможна вариативность именительного и родительного падежа, ср.: *Nie docierał stamtąd żaden zapach* (Нен) — *Оттуда не доходило никакого запаха*; *Nie pojawiła się żadna informacja* ("Polityka". 1991/20) — *Не появилось никакой информации*; *Żaden taki program nie powstał* ("Tygodnik Powszechny". 1992/28) — *Не возникло ни одной такой программы*.

Следует также отметить, что семантические и синтаксические различия между *никто* и *никого* сильнее, чем различия между *ничто* и *ничего*, что объясняется близостью морфологической семантики одушевленности и синтаксической семантики субъектности,

ср.: *Ничего здесь не стояло* — *Ничто здесь не стояло*; **Никого здесь не стояло* — *Никто здесь не стоял*. Хотя в контексте некоторых глаголов (экзистенциальных и глаголов абстрактного действия) это сходство становится несущественным.

В условиях синтаксического параллелизма высказывания с именительным и родительным падежом отрицательных местоимений различаются, как было сказано выше, семантически. Так, в выражении *Никто не был дома* сообщается о том, что никто из обсуждаемого множества лиц не появлялся дома, т.е. все эти лица находились вне дома. При этом не исключается, что в каждом из множества домов, принадлежащих этим лицам, находились другие люди, не входящие в обсуждаемое множество, т.е. не обязательно, что дома пустовали. Подлежащее этого высказывания — местоимение *никто*. В выражении *Никого не было дома* сообщается о том, что в доме не оказалось ни одного из лиц, которые с точки зрения субъекта могли бы там быть. Важными семантическими характеристиками этого высказывания являются единичность объекта дом и наличие субъекта наблюдения: ср.: *X не увидел в доме никого, т.е. дом был пуст*.

Варьируемыми могут быть также формы кванторных местоимений родительного и винительного падежа, например: *nic* — *niczego*, *coś* — *czegoś*. Pisarkowa указывала, что *niczego* выполняет функцию типичного дополнения, а *nic* выступает как дополнение с оттенком наречного определения (*określenie przysłówkowe*), например: *Oczy tej dziewczyny nie kryły niczego*; *Nie mogłem nic na to powiedzieć* ↔ *Nie mogłem wcale nic na to powiedzieć*. Besters-Dilger трактует *niczego* как непрямой, а *nic* — как прямой объект (1988, 353–354). Вероятно, можно говорить и о лексико-семантических особенностях сочетаемости форм родительного и винительного падежа. *Nic* чаще применяется для квантификации конечных, а *niczego* — для квантификации универсальных множеств предметов, множеств субстантивированных признаков или сентенциальных множеств, ср.: *Nic nie pisał i niczego własnoręcznie nie podpisywał* (Kapuściński); *Ty nic nie wiesz, niczego nie widzisz* (Andrzejewski), ср.: *niczego własnoręcznie nie podpisywał — żadnego papieru własnoręcznie nie podpisywał*; *niczego nie widzisz — żadnego przedmiotu nie widzisz*.

Аналогичным образом различаются *что-то* и *чего-то*, ср.: *Вы что-то хотите?* и *Вы чего-то хотите?* Первый вопрос более уместен, когда подразумевается сентенциальное множество, например, в значении ‘Вы хотите осуществить какое-то действие?’, в диалоге: — *Вы что-то хотите?* — *Да, выступить с возражением*. Второй вопрос более уместен, когда подразумевается предметное и притом конечное множество, ср. реплику *Может быть, вы все-таки чего-то хотите?* в речевой ситуации, когда хозяин указывает гостю на стол с закусками.

2.2.3. Словообразовательные признаки КС

Будучи полноправными членами языковой системы, КС, хотя и с разной интенсивностью, участвуют во всех ее важнейших морфологических процессах. В разделе 2.2.1 показана контекстная субстантивация адъективных кванторных местоимений. В главе 3 будут систематизированы процессы лексико-семантической деривации КС. Данная же часть работы посвящена основным типам их морфологической деривации.

Словообразовательные процессы в сфере квантификации, например, в сравнении с лексико-семантическими, немногочисленны, что, видимо, связано с их семантическим статусом операторов высказывания. Однако же эти процессы значительно более активны по сравнению с другими классами операторов: союзами, частицами, предлогами и др., которые, как правило, вообще лишены морфологии.

Основными видами морфологической деривации КС являются 1) аффиксация, 2) словосложение и 3) редупликация.

С точки зрения словообразовательной структуры можно различать: 1) КС с непроизводной основой — прежде всего, обобщающие местоимения (*все, каждый* и др.); 2) КС с производной основой — неопределенные местоимения (*кто-то, некоторые* и др.), отрицательные местоимения (*никто, никогда* и др.), а также некоторые субстантивные, адъективные и адverbиальные (*большинство, многие, частично* и т.п.). Среди КС с производной основой можно различать слова, производящая основа которых 1) не содержит кванторной семантики (ср.: *кто-то* ← *кто, некоторые* ← *которые*) и 2) содержит кванторную семантику (ср.: *ничегошеньки* ← *ничего*). Процессы второго типа представлены тремя разновидностями: 1) модификацией, 2) мутацией, 3) транспозицией.

Модификационные процессы состоят в усложнении семантической структуры КС за счет появления в ней элементов качественной семантики. Эти процессы представлены несколькими разновидностями.

Ряд аффиксальных форм, распространенных преимущественно в диалектах и разговорной речи, выражает деминутивную и экспрессивную семантику, а также модальную семантику категоричности. Ср. *никогдашечки, никогеничко, никогесеньки, никогинько, никогусенько, николеньки, николѣхонько, николишеньки* (Словарь 1986); *każdński, kaździuchny, kaździuteńki, kaździureńki, kaździurny, kaździutki, wszyściorny, wszyściutki, wszyściuteńki, wszyściutko, wszyściuchno, wszędzieńce, nikogutko, nikogusieńko, nikadecki, cokolwieczek* и др. (Jodłowski 1973, 100; Mędelska 1992, 90; данные по другим языкам см.: Głuszkowska 1985, 24; Pauliny и др. 1968, 223).

Имеющиеся префиксальные дериваты КС выражают обычно

дополнительную семантику высокой или абсолютной степени кванторного признака, например, в рамках редупликации: *весь-превесь, nigdy-przenigdy*.

Результатом модификационных процессов является также изменение тематики КС или появление в его содержании новых качественных признаков, ср.: *всюду* (тематика — пространство) → *отовсюду* (тематика — направление), *всегда* (квантифицирует время) → *навсегда* (квантифицирует будущее время), *никак* (тематика — способ) → диал. *никакижды* (тематика — время), *wszech* (тематически не маркировано) → *owszechny* (локативная тематика).

Мутационные процессы приводят к потере статуса КС, хотя семантический кванторный признак может сохраняться. Результатом прибавления аффикса может быть не только лексико-семантическая, но и грамматическая деривация, например: *ничтожество, нигде, всество, всячина, кое-какер* (пример Ферм), диал. *никчемушно, ничемуха, ничегокать, никтомина, никтоша, никудышка, никчемник, ничевушный, никакейший* и др. В польском языке распространены дериваты *wszystkoizm* и *wszystkoistyczny*.

Транспозиционные процессы приводят к изменению грамматического значения и синтаксической позиции КС при сохранении его семантики, например: *всегда* → *всегдашний, часто* → *частый, редко* → *редкий, обычно* → *обычный* и др.

Процессы словосложения, в которых участвуют КС, относятся к области грамматической инкорпорации, т.е. используются не для номинации, а для выражения синтаксических отношений квантора к другим членам структуры высказывания (аргументам и предикатам). Это вполне естественно, потому что КС, как указывалось в предыдущих разделах, не являются номинативными средствами языка, а, подобно союзам, частицам и модальным словам, выполняют операциональные, т.е. семантико-синтаксические функции. По сравнению с морфологическими процессами, словосложение в сфере квантификации представлено значительно шире. Весь имеющийся материал этого типа можно разделить на две группы — в зависимости от того, сохраняет ли включающий КС композит кванторное значение или нет. Рассмотрим эти группы в отдельности.

Композиты первого типа представлены несколькими моделями.

Модель

$\text{Quant} - \text{Adj}_{\text{Arg}} / \text{Quant} - \text{Adv}_{\text{Arg}}$

Адъективный или (реже) адвербиальный компоненты обозначают в структуре подобных композитов ту предметную область, к которой применяется кванторный определитель. Так, лексема *всемирный* содержит характеристику объекта как такого, который

имеет отношение к полному объему объекта-системы „мир“, ср.: *В Варшаве прошел всемирный конгресс по кристаллографии* = ‘В Варшаве прошел конгресс по кристаллографии, в котором участвовали специалисты со всего мира’. Ср. также: *повсеместный, всесторонний, всечеловеческий, всенародный, всероссийский; wszechbarwny, wszech europejski, wszechludzki, wszechpolski, wszechstanowy.*

Модель

Quant – Adj_{Arg/Temp} / Quant – Adv_{Arg/Temp}

Эта модель является разновидностью предыдущей – второй компонент сложного слова обозначает связанный аргумент с семантической функцией темпоратива, например: *ежедневный, вседневный, каждодневный, ежесекундный, ежесекундный; codzienny, codziennie, coroczny, cochwilowy, kazdoroczny, caloroczny.* Возможно также образование от подобных композитов существительных, например: диал. *вселетница* (‘работница, нанятая на все лето’) ← *вселетний* (‘относящийся ко всему периоду лета’).

Модель

Quant – S_{Arg}

Данная модель также является вариантом первой, различие между ними лишь в оформлении аргумента, например: *wszechstronność* = ‘свойство быть развитым во всех областях’, *wszechświat* = ‘весь мир’, *wszechzło* = ‘все существующее зло’, *wszechczas* = ‘все время’, *wszechocean* = ‘весь океан’, *wszechplan* = ‘весь план’, *wszechsila* = ‘вся сила’, *wszechrzecz* = ‘все вещи, все, что существует’, *codziennosc* = ‘свойство повторяться изо дня в день’.

Достаточно широко распространенные в польском языке, композиты этого типа не характерны для восточнославянских языков. Единичные примеры можно найти в словаре Jelitte (1990): *всебожность* = ‘свойство по отношению ко всем богам’, *всевременность* = ‘свойство по отношению ко всем временам’, *всезвонность* = ‘способность к выражению всех звуковых тонов’, *всенебесность* = ‘свойство по отношению ко всем небесам’. Наиболее распространенным из этого ряда является слово *вездеход*, польский аналог – *wszędołaz*.

Модель

Quant – Adj_{Praed}

Композиты этого типа, помимо КС, включают относительное прилагательное или причастие (девербативное прилагательное), реже – другие формы. Семантическая структура подобных лексических единиц отличается от рассмотренной выше: второй компо-

нент выполняет предикативную функцию, а предметная область квантификации устанавливается обычно в результате применения к актуальному множеству модального оператора возможности, например: *всепожирающий* = 'такой, который пожирает все то, что может быть пожираемо', где *то, что может пожираемо* — дескрипция, определяющая актуальное множество. В других случаях область применения КС составляет множество одушевленных или неодушевленных предметов, ограниченное контекстуально, ср.: *всеобщий* = 'общий для всех тех, кто имеется в виду'. Ср. также: *всевидающий, всесокрушающий, всеядный, всеобъемлющий, всепобеждающий*; *wszystkowiedzący, wszechmogący, wszechobejmujący, wszechobjętny, wszędobylski*. Предикативный компонент в составе подобных композитов обозначает, как правило, действие, состояние, отношение, направленное на объект. Исключением является лексема *всевозрастающий* — кванторный компонент *все* имеет в данном случае темпоративную тематику, ср. 'постоянно, все время возрастающий'. Некоторые из подобных композитов тяготеют к вторичному употреблению с семантикой высокой степени признака, например *всезнающий* в значении 'эрудированный, много знающий', *всеядный* — в значении 'совершенно неразборчивый в еде' и т.п.

Модель

Quant – S_{abstr/Praed}

Этот тип отличается от предыдущего только грамматическим статусом второго компонента, здесь он — существительное, ср.: *wszechzwiązek* = 'взаимосвязь всех элементов рассматриваемой совокупности'; *wszechistnienie* = 'существование всех предметов из рассматриваемой совокупности'. Ср. также: *wszechżycie, wszechzaborczość, wszechrzędca, wszechobecność, wszechdzieje, wszechogarnięcie, wszechstworzenie, wszechbraterstwo, wszechmiłość, wszechreakcja, wszechulatwianie, wszechnegacja*; *всенаплевайство, всепоправимость, всепроницаемость, всеразрешенность, всезигдительство, всестрастность, всестроительство, всезнайство* (русские примеры заимствованы из работы: Jelitte 1990, 63–65)

Модель

Quant_{Loc} – S_{Arg}

Кванторный компонент подобных композитов имеет локативную тематическую специализацию и может быть интерпретирован как 'в любом месте, повсеместно', например: *wszechkobiecość* = 'повсеместная женственность', *wszechlitość* = 'повсеместно распространенная сострадательность', *wszechideał* = 'повсеместно распространенный идеал'. В "Słowniku języka polskiego" (ред. Doroszewski)

подобные композиты получают двойное толкование: с помощью эквивалента 'всеобщий, общий для всех людей' или 'распространенный повсеместно'.

Вторую группу составляют композиты, которые лишены кванторного значения.

Модель

Quant – Adj

Кванторный компонент в составе подобных единиц (второй член обычно — качественное прилагательное) выражает высокую степень признака, которую в других случаях маркирует, например, наречие *очень* или *беспредельно*, ср.: *всемогущественный* = 'очень, беспредельно, исключительно могущественный'. Ср. также: *всевластный, всеконечный, вселюбезный, всенепременный, всеильный; wszechspaniały, wszechdobry, wszechdoskonały, wszechmocarny, wszechpotężny, wszechmajsterski*. Следует обратить внимание на то, что прилагательное в подобных образованиях выражает обычно положительный признак, ср.: **wszechniedoskonały, *wszechsłaby* и др.

Модель

Quant – S

Семантику степени кванторный компонент выражает и в некоторых инкорпоративных комплексах с существительными, например: *wszędobylstwo* = 'непоседливость', *wszechpotęga* = 'неограниченная, очень большая сила', *wszechszczęśliwość* = 'абсолютное счастье', *wszechwładca* = 'абсолютный властелин', *wszechmoc* = 'абсолютная, очень большая сила', *wszechbłękit* = 'не имеющая пределов синева (неба)', *wszechkicz* = 'кич в наивысшей степени', *wszechafirmacja* = 'неограниченное утверждение', *wszechsukces* = 'полный успех'. Существительное *wszechwładza* = 'неограниченная, полная власть' имеет синонимы: *absolutyzm, despotyzm, tyrania, dyktatura* и т.п. (Dąbrowska и др. 1996, 146).

Известно, что некоторые количественные значения в языках мира (например, грамматическое значение множественного числа) выражаются с помощью повтора слов или частей слов. Редупликация, хотя и эпизодически, представлена и в области квантификации. Некоторые формы КС получены в результате дублирования относительных местоимений, ср. лат. *quisquis, quidquid* — *каждый, всякий*; венг. *kiki* — *каждый*; польск. *kiedy niekiedy* — *иногда, время от времени*. Редупликация используется также как способ модификации кванторной семантики, ср.: *все-все* = 'абсолютно все', (с использованием префиксации) *всю-превсю* = 'абсолютно всю', *всего-навсего* = 'только, лишь' (с потерей кванторного значения),

nigdy przynigdy = ‘абсолютно никогда’. Ср. также дублиеты типа *где-где, а..., кто-кто, а...* и т.п., семантическая характеристика которых дается далее.

2.2.4. Лексико-семантические признаки КС

КС образуют лексико-семантическую систему, структура которой включает множество разнообразных по характеру и степени абстрактности признаков. Сидоренко делит эти признаки на категориальные, частные и индивидуальные (1990, 9).

Известно несколько моделей структуры значения КС. Так, Селиверстова различает в лексическом содержании КС три признака: 1) признак количественного участия — указание на “часть от общего количества членов совокупности” или на часть объекта-системы, которая “составляет количество участвующих в событии объектов”; 2) признак качественного участия — указание на то, “какую часть от общего количества объектов совокупности составляют объекты, которые по своим качествам могут стать или быть выбранными в роли участвующих в событии”; 3) признак существования объектов, участвующих в событии (1964, 80-81). Данная модель оказалась достаточно репрезентативной для семантического описания микросистемы КС — *каждый, все, любой, всякий, что-нибудь* и некоторых др. Однако квалифицировать предложенную Селиверстовой модель как универсальную и полную нельзя — за ее пределами осталось значительное количество существенных, релевантных в процессах функционирования КС семантических признаков. Неполнота, фрагментарность является общим недостатком (“недостатком” — учитывая немалую историю лингвистической разработки вопроса) большинства лексико-семантических классификаций КС (Битехтина 1967; Гуревич 1983; Вольф 1974; Максимова 1984; Откупщикова 1984; Николаева 1985; Падучева 1985; 1989; Сулейменова 1985; Шелякин 1986; Borrás, Christian 1977; Garde 1980; Grzegorzczkowska 1987; 1990; Głuszkowska 1985; Karolak 1987; Křížková 1971; Mindak 1987; Nozsiscka 1990). При этом следует отметить, что излюбленным объектом таких классификаций является микросистема неопределенных местоимений.

Ницолова выделяет в содержании КС: 1) количественную характеристику референта (связанного аргумента), 2) прагматическое отношение говорящего, 3) комбинаторные (селективные и дистрибутивные) признаки в высказывании и связном тексте (1982, 39-40). Однако и здесь не учтены, например, номинативные признаки КС, а также не различаются количественные значения, имеющие кванторный и некванторный характер.

Предлагаемая нами модель языкового содержания КС включает ряд семантических оппозиций:

- Оппозиция 1. Лексическое значение — не лексическое значение.
- Оппозиция 1.1. Кванторное значение — не кванторное значение.
- Оппозиция 1.1.1. Абсолютная — относительная квантификация.
- Оппозиция 1.1.2. Номинативное значение — селективное значение.
- Оппозиция 1.1.2.1. Типы номинативных признаков.
- Оппозиция 1.1.2.2. Типы селективных признаков.
- Оппозиция 1.2. Тематические — прагматические (нелексические) признаки.

Под номинативными понимаются семантические признаки, которые являются функцией данной лексемы по отношению к внеязыковым объектам, например, 'объем исходного множества равен двум элементам' как номинативный признак КС *оба*. Под селективными понимаются признаки, которые данная словоформа аккомодирует в содержании своих дистрибутивных партнеров, например, семантика ирреальности в содержании предиката как селективный признак кванторного местоимения *любой* (см. также раздел 1.1.2.3). Кронгауз отмечает, что ограничения на сочетаемость КС связаны с содержанием именной группы, содержанием предиката или содержанием более широкого контекста (1984, 115).

Тематические признаки носят частично грамматический, частично — лексико-семантический характер (что было показано в разделе 2.2.2), ср. КС *никогда* и *вечно*: первое выражает темпоративную тематику благодаря своей принадлежности к грамматическому ряду (ср.: *никогда, когда, когда-то, всегда, иногда*), а второе — благодаря своей индивидуальной лексической семантике.

Прагматические признаки КС реализуются не на лексическом, а на морфологическом уровне, в частности, его маркерами являются аффиксы модификационного типа, рассмотренные в разделе 2.2.3).

Далее будут описаны все важнейшие лексико-семантические оппозиции КС.

2.2.4.1. Количественная семантика КС

Ядро содержания КС и ядро лексико-семантической системы квантификации составляет количественная семантика, которая определена в главе 1. Эта семантика позволяет выделить квантификацию из множества семантических категорий языка, в том числе и из ряда содержательно ей близких. Категориальная се-

мантика КС проявляется в двух значениях: абсолютной и относительной квантификации, которые в логике предикатов соответствуют логическим кванторам всеобщности и существования, а в традиционной формальной логике — общему и частному объему суждения. Соответствие это, однако, достаточно приблизительно, потому что даже в сфере количественной семантики языковая квантификация не “упаковывается” в модели традиционной логики и логики предикатов.

2.2.4.1.1. Типы количественных значений КС

Значение абсолютной квантификации заключается в указании на полноту объема исходного множества, в котором оно участвует или не участвует в описываемой ситуации, а значение относительной квантификации — на неполноту этого объема по отношению к экзистенциальной норме множества. Так, в высказывании *Капитан не пил ничего, кроме рома* местоимение *ничего* выражает абсолютную квантификацию: сообщается, что полный объем множества рассматриваемых напитков исключен из списка того, что пил капитан, и это не верно только по отношению к рому. В высказывании *Капитан хорошо знал некоторые сорта испанских вин* местоимение *некоторые* указывает на то, что имелись сорта испанских вин, такие, которые капитан хорошо знал.

Поскольку квантификация является реляционной категорией (см. 1.1.3.5), то одна и та же именная группа может сопровождаться значением абсолютной и относительной квантификации. На этом основано правило взаимоотрицаемости категориальных семантических признаков КС, ср.: *Неправда, что капитан не пил ничего, кроме рома* ↔ *Капитан, кроме рома, пил также некоторые другие напитки*, где высказывание с относительной квантификацией является результатом применения отрицания к высказыванию с абсолютной квантификацией. Учитывая данное семантическое свойство КС, некоторые исследователи маркируют неопределенные местоимения (типичные формы относительной квантификации) признаком [-все] (Русская грамматика 1979а, 365; Křížková 1971, 368).

Отсутствие конгруэнтности между логической и языковой квантификацией проявляется уже в парадигматическом аспекте: логика предикатов различает два типа кванторов (\forall и \exists), тогда как количество подклассов слов, которые различаются тем же типом семантики, в естественном языке больше: в множестве кванторных местоимений это подклассы обобщающих местоимений типа *все*, неопределенных местоимений типа *некоторые* и отрицательных местоимений типа *никто*. Если корреляция обобщающих местоимений с квантором всеобщности, а не-

определенных — с квантором существования достаточно очевидна, то существование класса отрицательных местоимений с логической точки зрения выглядит аномалией, потому что отрицательные местоимения сочетают в себе признаки квантора всеобщности и квантора существования (Клаус 1960, 76; Клини 1957, 70; Степанов 1981, 170; Чарняк 1983, 178; Pasenkiewicz 1986, 51; Stanosz 1985, 44).

Необходимо сделать оговорку, что деление кванторных местоимений на обобщающие, неопределенные и отрицательные не является в грамматической традиции общепринятым. Лексемы типа *все* квалифицируются в славистике либо как обобщающие (обобщенные, обобщенно-распределительные) (Беларуская 1985, 135; Граматика 1983, 191; Benni и др. 1923, 328), либо как определительные (обобщенно-определительные) (Майтинская 1969, 245; Откупщикова 1979, 57; Шелякин 1986, 11), либо как утвердительные (Malinowski 1869, 395), либо как указательные (Pauliny и др. 1968, 223), либо как ограничительные (Stanislav 1972, 89–90), либо как адъективные (Garde 1980, 277), либо как неопределенные (Biedermann 1981, 96–97; Kryński 1903, 145; Soerensen 1900, 85), либо вообще не маркируются (Русская грамматика 1980а, 531; Кошутин 1898, 76; Gramatyka 1984b, 276–278). Кванторные местоимения типа *некоторые, кто-то, что-нибудь, где-либо* неизменно относятся к числу неопределенных. Термин “неопределенные местоимения” в известной степени оправдан: единицы этого типа обозначают частичное вхождение исходного множества в ситуацию, не уточняя конкретного номинального объема референтного множества. То же можно, впрочем, сказать и об обобщающих местоимениях: “по своему общему характеру они являются в той же мере неопределенными, как и квантификаторы, входящие в разряд неопределенных местоимений, с той только разницей, что неопределенность у обобщительных местоимений не выступает на передний план, а лишь имплицитно входит в их содержание” (Русская Грамматика 1979а, 366). Однако различие между неопределенными и обобщающими местоимениями более глубокое: не называя номинального объема референтного множества, обобщающие местоимения тем не менее указывают на то, что он равен объему исходного множества. Таким образом, если говорящему известен номинальный объем исходного множества, он может “вычислить” объем референтного множества операционным способом. В высказываниях с неопределенными местоимениями даже такое косвенное получение точной информации о номинальном объеме актуального множества исключено. Высказывание *Вася прочитал часть из этих 20 книг* имплицитно подразумевает лишь высказывание *Количество этих книг, прочитанных Васей, меньше 20*.

Местоимения типа *никто* обычно относятся к числу отрицательных местоимений. В отдельных случаях они объединяются в

один класс с обобщающими (Biedermann 1981, 97). Garde различает негативные местоимения типа *никто* и позитивные типа *кто-то* как подклассы множества неопределенных местоимений (1980, 247–277).

Таким образом, совершенно очевидно, что в существующей грамматической традиции основные разряды кванторных местоимений классифицируются с нарушением закона единства основания: обобщающие местоимения выделяются на основе их корреляции с общими суждениями, неопределенные — ввиду отсутствия точного количественного указания на объем референтного множества, а отрицательные — на основании их устойчивой сочетаемости с отрицательными предикатами и ввиду наличия в их содержании реликтов номинативной отрицательной семантики.

2.2.4.1.2. “Двойное” отрицание

Поскольку отрицательные местоимения, или *ни-слова*, как их называет Пеньковский (1986, 58), являются наиболее спорным звеном в лексико-семантической системе КС, то вполне естественно начать корректировку этой системы с уточнения логико-семантических характеристик именно данного разряда маркеров квантификации.

Наиболее очевидным признаком отрицательных местоимений выступает отрицательное качество высказывания, выражаемое отрицательной частицей, ср.: *Nigdy żadna kobieta nie będzie kochana* (Staff). Реже отрицание выражается предлогами или союзами (Лашкова 1976, 180), ср.: *Obejmuję wszystkich bez żadnego wyjątku* (Sienkiewicz); *Jechać całkiem bez niczego to żaden interes* (“*Życie Warszawy*”. 6 октября 1988); *Bez helmu był, bez żadnych oznak ni broni* (Bunsch). Различные средства выражения отрицания могут комбинироваться, например: *Никто не ехал просто так, без ничего* (Житинский).

Отрицательные местоимения актуализируются только в контексте аналитически выраженного отрицания. Если же отрицательная семантика входит в структуру лексического значения глагола-предиката, отрицательные местоимения (по крайней мере, в своей основной кванторной функции) не употребляются, ср.: *Я начинаю ничего не понимать!* — *злбно проговорил Ставрогин* (Достоевский) — **Я перестаю ничего не понимать / Я перестаю что-либо понимать*, где глагол *переставать* включает семантический признак ‘отсутствие предыдущего состояния’. Ср. также: *Я не выскажу никаких комментариев* — **Я воздержусь от никаких комментариев / Я воздержусь от каких-либо комментариев*. Исключение составляют, пожалуй, только высказывания с местоимениями *иной, другой*, ср.:

Это было ничто иное как шаровая молния; Этот был никто другой как комендант общежития (Nozsiscka 1988, 199) — с возможными вариантами типа *Это было не что иное как шаровая молния; Это был не кто иной как комендант общежития*. Пропозициональный предикат здесь не содержит отрицательной семантики, зато она входит в содержание определения исходного множества, ср. формулу 2.3, которая значит: 'Не существует объекта, который не обладает признаком P , такого, который обладает признаком Q '.

$$\neg \exists x \quad Q(x) \quad (2.3) \\ \{x \mid \neg P(x)\}$$

Отрицательная дистрибутивная семантика сопровождает отрицательные местоимения и в высказываниях с эллипсисом предиката, на что указывал еще Soerensen (1900, 274), ср.: *W tym mieście tylko same cerkwie, a kościoła (nie ma) żadnego. „Inżynier wiedział tyle, co on. To znaczy nic (Lem) ↔ To znaczy nie wiedział nic* отрицательные местоимения выступают единственной формой, которая указывает на его отрицательное качество, чем отчасти и обусловлена их трактовка как единиц с отрицательной номинативной семантикой. Вьтов ошибочно трактует ряд эллиптических высказываний с отрицательными местоимениями как назывные, например: болг. *Никакъв резултат* (1987, 74–75) — все подобные выражения в своей семантической структуре содержат предикативный компонент, причем имеющий отрицательное качество, ср.: *Нямам никакъв резултат*. В разделе 1.1.3.7 было показано, что высказывания с КС принципиально не могут иметь статуса назывных.

Роль отрицательного контекста для реализации отрицательных местоимений не следует, однако, абсолютизировать. Во-первых, в этом контексте могут быть реализованы также кванторные местоимения других классов, ср.: *И во всем огромном мире Нет такой, как ты была* (Луговской); *И навсегда уж ей не надо Того, кто под косым дождем В аллеях Кронверского сада Бредет в ничтожестве своем* (Ходасевич). В некоторых случаях в одном и том же отрицательном высказывании употребляются, помимо отрицательного, также обобщающее местоимение, например: *Ничего ты на все не ответила мне* (Фет); *On nie podobny w całej postaci do niczego* (Parnicki).

Во-вторых, в некоторых высказываниях с отрицательным качеством более предпочтительным или единственно возможным является употребление обобщающего или неопределенного, а не отрицательного местоимения, например: *Это не результат научного анализа всех плюсов и минусов кооперации* ("Огонек". 1989/36) — **Это не результат научного анализа ни одного плюса и минуса кооперации* (более подробно см. далее). В-третьих, отрицательные местоимения не всегда сопровождаются отрицанием предиката, ср. местоимение

ничей: Эта собака ничья. Следует при этом отметить, что в высказываниях с положительным качеством либо наблюдается семантическая деривация отрицательных местоимений (см. главу 3), либо их сочетания с существительными и глаголами носят фразеологический характер (Киклевич 1990с, 115).

Однако семантическая характеристика отрицательных местоимений в научной литературе не ограничивается обычно констатацией отрицательного качества сопровождающих их предикатов. Например, в современной славистике широко распространена трактовка *ни*-слов как имеющих отрицательное номинативное содержание, а высказываний с *ни*-словами — как полинегативных, или высказываний с “двойным” отрицанием (Бахарев 1980, 39; Исаченко 1965, 164; Коссек, Костюк 1980, 58; Мигирин 1973, 69; Откупщикова 1979, 68; Падучева 1969, 27; 1974, 149; Пешковский 1956, 389; Ревзин 1978, 112; Křížková 1968, 27-28; Nozicska 1988, 177; Saloni, Świdziński 1985, 197; Sekulič 1973, 61). Например, в высказывании *Никто не пришел* в соответствии с данным подходом выделяется двойное отрицание: во-первых, отрицание неопределенного местоимения (\neg кто-то \rightarrow никто), во-вторых, отрицание предиката (\neg пришел \rightarrow не пришел). Аналогично интерпретируются высказывания с отрицательными союзами.

Полинегативность традиционно считается специфической характеристикой синтаксиса современных славянских языков по сравнению, например, с германскими и романскими, где отрицание предиката не дублируется отрицанием кванторного местоимения, ср. нем.: *Niemand kommt* — *Никто не придет*, а также на фоне более древнего “одиночного” отрицания в славянских языках (Бахарев 1990, 15; Fałowski 1986, 153-164).

Отрицательная функция *ни*-слов, по мнению исследователей, заключается в том, что они “указывают на полное отсутствие предмета как субъекта или объекта действия” (Беларуская 1985, 142; см. также: Граматика 1988, 205), “сигнифицируют несуществование объекта <...> с признаками, обозначенными в данном высказывании” (Gramatyka 1984b, 277; см. также: Grzegorzczukowa 1987, 137), отрицают данное свойство у всех элементов класса (Падучева 1974, 134).

Содержание отрицательных местоимений определяется как результат негации. Некоторые исследователи считают, что *ни*-слова являются отрицательным эквивалентом обобщающих местоимений (Лекомцев 1983, 72; Komárek 1978, 9). Однако чаще отрицательные местоимения трактуются как производные от неопределенных (Исаченко 1965, 164; Падучева 1969, 18). Это подтверждается, в частности, отношениями неопределенных и отрицательных местоимений в дискурсе, ср.: *Она сделала все, чтобы разузнать что-нибудь о нем, и, конечно, не разузнала ровно ничего* (М.Булга-

ков), где *ничего* выступает результатом отрицания *что-нибудь*; *Значит, там кто-то есть. Пойду погляжу... Никого* (Ионеско, пер. Суриц), где *никого* появляется как результат негации *кто-то*.

Как отрицательным формам неопределенных местоимений, *ни*-словам приписывается статус указателей пустых множеств (Нарский 1962, 154; Giusti 1982, 4; Nozsiscka 1990, 115). Это дает основание некоторым лингвистам противопоставлять обобщающие и отрицательные местоимения как антонимические знаки по признакам полноты и пустоты множества (Мечковская 1988, 389; Мигирин 1973, 69; Besters-Dilger 1988, 50).

Идея “двойного” отрицания обладает, однако, рядом существенных недостатков. Если исходить из отрицательности содержания *ни*-слов, которая является результатом преобразования неопределенных местоимений, например: *Неверно, что кто-нибудь пришел* → *Никто не пришел*, — и подобным трансформам приписывать содержание типа ‘Класс тех, кто пришел, пуст’, то оказывается, что частица *не* с семантической точки зрения избыточна — ведь пустота класса выражается отрицательным местоимением. Т.е. декларируемое “двойное” отрицание в глубинно-семантическом плане высказывания оказывается одиночным. Собственно, это косвенно и признается сторонниками идеи “двойного” отрицания. Так, для Падучевой отрицательная частица *не* при предикате — результат ассимиляции квантором предиката: главным, с ее точки зрения, выступает отрицание неопределенного местоимения (*не* (*кто-нибудь*) → *никто*), которое требует постановки отрицательной частицы и перед предикатом (1969, 27; 1974, 149; см. также: Saloni, Świdziński 1985, 197). Балли квалифицировал “двойное” отрицание как грамматический плеоназм (1955, 169). Некоторые сторонники идеи “двойного” отрицания считают исходным отрицание предиката и вторичным — отрицание неопределенного местоимения (Гладкий, Дрейзин 1983, 144; Исаченко 1965, 164).

Двойное грамматическое отрицание не тождественно двойному отрицанию в логике, которое означает, что отрицание отрицания высказывания равнозначно аффирмативному высказыванию (Ахманов 1960, 150; Логический 1994, 36), ср.: *И не без горечи сокрытой Хожу и мыслю иногда* (Ходасевич), где *не без горечи* семантически (в логическом смысле) тождественно с *горечью*. На это обращал внимание Пешковский: в высказываниях с отрицательными местоимениями, писал он, нет “положительного” смысла (1956, 389; см. также: Лосский 1912–1913, 83–84; Павилёнис 1975, 8–9; Brykczyński 1990, 214; Osadnik 1987, 131). Авторы „Русской рамматики“ (1980b, 411) рассматривают двойное отрицание только в выражениях с дублированием отрицательной частицы, например *нельзя не любить*, а об отрицательных местоимениях сообщается, что они не создают отрицания, а только служат для его

усиления.

“Двойное” отрицание в высказываниях с *ни*-словами не отражается и в формулах на языке логики предикатов (Киклевич 1989b, 42), ср. логические трансформы высказываний *Некоторые из офицеров растерялись* и *Никто из офицеров не растерялся*:

$$\exists x \quad Q(x) \\ \{x \mid P(x)\} \quad (2.4)$$

$$\neg \exists x \quad Q(x) \\ \{x \mid P(x)\} \quad (2.5)$$

где *P* — *офицеры*, *Q* — *растеряться*. Формула (2.5), которая соответствует высказыванию с отрицательным местоимением, содержит только одно отрицание — малого квантора.

Идея “двойного” отрицания базируется на признании семантической идентичности частиц *не* и *ни*, которое является глубоко ошибочным. Ср. хотя бы сочетания *не* и *ни* с числовыми выражениями: *ни один* = ‘меньше одного’, *не один* = ‘больше одного’, *ни разу* = ‘меньше одного раза’, *не раз* = ‘больше одного раза’.

В отличие от *не*, частица *ни* семантически коррелирует с рядом рестрикторов (Бондаренко 1983, 88; Киклевич 1991a, 95), ср.: *Иван не успел прочесть ни / и / хотя бы / даже / по крайней мере одной страницы*.

Против отрицательности *ни*-слов свидетельствует также факт их семантической совместимости с маркерами дизъюнкции (Киклевич 1993b, 77), ср.: *Для нас ни Венгрия, ни ПНР, ни США или Италия — не пример!* (“Аргументы и факты”. 1989/51); *O tym, co było w owych trudnych czasach, na pewno nie może decydować arbitralny dobór rozmówców przez Trzandla ani jego komentarz czy obraźliwy dla owych rozmówców tytuł książki* (“Polityka”. 1993/35). Разделительные союзы могут выступать субститутами отрицательных союзов, ср.: *Ale to nie jest moja ani twoja wina* (Andrzejewski) ↔ *Ale to nie jest moja czy twoja wina*; *Las gułowski nie był cichy ani bezpieczny* (M.Brandys) ↔ *Las gułowski nie był cichy czy bezpieczny*.

В основе идеи “двойного” отрицания лежит предпосылка, что отрицание при местоимении невозможно без одновременного отрицания при предикате. Как было показано выше, это неверно: существуют отрицательные местоимения, которые функционируют в своем основном кванторном значении в контексте положительного предиката, ср.: *Этот дом ничей*; *Не с кем поговорить*. Некоторые исследователи указывают, что только в выражениях этого типа отрицательные местоимения проявляют себя как единицы с отрицательным содержанием и только благодаря им высказывание имеет

отрицательное качество (Бондаренко 1983, 91; Ермакова 1969, 88; Nozsicska 1990, 114; Vertulani 1990, 185).

Таким образом, *ни*-слова делятся на два подкласса: отрицательные (типа *ничей*) и усилительные (типа *никто*) (Бондарев 1978, 6; Бондаренко 1983, 88; Вьтов 1987, 79; Ермакова 1969, 88; Лашкова 1976, 168; Павилёнис 1975, 89; Саматова 1959, 161; Шелякин 1986, 73; Osadnik 1987, 131; Schaller 1978, 58–60). Усилительная функция частицы *ни*, по определению пражской “Русской грамматики”, заключается в том, что “она присоединяется к неопределенным местоимениям типа *кто*, *где* и т.п.: *кто* → *никто*, *где* → *нигде* и др., выражая, что отрицаемый в сказуемом признак не соотносится ни с одним из возможных элементов того или иного множества” (1979, 838).

Если в рамках идеи “двойного” отрицания” *ни*-слова являются производными от неопределенных местоимений (это, по существу, их отрицательные формы), то в рамках идеи “усиленного” отрицания *ни*-слова семантически отождествляются с обобщающими местоимениями, от которых они отличаются только обязательным отрицательным контекстом (Бондаренко 1983, 91; Гладкий, Дрейзин 1983, 146; Ермакова 1969, 88; Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 121; Саматова 1959, 159; Шелякин 1981, 72; Brykczyński 1990, 214; Grzegorzczkova 1973, 87; Kotarbiński 1957, 157).

2.2.4.1.3. Отношение обобщающих и отрицательных местоимений

Отношения между обобщающими и отрицательными местоимениями нельзя признать однозначными. Существуют интервалы абстракции, в которых они не различимы, и интервалы абстракции, в которых они не совместимы.

Сходство данных классов местоимений проявляется в возможности их субституции, ср.: *Вы всегда не уважали меня* (Достоевский), ср.: *никогда не уважали*; *Диван раздвинут, как кровать, на полу матрас, все не застелено* (Гладилин), ср.: *ничто не застелено*. Обобщающие и отрицательные местоимения могут быть совместимы в одном и том же микродискурсе, причем словоформы каждого типа обозначают полярные точки количественной градации признака, ср.: *Bóg wie wszystko. Ja nie tam prawa nic wiedzieć* (Żeromski); *Никто вам теперь не судья, а я вам судья меньше всех* (Достоевский). При этом местоимения разных типов функционируют как кореферентные единицы.

Трансформационное тождество обобщающих и отрицательных местоимений (базирующееся на их контрадикторности) проявляется в том, что они представляют собой отрицание неопределенных местоимений (Гетманова 1994, 76), ср.: *Невер-*

но, что (только) некоторые ученые являются догматиками ↔ Все ученые являются догматиками; Неверно, что (хотя бы) некоторые ученые являются догматиками ↔ Ни один ученый не является догматиком.

Обобщающие и отрицательные местоимения обладают и дистрибутивным сходством, например, сочетаемостью с некоторыми интенсификаторами, ср.: *почти все, почти никто* — **почти некоторые*. Их подобие может быть установлено также на материале межъязыковых параллелей. Так, в польском переводе “Дела Артамоновых” Горького имеются аналогии обобщающих и отрицательных местоимений, ср.: (оригинал) *Ничего этого не надо* — (перевод) *Nie trzeba tego wszystkiego*; (оригинал) *А Тихон Вялов всегда не нравился ему* — (перевод) *A Tichon Wiałow nigdy mi się nie podobał*.

В некоторых высказываниях местоимения данных типов употребляются параллельно, в частности, в составе сочинительной конструкции: *Ну как с таким говорить? Сказать, что никто, что все ее подруги так не живут?* (Е.Попов); *Я туда-сюда, и везде-нигде нету для меня питания* (Е.Попов).

Если в выражениях с КС выделять включенную (экзистенциальную) и включающую пропозиции, то их содержание можно описать с помощью логики высказываний, как это сделано в разделе 1.2.3. Таблицы истинностных значений высказываний с обобщающими, неопределенными и отрицательными местоимениями различаются (см. таблицы 1.5 — 1.7). Однако если сравнить обобщающие и отрицательные местоимения в отрицательном контексте, например: *Все суда не были готовы к плаванию* — *Ни одно судно не было готово к плаванию*, — то окажется, что их референциальная характеристика одинакова: наборы логических возможных миров, в которых они истинны либо ложны, идентичны, см. таблицы 2.8. и 2.9.

Таблица 2.8

Возможные миры	<i>Имелись суда</i>	<i>Суда были готовы к плаванию</i>	<i>Все суда не были готовы к плаванию</i>
1	истинно	истинно	ложно
2	истинно	ложно	истинно

Таблица 2.9

Возможные миры	<i>Имелись суда</i>	<i>Суда были готовы к плаванию</i>	<i>Ни одно судно не было готово к плаванию</i>
1	истинно	истинно	ложно
2	истинно	ложно	истинно

Таким образом, экстенциональные значения отрицательных высказываний с обобщающими и отрицательными местоимениями

одинаковы, а следовательно, и единицы данных классов КС при условии отрицания предиката в референциальном отношении тождественны. В научной литературе отмечается, что местоимения данных разрядов характеризуются обобщающим значением, а включающие их высказывания содержат атрибутивное суждение с общим объемом подлежащего (Русская грамматика 1980b, 411).

В семантических отношениях обобщающих и отрицательных местоимений проявляются черты сходства и различия. Фундаментальное различие между ними состоит в том, что *ни*-слова, как было уже отмечено, преимущественно употребляются в отрицательных, а *все*-слова — в положительных высказываниях. Богуславский считает, что это различие носит поверхностно-синтаксический характер (1980, 132). Однако в действительности положение сложнее, потому что и обобщающие местоимения способны употребляться в отрицательных контекстах — а значит, их отграничение от отрицательных требует учета дополнительных (в частности, семантических) признаков. Рассмотрим два типа отрицательных контекстов, в которых актуализация обобщающих или отрицательных местоимений регулируется такими признаками.

Имеются отрицательные контексты с запретом обобщающего местоимения: *Никто не Р* — **Все не Р*:

— конструкции с отрицательным местоимением в качестве обобщающего слова при сочинительной конструкции с союзом *ни... ни*, например: *...Пройдет, не оставляя ничего: Ни мысли, раздражающей его, Ни облаков с огнями и громами* (Ю.Кузнецов), ср.: **не оставляя всего: ни мысли, ни облаков*;

— ряд сочетаний с прилагательными, например: *А я там ничего особенного не вижу* (Е.Попов), ср.: **всего особенного не вижу*; *Ничего иного оно больше не воспринимает* (“Лит. газета”. 8 ноября 1989), ср.: **всего иного не воспринимает*; *To z pewnością nie wróży nic dobrego* (Terlecki), ср.: **nie wróży wszystkiego dobrego*; *Dzień ten nie wyróżnia się niczym szczególnym* (“Polityka”. 1989/51-52), ср.: **nie wyróżnia się wszystkim szczególnym*;

— сочетания с предложно-падежной группой *из / среди* + $S_{ген}$, например: *Никто из моих друзей не курит*, ср.: **Все из моих друзей не курят*; *Nikt z nas nie mógł sobie tego wyobrazić* (“Polityka”. 1989/37), ср.: **Wszyscy z nas mogli sobie to wyobrazić*;

— сочетания КС с формой сравнительной степени прилагательного или наречия, например: *Из моих же шоферов многие, кроме того, сильно любили Россию и ничего больше России* (Шкловский), ср.: **любили Россию и всего больше России*;

— конструкции с эпистемическими глаголами, например, *знать* в 1-м лице, например: *Он прошел сквозь меня, ничего я не знаю о нем* (Ю.Кузнецов), ср.: **Я всего не знаю о нем. Ничего пред-*

полагает потенциальное, а *все* — реальное существование исходного класса объектов. Высказывание *Ничего я не знаю о нем* можно интерпретировать как 'В множестве того, что я могу о нем знать, не существует такого, что я о нем знаю'. Ср. также: *Встречаются два бомжа. — Ты где живешь? — Я нигде. А ты? — А я везде* (Анекдот). В этом случае *везде* и *нигде* различаются типом референции связанного аргумента: *Я нигде не живу* ↔ *Я нигде определенно не живу* = 'В множестве мест, где я мог бы постоянно жить, не существует такого, где бы я жил'; *Я живу везде* ↔ *Я живу где придется* = 'Для каждого элемента в множестве мест, которые мне попадают, верно, что я там периодически живу'. Именно семантика реальности при условии определенности исходного множества запрещает употребление обобщающего местоимения в контексте отрицательных эпистемических глаголов — высказывание в этом случае становится аутофальсифицируемым;

— устойчивые выражения *невзирая/несмотря ни на что* — **невзирая/несмотря на все; это ни о чем не говорит/ *это обо всем не говорит; никуда не годится* — **всюду не годится; ничего не стоит* — **всего не стоит* и др.;

— главная часть сложноподчиненных высказываний с союзами *чтобы, когда бы*, например: *Не было ни одного дня, чтобы он не позвонил*, ср.: **Не было всех дней / каждого дня, чтобы он не позвонил*;

— вопросительные отрицательные предложения, например: *Ты нигде моих тапочек не видела?*, ср.: **Ты везде моих тапочек не видела?*; *На набережной вы никого не встречали?*, ср.: **На набережной вы каждого / всех встречали?* С учетом коммуникативной структуры подобные высказывания допускают двойную интерпретацию, ср.: *Ты (в самом деле) нигде моих тапочек видела?* = 'Действительно ли верно, что не существует места, такого, где бы ты видела мои тапочки?'; *Послушай, я не могу найти свои тапочки, ты нигде их не видела?* = 'Существует ли место, такое, в котором ты видела мои тапочки?' В первом случае прагматическая функция высказывания состоит в подтверждении истинностного значения сообщения, а во втором — в получении фактуальной информации с помощью речи. Постановка обобщающего местоимения в вопросительное отрицательное высказывание возможна только тогда, когда оно выполняет первую прагматическую функцию, например: *Вы не получили всех номеров подписки или не получили только некоторых?*, однако в этом случае исключено употребление отрицательного местоимения, ср.: **Вы не получили ни одного номера подписки или не получили только некоторых?*;

— обобщающие местоимения всегда актуализируются в отрицательном высказывании только в условиях непрерывности события, ср.: *Вы всегда меня не любили* — **Я всегда не обедаю в*

этом ресторане. В первом случае сообщается о перманентном в некотором отрезке времени положении дел, а во втором — о некотором множестве однотипных и прерывных во времени ситуаций (а именно ситуаций типа *Я обедаю*);

— обобщающее местоимение в отрицательном высказывании не сочетается с единицами измерения однородных множеств (символов веществ, материалов), например: *Не купил ни грамма соли* — **Не купил каждого грамма / всех граммов / любого грамма соли*.

Помимо приведенных выше имеются также отрицательные контексты с запретом отрицательного местоимения: *Все не Р* — **Никто не Р*.

— конструкции с предлогами *после, ради, мимо, между, из-за, благодаря, в течение* и др., например: *Различия между всеми тремя типами систем нельзя выразить формально (Уемов)*, ср.: **различия между ни одним типом систем / никакими типами систем*; *Ale chyba nikt z tych wszystkich nie wierzył* (Broszkiewicz), ср.: **nikt z tego nikogo nie wierzył*;

— сочетания с конвергентными прилагательными, например: *Остальные все откровенно не слушали* (Солженицын), ср.: **Остальные никто откровенно не слушал / *Остальные никто откровенно не слушали / *Остальной никто откровенно не слушал*;

— конструкции типа “отрицательное местоимение — *Ргаер* из — обобщающее местоимение”, например: *Никто из всех участников конференции об этом не упомянул*, ср.: **Никто ни из одного/из ни одного участника конференции об этом не упомянул*. Впрочем в этом случае невозможна и замена отрицательного местоимения на обобщающее, ср.: **Все из всех участников конференции об этом не упомянули*;

— некоторые сочетания обобщающих местоимений с указательным местоимением *это*, например: *Без всего этого профессор не мог жить*, ср.: **Без ничего этого профессор не мог жить*; *Всего этого постоянно не хватает*, ср.: **Ничего этого постоянно не хватает*;

— отрицательные высказывания, в которых обобщающее местоимение выражает не абсолютную, а относительную квантификацию, например: *Ивану скажите, а всем сообщать не надо*, ср.: **Ивану скажите, а никому сообщать не надо*;

— содержащие семантику потенциальности придаточные предложения времени с союзами *прежде чем, пока* и т.п., например: *Пока я не вызову всех свидетелей, нельзя сказать ничего определенного*, ср.: **Пока я не вызову ни одного свидетеля, нельзя сказать ничего определенного*;

— вопросительные высказывания с эмфатическим выделением *КС*, например: *Почему все не радуются успеху Яна* (а

только я)?, ср.: **Почему никто не радуется успеху Яна;*

— выражения, включающие маркер высокой степени интенсивности признака, например: *Его все очень не любят*, ср.: **Его никто очень не любит*. Элиминирование маркера степени позволяет корректно употреблять отрицательное местоимение в подобных выражениях, ср.: *Его никто не любит*,

— сочетания с формой превосходной степени прилагательных, например: *Мы не увидели всего самого интересного*, ср.: **Мы не увидели ничего самого интересного*;

— конструкции с градацией (как правило, эллиптированные), включающие оценочное значение большого количества, например: *В моем докладе вам не понравится многое, а может быть, и все*, ср.: **В моем докладе вам не понравится многое, а может быть, и ничего*;

— морфологический плеоназм в конструкциях типа *ничто, что...* преодолевается заменой отрицательного местоимения на обобщающее, например: **Президент уже не влияет ни на что, что происходит в стране*, ср.: *На все, что происходит в стране, президент уже не влияет*,

— конструкции с обобщающим местоимением, которые не имеют прямых лексических аналогов — отрицательных местоимений, например: *И во всем огромном мире Нет такой, как ты была* (Луговской), ср.: *И нигде в огромном мире нет такой...*

Отрицательные высказывания являются результатом преобразования положительных, что позволяет различать их по внутренней форме (мотивировке). Ср. истинностные преобразования, приводящие к возникновению отрицательных высказываний с обобщающими и отрицательными местоимениями: — *Правда, что только некоторые ученики не справились с контрольной, и не больше (и не большее количество учеников)? — Нет, с контрольной на этот раз не справились все ученики; Правда, что хотя бы некоторые ученики, а может быть, и больше (большее количество учеников) справились с контрольной? — Нет, ни / и один ученик не справился с контрольной, а тем более большее количество учеников*. Данные примеры свидетельствуют о том, что обобщающие и отрицательные местоимения входят в трансформы различных исходных выражений: в первом случае изменяется объем суждения, но сохраняется его отрицательное качество, во втором случае изменяется и объем, и качество.

Различие деривационной истории двух вариантов отрицательных высказываний с абсолютной квантификацией проявляется также в их языковом содержании. Высказывания типа *Все не спят* могут быть интерпретированы как 'И *a*, и *b*, и *c* входят в множество тех, кто не спит', т.е. посредством обратной конъюнкции, а высказывания типа *Никто не спит* — как 'Ни *a*, ни *b*, ни *c* не входят в множество тех, кто спит', т.е. посредством антидизъ-

юнкции (Черч 1960, 41; Пеллетье 1986, 326; Кіклевіч 1990, 54). Обобщающее местоимение включает элементы исходного множества в объем референтного множества, а отрицательное — исключает их из этого объема (Русская грамматика 1980b, 411).

Некоторые исследователи (Klaus 1973, 257; Nozsiscka 1988, 196–197), видимо, ошибочно связывают отрицание квантора существования с обратной конъюнкцией, на что указывают языковые факты, например: *В парах ли винного подвала, в кругах ли просвещенных дам влачусь — где наша не бывала! А между тем — ни тут, ни там* (Чухонцев), где выражение с *ни*-словами является результатом отрицания выражения с дизъюнктивным союзом *ли... ли*.

Формулы с обратной конъюнкцией и антидизъюнкцией в логике высказываний считаются равносильными. Более того, если высказывания получены из равносильных формул в результате замены входящих в них переменных конкретными высказываниями, такие высказывания называются равнозначными (Формальная 1977, 220–221). И логическую равносильность, и логическую равнозначность не следует понимать как семантическое тождество высказываний. Неоднократно отмечалось, что пропозициональные связки отражают лишь онтологический аспект содержания высказывания и не указывает на тип интерпретации мира, чем, в частности, обусловлен известный парадокс “материальной” и “строгой” импликации — одна из предпосылок создания релевантной логики. Как пишет Войшвилло, “материальная импликация... не представляет собой какой-либо содержательной связи... Все формулы языка классической логики имеют экстенциональный характер. Будучи интерпретированы как высказывания, они выражают лишь некоторые фактические положения дел в действительности” (1989, 97; см. также: Гетманова 1994, 79).

По одному из законов де Моргана обратная конъюнкция и антидизъюнкция равносильны:

$$\neg (p \vee q) \leftrightarrow (\neg p \ \& \ \neg q) \quad (2.6)$$

Однако, несмотря на это экстенциональное тождество, интенциональное содержание высказываний с антидизъюнкцией и обратной конъюнкцией различно: при обратной конъюнкции, как показано выше, происходит включение элементов в класс, а при антидизъюнкции — исключение из класса.

Различие интенционалов отрицательных высказываний с обобщающими и отрицательными местоимениями можно представить и в терминах логического вывода. Обратная конъюнкция в высказываниях типа *Все не спят* представляет собой результат полной или неполной (в зависимости от ограниченности/неограниченности исходного множества) индукции:

a не спит
b не спит
c не спит

Все из множества {a, b, c} не спят.

Антидизъюнкция в высказываниях типа *Никто не спит* достигается с помощью дедукции, а именно — условно-разделительного силлогизма:

Если неверно, что все спят, то либо хотя бы некоторые спят, либо никто не спит.

Неверно, что хотя бы некоторые спят.

Никто не спит.

Подобное предложенному выше толкование *ни-слов* можно найти у Гетмановой (1972, 48).

2.2.4.1.4. Многозначность относительной квантификации

Мы уже ранее (Киклевич 1990а, 147) обращали внимание на то, что в логике существуют два способа графического представления содержательных типов высказываний (см. рис. 2.5).

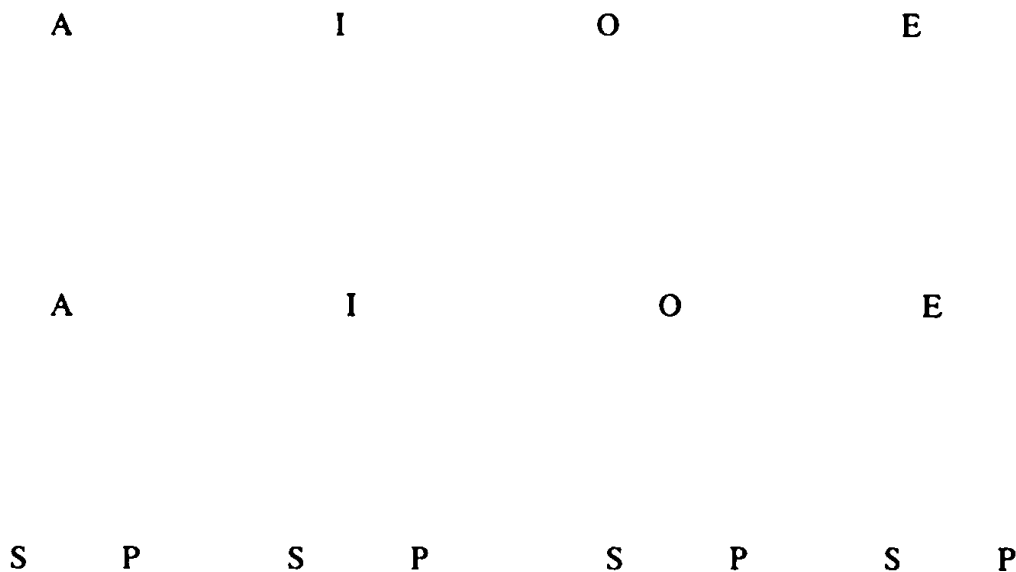

Рис. 2.5

Различие данных моделей не чисто техническое, а содержательное. Так, в моделях первого (более традиционного и известного) типа общеутвердительное суждение А выражает полноту объема субъекта в объеме предиката, а в моделях второго типа (Закревский 1988, 71) — пустоту объема субъекта вне объема предиката. Это означает, что мы имеем дело с двумя принципиально различ-

ными типами общих суждений — тождественными в экстенциональном и различными в интенциональном аспекте. Данные варианты общего суждения характеризуются (пользуясь известным термином Соссюра) разной значимостью: в моделях первого типа, которые мы будем называть синтетическими, А противопоставлено I, а E — O как высказывания с полным объемом субъекта — высказываниям с неполным объемом субъекта; в моделях второго типа, которые мы будем называть аналитическими, А противопоставлено O, а E — I как высказывания с пустым объемом субъекта — высказываниям с непустым объемом субъекта.

Формальная и математическая логика практически не учитывают интенционального аспекта содержания кванторов и пропозициональных связок. Так, квантор существования противопоставляется квантору всеобщности значением 'как минимум один' (Целищев 1977, 12; Hinst 1974, 143; Klaus 1973, 258; Pasenkiwicz 1986, 74; Rasiowa 1975, 213; Wall 1973, 90), а семантические варианты предикатных формул с одним и тем же квантором не предусматриваются.

Некоторые логики, однако, признают многозначность частных суждений 'Только некоторые S суть P' и 'По крайней мере некоторые S суть P' — одним из первых на это обратил внимание Васильев (1989, 15–18); см. также: Асмус 1947, 120; Бакрадзе 1951, 209; Горский 1963, 105; Логика 1956, 83–84; Павилёнис 1975, 94; Таванец 1953, 71; Pasenkiwicz 1986, 51. В логике предикатов дифференцируются значения квантора существования 'существует по крайней мере один' и 'не все' (Дюкро 1982, 279; Осуга 1989, 93; Levinson 1990, 38). Обращается внимание на редундантность — свойство частичной взаимоотрицаемости, которым языковые кванторы отличаются от логических (Vertulani 1990, 180). Бакрадзе критиковал практику описания общих суждений в виде операции отрицания квантора существования, что, по его мнению, не отражает содержания некоторых общих суждений (1951, 212).

2.2.4.1.5. Пресуппозитивная семантика в высказываниях с КС

Логический подход к описанию естественного языка (во всяком случае — осуществляющийся в рамках классической логики) основывается на признании изоморфизма плана выражения и плана содержания знаков, а в референциальном аспекте — изоморфизма знака и денотата, языка и мира, и не адаптирован к отражению семиотических систем, допускающих редуцированную синтагматику, в частности, имплицитность плана содержания. В логике предикатов актуализация кванторов не сопровождается

никакой информацией об онтологическом и психологическом контексте высказывания, здесь игнорируются такие элементы содержания, как интенции корреспондента, пресуппозиции, альтернативные возможные миры. “Для “да” и “нет” в логике сделаны таблицы истинности, и не допускается и тени сомнения в том, что в логических исследованиях, таким образом, принимается во внимание нечто вроде речевой ситуации. Однако существуют многие другие языковые явления, которых она не учитывает <...> Логика делает выбор, который с точки зрения языка является произвольным и немотивированным”, — пишет Вайнрих (1987, 71).

Повышение коэффициента подобия логической модели языка ее оригиналу многие исследователи связывают именно с переориентацией объекта моделирования — включением в поле зрения всевозможных элементов имплицитного содержания языковых выражений (Ветров 1982, 412; Смирнова 1990, 113; Тондл 1975, 97; Хинтиikka 1980, 277).

Сказанное непосредственно имеет отношение и к описанию количественных слов, в том числе — КС, в функционировании которых фоновая семантика играет значительную роль. На это еще в 1910 г. обратил внимание Васильев, критиковавший традиционную логическую парадигму, согласно которой, по его словам, “можно мыслить о некоторых, не мысля обо всех” (1989, 28).

Рассмотрим несколько конкретных примеров значимости фоновой семантики в контекстах с количественными словами.

Инструкция по приготовлению горчицы: *Порошок с небольшой порцией теплой воды размешать до однородной массы. Приготовленную массу залить водой и поставить в холодное место. Через 10 часов воду слить и в массу добавить сахар, соль и уксус по вкусу.* Количественное выражение *через 10 часов* может быть понято двояко: ‘ровно через 10 часов, не больше и не меньше’ или ‘через 10 часов, но не меньше’. В том и другом случаях речевой субъект исходит из различных предпосылок: *Время приготовления горчицы должно быть строго фиксировано, при недостаточной или чрезмерной выдержке горчица получается некачественной либо При выдержке менее 10 часов горчица не наберет необходимой остроты.*

Другой пример: *Вот уже двести лет там обходятся без закона о печати и, судя по всему, не много теряют* (“Комс. правда”. 13 мая 1990). Присоединение к наречию *много* отрицательной частицы *не*, в принципе, двузначно: либо имеется в виду ‘теряют не много, а мало, т.е. могли бы терять больше’, либо подразумевается, что ‘теряют не много, но достаточно много, т.е. могли бы терять меньше’. Орфографически это отражается раздельным или слитным написанием частицы и наречия. В зависимости от допускаемой альтернативы в высказывании косвенно выражается также оценочная семантика, ср.: *Не много теряют — Хорошо, что не много (а мало) теряют;*

Немного теряют — Плохо, что хоть и немного, но все-таки теряют.

Информация в газете "Tygodnik Powszechny" (1993/4): *Podczas niespotykanego na Bałtyku sztormu (siła wiatru dochodziła do 160 km/h) wyrócił się, a następnie zatonił polski prom towarowy "Jan Heweliusz". W czasie akcji ratunkowej uratowano 9 z przebywających na pokładzie ponad 60 osób. Przyczyny katastrofy bada specjalna komisja.* Семантическая интерпретация данного текста зависит от экстралингвистических факторов, в частности, от допущения, которое делает реципиент относительно полноты/неполноты информации, имеющейся у корреспондента. Если предполагается, что сообщение содержит полную и окончательную информацию о числе спасенных, то оно будет интерпретировано как *W czasie akcji ratunkowej uratowano tylko 9 z przebywających na pokładzie ponad 60 osób, reszta zginęła*, а если известно, что сообщение будет уточняться по мере осуществления спасательных работ, то реципиент интерпретирует его как *W czasie akcji ratunkowej uratowano już 9 z przebywających na pokładzie ponad 60 osób, reszta jest poszukiwana.*

Употребление КС также регулируется фоновой семантикой высказывания, которая может быть имплицирована в связанном тексте или выражена специальными пресуппогенными частицами — *даже, только, хотя бы* и др. Инклюзивные частицы (см. 1.2.3) включают дескриптивные возможные миры в экстенционал высказывания, ср.: *Даже Петя решит эту задачу — Другие тоже решат эту задачу.* Эксклюзивные частицы исключают дескриптивные возможные миры из экстенционала высказывания, ср.: *Только Петя решит эту задачу — Другие не решат эту задачу.*

Инклюзивные частицы могут быть получены в результате преобразования эксклюзивных, ср.: *Не только Петя решит эту — И другие также решат эту задачу.* При этом *только* применяется к терминам, которые оцениваются говорящим как в том или ином отношении более, а *даже* — менее приоритетные. Так, в приведенном выше высказывании *Петя* обозначает того, от кого ожидалось, что он решит задачу, из чего следует, что Петя — лучший ученик в классе, тогда как от других учеников это не ожидалось.

Частица *хотя бы* (по крайней мере) многозначна. В первом значении *хотя бы*, обозначает 'Возможно, что имеет место нечто большее, чем *P*' (Зельдович 1990, 84). Выражение *хотя бы некоторые* Васильев интерпретировал как 'некоторые, а может быть, и все'. В высказываниях с *хотя бы*, содержится деонтическая модальность неуверенности — по Санникову, гипотеза, "относительно истинности которой в момент речи нельзя судить с достоверностью" (1986, 11), ср.: *Не уверен, что все спят, но хотя бы некоторые спят.* Высказывания такого типа реализуются в условиях дефицита информации об актуализации исходного множества в описы-

ваемой ситуации и поэтому могут быть квалифицированы как результат неполной индукции: *(A спит) и (B спит) и (C спит), следовательно, хотя бы некоторые спят (не исключено, что все спят)*. Например: *И к ним нужно прибавить еще по крайней мере миллион расстрелянных* (Шубкин), ср.: *по крайней миллион, а то и больше; Jedno z głównych pytań, które stawiali sobie od co najmniej sześciu godzin, znalazło częściowo odpowiedź* ("Polityka". 1989/38), ср.: *od co najmniej sześciu, a może nawet więcej godzin*.

Важно отметить, что в высказываниях с *хотя бы*₁, допущение более приоритетного значения (в частности, большего объема референтного множества) составляет ассертивную часть, ср.: *Утверждаю, что хотя бы некоторые спят и не исключено, что все спят*.

*Хотя бы*₂, напротив, указывает на невозможность актуализации более приоритетного значения (в частности, большего объема множества), например: *Разве во власти Наполеона было создать хотя бы букашку, хоть какую былинку* (Битов), ср.: *хотя бы букашку, не говоря о невозможности создания чего-то большего и значительного; Дайте мне расколоть хотя бы это полено* (Хармс), ср.: *хотя бы это полено, при невозможности расколоть большее количество поленьев*. Высказывания с *хотя бы*₂ содержат алетическую модальность ирреальности, или потенциальности (это — высказывания о будущем, просьбы, пожелания, условные высказывания), а также модальную импликацию *Невозможно, что объем актуального множества больше указанного*.

2.2.4.1.6. Отрицание КС

Отношения между высказываниями с количественной семантикой регулируются тремя основными факторами: 1) маркером количественной семантики, например, КС, 2) оператором отрицания и 3) инклюзивными и эксклюзивными рестрикторами (отсутствие рестрикторов может компенсироваться конситуацией или контекстом). Рассмотрим взаимодействие этих факторов на примере отрицания высказываний с относительной квантификацией.

Ложность высказывания о частичном вхождении исходного множества в ситуацию может иметь два толкования: класс представлен в ситуации либо в полном объеме, либо в пустом объеме. Таким образом, применение к КС отрицательного оператора приводит к смысловой неопределенности высказывания. Для ее преодоления в семантическую структуру высказывания вводятся специальные фильтры, функцию которых выполняют рестрикторы. Фильтрующая функция рестрикторов основана на том, что они указывают на альтернативные возможные и невозможные миры и

тем самым обладают способностью блокировать одно из направлений отрицания высказывания с малым квантором.

Выражения с эксклюзивными частицами, например: *Только некоторые друзья придут*, — содержат импликацию с оператором алетической возможности *Возможно, что придут все друзья*, которая указывает на альтернативный по отношению к актуальному возможный мир: *Либо придут все друзья, либо только некоторые*. Кроме того, в высказывании также содержится импликация с оператором деонтической модальности: *Ожидалось, что придут все друзья*. Именно наличие указанных импликаций является условием употребления рестриктора. Если допустить, что возможность прихода всех друзей отсутствует, то употребление частицы *только* в высказывании *Только некоторые друзья придут* исчезает.

Следует обратить внимание на то, что объем актуального множества в импликации больше, чем его объем в высказывании, т.е. с точки зрения объема множества импликация по отношению к ассертивному высказыванию обладает приоритетом. Импликации подобного типа называются *градуальными* (Levinson 1990, 135–136; Semantik 1990, 230–232; см. раздел 1.1.2.1).

Отрицание высказывания с градуальной импликацией представляет собой замену одного альтернативного возможного мира другим, ср.: *Неверно, что только некоторые друзья придут*, импликация *Возможно, что все придут* ↔ *Все друзья придут*. Данное семантическое преобразование может быть эксплицировано в тексте: *Nie jest tylko dla wierzących, ale dla wszystkich* (“Polityka”. 1989/9). В процессе отрицания сохраняются все импликации высказывания, т.е. высказывание *Все друзья придут* обладает импликациями *Возможно, что все друзья придут* (в соответствии с модусом *ab esse ad posse*) и *Ожидалось, что все друзья придут*. Однако при этом “стираются” все импликации высказывания. Например, *Только некоторые друзья придут* имплицитно подразумевает *Некоторые друзья не придут*, а высказывание *Все друзья придут* такой импликации не имеет.

Высказывание с абсолютной квантификацией лишено рестриктора, ср.: *Все друзья придут*, поэтому его отрицание, как справедливо указывает Stanosz (1985, 47), неопределенно: *Если неверно, что все друзья придут, то либо придут некоторые друзья, либо никто из друзей не придет*. Однако совместимость маркера абсолютной квантификации и эксклюзивного рестриктора в одном и том же высказывании возможна, например: *От всего арбуза он отрезал только один небольшой кусок*. Выражения этого типа полипредикативны, при этом одна часть, содержащая модальность возможности, противопоставляется другой, содержащей модальность реальности, в аспекте семантики количества, ср.: *Он мог разрезать на части весь арбуз, но он отрезал от арбуза только один небольшой кусок, что меньше ожидаемого количества отрезанных от арбуза кусков*.

Высказывания с частицей *хотя бы*, также содержат фоновую информацию о более приоритетном количественном значении аргумента. В выражениях с *только* эта информация заключена в высказывании с оператором алетической модальности возможности, а в выражениях с *хотя бы*, — в высказывании с оператором деонтической модальности неуверенности. Ср.: *Только некоторые друзья придут* и *Хотя бы некоторые друзья придут*. В первом случае ситуация, в которой все друзья придут, представляется принципиально возможной, но говорящий уверен, что из двух возможностей: *Все придут* и *Некоторые придут*, — актуальна вторая. В другом случае также допускается возможность прихода всех друзей, но здесь говорящий не уверен в том, что данная возможность исключена, т.е. высказывание может быть преобразовано как *Хотя бы некоторые (это уж точно), а может быть, и все друзья придут*.

Выражения с бóльшим, чем актуальный, объемом экстенционала аргумента, истинность которых не очевидна, называются условными импликатурами (Levinson 1990, 134; см. раздел 1.1.2.1). Если градуальные имплицатуры предусматривают существование возможных миров, которые не могут иметь места одновременно с рассматриваемым, то условные допускают существование таких возможных миров вместо рассматриваемого. Градуальные имплицатуры могут быть представлены в виде строгой дизъюнкции высказываний с бóльшим и меньшим объемом, ср.: *Либо все x -ы P , либо только некоторые x -ы P* , а условные — в виде импликации таких высказываний: *Если все x -ы P , то и некоторые x -ы P* . Согласно одному из законов логики высказываний, из ложности консеквента с необходимостью следует ложность антецедента, применительно же к рассматриваемому случаю это значит, что при отрицании высказывания с условной имплицатурой отрицается также сама имплицатура: *Если неверно, что некоторые x -ы P , то неверно, что все x -ы P* . Так, Богуславский отмечает тип отрицания, при котором подразумевается семантический компонент 'меньше', например: *Не спал трех часов* = 'Спал меньше трех часов' (1974, 127). Это — пример отрицания высказывания с условной имплицатурой *Спал как минимум три часа, а может быть, и больше*: во-первых, *Спал три часа* преобразуется в *Спал не три часа*, а во-вторых, *Спал больше трех часов* преобразуется в *Спал не больше трех часов*. Из этих двух высказываний в рамках условного силлогизма выводится высказывание *Спал меньше трех часов*:

Если неверно, что спал три часа, то либо спал больше трех часов, либо меньше трех часов.

Неверно, что спал больше трех часов.

Спал меньше трех часов.

Аналогичным образом осуществляется операция отрицания высказываний с относительной квантификацией: *Неверно, что хотя бы некоторые, а может быть, и все друзья придут* ↔ *Никто из друзей не придет* или *Не только все, но даже некоторые друзья не придут*. Пустота референтного множества является результатом отрицания высказываний о рассматриваемом и предполагаемом положении дел.

Для высказываний с частицей *хотя бы*₂ характерна модальная импликатура *Невозможно участие в событии множества объектов с более приоритетным количественным значением*. Так, высказывание *Покажите хотя бы некоторые из ваших рисунков* реализуется в контексте отрицательной импликации *Исключено, что вы покажете мне все ваши рисунки* или *Я не ожидаю, что вы покажете мне все ваши рисунки*. При отрицании такого высказывания его модальная импликатура сохраняется, тем самым блокируется одно из двух возможных направлений отрицания высказывания с относительной квантификацией: *Неверно, что вы покажете мне хотя бы некоторые ваши рисунки*, импликатура *Не предполагается, что будут показаны все рисунки* ↔ *Вы не покажете мне ни одного вашего рисунка*, импликатура *Не предполагается, что будут показаны все рисунки*.

Отрицание синтагматической группы *только некоторые* приводит к замене ее маркером абсолютной квантификации, ср.: *Неверно, что только некоторые спят* → *Все спят*. Что касается синтагматических групп с инклюзивными рестрикторами, например, *хотя бы некоторые*, то, поскольку в поверхностно-синтаксической структуре отрицательного высказывания отсутствуют специальные маркеры абсолютной квантификации, они либо сохраняются, либо заменяются инклюзивными рестрикторами, специализированными в отрицательном контексте (*даже, ни*), ср.: *Мы не получили хотя бы / даже каких-нибудь разъяснений; Мы не получили никаких разъяснений* (см. 2.2.4.1.2).

Центральное место среди инклюзивных частиц с отрицательной дистрибуцией занимает частица *ни*. Применение *ни* к маркеру относительной квантификации реализуется для отрицания объема множества, большего, чем множество, являющееся объектом ассертивного отрицания с помощью частицы *не*, что в совокупности обуславливает семантику пустоты референтного множества. Таким образом, интерпретации высказываний с *ни*-словами как полинегативных и монологических можно объединить по принципу дополнительности: в высказываниях с *ни*-словами ассертивная часть содержит отрицание предиката, которое манифестируется частицей *не* — с этой точки зрения высказывание содержит одиночное отрицание, однако ассертивное отрицание сопровождается отрицанием приоритетного объема множества в модальной имплицатуре, на что указывают соответствующие рестрикторы — таким образом, высказывание в целом содержит двойное от-

рицание.

Отрицание *Не (хотя бы некоторые спят)* → *Никто не спит* основано на противопоставлении наличия — отсутствия элементов исходного множества в объеме актуального множества. При этом предполагается градация степени наличия: максимальная (*Все спят*) и минимальная (*Хотя бы некоторые спят / Хотя бы один спит*). В условиях, когда максимальная степень наличия блокируется рестриктором, отрицание минимальной степени, которое приводит к возникновению высказываний с *ни*-словами, означает 'меньше минимального объема'. Эта семантическая структура отрицательных общекванторных высказываний (характерная, по крайней мере, для славянских языков) свидетельствует о том, что понятие пустоты множества выражается в данном случае не синтетически, т.е. не номинативно, а аналитически, в результате ряда семантических операций. Эту мысль применительно к числительным высказал Супрун: "Понятие нуля — продукт недавней эпохи <...> В тот период, когда только формировался ряд слов, соотносительных с числовым рядом <...> понятие о нуле и соответствующее слово еще не существовало и не могло играть роли в образовании семантической группы числительных" (1969, 18). Ср. также мнение Васильева: "У нас только утвердительное суждение о предметах и фактах непосредственное, т.е. основано на восприятии и ощущении, отрицательное же всегда выводное" (1989, 63; см. также: Vertulani 1990, 186). Именно поэтому фраза Ионеско *Часы бьют ноль раз* выглядит как сознательное нарушение языковой нормы. Фоновую семантику наличия элементов множества в высказываниях о его пустоте имел в виду и Декарт: "В обычном употреблении словом "пустота" мы постоянно обозначаем не то место или пространство, где совершенно ничего нет, но лишь то место, в котором ничего нет из того, что, как мы думаем, должно в нем быть" (1950, 473). Представление о пространстве в языковом сознании неразрывно связано с понятием субстанциональности (Степанов 1994, 10).

Ермакова считает, что в русском языке нет синтетических форм абсолютной квантификации в отрицательном высказывании, комплексы же типа *никто* являются синтаксическими, а не лексическими, о чем свидетельствует возможность вставки предлога, ср.: *ни у кого* (1969, 90; см. также: Апресян, Йомдин 1989, 50). Следует отметить, что предложные конструкции с отрицательными местоимениями в польском и русском языках различаются: в русском предлог располагается между отрицательной частицей и корнем, а в польском — перед словом, например: *Nikogo się nie boi, przed niczym nie zadrży* (Parnicki); *Tu się z nikim nie będą cackać* (Krzysztoń); *Za nic nie chciałem zostać sam w tym lesie* (Kapuściński); *Chciałem jego sposoby popatrzeć i szybko się nauczyć tego, na co jemu potrzebne było życie*

i czego nauczyć się od nikogo nie można (Czeszko); *Donikąd nie ucieknę, nikogo się nie boję* ("Polityka". 1991/2); *Całą koszulkę miał czerwoną i za żadne skarby nie chciał opuścić pola gry* ("Polityka". 1992/27);

В некоторых языках вообще отсутствуют какие-либо аналоги отрицательных местоимений, вместо которых употребляются сочетания неопределенных местоимений и специальных отрицательных форм (Майтинская 1969, 264–266). Это, между прочим, объясняет и тот факт, почему Garde отнес отрицательные местоимения к числу неопределенных.

2.2.4.1.7. Синтетическая и аналитическая квантификация

Формы абсолютной и относительной квантификации составляют категориальную оппозицию квантификации, в которой отражен экстенциональный аспект семантики кванторов, а именно — равенство или неравенство объемов исходного и актуального множеств индивидов. Однако проведенные наблюдения показали, что, во-первых, экстенциональным значением содержание языковых кванторов не исчерпывается, во-вторых, бинарная оппозиция абсолютной — относительной квантификация не позволяет дифференцировать три больших класса КС: обобщающие, неопределенные и отрицательные местоимения.

Предлагаемая нами модель заключается в том, что в универсуме КС выделяются две категориальные оппозиции. Первая, экстенциональная, оппозиция включает функциональные классы со значениями абсолютной — относительной квантификации. В ее основе лежит противопоставление равенства — неравенства объемов исходного и референтного множеств. Например, в высказываниях *Все наши соседи уехали на дачу* и *Никто из наших соседей не уехал на дачу* содержится абсолютная квантификация, потому что референтные множества {наши соседи, которые уехали на дачу} — в первом высказывании, и {наши соседи, которые не уехали на дачу} — во втором высказывании, количественно совпадают с исходным множеством {наши соседи}. В высказываниях с неопределенными местоимениями исходное множество актуализируется не в полном, а в частичном объеме.

Вторая, интенциональная, оппозиция в рамках категории квантификации включает функциональные классы синтетической — аналитической квантификации. Данная оппозиция базируется на отношении пересеченности / непересеченности составов исходного и актуального множеств, т.е. касается качественного аспекта множественной семантики. Так, в высказывании *Все наши соседи уехали на дачу* множество наших соседей включено в множество тех, кто уехал на дачу (в высказываниях с распределенным сказуемым эти множества совпа-

дают). Высказывание же *Никто из наших соседей не уехал на дачу* с интенциональной точки зрения обладает иным содержанием: множество наших соседей не только не включено в множество лиц, уехавших на дачу, но вообще не имеет общих с ним элементов. В основе парадигмы синтетической квантификации лежит семантика универсальности (полноты/неполноты), а в основе парадигмы аналитической квантификации — семантика экзистенциальности (наличия/отсутствия). С учетом оппозиций абсолютной — относительной и синтетической — аналитической квантификации можно построить исчисление всех функциональных микропарадигм квантификации:

- 1) парадигма маркеров абсолютной синтетической квантификации с признаком [+полнота актуализации исходного класса]; например: *Все мои соседи уехали за город* = 'Множество моих соседей, которые уехали за город, полно';
- 2) парадигма маркеров относительной синтетической квантификации с признаком [-полнота актуализации исходного класса]; например: *Только некоторые мои соседи уехали за город* = 'Множество моих соседей, которые уехали за город, не полно';
- 3) парадигма маркеров относительной аналитической квантификации с признаком [+наличие элементов исходного класса в объеме актуального класса]; например: *Хотя бы некоторые мои соседи уехали за город* = 'В множество моих соседей существуют такие, которые уехали за город';
- 4) парадигма маркеров абсолютной аналитической квантификации с признаком [-наличие элементов исходного класса в объеме актуального класса]; например: *Ни один из соседей не уехал за город* = 'В множестве моих соседей не существует такого, который уехал за город'.

Некоторые элементы противопоставления синтетической и аналитической квантификации заимствованы из уже существующей литературы. Так, Селиверстова рассматривает коллективное участие (т.е. универсальность) и существование как два самостоятельных семантических признака в содержании КС (1964, 80-81). Нельзя не обратить внимания и на предложение Karolak'a рассматривать порознь семантику экзистенциальности и частные суждения (1990, 129-144), на дифференциацию кванторов обобщения, ограничения и существования, предложенную Откупщиковой (1984, 6), а также на разграничение экзистенциальных и лимитирующих кванторных местоимений, на котором настаивает Grzegorzczukowa (1987, 135). Истоки выделения синтетической и аналити-

ческой квантификации можно найти и в логике предикатов. В теоретико-множественной интерпретации кванторов истинность или ложность выражений с квантором всеобщности зависит от равенства или неравенства объемов актуального и исходного множества, а истинность или ложность выражений с квантором существования — от пустоты или непустоты актуального множества (Rasiowa 1975, 212–213). С учетом типа КС, положительного/отрицательного качества высказывания и пустоты/непустоты исходного множества можно выделить девять логико-семантических типов языковых выражений:

- 1) абсолютная синтетическая квантификация / положительное качество высказывания / непустота исходного множества, например: *Все друзья придут*,
- 2) абсолютная синтетическая квантификация / отрицательное качество высказывания / непустота исходного множества, например: *Все друзья не придут*,
- 3) относительная синтетическая квантификация / положительное качество высказывания / непустота исходного множества, например: *Только некоторые друзья придут*; *Не все друзья придут*,
- 4) относительная синтетическая квантификация / отрицательное качество высказывания / непустота исходного множества, например: *Только некоторые друзья не придут*; *Не все друзья не придут*,
- 5) относительная аналитическая квантификация / положительное качество высказывания / непустота исходного множества, например: *Хотя бы некоторые друзья придут*,
- 6) относительная аналитическая квантификация / отрицательное качество высказывания / непустота исходного множества, например: *Хотя бы некоторые друзья не придут*,
- 7) абсолютная аналитическая квантификация / отрицательное качество высказывания / непустота исходного множества, например: *Никто из друзей не придет*,
- 8) абсолютная аналитическая квантификация / положительное качество высказывания (при двойном отрицании) / непустота исходного множества, например: *Неправда, что никто из друзей не придет*; *Нет друзей, которые не придут*,
- 9) абсолютная аналитическая квантификация / отрицательное качество высказывания / пустота исходного множества, например: *Никто из друзей не придет, потому что у меня нет друзей*.

2.2.4.2. Качественные лексико-семантические признаки КС

Если описание логических кванторов исчерпывается их категориальными количественными признаками, то лингвистическая модель квантификации должна включать также описание дополнительных — качественных и количественных — признаков, которые исключительно важны при функционировании КС. Все признаки этого типа (номинативные и селективные) далее будут рассматриваться в трех самостоятельных кванторных микропарадигмах: абсолютной синтетической, абсолютной аналитической и относительной квантификации.

2.2.4.2.1. Микропарадигма абсолютной синтетической квантификации

К числу маркеров абсолютной синтетической квантификации относятся лексемы *весь, все, всегда, навсегда, везде, всюду, повсюду, отовсюду, повсеместно, вечно, навечно, навеки, постоянно, ежедневно, всенародный, каждый, любой, всякий, круглый (год), настежь, наглухо, полностью, целиком* и др., словосочетания *все время, в любом случае, при любых условиях, в любом месте, всеми способами, всякий раз, каждый раз, всю дорогу, сплошь да рядом, и день и ночь, что (бы) ни, с ног до головы, от корки до корки, от а до я* и др. Лексико-семантические признаки подобных единиц исследовались в литературе (Максимова 1984, 451-458, Падучова 1989, 15-24; Солливертова 1964, 80-90; Киклевич 1989b, 37-45 и др.). Обращение к этому вопросу в данной работе мотивировано несколькими факторами, прежде всего — ограниченным объемом описанного ранее материала и неполнотой большинства классификаций.

2.2.4.2.1.1. Селективные признаки

Селективными признаками маркеров абсолютной синтетической квантификации являются: 1) коллективность/дистрибутивность референтного множества; 2) реальность/ирреальность события; 3) партитивность/гипонимичность исходного множества.

2.2.4.2.1.1.1. Дистрибутивность/коллективность

Уже указывалось, что абсолютная квантификация может быть преобразована в конъюнкцию, ср.: *Все из множества x, y, z пришли* ↔ *И x, и y, и z пришли*. Однако такая трансформация возможна далеко не всегда, например: *Все соседство съехалось* (Пуш-

кин) \leftrightarrow *И x , y , и z съехались. Кстати, подобные трансформации не всегда допускают и высказывания с сочинительным союзом или конъюнктивным предлогом, ср.: *Прямые A и B пересекаются* — **Прямая A пересекается, и прямая B пересекается*; *Мы с Тamarой ходим парой* — **Я хожу парой, и Тамара ходит парой* (Дейк ван 1978, 265–270; Клини 1973, 172; Чеснокова 1992, 130; Hinst 1977, 72). В зависимости от того, распространяется или нет свойство множества на отдельные элементы, различаются дистрибутивные (разделительные) и коллективные (объединительные, собирательные) множества (см. раздел 1.1.2.3, а также: Булыгина, Шмелев 1987, 203–209; МакКоли 1981, 274; Павилёнис 1975, 100; Потапова 1983, 134; Grzegorzczukowa 1987, 133; Kotarbiński 1986, 26). Учитывая функциональный, а не таксономический характер этой оппозиции, можно было бы говорить о дистрибутивном и коллективном взаимодействии множественного аргумента с предикатом (Киклевич 1990b, 124–125), ср.: *Все дети в этом классе способны* \leftrightarrow *Иванов способен, Петров способен, Павлов способен*; *Все дети в этом классе дружны* \leftrightarrow **Иван дружен, Петров дружен, Павлов дружен*.

Логика соотносит дистрибутивные множества с общими, а коллективные — с единичными (амфиболическими) суждениями (Асмус 1947, 119–120; Мчедлишвили 1978, 39; Таванец, 1953, 68), т.е. такими, субъектом которых является множество в целом. Согласно трактовке Откупщиковой высказывания с дистрибутивными множествами обозначают несколько ситуаций, а высказывания с коллективными множествами — одну (1987, 167–168). Учитывая эти особенности, можно дать соответствующее логико-семантическое представление высказываний с квантификацией дистрибутивных и коллективных множеств, ср. символическое отражение высказываний *Мальчик забрал все его шарики* и *Мальчик разбросал все его шарики*:

$$\forall y \quad \begin{array}{l} R(x, y) \\ \{y \mid P(y) \\ Q(a, y)\} \end{array} \quad \begin{array}{l} \\ \{x \mid S(x)\} \end{array} \quad (2.7)$$

где P — шарик, Q — владеть, R — забрать, S — мальчик, a — он;

$$\forall y \quad \begin{array}{l} y \in M \\ \{y \mid P(y) \\ Q(a, y)\} \end{array} \quad \begin{array}{l} R(x, M) \\ \{x \mid S(x)\} \end{array} \quad (2.8)$$

где P — шарик, Q — владеть, R — разбросать, S — мальчик, a — он. Формула (2.8) может быть прочитана как 'Для каждого y -а, который является шариком, таким, которым он владеет, верно, что он принадлежит к множеству того, что разбросал x , который является мальчиком'. Символ множества выполняет в подобных выра-

жениях функцию одного из аргументов — например, субъектом высказывания *Петя и Маша целовались* является множественный аргумент *Петя и Маша*, ср.: *Парочка целовалась*.

Коллективность реализуется в двух вариантах: либо сочетаемость предиката и элемента множества исключена, либо возможна, однако высказывание с множественным аргументом нетождественно конъюнкции высказываний с символами элементов множества, поскольку в его содержание входит семантический компонент конситуативности (совместности), ср.: *Все эти линии пересекаются* ↔ **Эта линия пересекается; Все дети (Петя, Ваня, Миша) сели за стол* = 'Петя сел за стол, и Ваня сел за стол, и Миша сел за стол, и эти события относились к одному и тому же отрезку времени и одному отрезку пространства'.

Различие дистрибутивности/коллективности внешне напоминает различие эндо- и экзоцентрических синтаксических конструкций. Так, определение эндоцентрической конструкции во многом напоминает определение дистрибутивности: сочетаемость такой конструкции совпадает с сочетаемостью одной или более ее составляющих (Лайонз 1978, 245; Saloni, Świdziński 1985, 55), ср.: *Можете выразить свои чувства в эссе или в публичной речи* ↔ *Можете выразить свои чувства в эссе или можете выразить свои чувства в публичной речи*, где дистрибуция сочинительной конструкции *в эссе или в речи* повторяет дистрибуцию ее компонентов *в эссе и в речи*. Изоморфизм понятий эндоцентричности и дистрибутивности, с одной стороны, экзоцентричности и коллективности, с другой стороны, однако, не означает их тождества: эндо- и экзоцентричность характеризуют поверхностно-синтаксический, а дистрибутивность и коллективность — глубинно-семантический план высказывания, ср.: *Иван и Павел — музыканты*, где сочинительная конструкция *Иван и Павел* является экзоцентрической (**Иван — музыканты, и Павел — музыканты*), а обозначаемое ими множество в отношении к предикату *музыкант* — дистрибутивным (*Иван — музыкант, и Павел — музыкант*). Подобно тому, как дистрибутивность/коллективность являются функциональными свойствами множественных аргументов (а не лексико-семантическими свойствами существительных), эндо- и экзоцентричность — «особенности использования данной конструкции в определенном контексте, а не особенности конструкции как таковой» (Saloni, Świdziński 1985, 69), ср.: *Chłopcy i dziewczyny śpiewają* — *Chłopcy śpiewają; Dziewczyny śpiewają; Chłopcy i dziewczyny śpiewali* — *Chłopcy śpiewali; *Dziewczyny śpiewali; Dziewczyny śpiewały*.

Существует ряд разноуровневых языковых форм, которые специально маркируют дистрибутивность/коллективность множества, например, специальные лексические операторы дистрибутивности/коллективности *вместе, совместно, разом, сообща, на пару,*

между собой, толпой, взаимно, один другому, один одного, порознь, в одиночку, по отдельности и др. Подобную функцию выполняют и глаголы с множественной сочетаемостью, хотя бы один из аргументов которых должен обозначать множество, а также симметричные (обратимые, взаимно-возвратные) глаголы, интенциональное поле которых включает аргументы, обозначающие элементы одного и того же множества (Барулин 1980, 158; Йомдин 1979, 82-105; Крысин 1990, 196-197; Максимова 1984, 457; Мигирин 1973, 89; Мразек 1987, 121; Норман 1972, 89; Откупщикова 1973, 142; Усикова 1984, 153-156; Чеснокова 1992, 121), например: *перекусать, перессорить, обзвонить, облазить, повыдергать, повыудить, собрать, сконцентрировать, сбежаться, дружить, соседствовать, перебрасываться, встречаться* и др. Необходимо отметить, что глагольные словоформы рассматриваемого типа встречаются и в окказиональном употреблении — в сочетаемости с единичными аргументами, например: *А лучше: утопите его в дождевой бочке, а то он разведется* (Сальников); *Где селится летом профессор Серавин, Там я расселился — но странно ли это?* (Сухарев); — *Он со своей собакой всех ребят на бульваре разогнал. — Хорошее дело! Он же меня всю разогнал!* (Кинофильм “Подкидыш”); *Стал я (ему) в запальчивости перечислять себя* (Битов); *Зябликов сам ушел. Ленечку разогнала* (Битов); *Мы, как всегда, скинулись. А Шура не скинулся* (“Бенефис” вспоминает”. ТВ “Останкино”. 6 апреля 1992).

Одной из форм выражения, а иногда — и усиления семантики коллективности выступает повтор КС, ср.: *Каждый капиталист на смерть сражался с каждым* (“Лит. газета”. 28 марта 1990); *Звонят, подпрыгивая телефоны, ругаются все со всеми* (В. Попов); *Ostatnie strajki wyglądają na początek walki wszystkich przeciw wszystkim* (“Polityka”. 1989/35); *Ameryka jest jedną wielką mieszaniną wszystkiego ze wszystkim* (“Polityka”. 1993/12). Другие формы дистрибутивности/коллективности описаны в работе (Киклевич 1992f, 149-152).

По признаку дистрибутивности/коллективности актуального множества в системе общих кванторов выделяются не маркированные КС *все, весь*, которые противопоставляются квантификаторам дистрибутивных множеств (Левин 1973, 113; Максимова 1984, 453; Мразек 1987, 121; Пете 1981a, 60; Русская грамматика 1979a, 367; Сепир 1993, 392; Урысон 1989, 189; Хованская 1983, 215-217; Шелякин 1986, 86; Dörrke 1985, 157; Grzegorzczukowa 1987, 133; 1990, 26; Hartig 1975, 76; Pauliny и др. 1968, 223), ср.: *Все улыбались — Каждый улыбался; Все обнимались — *Каждый обнимался*. По тому же признаку противопоставлены союз *и* и конъюнктивный предлог *с*, с одной стороны, и союз *и... и*, с другой стороны, ср.: — *Я же хотел вырастить гибрид мирового значения — картофель с помидором. — Отдадим, — заверял Чонкин, — ей-богу, отдадим. И картошку, и помидоры* (Войнович), где множественный аргумент

картофель с помидором характеризуется коллективностью, а аргумент и *картошку, и помидоры* — дистрибутивностью. Семантика коллективности связана с грамматическим значением множественного числа, ср. (пример Долининой): *Диспетчеры следили за экраном — Каждый диспетчер следил за экраном*. В первом высказывании описывается действие группы диспетчеров как коллективного субъекта, а во втором — совокупность действий отдельных членов рассматриваемого множества диспетчеров.

Корреляция КС *все* с коллективностью проявляется и в том, что это значение может выступать в качестве номинативного признака КС, ср.: *A na jednej fotografii oni byli wszyscy (Lost) ↔ Na jednej fotografii oni byli wszyscy razem*.

Если элементами множества являются подмножества, то высказывание с множественным предикатом многозначно, ср.: *Все кубики рассыпались* = 'Вся конструкция из кубиков рассыпалась' или 'Каждый (песочный) кубик рассыпался'. В первом случае множественный аргумент и предикат взаимодействуют по коллективному, а во втором — по дистрибутивному типу.

Немаркированность *все* является, однако, ограниченной. Так, замена *каждый* на *все* в контексте дистрибутивного множества не всегда возможна при наличии семантики периодичности, повторяемости, серийности события, например: *Через каждые два слова у нее Иришка выскакивает* (Петрушевская), ср.: **Через все два слова...*; *Я с каждым годом все расту* (Саша Черный), ср.: **Я со всеми годами все расту*; *Każda kula — jeden Niemiec* (Bratny), ср.: **Wszystkie kule — jeden Niemiec, Z każdym oddechem powracają siły* (Terlecki), ср.: **Z wszystkimi oddechami powracają siły*. В польском языке в контексте дистрибутивных множеств, как правило, исключена субституция КС *co* и *wszystko*, ср.: *Samodzielne mieszkanie miała jedynie co trzecia ankietowana*, ср.: **Samodzielne mieszkanie miały wszystkie trzecie ankietowane* (см. также: Urbańczyk 1939; 8, 42). Аналогичное положение наблюдается в высказываниях с дистрибутивными предикатами, например: *И уже не спросишь, не с кого. Видно, каждому — свое* (Окуджава), ср.: **Видно, всем — свое*. *Все* не употребляется в выражениях с последовательным вхождением элементов множества в ситуацию, ср.: *Один из гостей спрашивает невесту: — Сколько детей вы хотите иметь? — Четыре, и не больше. — Почему? — Потому что по статистике каждый пятый новорожденный — китаец* (Анекдот), ср.: **Все пятые новорожденные — китайцы*; *Она сдувала с него каждую пылинку*, ср.: **Она сдувала с него все пылинки*.

Как маркеры коллективности и дистрибутивности, *все* и *каждый* могут противопоставляться в связном тексте, например: *Каждый принадлежит всем, а все — каждому* (Достоевский); *Это относилось ко всем, но не к каждому* (Битов); *Культура очеловечивает демос в каждом, а не во всех* ("Лит. газета". 18 апреля 1990).

2.2.4.2.1.1.2. Реальность/ирреальность

Другим селективным признаком КС является значение реальности/ирреальности события. По этому признаку в лексико-семантической системе КС выделяются местоимения *любой и всякий, хоть кто, кто попало, кто угодно, кто ни..., кто-кто, а...* и др., которые употребляются только в высказываниях со значением ирреальности (потенциальности) обозначаемой ситуации (Селиверстова 1964, 82). Другие общекванторные слова являются с этой точки зрения немаркированными, ср.: *На елке висят всевозможные шары — *На елке висят любые шары; *На елке висит любой шар; Эту задачу решит каждый ученик — Эту задачу решит любой ученик.* КС с селективным признаком ирреальности не употребляются в контексте глаголов со значением перфектности, например: *Все билеты проданы — *Любые билеты проданы; *Любой билет продан.*

При отсутствии семантики ирреальности КС *всякий* теряет кванторное значение, ср.: *На елке висят всякие шары* в значении высказывания *На елке висят разные шары; Рецензент сделал много всяких замечаний* — в значении *Рецензент сделал много разных замечаний.* Поскольку местоимение *любой* не имеет данной вторичной семантики, его употребление в подобных контекстах исключено: **На елке висят любые шары; *Рецензент сделал много любых замечаний.*

Ирреальность (потенциальность) в выражениях с КС может проявляться в алетической модальности возможности, ср.: *Ревизор может явиться в любой день*, где реализация ситуации (приход ревизора) зависит от субъекта действия. В высказывании *Ревизор придет в любой день, когда скажете* содержится алетическая необходимость, ср.: *Ревизор обязательно придет в любой день, который вы назначите.* При этом инициатива в развертывании ситуации принадлежит не субъекту (ревизору), а компоненту с функцией директива (объекту ревизии).

Другим проявлением ирреальности является квалитативность (надситуативность) высказывания, когда, по Селиверстовой, описываются свойства объектов (1964, 85), например: *Любой ученик нашего класса решит эту задачу.* И в этом случае в контексте модальности возможности ситуация обусловлена свойствами одного из ее участников, ср.: 'Из свойства нашего класса состоять из сильных учеников следует, что любой ученик нашего класса решит эту задачу'. Если подобная обусловленность в высказывании отсутствует, употребление КС *любой* некорректно, например: **Любой студент нашего курса получит стипендию.*

Данный семантический признак характеризует также высказывания с квантификацией адискретных множеств, которая в усло-

виях ирреальности не может быть осуществлена с помощью КС *каждый, все*, ср.: *Любая соль растворяется в воде ↔ Свойства соли таковы, что любая соль обладает способностью растворяться в воде; *Каждая соль растворяется в воде; *Все соли растворяются в воде.*

Кроме алетической модальности, в высказываниях с *любой* может реализовываться и деонтическая модальность разрешения (или перформатив разрешения, просьбы), например, в контексте императивности, ср.: *Возьми любую книгу ↔ Разрешаю взять любую книгу (на выбор); Прочтите все книги ↔ Принуждаю к прочтению всех книг* (Дэйвисон 1986, 241–242; Селиверстова 1964, 86).

В польском языке в контексте ирреальности может использоваться КС *dowolny*, ср.: *Jest wielu polityków o orientacji prorosyjskiej, gotowych oddać Rosji Białoruś na dowolnych warunkach* (“Polityka”. 1995/11). Однако *любой* и *dowolny* существенно различаются, о чем свидетельствует сравнение их частоты: *любой* с общей частотой 269 входит в число 500 наиболее употребительных слов русского языка, а *dowolny* при частоте 38 занимает в списке польских лексем 1660-е место. Этот факт объясняется тем, что семантику, характерную для *любой*, в польском языке выражают также другие средства, например, кванторное местоимение *każdy*, ср.: *Każda polityka musi się liczyć z realiami* (“Polityka”. 1989/17), ср.: *Любая политика должна считаться с реалиями; Mnie możesz powiedzieć każdą, nawet najgorszą rzecz* (Krzysztoń), ср.: *Мне ты можешь сказать все, даже самое страшное; Można się było spodziewać każdego wyniku walki bokserskiej* (“Polityka”. 1996/51), ср.: *Можно было ожидать любого результата боксерского боя. Każdu* входит в группу фразеологизмов, которые в русском языке включают *любой*, например: *z każdej okazji — по любому случаю, pod każdym względem — с любой точки зрения, za każdą cenę — за любую цену, w każdym porach dnia — в любое время дня, w każdej chwili — в любую минуту, w każdym razie — в любом случае.*

Мишланов детально проанализировал деривационную семантику выражений типа *что ни, кто ни, где ни, когда ни* и т.п. (1996, 100–107). Ирреальный контекст для таких сочетаний составляет иногда частица *бы*, ср.: *что бы ни, кто бы ни, где бы ни, когда бы ни*. В высказываниях типа *За что бы он ни брался, все у него получалось как нельзя лучше*, относительное местоимение, по мнению Мишланова, не является ни анафорическим, ни соотносительным словом — “оно имеет первичное значение неопределенности (квантора существования), образующее в сочетании с частицей *ни* обобщающее значение (языковой эквивалент квантора общности)” (1996, 106).

Этот вывод, с нашей точки зрения, уместен только по отношению к предложениям без КС в главной части типа *Что бы ни случилось, он придет вовремя*. Выражение *что бы ни* здесь, в самом

деле, имеет кванторную семантику, ср.: *При любых обстоятельствах он придет вовремя.* Если же в главной части имеется маркер абсолютной квантификации, конструкции типа *что ни* должны, по-видимому, получить иное толкование. Во-первых, в высказывании *За что ни брался, все валилось из рук* совершенно очевидно наличие семантической соотносительности (коррелятивности) местоимений *что* и *все*, на что указывают также перифразы: *Все, за что ни брался, валилось из рук; Все, за что брался, валилось из рук.* Во-вторых, конструкции *что ни* нельзя приписать здесь кванторной семантики уже потому, что она выражена специализированной для этого формой обобщающего местоимения *все*. Тайна логического содержания данных выражений может быть раскрыта в сравнении высказываний типа *Все, за что ни брался, валилось из рук* и типа *Все, за что брался, валилось из рук.* Первое высказывание отличается большей степенью качественного разнообразия элементов исходного множества. Если второе высказывание означает конгруэнтность множеств {дела, за которые он брался} и {дела, которые валились у него из рук}, то первое высказывание содержит (благодаря частице *ни*) информацию о том, что среди дел, за которые он брался, были и такие пустяковые дела, с которыми он должен был бы легко справиться. Элементы, входящие в множество участников данной ситуации не прогнозируются, не соответствуют норме, можно называть прагматически слабыми. В терминологии Мишланова прагматически слабым элементам соответствуют “препятствующие обстоятельства” (1996, 102). Ср. высказывания: *Всегда, когда к нему кто-нибудь заходил, он был чрезвычайно гостеприимен; Кто бы к нему ни заходил, он всегда был чрезвычайно гостеприимен.* Во втором высказывании с относительным местоимением предполагается, что его гостеприимство распространялось и на тех посетителей, которые этого не заслуживали.

Противопоставление абсолютной и относительной квантификации иногда включается в более общую оппозицию сильных и слабых семантических признаков (Коссек, Костюк 1982, 50–51). Однако диалектика языкового содержания, видимо, такова, что семантически сильные признаки оказываются прагматически слабыми. Это правило позволяет системно описать инклюзивные частицы, в первую очередь — *ни*, в конструкциях типа *никто* и типа *кто ни*. В первом случае, как указывалось в предыдущих разделах, частица пресуппонирует отрицание приоритетного максимального объема исходного множества, т.е. пресуппонирует отрицание сильного семантического признака. Это значит, что в высказываниях с так называемым “двойным” отрицанием типа *На лестнице никого не было* частица *ни* указывает на то, что из двух альтернативных возможных миров (*Все были на лестнице — Некоторые были на лестнице*) ложным является семантически более

сильный и прагматически более слабый, т.е. возможный мир с полной актуализацией исходного множества. Указание на прагматически слабые элементы исходного множества сохраняется у частицы *ни* и в конструкциях типа *кто ни*, в которых подразумевается, что характеристика некоторых объектов, в соответствии с нормой, не совместима с их участием в данной ситуации.

Таким образом, если в главной части сложноподчиненного предложения имеется КС, конструкции типа *кто ни* в составе придаточного используются как средства характеристики исходного множества.

2.2.4.2.1.1.3. Партитивность/гипонимичность

В системе КС выделяются единицы, которые квантифицируют множества с признаком партитивности (целостности), это — *весь, полностью, целиком, всецело, дотла, настезь, наглухо, насквозь, наголо, догола, до последней капли, до нитки, по уши, до дна, до конца, от Москвы до самых до окраин, zupełnie, zupełnie, całkowicie, w pełni, w zupełności, do szczytu, doszczętnie, od początku do końca, od A do Z, od deski, do deski, do dna, do gruntu, do ostatka, na skroś, na roścież, na oścież, na przestrzał, do pełna* и др. К целостным относятся упорядоченные статические и динамические множества, ср.: *вся команда, весь город, весь спектакль*, а также ограниченные порции адискретных множеств, ср.: *весь горох, вся вода, все просо*.

В польском языке для квантификации партитивных множеств активно используется словоформа *w całości*, например: *Sytuujemy to hasło w całości, ponieważ było bardzo związane* ("Polityka". 1991/21); *Senat RP (niemal w całości opanowany przez Solidarność) potępił akcję* ("Tygodnik Powszechny". 1992/28); *Nie jest tak, że przedtem go w pełni popieraliśmy, a teraz — w całości negujemy* ("Tygodnik Powszechny". 1991/18). Однако *w całości* может (более редко) квантифицировать и гипонимические множества: *"Przekrój" nabył komputery, które w całości ktoś ukradł* ("Polityka". 1992/13). В отдельных случаях польскому *całość* соответствует русское *все* в сочетании с символом гипонимического множества: *SDRP popełniła poważny błąd polityczny, obciążający zarówno tę partię, jak i całość lewicy w Polsce* ("Polityka". 1991/19), ср.: *СДРП совершила важную политическую ошибку, в которой виновата эта партия, и все левые силы в Польше; Od początku ubiegłego roku całością środków finansowych zarządza Rada Nauki* ("Polityka". 1991/36), ср.: *С начала прошлого года всеми финансовыми средствами распоряжается Совет Науки*.

КС *весь* в субстантивированной форме среднего рода может применяться для квантификации упорядоченных множеств, ср.: *Все забылось: прощание, слезы, вокзал, где сочинительная конструк-*

ция *прощание, слезы, вокзал* обозначает онтологический микродискурс, состоящий из ряда взаимосвязанных ситуаций: *Мы прощались; Ты плакала; Это происходило на вокзале или Во время прощания на вокзале ты плакала*. Ср.: также: *Устарела газовая система, деревянные перекрытия, батареи отопления — все надо менять* (“Лит. газета”. 17 октября 1990), где *газовая система, деревянные перекрытия и батареи отопления* обозначают части целостного упорядоченного объекта (дома). Подобные примеры подтверждают выдвинутую нами ранее концепцию сочинительной связи как поверхностно-синтаксической нейтрализации функциональных различий компонентов в глубинно-семантической структуре высказывания (Киклевич 1983, 11; 1986, 52–53).

Обобщающее местоимение *все* с данной точки зрения является немаркированным, так как может применяться для квантификации множеств обоих типов ср.: *все дома, все бусы*. Как указывалось в разделе 2.2.2, *весь* сочетается с символом множества, а *все* — с символом элемента множества. Это, однако, не означает, что КС *весь* и единицы включающего его парадигматического ряда всегда требуют формы единственного числа существительного, ср.: *Все деревни полностью сгорели*, где имеется многократная квантификация, ср.: ‘Для каждого объекта *x*, такого, который является деревней из выделенного подмножества деревень, и для каждого объекта *у*, который является составной частью *x*-а, верно, что *x* сгорел и *у* сгорел.’

В высказывании с одной и той же словоформой существительного КС *все время* и *всегда* актуализируют разные аспекты множества: *все время* определяет множество как единое целое, ограниченное ситуативными рамками, а *всегда* — множество как неупорядоченную серию ситуаций, например: *Во время разговора он все время улыбался* = ‘Во все моменты времени, относящиеся к периоду времени, в течение которого длился данный разговор, он улыбался’; *Во время разговора он всегда улыбался* = ‘Во все моменты времени, когда длился разговор (когда он вел разговоры), он улыбался’.

В отличие от кванторного местоимения *весь*, наречие *полностью* употребляются только в высказываниях с такой коммуникативной структурой, в которой КС и связанный аргумент различаются в аспекте актуальности передаваемой ими информации, ср.: *Пловец полностью погрузился в воду; Полностью погрузился в воду только пловец* — в первом высказывании связанный аргумент относится к теме, а КС — к реме, во втором, наоборот — темой является КС, а ремой — аргумент. Этим же свойством характеризуется *са́у* в сочетаниях с личными местоимениями и собственными именами (см. раздел 2.2.1). Кванторная лексема *весь* с этой точки зрения является немаркированной, ср.: *Весь дом сгорел; Дом сгорел весь*.

Некоторые кванторные единицы с селективным признаком целостности множества обладают фиксированными тематическими признаками, например, одушевленностью (*с ног до головы*) или неодушевленностью (*настежь*). Отдельные из них имеют также связанную лексическую или лексико-семантическую сочетаемость, ср.: *открыть (окно, дверь) настежь, закрыть (окно, дверь) наглухо*. Семантические отношения между некоторыми адвербиальными КС с селективным признаком целостности описаны Червенковой (1975, 92–96).

2.2.4.2.1.2. Номинативные признаки

Номинативными признаками маркеров абсолютной синтетической квантификации являются: 1) объем исходного множества; 2) объем референтного множества; 3) качественная ограниченность/неограниченность множества.

2.2.4.2.1.2.1. Объем исходного множества

КС *оба*, помимо значения абсолютной синтетической квантификации, выражает номинативный признак ‘исходное множество состоит из двух элементов’ (Беличова 1990, 71; Ивић 1973, 330; Русская грамматика 1979а, 366; Селиверстова 1964, 80; Супрун 1969, 82; Bogusławski 1966, 50; Grzegorzczukowa 1987, 138), ср.: *Мальчик съел оба банана* = ‘Для всех *у*-ов из множества таких, которые являются подмножеством выделенных бананов, объем которого равен двум элементам, верно, что *x*, который является мальчиком, съел *у*’. Обобщающее местоимение *все* применяется для квантификации двухэлементных множеств лишь окказионально: *Пете 5, а Симе 7 — и 12 вместе всем* (Маяковский). Возможна и идиоматизация подобных конструкций, например: *...Если нет, то, все ноги оттопав, он, наверно, бредет до сих пор* (Слуцкий), где *оттопать все ноги* = ‘сильно устать’; *Wszystkie oczy skierowałem na Chińczyka* (Krzyżtoń), где *skierować wszystkie oczy* = ‘внимательно смотреть’.

Следует обратить внимание на семантическое различие *оба* и *два* (см. также 2.2.2). *Оба* присоединяется только к аргументам с семантикой известности, *два* может встречаться и в контексте неопределенных аргументов. Ср. также высказывание: *Сиддхартх-мальчик снова измучил отца своими капризами и упрямством, причем умышленно разбил обе имевшиеся в хижине миски для риса* (Гессе, пер. Прозоровской). КС *обе* сообщает, что количество имевшихся мисок равно количеству мисок, которые разбил капризный мальчик (т.е. в хижине не осталось целых мисок). При замене *обе* на *две* (обратим внимание также на то, что при этом меняется порядок

слов) кванторная семантика теряется: *Мальчик умышленно разбил имевшиеся в хижине две миски для риса* — в этом случае не исключается, что в хижине остались еще целые миски.

2.2.4.2.1.2.2. Объем референтного множества

Имеются КС, которые дополнительно указывают на то, что референтное множество состоит из одного элемента. Так, Шелякин различает разделительно-множественное и единично-разделительное значения *любой* (1986, 87; см. также: Павилёнис 1975, 94; Чейф 1975, 235; Głuszkowska 1985, 20). *Любой* в первом значении обозначает полноту потенциального вхождения исходного множества в данную ситуацию, высказывание с КС при этом может быть преобразовано в высказывание с конъюнкцией, ср.: *Любой сделает это* = 'И x , и y , и z может сделать это'. *Любой* в единично-разделительном значении обозначает, что из исходного множества в ситуацию потенциально может входить только один элемент, однако существует возможность выбора этого элемента из всех элементов множества. Так, высказывание *Возьми любую книгу на этой полке* может быть интерпретировано как 'Разрешаю тебе взять один экземпляр предмета y , который является книгой в множестве книг, находящихся на этой полке, и для всех предметов y , которые находятся на этой полке, верно, что они могут участвовать в выборе в качестве объекта'.

От КС *каждый* местоимение *любой* в единично-разделительном значении отличается именно семантикой единичности, ср.: *Прочтите каждую книгу*, где высказывается принуждение к осуществлению серии ситуаций, в результате которых множество прочтенных книг будет равно множеству имеющихся книг; *Прочтите любую книгу*, где содержится разрешение из множества имеющихся книг выбрать одну книгу для прочтения и принуждение к прочтению этой книги. С другой стороны, *любой* отличается и от числительного *один*, в семантике которого не заложен семантический признак неограниченности выбора одного элемента из множества, ср.: *Прочтите одну книгу* = 'Принуждаю к прочтению единичного объекта, который является книгой'.

2.2.4.2.1.2.3. Качественная ограниченность/неограниченность

В парадигме маркеров абсолютной синтетической квантификации можно также выделить подгруппу единиц с признаком качественной неограниченности участия множества в ситуации. Křížková (1971, 361) квалифицирует этот признак как 'неограничен-

ность выбора'. При этом в пресуппозиции высказывания содержится указание на качественную неоднородность множества. Составляющие данную подгруппу лексемы *всякий, всяческий, любой, хоть кто, кто угодно, кто попало, все подряд, все без разбору* и др. обозначают, что при участии элементов множества в событии учитываются только их интегральные признаки, а индивидуальные свойства элементов не существенны (Падучева 1989, 18), ср.: *Такую консультацию может дать кто угодно из преподавателей кафедры ↔ Каждый из преподавателей кафедры, независимо от того, к кому конкретно обратитесь, может дать вам такую консультацию.* Отдельную подгруппу данного множества КС составляют единицы, которые Ляпон (1986, 146) маркирует как носителей функции "уступительного обобщения" — *кто ни... все, кто ни... каждый, где бы то ни было кто бы ни..., когда бы ни...* и т.п. Об этих единицах с семантикой качественного разнообразия множества шла речь в разделе 2.2.4.2.1.1.2.

Исследователи отмечают, что аргумент, который связан квантором *всякий*, имеет универсальную референцию (Апресян 1974, 242; Кронгауз 1984, 116-123; Падучева 1989, 22; Шелякин 1986, 84), ср.: — *У вас есть фиолетовые фломастеры? — У нас в продаже есть всякие фломастеры; *У нас в продаже есть всякие эти фломастеры.*

Всякий предполагает наличие в составе исходного множества прагматически слабых элементов (см. 2.2.4.2.1.1.2), указывает на то, что "качественное разнообразие класса не заслуживает внимания, и это придает определенную пейоративную окраску элементам класса" (Paillard 1996, 189). Оценочная семантика пейоративности отражается, в частности, в тема-рематической структуре высказывания. В кванторном значении *всякий* занимает позицию ремы и интонационно выделяется в высказывании, ср.: *У нас в продаже есть всякие фломастеры.* Однако при изменении тема-рематической структуры, значение кванторного слова трансформируется — высказывание *У вас в продаже только всякие фломастеры* не содержит уже кванторной семантики, а *всякий* имеет оценочное значение пейоративности, ср.: *У вас в продаже только фломастеры, это — мелкий товар, к которому я отношусь отрицательно, поскольку я намереваюсь купить нечто более солидное.* Ср. также: — *...За вас всякая пойдет... — Всякой мне не надо* (Сологуб), где в первом употреблении *всякая* выражает кванторное, а во втором — пейоративное значение. Следует обратить внимание на то, что нерематическая позиция кванторного слова является синтаксическим фактором, который обуславливает его семантическую деривацию, а именно — приобретение оценочной семантики. Ср. с этой точки зрения темпоральное кванторное местоимение *всегда* в высказываниях: *Роман всегда опаздывает — Роман всегда опаздывает.* Первое высказывание может быть истолковано как констатация, в частности, объяснение некоторой конкретной ситуации, ср. в диалоге:

- А. Почему Иван опоздал?
 Б. Иван всегда опаздывает.

Во втором высказывании актуальная информация касается не причины опоздания Ивана, а самого факта опоздания, который не входит в ситуативный прогноз одного из коммуникантов. В русском языке в таких случаях употребляется сочетание *как всегда, обычно, как обычно*, ср.: *Иван всегда / как всегда опаздывает!* Исключено употребление сочетания *как всегда* при его эмфатическом выделении, например: **Иван как всегда опаздывает.*

Еще один аспект семантико-синтаксического различия *всегда* и *как всегда* — их дистрибуция с ситуативными и качественными предикатами, ср.: *Иван как всегда опаздывает / пришел без подарка; *Иван всегда пришел без подарка.*

Наблюдается определенное смысловое сходство между кванторами *всегда* и *всякий*. В некоторых высказываниях *всякий* сочетается с существительными, в лексическое содержание которых входит отрицательная оценка, например: *К тебе ходят только всякие бродяги (всякие двоечники, всякие пьяницы, всякие идиоты и т.д.).* В таких высказываниях эмфатически выделенным обязательно является существительное, а не квантор, т.е. высказывания имеют вид: *К тебе ходят только всякие бродяги (всякие двоечники, всякие пьяницы, всякие идиоты и т.д.).* Впрочем, при отсутствии КС эта отрицательная маркированность предиката, на наш взгляд, значительно ослабевает, ср.: *Иван опаздывает; К тебе ходят бродяги.*

Признак, об отсутствии качественного ограничения которого сообщается в высказывании, может быть эквивалентным или градуальным. Так, в выражении *У нас в продаже есть всякие фломастеры* предполагается существование подмножеств фломастеров, которые с содержательной точки зрения вступают между собой в эквивалентные оппозиции, напр.: *синий — красный — желтый — фиолетовый* и т.д. В выражении *Всякий студент нашего курса решил бы эту задачу* множество студентов нашего курса может быть разбито на несколько подмножеств по признакам, которые могут быть градуированы: *очень сильные студенты — сильные студенты — средние студенты — слабые студенты — очень слабые студенты — совершенно неспособные студенты.* Подобные выражения допускают трансформы с инклюзивной частицей *даже*, которая сочетается с символом минимального по степени наличия признака градации (или — с символом прагматически слабого элемента). Тем самым высказывания типа *Всякий студент нашего курса решил бы эту задачу* содержат положительную или отрицательную оценку — ср. трансформации: *Даже совершенно неспособный студент нашего курса решил бы эту задачу, потому что задача была слишком легкой; Каждый студент нашего курса, даже не самый сильный, решит эту задачу, потому что у нас очень*

сильный курс.

Всякий в большей степени, чем *любой*, акцентирует внимание на разнородности элементов класса, на наличии у них индивидуальных дифференциальных свойств, подчеркивает, что множество участвует в ситуации вопреки индивидуальным свойствам его элементов.

Признак качественной неограниченности в содержании КС может сочетаться с другими семантическими признаками, например, признаком индифферентности, ср.: *все равно кто, хоть кто, безразлично кто, произвольный, лишь бы кто, кто попало* и др., или признаком волюнтаристивности, например: *что хочешь, что угодно, что заблагорассудится, что взбредет в голову* и др.

В некоторых языках (чешском, словацком) в системе кванторных местоимений имеются регулярные морфологические формы качественной неограниченности актуального множества (Kotátek 1978, 5–14; Pauliny и др. 1968, 214–215).

2.2.4.2.2. Микропарадигма абсолютной аналитической квантификации

К числу маркеров абсолютной аналитической квантификации относятся различные по грамматическим характеристикам лексические единицы и словосочетания: *никто, нигде, ничей, негде, некуда, не существует, нет, не имеется, не встречаются, не бывают, ни один, ни разу, отродясь, вовек* и др., которые в аспекте лексического значения можно разбить на несколько подклассов.

2.2.4.2.2.1. Селективные признаки

Селективные признаки маркеров абсолютной аналитической квантификации представлены двумя группами: 1) партитивность/гипонимичность множества; 2) реальность/ирреальность ситуации.

2.2.4.2.2.1.1. Партитивность/гипонимичность

Частица *ни* может присоединяться к существительному, которое обозначает порцию множества с минимальным объемом или порцию множества, которая является единицей измерения его объема, ср.: *ни гроша, ни копейки* — минимальная порция денег, *ни шороха* — минимальная порция шума, *ни песчинки, ни зернышка, ни мешка* — минимальная порция сыпучего материала, *ни слова* — минимальная порция речи, *ни капли* — минимальная порция жидкости, *ни страницы* — минимальная порция письменного текста (книги, журнала и т.п.), *ни ложки* — минимальная порция съестного и

др. Если названное условие не соблюдается, употребление частицы *ни* противоречит языковой норме, например: **Мальчик не съел ни банана*; **Шофер не увидел ни самосвала*; **В парке нет ни девушки*.

Партитивную семантику в выражениях с КС *ни* можно показать на следующем примере: *Во время разговора инспектор ни разу не улыбнулся* — *Во время разговора инспектор никогда не улыбался*. В первом высказывании квантифицируется отрезок времени, равный периоду длительности ситуации разговора, при этом сообщается, что в этом периоде не существовало минимальной порции времени, когда бы инспектор улыбнулся. Во втором высказывании квантифицируется отрезок времени, равный периоду длительности серии повторяющихся ситуаций, когда инспектор ведет разговор. В этом случае партитивные отношения в исходном множестве отсутствуют, а высказывание может быть интерпретировано как 'В множестве отрезков времени, когда инспектор разговаривал, не существовало такого, когда он при этом улыбался'.

Существительное, с которым *ни* образует синтагматическую группу, обозначает порцию множества, для обозначения же самого множества используется другой символ, при этом возможно, что оба символа употребляются в одном и том же высказывании, ср.: *Денег не осталось ни копейки*, где исходное множество — *деньги*. Аналогичные примеры: *Он не съел еще ни ложки супа*; *Не осталось ни мешка муки*; *Не привезли ни палки колбасы*.

Особую подгруппу составляют выражения *ни шага/ни шагу, ни звука, ни шороха, ни слова*, в которых *ни* сочетается с порцией сентенциального множества, ср.: *движение, шум, речь*. При этом каждая из ситуаций имеет свой отрицательный "антимир": *движение* — *покой (не движение)*, *шум* — *тишина (не шум)*, *речь* — *молчание (не речь)*. Присоединение *ни* к партитивному имени в данном случае означает, что ситуация не наступила, ср.: *Не сказал ни слова* ↔ *Промолчал* ('Ситуация речи не осуществилась'); *Не слышно ни шороха* ↔ *Тишина*; *Не сделал ни шага* ↔ *Не двигался* ('Ситуация движения не осуществилась'). В подобных выражениях может использоваться также отрицательный предлог *без*, ср.: *Иначе бы Захара Павловича уволили без всякого слова* (Платонов); *Он пропал без следа*.

В других случаях сочетания с *ни* идиоматизируются, ср. *ani słowa* — 'как и должно быть', *ani krzty, ani na jotę, ani za grosz, ani cienia* — 'вовсе, совсем', *ani dudu, ani trumru* — 'принуждаю к молчанию'.

2.2.4.2.2.1.2. Реальность/ирреальность

Как и в группе форм абсолютной синтетической квантификации, среди маркеров абсолютной аналитической квантификации выделяется подкласс КС, которые употребляются только в высказываниях со значением ирреальности. Это *не*-слова типа *некогда*, *негде*, *некому*, *незачем* и т.п., а также вербальные единицы *не существует*, *не встречается*, *не бывает*, *нет* и др. Исследователи показали историческую и синхронно-семантическую связь *не*-слов с аналитическими конструкциями, включающими отрицание глагола: *Негде спать* ← *Нет где спать* ← *Не есть где спать* (Апресян, Йомдин 1989, 46; Мразек 1972, 97-98; Ružička 1994, 61). На такую деривационную историю *не*-слов указывают перифразы в связном тексте: *Мне верить нечем. У меня нет этого, чем верят* (Горький), а также межъязыковые сопоставления, ср.: *nie ma gdzie*, *nie ma kto* и т.п. Апресян, Йомдин квалифицируют выражения типа *негде* как синтаксические агломераты — “сочетания слов с внутренней синтаксической структурой, произносимых как одно целое”, сочетания, “маскирующиеся под слово” (1989, 50).

Лексема *некогда* двузначна: в первом значении ‘не существует момента времени’ она принадлежит к области абсолютной квантификации, а во втором значении ‘существовал момент времени’ — к области относительной квантификации, ср.: *Некогда он писал стихи, а теперь ему некогда* = ‘Существовали моменты времени, когда он писал стихи, а теперь не существует моментов времени, таких, когда бы он имел возможность писать стихи’.

В отличие от *ни*-слов, в высказываниях с *не*-словами содержится дополнительная семантика возможности (Апресян, Йомдин 1989, 82; Болявина 1991, 47), ср.: *Негде спать* ↔ *Нет места, где можно было бы спать*.

Особенностью *не*-слов в польском языке является то, что они сохраняют падежное значение, которое имеет кванторное местоимение в высказывании с положительным качеством предиката, ср.: *Ma co czytać* — *Nie ma co czytać*; *Ma kto wypełnić* — *Nie ma kto wypełnić*.

2.2.4.2.2.2. Номинативные признаки

Номинативные признаки маркеров абсолютной аналитической квантификации представлены группами: 1) ассертивное/пре-суппозитивное отрицание; 2) объем исходного множества; 3) стилистическая маркированность.

2.2.4.2.2.1. Ассертивное/пресуппозитивное отрицание

В разделе 2.2.4.1.3 было показано, что отрицательные местоимения делятся на два класса в зависимости от того, выражают они отрицательную семантику в ассертивной или пресуппозитивной части высказывания. К первой группе относятся кванторные местоимения с приставкой *не*: *негде, некуда, некому* и др., а также глагольные КС с отрицательной частицей *не существует, нет, не имеется* и др.; ко второй группе — кванторные местоимения с приставкой или частицей *ни*: *никто, нигде, ни один, ни разу* и др. Ср.: *Мне там не с кем разговаривать* = ‘В множестве *x*-ов, которые являются людьми, которые находятся там, не существует такого, с которым я имел бы возможность разговаривать’; *Я там ни с кем не разговаривал* = ‘В множестве *x*-ов, которые являются людьми, которые находятся там, не существует такого, с которым бы я там разговаривал’. В обоих случаях в семантическом представлении высказывания имеется отрицание экзистенциального квантора, однако в высказывании с *не*-словом оно является семантической функцией данного слова, а в высказывании с *ни*-словом — функцией отрицательной частицы *не* при предикате. Зато *ни*-слова обуславливают пресуппозитивное отрицание полного объема референтного множества ‘Неверно, что я разговаривал со всеми лицами, которые находились там’.

Лексема *ничей* с рассматриваемой точки зрения является двузначной (Киклевич 1991d, 71–72). В значении ‘никому не принадлежащий, не являющийся собственностью кого-либо’ *ничей* выступает как отрицательная форма, ср.: *Pies był niczyj* = ‘Не существовал *x*, который является человеком, такой, которому бы принадлежал *y*, который является данной собакой’. При постановке отрицательной частицы перед предикатом в соответствии с правилом сокращения двойного отрицания высказывание с *ничей* в данном значении становится утвердительным, ср.: *Pies nie był niczyj* = ‘Существовал *x*, который является человеком, такой, которому принадлежал *y*, который является данной собакой’.

В другом значении *ничей* актуализируется только в контексте отрицательного предиката и не является формой общего отрицания ассертивного высказывания, ср.: *Оно состоит из множества холмиков, на которых не написаны ничьи имена* (“Лит. газета”. 22 февраля 1989) = ‘Не существует *x*-а, который является человеком, таким, чье имя было бы там написано’. Правило двойного отрицания в данном случае не “работает”, что, собственно, и свидетельствует о его отсутствии.

В отдельных случаях одно и то же высказывание с *ничей* может иметь две различные интерпретации: *Мне не нужны ничьи сло-*

ва ↔ Мне не нужны слова, которые никому не принадлежат (Мне нужны хотя бы чьи-нибудь слова) или Мне не нужны даже чьи-нибудь слова. В первой интерпретации *ничей* является носителем ассертивного, а во второй — пресуппозитивного отрицания.

2.2.4.2.2.2. Объем исходного множества

КС *ни один, ни разу, ни слова, не гроша, ни следа, без единого слова, без единого следа* и др. выделяются в парадигме абсолютной аналитической квантификации тем, что обозначают номинальный объем участвующих в событии индивидов исходного множества, а именно — минимальный объем, т.е. равный одному элементу, ср.: — *Хотя бы некоторые гости уже пришли? — Нет, никто из гостей еще не пришел; — Хотя бы один из этих ландшафтов вам знаком? — Нет, ни один из этих ландшафтов нам не знаком.* В первом случае не подтверждается гипотеза о вхождении части элементов множества в ситуацию, а во втором случае — о вхождении в ситуацию одного элемента.

Лексемы *никто, ничто* регулярно употребляются в приглагольной позиции без распространителей, ср.: *По этим тропам еще никто не ходил.* Для *ни один* такое употребление не характерно, ср.: **По этим тропам еще ни один не ходил.* Это прежде всего объясняется тем, что *никто* и *ничто* обладают устойчивой субстантивной (личной и вещной) тематичностью, которой *ни один* не имеет.

В польском языке аналогом *ни один* являются КС *ani jeden, bez jednego* и *żaden*. ср.: *Po nich nie pozostaje ani jedno słowo* (“Polityka”. 1991/22) — *После них не остается ни одного слова; Niebo było błękitne, bez jednej chmury* (Капуściński) — *Небо было голубое, без единой тучи; Żaden plac nie został nazwany jego imieniem* — *Ни одну площадь не назвали его именем.*

Следует обратить внимание на то, что сочетанию *bez jednego* в русском языке соответствуют два выражения: *без одного* и *без единого*. Первое имеет значение ‘недостает одного элемента’, а второе — кванторное значение ‘количество элементов меньше одного’. Возможно также идиоматическое употребление, ср. *тридцать молодых без единого* = ‘группа лиц без руководителя’.

Распространено употребление *żaden* в значении квалитативного по тематике квантора, который в русском представлен местоимением *никакой*, ср.: *Oprócz wizyty w Izraelu nie wchodzi w rachubę żadna inna wizyta prezydenta* (“Polityka”. 1991/19) — *Кроме визита в Израиль никакой другой визит президента не принимается в расчет.* Факторами, которые обуславливают интерпретацию *żaden* в квалитативном значении, является абстрактное значение существительного (как в предыдущем примере) или грамматическое значение мно-

жественного числа существительного, например: *Żadnych poleceń od innych organów nie otrzymaliśmy* ("Polityka". 1991/36) – *Никаких распоряжений от других органов мы не получили.*

2.2.4.2.2.3. Стилистическая характеристика

Маркеры абсолютной аналитической квантификации различаются также признаками стилистической маркированности. Так, глагольные КС *не существует, не имеется, не встречается* носят книжный характер, сочетания с частицей *ни* (*ни слова, ни шагу, ни следа, ни гроша* и т.п.) распространены, прежде всего, в разговорной речи.

Имеется также ряд экспрессивных КС с признаками единиц инвективного типа, например: *ни черта, ни фи́га, ни шиша, ни хрена* и др. Отсутствие единиц с подобной семантикой в сфере абсолютной синтетической квантификации, видимо, свидетельствует о том, что вербальная агрессия, которой, по Жельвису, сопровождается употребление инвектив (1990, 16), семантически связана с отрицательным характером передаваемой субъектом информации.

2.2.4.2.3. Микропарадигма относительной квантификации

Ядро парадигмы относительной квантификации составляют неопределенные местоимения *некоторые, кто-то, что-нибудь, где-либо* и др., а также лексемы других частей речи: адвербиальные *частично, редко, иногда, местами* и др., субстантивные *многие, большинство, часть* и др., глагольные *существуют, имеются, встречаются, бывают* и др.

Маркеры относительной квантификации, как и единицы ранее рассмотренных типов, различаются селективными и номинативными признаками.

2.2.4.2.3.1. Селективные признаки

Среди селективных признаков лексем в области относительной квантификации можно выделить: 1) дистрибутивность/коллективность множества, 2) реальность/ирреальность ситуации, 3) паритивность/гипонимичность множества.

2.2.4.2.3.1.1. Дистрибутивность/коллективность

Лексемы *часть, многие, большинство, некоторые, кое-кто, существуют* и др. могут применяться для квантификации коллективных множеств, ср.: *Надо обзвонить некоторых знакомых; Надо обзвонить кое-кого из знакомых; Надо обзвонить часть знакомых*. Другие неопределенные местоимения, например, с частицами *-то, -нибудь, -либо*, или вообще не употребляются в таком окружении, или требуют выполнения дополнительных семантических условий, ср.: **Один человек собрался в клубе; *Надо обзвонить кого-нибудь из знакомых; *Надо наполовину обзвонить знакомых*.

2.2.4.2.3.1.2. Реальность/ирреальность

Группа КС со значением относительной квантификации употребляется только в контексте ирреальности: неопределенные местоимения с частицами *-нибудь* и *-либо*, редупликативные КС типа *кто-кто, а...*, глагольные КС *существовать, встречаться, бывать* и некоторые другие. Остальные единицы парадигмы относительной квантификации с точки зрения признака реальности/ирреальности высказывания являются немаркированными (Гуревич 1983, 55; Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 44–45; Николаева 1985, 41; Падучева 1985, 215; Теория 1992, 258–274; Шелякин 1986, 70; Birkenmaier 1979, 75; Giusti 1982, 6; Gladrow 1979, 196; Głuszkowska 1985, 35; Grzegorzczukowa 1990, 126; Růžička 1973, 734). В классификации, которую предложил Garde (1980, 272), единицам первой группы соответствуют дизъюнктивные неопределенные местоимения (семантическая корреляция между возможностью и дизъюнкцией неоднократно описывалась в современной лингвистической семантике), а единицам второй группы — эксклюзивные неопределенные местоимения. Ср. некоторые примеры: *Пусть мне не заплатят гонорара за эту статью, если какой-нибудь русский литератор умеет танцевать танго или другой танец* (“Синтаксис”. 1987/20); *У пруда рыдает барин, Будто вправду кто утоп* (Горюхин); *Доктор, может лучше порошки какие дадите или синий свет пропишете?* (“Лит. газета”. 21 июля 1982), где маркерами ирреальности являются условный союз *если*, оператор ирреальности *будто*, модальный глагол *может*. В ситуативно локализованных высказываниях единицы этого типа не употребляются, ср.: **Я вошел в комнату и увидел, что там кто-нибудь/кто/кто-либо сидит; *Я вошел в комнату и увидел, что существует человек, который там сидит; Я вошел в комнату и увидел, что там кто-то сидит; Я вошел в комнату и увидел, что там еще сидят некоторые из гостей*.

Ирреальность и отрицание составляют семантический контекст кванторных выражений типа *кто-кто, а...*, *kto jak kto, ale*, ср.: *Kto jak kto, ale Franek Drewnowski wysoko zajdzie* (Andrzejewski) = ‘Воз-

можно, в рассматриваемом множестве лиц существуют такие, которых не ждет большая карьера, но Франек Древновский пойдет далеко’.

2.2.4.2.3.1.3. Партитивность/гипонимичность

В множестве форм относительной квантификации существуют лексемы, которые применяются к партитивным множествам (*часть, частично, частично... частично, отчасти, половина, наполовину* и др.), ср.: *Он сказал не всю правду, а только часть правды*. Этому признаку лишены КС *некоторые, кто-то, кто-нибудь, кое-кто, кто-либо* и др., для которых партитивный контекст не обязателен, ср.: *Некоторые банки сотрудничают со строительными фирмами*, где КС *существительное банки* обозначает гипонимическое множество.

КС *часть* следует отличать от ряда партитивов, которые могут присоединяться к неопределенным аргументам, ср.: *Он купил часть соли* и *Он купил мешок соли*. В первом выражении подразумевается некоторая известная говорящему соль, ср.: *Соль, которую предлагал поставщик, была слишком крупной, поэтому он купил только часть этой соли*. Во втором выражении существительное *соль* обозначает вещество, а высказывание в целом может быть интерпретировано как ‘То, что он купил, есть соль в количестве один мешок’.

Для КС с селективным признаком партитивности характерна сочетаемость с существительными в форме единственного числа, ср.: *часть дома, половина острова* (исключение составляют лишь сочетания с существительными *pluralia tantum*, например: *часть дров*). Однако возможны и сочетания типа: *Часть партизан ходила полуодетая* (Пастернак). Несмотря на наличие неопределенной дескрипции *партизан* множество обладает целостностью — подразумевается не просто неограниченное виртуальное множество объектов, каждый из которых является партизаном, а известное говорящему целостное подмножество партизан (отряд), ср.: *Часть партизан этого отряда ходила полуодетая*.

Существительное *часть* может употребляться и без кванторной семантики — для обозначения выделенной порции множества, которая принимает участие в ситуации как самостоятельная субстанция, ср.: *Пушкин был для меня в ту пору подлинной частью моей жизни* (Бунин); *Надо убивать рабочих, топить в шахтах, рвать на части при крушениях* (Бабель). При этом существительное *часть*, выполняющее семантическую функцию аргумента высказывания, может быть, наравне с другими аргументами, проквантифицировано, например: *Тогда вся часть стены справа плавно двинулась над ее рукою в глубину* (Сологуб).

2.2.4.2.3.2. Номинативные признаки

Номинативные признаки маркеров относительной квантификации: 1) определенность/неопределенность референтного множества; 2) качественная неограниченность референтного множества; 3) номинальный объем референтного множества; 4) фреквентивность; 5) дивергентность исходного множества.

2.2.4.2.3.2.1. Определенность/неопределенность

Семантика относительной квантификации пересекается с семантикой неопределенности. При относительной квантификации известное корреспонденту исходное множество индивидов частью своего объема (только частью или по крайней мере частью) входит в экстенционал высказывания, однако ни общее характеристическое свойство актуализованного подмножества, ни его поэлементный состав не эксплицируются, ср.: *Некоторые знаки являются иконическими*, где не уточняется, какие именно объекты из множества знаков входят в подмножество иконических знаков. В этом смысле все маркеры относительной квантификации являются неопределенными.

Говорящий может дополнительно уточнить информацию о характере актуального множества, например с помощью специальных операторов *в том числе*, например: *По некоторым показателям они обогнали своих учителей, в том числе по производительности труда и освоению рынков сбыта.*

Неопределенность актуального множества в высказываниях с маркерами относительной квантификации носит объективный характер и состоит именно в том, что в высказывании отсутствует конкретная экспликация свойств объектов, участвующих в событии, а не в том, что такая информация отсутствует у субъекта.

Близость семантики относительной квантификации и неопределенности проявляется в том, что для их манифестации могут употребляться одни и те же формы, а именно — неопределенные местоимения. Это обуславливает как неоднородность самого класса неопределенных местоимений, так и их многозначность, на что обращалось внимание в литературе (Gladrow 1979, 198; Grzegorzczukowa 1987, 135; Křížková 1971, 354–355; Löbner 1990, 186). Мы бы хотели, однако, отметить, что достаточно широко распространено и механическое включение в парадигму квантификации всех неопределенных местоимений независимо от особенностей их употребления, что, с нашей точки зрения, недопустимо. Покажем это на примере лексемы *один*. Высказывание *Ее пригласил танцевать один офицер* (с эмфатическим выделением субъекта) может быть интерпретировано как 'Пригласивший ее танцевать

был офицером'. Словоформа *один* здесь обозначает невыделенность субъекта из класса офицеров (о нем известно только то, что он был офицером), при этом предполагается, что индивидуальные свойства этого объекта известны говорящему. В подобных выражениях *один* функционирует как оператор объективной неопределенности (неопределенный дескриптор) (Норман 1980, 212; Topolińska 1983, 176-177), и может входить в группу сказуемого, ср. болг.: — *Кое е това? — Едно момче* (пример Roszko).

В южнославянских языках лексемы макед. *еден*, србх. *један*, болг. *един* употребляются и для индивидуализации, выделения объекта из класса, что сближает их с определенными артиклями (Roszko 1991, 91-92; Topolińska 1983, 183).

Высказывание *А один офицер пригласил ее танцевать* (с эмфатическим выделением группы сказуемого) имеет принципиально иную интерпретацию, например, в контексте: *Весь вечер с ней любезничали офицеры нашего полка. А один офицер пригласил ее танцевать* = 'Существовал *x*, который являлся офицером и который принадлежал упомянутому нашему полку, такой, который пригласил ее танцевать'. Как видим, в этом случае *один* является квантором, а именно — передает семантику относительной квантификации и, дополнительно, семантику номинального объема референтного множества (обозначает, что этот объем равен единице). При актуализации КС *один* соблюдается, в частности, условие определенности: исходное множество, к которому применяется квантор, выделено говорящим из заданной совокупности благодаря соотнесенности с референтной рамкой говорящего (это — множество офицеров *упомянутого нашего полка*).

Николаева обратила внимание на ограниченную сочетаемость *один* с неличными существительными, ср.: *Мимо прошла одна девушка/*одна кошка*. Однако КС *один* лишено такой ограниченности, ср.: *А одна кошка ела даже конфеты*.

Семантически многозначны и другие неопределенные местоимения, например, с частицей *-то* (на что указывает Křížková): *Кто-то истошно кричал; Он принес какие-то вещи*. В этих высказываниях неопределенные местоимения относятся к конкретным объектам и обозначают неспособность говорящего идентифицировать их, ср.: *Кричал человек, но кто конкретно — мне было неизвестно; Он принес вещи, происхождение которые мне было неизвестно*. Аналогичные примеры: *...Оно горячим светом по чему-то там затрепетало* (Ильф, Петров); *Она нажала что-то нужное* (Аксенов); *Вошла какая-то женщина*. Местоимение *там*, как в одном из приведенных здесь примеров, может выступать дополнительным маркером неизвестности объекта, например, в высказываниях: *Poezja Wata z pozoru może jest do czegoś tam podobna* (Miłosz); *Nagryzmołono zdanie, wyrażające na coś tam niezgodę* (Hen); *Major raportował coś tam* (Hołuj).

Другая семантика *то-слов* реализуется в высказываниях типа: *Надо же было кому-то брать на себя заботу; Он принес хоть какие-то вещи, а ты — никаких.* Здесь неопределенные местоимения выступают в кванторной функции и обозначают наличие элементов исходного множества с рассматриваемыми свойствами, ср.: 'Было необходимо, чтобы существовал предмет из рассматриваемого множества лиц, такой, который взял бы на себя заботу' и 'Существуют предметы из множества рассматриваемых вещей, которые принес он, и не существует предметов в множестве рассматриваемых вещей, таких, которые принес ты'. Ср. аналогичные примеры: *Но сегодня тот же вид Новым чем-то веселит* (Ходасевич); *Кто-то из односельчан вернулся в деревню, а кто-то остался в городе; — Ты собираешься кого-то убить? — Да, я собираюсь кого-то убить.*

В лингвистической литературе по русистике сложилось достаточно устойчивое представление о семантических отношениях неопределенных местоимений в аспекте определенности/неопределенности. По этому признаку они делятся обычно на 3 класса: 1) местоимения неизвестности (неопределенно-фиксирующие) типа *кто-то* — с признаком неизвестности объекта говорящему; 2) слабоопределенные *кое-кто, некоторые, один* — с признаком известности объекта говорящему и неизвестности его слушающему; 3) экзистенциальные (неопределенно-нефиксирующие) типа *кто-нибудь, кто-либо* — с признаком неизвестности объекта ни говорящему, ни слушающему, ни третьему лицу. В других славянских языках морфологические оппозиции местоименных слов по признаку определенности иные (Мечковская 1988, 384; Komárek 1978, 5–14; Pauliny и др. 1968, 214; Goropišić 1984, 2/1–2/3).

Является общепринятым положение, согласно которому определенность/неопределенность устанавливается по отношению к говорящему или слушающему (Křížková 1971, 359). Это правило, однако, может нарушаться, ср. высказывание: *Она написала, что с ней танцевал один офицер.* Индивидуальные свойства предмета (*офицера*) в данном случае не известны говорящему, однако местоимение *один* употребляется как слабоопределенное, потому что предмет известен источнику информации.

Семантика неопределенности сопровождает семантику относительной квантификации только в тех случаях, когда соблюдаются соответствующие условия квантификации, прежде всего — множественность и определенность связанного аргумента. Так, в высказывании *Кто-то из офицеров нашего полка провожал ее после вечеринки* содержится семантика квантификации и семантика неопределенности референтного множества, ср. толкование: 'Существовал *x*, который является офицером, принадлежащим нашему полку, не известный мне, такой, который провожал ее после вечеринки'.

Местоимения неизвестности могут, однако, употребляться и без семантики эпистемической неопределенности, например, в условных высказываниях: *Я сделаю это только при каких-то условиях* = 'Я сделаю это только тогда, когда будут существовать условия, которые необходимы для осуществления этого'. Ср. также: *Если кто-то пришел, то, скорее всего, это почтальон; Если кто-то из подрядчиков будет звонить, скажите, что денег в банке нет*. Местоимения с частицей *-то* лишены семантики неопределенности и в других случаях, например, при редупликации, при квантификации времени и т.д.: *Как-то я зашел в кафе "Париж" ↔ Однажды я зашел в кафе "Париж"; Какие-то замечания учтены, а какие-то — нет ↔ Часть замечаний учтена, а часть — нет*.

2.2.4.2.3.2.2. Качественная ограниченность/неограниченность

Для всех неопределенных местоимений, указывает Падучева, характерно, что они указывают на множества, которые мыслятся как состоящие из разнородных элементов, хотя и обладающие общим таксономическим свойством (1985, 210). Данная характеристика относится, прежде всего, к местоимениям с частицами *-нибудь* и *-либо*, которые обозначают качественную неограниченность участвующей в событии совокупности индивидов или отсутствие у субъекта высказывания предрасположенности к выбору определенных индивидов из базового множества — событие не зависит от индивидуальных свойств участвующих в нем объектов (Гуревич 1983, 56; Шелякин 1986, 70; Gladrow 1979, 192), ср.: *Нет ли у вас какого-нибудь карандаша?* = 'Говорящий принуждает к информированию о том, существует ли *x*, который является карандашом, такой, который имелся бы у слушающего, и констатирует, что индивидуальные свойства карандаша не существенны'. В высказываниях с пропозициональной установкой предположения *нибудь*-слова и *либо*-слова лишены селективного признака индифферентности, ср.: *Возможно, кто-нибудь / кто-либо из клиентов позвонит уже сегодня* = 'Предполагаю, что будут существовать *x*-ы, которые являются рассматриваемыми клиентами, такие, которые позвонят уже сегодня'.

2.2.4.2.3.2.3. Номинальный объем референтного множества

Одним из семантических признаков относительной квантификации является номинальный объем референтного множества, а именно — единичность/неединичность участвующего в событии объекта (Николаева 1985, 41; Giusti 1982, 6; Głuszkowska 1985, 28). *Garde* обозначает то же терминами лимитативность/нелимитативность (1980, 272), Křížková — терминами конкретность/неконкретность (1971, 350). Наиболее типичным носителем этого семантического признака является неопределенное местоимение *один*.

Следуя традициям английской философской школы (в частности, работам Стросона), некоторые лингвисты рассматривают в парадигме квантификации, помимо всеобщности и экзистенциальности, также единичность (см. раздел 1.1.1). Однако Karolak отличает семантику единичности от семантики квантификации (1989, 22). Bogusławski усматривает в содержании *один* признаки числительного и КС (1966, 51). В семантической системе языка, как показывают Кошечая, Лукашенко, единичность вступает в два вида оппозиций: с одной стороны, в рамках грамматической категории числа как категория конкретного количества (равного эталонному множеству из одного элемента) она противопоставлена множественности как категории неконкретного количества (равного совокупности эталонных множеств, каждое из которых больше, чем эталонное множество из одного элемента) С другой стороны, как пишут Кошечая, Лукашенко, “множественность и единичность оказываются объединенными одним общим понятием положительного количества. В связи с этим единичность выступает всего лишь как разновидность множественности” (1972, 50–52). Семантический признак ‘единичность’ является дополнительным по отношению к значениям абсолютной и относительной квантификации, он присутствует в содержании единиц, которые относятся к разным логико-семантическим микропарадигмам в рамках квантификации, например *любой, ни один, ни разу, один, какой-то*.

Семантические функции *один* в языке многообразны (часть из них также описана в разделе 2.2.4.2.3.2.1):

- 1) функция количественного числительного, например: *Только один ученик справился с контрольной;*
- 2) функция индивидуализации (Birkenmaier 1977, 52), например: *Я ищу одну студентку, которая знает испанский;*
- 3) функция неопределенного дескриптора, например: *Петров — один из худших солдат в роте;*
- 4) функция эксклюзивного рестриктора, например: *Стишки для вас одна забава (Пушкин);*
- 5) функция определенного артикля (Косеска-Тошева,

- Гаргов 1990, 40), например: болг. *Един мъж може да започне живота си и на 40 години, а една жена не може;*
- 6) функция идентификации, например: *У них одни интересы;*
 - 7) функция существительного, например: *Дважды один — два;*
 - 8) функция квантора, например: *Все русские — писатели, хоть бы один был говновозом* (Гладилин);
 - 9) экспрессивная функция, например: *Wyunoś się, błaznie jeden!* (Żukrowski).

Касевич отмечает интонационные различия высказываний с *один* в различных значениях: *один* как числительное просодически выделено, а как неопределенный оператор — не выделено (1988, 29). Аналогичным образом дифференцируются употребления КС *однажды*, *один раз* — в тематической позиции они выступают в кванторном, а в рематической позиции — в числовом значении, ср.: *Причем аккумулятор заряжал один раз от подковы* (Житинский) ↔ *А однажды заряжал аккумулятор от подковы* = 'В множестве моментов времени, когда он заряжал аккумулятор, существовал момент времени, такой, когда он заряжал аккумулятор от подковы'; *Я бывал там только однажды / один раз* = 'Множество случаев, когда я бывал там, равно эталонному множеству из одного элемента'.

Семантический признак [+единичность] выражается только формой единственного числа местоимения *один*, ср.: *Одни пассажиры спали, другие уныло смотрели на дорогу*, где он отсутствует. Это дает основание квалифицировать *один* и *одни* как различные кванторные лексемы, при этом *одни* — отнести в класс с семантическим признаком [-единичность] — к лексемам *часть*, *половина*, *большинство*, *меньшинство*, *многие*, *немногие*, *некоторые*, *кое-кто*, *кое-что* и др. Birkenmaier (1977, 57) квалифицирует *один* как форму единственного числа местоимения с частицей *кое-*. Несмотря на отсутствие номинативной количественной семантики в содержании КС с признаком [-единичность], количественная характеристика исходного множества в высказываниях с ними не является произвольной, ср.: **Лена прочла некоторые из этих трех книг; Лена прочла некоторые из этих двадцати книг.*

Третью подгруппу составляют лексемы *какой-то*, *какой-нибудь*, *какой-либо*, *кто-то*, *что-то*, *куда-то*, *где-то*, *существовать*, *быть*, *иметься*, *наличествовать* и др., которые обладают номинативным признаком [\pm единичность].

2.2.4.2.3.2.4. Фреквентивность

Исследователи (Исаченко 1965, 163; Коссек, Костюк 1982, 60; Литвак 1984, 103; Мразек 1973, 118; Русская грамматика 1979а, 366; Сепир 1993, 399; Borrás, Christian 1977, 272; Grzegorzczukowa 1973, 86; Nozsiscka 1990, 115) выделяют в области относительной квантификации фреквентивные слова, в содержании которых имеется дополнительный семантический признак, указывающий на степень близости объемов референтного и исходного множеств. Степанов не рассматривает лексем типа *многие, немногие, редко, часто* в числе кванторов. Обоснованием такой трактовки может быть то, что семантика относительной квантификации выражается, видимо, в пресуппозитивной части их содержания — она, как правило, сохраняется при отрицании КС, ср.: *Многие ученые консервативны*, пресуппозиция *Существуют консервативные ученые*; *Неверно, что многие ученые консервативны* ↔ *Немногие ученые консервативны*, пресуппозиция *Существуют консервативные ученые*.

К фреквентивным КС относятся также *часто, нередко, нечасто, временами, местами, изредка, долго, недолго, надолго, обычно, эпизодически, преимущественно, давно, издавна, мало кто, редко кто, редко где, мало кто, где-нигде, большая часть, небольшая часть, значительная часть, незначительная часть, отдельные, редкий, частый, почти все* и др. Для русского языка характерно лексическое выражение семантики фреквентивности, тогда как в других языках, например, чешском или словацком, словенском для этого используется достаточно богатая морфологическая система неопределенных местоимений. Некоторые межъязыковые славянские параллели в области выражения кванторной фреквентивности подробнее рассмотрены нами в работе (Kiklewicz 1995а). Например, в польском не распространены конструкции типа *редко где, мало кто*.

В множестве фреквентивных слов можно выделить несколько семантических оппозиций и, в соответствии с этими оппозициями, несколько подгрупп. В частности, можно дифференцировать КС с признаками:

- 1) 'большой объем актуального множества';
- 2) 'малый объем актуального множества'.

При этом точкой отсчета интенсивности количественного признака (которая, по Сепиру 1985, 44, обязательно актуализирована в градуальных оппозициях) является экзистенциальная норма множества, т.е. его исходный объем. Семантика фреквентивности, как указывал Сепир, может быть реализована применительно к определенным и неопределенным объектам, что отражается в характере нормы признака. Если семантика фреквентивности реализуется со ссылкой не на экзистенциальную, а на пропозициональную

норму множеству (о ней см. в разделе 1.2.1), то в этом случае семантика квантификации отсутствует.

На многозначность фреквентивных слов указывает Petrowa-Wasilewicz (1991, 103). Так, в высказывании *Когда она рассматривает старые снимки, то часто плачет* наречие *часто* выступает как КС, ср. трансформацию: 'В множестве моментов времени, когда она рассматривает старые снимки, существуют моменты времени, такие, когда она плачет, и количество случаев, когда она плачет, по отношению к количеству случаев, когда она рассматривает снимки, велико'. В данном значении *часто* может заменено на *почти всегда*. В высказываниях *Ишь, заросло как часто, не пролезешь* (А.Островский); *Опущенные веки часто заморгали* (Куприн) наречие *часто* не выражает кванторной семантики, в первом случае оно содержит признак 'густо, на небольшом расстоянии друг от друга', а во втором — признак 'с небольшими промежутками времени'. *Часто* в подобных высказываниях нельзя заменить на *почти всегда*.

Дополнительную фреквентивную семантику могут получить в контексте и не фреквентивные слова, например, *некоторые, кое-кто* и т.п. (Копыленко 1993, 115; Grzegorzczukowa 1987, 139). В высказывании *Кое-где просто на улице стояли столы с орехами, мылом и пряниками, похожими на мыло...* (Гоголь) имеется в виду, что торговые прилавки занимали меньшую часть улицы; в высказывании *Некоторые из министров были на приеме с женами* предполагается, что число министров, которые пришли на прием с женами, невелико. Семантика низкой степени проявления признака выражается также в высказываниях с местоимением *некоторый* в форме единственного числа, которая лишена кванторной функции, ср.: *Не чувствуют ли они некоторой неловкости, убивая друг друга?* (Горький), где *некоторой неловкости* = 'хотя бы небольшой неловкости'.

Вместе с маркерами абсолютной квантификации фреквентивные и нефреквентивные маркеры относительной квантификации составляют единую градуальную систему, ср.:

<i>всегда</i>	<i>часто</i>	<i>иногда</i>	<i>редко</i>	<i>никогда</i>
<i>все</i>	<i>многие</i>	<i>некоторые</i>	<i>немногие</i>	<i>никто</i>

На принадлежность данных единиц к одной и той же парадигме указывает невозможность их совместной сочетаемости с одной и той же словоформой, ср.: **Пришли все некоторые*; **Пришли все немногие*. Казалось бы, это правило нарушается в высказываниях типа: *Legitymacje mocno wyblakły, nie mówiąc o sercach, które często nie były nigdy po lewej stronie* ("Polityka". 1989/45); *И, бывало, каждый день Крал цыплят из деревень* (Маршак). Однако в подобных случаях КС

применяются к разным исходным множествам, ср.: ‘Często, gdy chodziło o pewne osoby, można było konstatować, że ich serce nigdy w życiu nie było po lewej stronie’; ‘Были такие периоды времени, когда он каждый день крал из деревни цыплят’.

Семантические отношения между элементами градуальных систем приведенного выше типа регулируются импликатурами, ср.: *Они выведены из читательского оборота надолго, если не навсегда* (“Лит. газета”. 19 сентября 1990), где актуализирована условная импликатура; *Ленин говорил, что нэп введен всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что нэп введен навсегда!* (“Огонек”. 1990/16), где актуализируется градуальная импликатура.

Кроме оппозиции по признаку ‘большой/малый объем актуального множества’, в области фреквентивных КС имеется и другая оппозиция — по признаку номинального объема референтного множества в сравнении с объемом исходного множества, который не участвует в событии, другими словами — в сравнении с остатком множества. В данной группе выделяются три подгруппы КС с признаками:

- 1) объем референтного множества больше объема остатка, например: *большинство, большая часть, основная часть, больше половины* и др.;
- 2) объем референтного множества равен объему остатка, например: *половина, наполовину, приставка пол-*;
- 3) объем референтного множества меньше объема остатка, например: *меньшинство, меньшая часть* и др.

Лексема *половина* может употребляться в разговорной речи как субститут партитивного КС *часть*, например, в выражениях *бóльшая половина, меньшая половина*, ср.: *Ваши грузчики разрезали бульдозер № 14728 (коносамент СТ-976) крановым стропом на неровные половины* (Конечкий); *В уважаемой газете “Уральский рабочий” статье Ю.Горбунова “Книга приглашает к поиску” появляется фраза: “Рассказы об уральских книгах” делятся на две неравные половины* (Волин).

Приставка *пол-* не всегда выполняет кванторную функцию, например, если исходное множество является неопределенным, ср.: *Полдома сгорело*, где возможна кванторная перифраза *Часть дома сгорела*, и *Бабушка принесла пол-литра молока*, где квантификации нет и аналогичная перифраза невозможна: **Бабушка принесла часть литра молока*.

Семантика фреквентивности может быть имплицирована дробными числовыми выражениями, а также сочетаниями типа *20 процентов, 88 процентов* и т.п. Например, высказывания *В выборах участвовало две третьих избирателей* или *В выборах участвовало 70 %*

избирателей имплицитно высказывают с фреквентивным квантором *Большинство избирателей приняло участие в выборах.*

Фреквентивность выражается также в высказываниях с экзистенциальными глаголами, ср.: *У нее есть седые волосы*, где сообщается не только то, что *Некоторые ее волосы седые*, но и то, что *Седые волосы составляют меньшую часть имеющихся у нее волос.*

2.2.4.2.3.2.5. Дивергентность

Некоторые маркеры относительной квантификации обозначают дивергентность исходного множества, а именно — наличие нетождественных по составу его подмножеств, которые обладают различной ситуативной актуализацией: *одни... другие; один... другой; одни... иные; другие; иные; остальные; раз... раз; один раз... один раз; не кто-нибудь, а...; кто-кто, а... и др.*, например: *Одним природа дает много, а другим — ничего.* В польском языке дивергентность множества специально выражается частицей *indziej*, ср.: *gdzie indziej, dokąd indziej* и т.п.

В некоторых случаях маркеры дивергентности сопровождаются семантикой несогласия, ср.: *Иные думают, что путешествие из Киева в Берлин на мотоцикле “Днепр” — пустяк*, где предполагается также *А я считаю иначе / А в действительности это не так.*

Формы сравнительной степени фреквентивных наречий *чаще, реже, дольше* и др. совмещают также семантику дивергентности, ср.: *Он чаще работает в библиотеке, чем дома* = ‘В интервале времени, когда он работает, существуют моменты, когда он работает в библиотеке, и моменты, когда он работает дома, и количество моментов, когда он работает в библиотеке, превышает количество моментов, когда он работает дома’.

Семантика дивергентности может быть скрытой и для ее экспликации требуется специальный спемантический анализ, ср.: высказывание *Дворник со двора таскал один какие-то бревна* (Андреев) имеет импликацию *Никто другой не участвовал в этой ситуации*, содержащую значение дивергентности. Если в высказывании сопоставляются множество и подмножество, абсолютная квантификация множества сопровождается обычно признаком ‘другой’, ср.: *Здесь, как и во всех экономически развитых странах, имеются различные формы страхования* — если эта страна относится к числу *экономически развитых*, то высказывание может быть преобразовано в виде *Здесь, как и во всех других экономически развитых странах, имеются различные формы страхования.* То же наблюдается в сочетаниях обобщающих местоимений с формами сравнительной степени, например: *Макар здесь богаче всех — Макар богаче всех других лиц, находящихся здесь.*

2.2.4.2.4. Микропарадигма темпоральных КС

Рассмотренные в предыдущих разделах семантические признаки КС являются надтематичными, т.е. охватывают кванторные единицы с персональной, темпоральной, локативной, посессивной, директивной, квалитативной, каузативной, финитивной и др. тематикой. Однако в рамках тематической группы темпоративных КС выделяется ряд специфических семантических признаков, в частности: 1) указание на объективное/релятивное время; 2) прерывность/непрерывность; 3) предельность/непредельность; 4) синтаксическое время. Поскольку парадигма КС с темпоральной тематикой является в рамках квантификации наиболее обширной, то эти дифференциальные признаки будут проанализированы отдельно.

2.2.4.2.4.1. Объективное/релятивное время

Под объективным временем понимается период длительности события, соотносимый с абстрактными эталонами времени: секундой, минутой, часом, сутками, месяцем, годом и т.д., ср.: *Буря продолжалась три часа*. Под релятивным временем понимается период длительности события F , измеряемый путем его соотнесения с известным субъекту периодом длительности события H , ср.: *Пока мы были в пути, буря продолжалась*.

Среди темпоральных КС выделяются два класса: 1) КС, которые относятся к аргументам, обозначающим отрезки объективного времени: *ежедневно, ежегодно, ежемесячно, ежеквартально, ежедневно, всечасно, ни дня, ни минуты, круглый год, ночь напролет* и др., и 2) КС, для которых данный признак не обязателен: *всегда, никогда, все время, вечно, иногда, обычно* и др. Ср.: высказывания *Фестиваль проводится ежегодно* = 'Каждый отрезок времени, наступающий через год, проводится фестиваль'; *Фестиваль всегда проводится в Витебске* = 'Каждый отрезок времени, когда проводится фестиваль, он проходит в Витебске'; *Летом дети всегда уезжали в деревню* = 'Каждый отрезок времени, когда начинался период времени, равный лету, дети уезжали в деревню'.

2.2.4.2.4.2. Прерывность/непрерывность

Прерывность/непрерывность события зависит от наличия или отсутствия интервалов на оси объективного времени.

Имеются специальные операторы прерывности/непрерывности, которые употребляются независимо от КС, например: *непрерывно, беспрерывно, постоянно, непрекращающийся, эпизодически, непос-*

тоянно, с перерывами, периодически и др. Например, в высказывании *Он всегда работает допоздна* сообщается, что процесс работы не является объективно непрерывным, но каждая ситуация, когда он работает, длится допоздна. На автономность семантических признаков квантификации и прерывности/непрерывности указывает также возможность их совместной актуализации в одном и том же синтагматическом контексте, например: *Весь вечер она непрерывно болтала*: КС *весь* обозначает равенство периода длительности ситуации с временной рамкой (известного говорящему) вечера, а наречие *непрерывно* — отсутствие временных интервалов в длительности ситуации. Зельдович 1995, 248 отмечает, что в выражениях с КС *все время* имеется сема 'ситуация наблюдаема', т.е. предполагается дейктическая определенность связанной именной группы.

В ряде случаев, когда временная область известна говорящему, операторы прерывности/непрерывности имплицитно значения квантификации, например: *Эту зиму я постоянно жил на даче* → *Всю зиму я жил на даче*.

В аспекте выражения семантики прерывности/непрерывности можно выделить три класса КС:

- 1) с признаком [+прерывность]: *каждый раз, всякий раз, ни разу, каждый день, каждый год, ежедневно, ежемесячно, от случая к случаю, в отдельных случаях, в большинстве случаев, редко, когда бы ни..., нет дня, чтобы...; что ни... то...* В польском языке регулярным маркером прерывности является местоимение *co*: *co pewien czas, co drugi dzień, co jakiś czas*. С данной семантикой оно может использоваться как соотносительное слово в сложноподчиненных предложениях типа *Co bierzemy gazetę do ręki, to o niczym innym nie czytamy* (Grodzieńska). Семантика прерывности совместно с квантификацией выражается также в сложных предложениях типов *ilekroć p, q; ilokroć p, tylekroć q; ilekroć p, tyle razy q; ilekroć p, zawsze q; ile razy p, q; ile razy p, tylekroć q; ile razy p, tyle razy q; ile razy p, zawsze q* (Bednarek 1995, 58; Greszczuk 1988, 51);
- 2) с признаком [-прерывность]: *навечно, навсегда, навечно, надолго, напролет, всю дорогу* и др.;
- 3) с признаком [±прерывность]: *когда-то, когда-либо, все время, часть времени, иногда, обычно, однажды, никогда, всегда, вечно* и др.

Наибольшее внимание в аспекте семантики прерывности/непрерывности в литературе уделяется местоимению *всегда* (Клаус 1960, 300; Семантические 1982, 49; Падучева 1985, 225; Зельдович 1995). Различают употребление *всегда* в прерывном и непрерывном

значении, например: *В Париже мы всегда останавливались в "Рице"* = 'Каждый раз, когда мы были в Париже, мы останавливались в "Рице"' предполагает *Мы периодически бывали в Париже* однако *Мы всегда жили на этой улице* не предполагает **Мы периодически жили*.

Падучева различает три значения *всегда*: непрерывно-временное (*всегда₁*), дискретно-временное (*всегда₂*) и невременное (*всегда₃*). *Всегда₃* как носитель невременного значения "отражается в семантическом представлении как квантор общности по переменной произвольной области (исключая, конечно, моменты времени)" (1985, 225). Например, высказывание *Он всегда обедает в ресторане* при таком подходе может быть интерпретировано как 'Каждый его обед проходит в ресторане'.

Эта точка зрения представляется спорной. Высказывание *Он всегда обедает в ресторане* (и ему подобные) содержит как минимум две пресуппозиции: *Существует множество отрезков времени, когда он обедает* и *Существует множество ситуаций, когда он обедает*. В первом случае экзистентом является темпоральное, во втором — сентенциальное множество. Ср. аналогичный пример: *Все влюбленные нашего города встречаются в этом парке*, пресуппозиция *Существует множество влюбленных нашего города*; пресуппозиция *Существует множество моментов времени, когда влюбленные нашего города встречаются друг с другом* и пресуппозиция *Существуют множество ситуаций, когда влюбленные нашего города встречаются*. В качестве объекта квантификации может быть выбран множественный экзистент любой из этих пресуппозиций: субстанциальный, как в высказывании *Все влюбленные нашего города встречаются в этом парке*, темпоральный, как в высказывании *Влюбленные нашего города всегда встречаются в этом парке*, или сентенциальный, как в высказывании *Каждая встреча влюбленных нашего города происходит в этом парке*. В высказываниях с подобной пресуппозитивной структурой возможна и многократная квантификация, например: *Некоторые влюбленные нашего города всегда встречаются в этом парке*.

Семантическое различие между *всегда* в дискретно-временном и невременном значениях не является парадигматическим (системообусловленным), а зависит от контекста (Nozicska 1990, 118). Подробный анализ высказываний с *всегда₂* и *всегда₃* проведен в работе (Киклевич 1989а, 10–13), поэтому здесь лишь выделим главное. КС *всегда* семантически связано с предикатом или аргументом, ср.: *Он всегда обедает в ресторане* = 'Всегда, когда он обедает, он делает это в ресторане'; *В автобусе он всегда читает* = 'Всегда, когда он находится в автобусе, он читает'. Это обусловлено коммуникативной функцией темы, которую выполняет данный предикат или аргумент, а также его семантической функцией экзистента пресуппозиции, ср.: *Он всегда обедает в ресторане*, пресуппозиция *Существуют моменты времени, когда он обедает*; *В автобусе он всегда*

читает, пресуппозиция *Существуют моменты времени, когда он находится в автобусе*. При коммуникативной трансформации высказывания, результатом которой является изменение его темы, меняется и объект квантификации, однако его темпоративная функция в семантической структуре высказывания сохраняется: *Он всегда обедает в ресторане*, пресуппозиция *Существуют моменты времени, когда он обедает* = 'Всегда, когда он находится в ресторане, он там обедает'; *Он всегда читает в автобусе*, пресуппозиция *Существуют моменты времени, когда он читает* = 'Всегда, когда он читает, он делает это в автобусе'. Таким образом, вхождение предиката или аргумента высказывания в область значения связанного темпоративного аргумента зависит от коммуникативных и текстуальных факторов, а значит, есть основания выделять только два типа языковых значений КС *всегда*: прерывное и непрерывное.

Семантика прерывности коррелирует с повторяемостью события, при этом существуют лексемы, одним из значений которых является указание на то, что событие повторяется через равные интервалы времени, например: *периодически, регулярно* и др.

2.2.4.2.4.3. Предельность/непредельность

Единицы с семантикой предельности/непредельности различаются в зависимости от того, маркируют они или не маркируют ограниченность ситуации во времени. Морфологическими формами этой семантики являются глаголы совершенного и несовершенного вида, хотя это соответствие не является однозначным, ср. "презентс напрасного ожидания" в высказываниях с определенными формами глаголов совершенного вида типа *Никак не соберусь* (Зализняк 1990, 113).

Среди темпоральных КС отсутствуют единицы, дополнительно указывающие на временную границу ситуации, зато КС с знаком непредельности составляют довольно обширную группу: *навек, навечно, на веки веков, на веки вечные, до скончания века, всегда, никогда, что ни день, то..., каждый раз, когда бы ни..., ежедневно, обычно, иногда, редко, бывает* и др. Единицы этого типа актуализируются в контексте семантики имперфектности глаголов (Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 102) и не допускают синтаксической сочетаемости с глаголами совершенного вида, ср.: *Я всегда получаю/получал удовольствие от хорошего фильма — *Я всегда получил удовольствие от хорошего фильма*.

Впрочем, данное правило не выполняется в синтаксических конструкциях с глаголами совершенного вида в модифицированном, а именно — хабитуальном значении, что более характерно для западнославянских, чем для восточнославянских языков (Широкова 1992, 30; Деянова 1967, 49–60; Ананьева 1993, 128), ср.:

Если он что-то возьмет, то всегда скажет ↔ Если он что-то берет, то всегда говорит; чеш. *Často přijdi i v noci* — *Часто приходит и ночью*; словац. *Každý mesiac zhotovia okolo 200 modelov* — *Каждый месяц производит 200 моделей*; польск. *Czasem zajdę do kina* — *Иногда захожу в кино* (Hen); *Wyjechał i potem długo nic nie napisał* — *Уехал и потом долго ничего не писал*. В отличие от русского никогда польское *nigdy* достаточно свободно сочетается с глагольными формами совершенного вида, например: *Tego nigdy nie zrobił żaden władca* (Каруściński) — **Этого никогда не сделал ни один властелин*; *Do pałacu nigdy się nie zgłosiła* (Каруściński) — **Во дворец она никогда не обратилась*; *Przez lata całe nigdy się to nie zdarzyło* (Parnicki) — **Многие годы это не случилось*; *Nigdy dotąd przed oczyma Aleksandra nie pojawił się ktoś taki* (Terlecki) — **Никогда перед глазами Александра не появился кто-нибудь такой*; *Naprawdę to się nigdy porządnie nie pocałowałem* (Hen) — **В самом деле, я никогда как следует не нацеловался*; *Te rzeczy się nie zdarzyły, ale są zawsze* (“Tygodnik Powszechny”. 1996/36) — **Это никогда не происходило, но было всегда* (Kiklewicz 1995a). В польском высказывании *Nigdy jeszcze tak egocentryczny władca nie zadziałał tak skutecznie przeciwko korzyści własnej* (“Polityka”. 1991/15) в контексте отрицательного местоимения *nigdy* употребляется глагол совершенного вида *zadziałać*, который вообще не имеет точного лексического эквивалента в русском, поэтому при переводе совершенный вид глагола следует заменить на несовершенный, ср.: *Никогда еще такой сильный властелин так успешно не действовал вопреки собственным интересам*. Общим свойством подобных выражений, как правило, является семантический компонент ‘до рассматриваемого момента времени’, который может быть, например, эксплицирован в поверхностно-синтаксической структуре высказывания с помощью выражения *dotąd*, ср.: *Naprawdę to się nigdy dotąd porządnie nie pocałowałem*. Реже в подобных высказываниях встречается семантический компонент ‘после рассматриваемого момента времени’, ср.: *Nigdy potem już nie wrócili*.

Для западнославянских языков в целом более характерно употребление форм совершенного вида в контексте семантики квантификации, ср.: *Nie spotkał dotąd nikogo, kto by się tak nazywał* (Parnicki) — *Он пока еще не встречал никого с таким именем*; *Gdzieś już tego człowieka spotkał* (Terlecki) — *Где-то он уже встречал этого человека*; *Nie zdarzyło się w długiej praktyce Weinsteina, żeby ktokolwiek odmawiał korzystania z przywilejów stanowiska* (Lost) — *Никогда еще не встречалось в практике Вайнштейна, чтобы кто-нибудь отказывался от привилегий своего положения*; *Po dziś dzień taka postać nie zaistniała* (“Polityka”. 1992/8) — *До сегодняшнего дня такого героя не было*; *Do tej pory nie mieliśmy kłopotów finansowych, bo od czasu do czasu zrobiliśmy zabawę* (“Trybuna Ludu”. 26 октября 1983) — *Пока у нас не было*

финансовых проблем, потому что иногда мы устраивали развлечения; *Nikomu ani słowa. W stolicy zostanie pan przez kilka dni. Codziennie kupi pan jedną kartkę widokówkę, wypełni ją i wyśle na mój adres urzędowy (Mgrożek) — Никому ни слова. В столице вы пробудете несколько дней. Каждый день вы будете покупать по одной открытке, заполнять ее и высылать на мой служебный адрес и др.*

Темпоративные КС употребляются также в высказываниях с негативными формами глаголов совершенного вида, например: *Они так никогда и не встретились; Он никогда так и не надел это пальто; Zrobiły to młode kadry, czego Gomułka nigdy nie zaakceptował* (“Tygodnik Powszechny”. 1992/51); *Za krąg niewolniczego myślenia nigdy nie wyszli* (Szczypiorski). Подобные выражения содержат семантику “напрасного ожидания” и отсутствие смены одной ситуации другой, ср.: *Они так никогда и не встретились ↔ Они продолжали жить в разлуке.*

КС *всё* как носитель темпоративной тематики имеет дополнительные признаки непрерывности и неопределенности, ср.: *Мы уже возвращались, а снег все падал* = ‘Все время в интервале между нашим уходом и возвращением, снег непрерывно падал, и в момент нашего возвращения снег не переставал падать’. *Всё* употребляется также в высказываниях с семантикой “напрасного ожидания”, например: *Все никак не встретимся.* В поверхностно-синтаксической структуре высказывания *всё, coraz* присоединяются не только к глаголам, но также к прилагательным, наречиям и существительным, например: *Wiatr robił się coraz mocniejszy; Brat pisywał coraz rzadziej; Wpuszczają się w nią coraz to inni i inni* (Strug); *Мне надоело быть все Егором и Егором* (Платонов).

В области темпоративной относительной квантификации имеются также немаркированные кванторы с признаком [±определенность]: *весь день, все время, часть дня, часть времени, когда-то, однажды, один раз, ни дня, ни разу* и др., например: *Однажды мы встретились в прорабской*, где ситуация имеет временную границу, и *Однажды мы сидели в баре гостиницы “Европейская”*, где временная граница ситуации отсутствует.

2.2.4.2.4.4. Синтаксическое время

Употребление темпоративных КС зависит также от значения синтаксического времени, а также, отчасти, от грамматического значения времени глагола. КС *когда-то, некогда, одно время, как-то, отродясь* характеризуются селективным признаком синтаксического прошедшего времени, ср.: *Когда-то они были друзьями; *Когда-то они являются / будут друзьями.* КС *когда-нибудь, как-нибудь, в какое-нибудь время, когда-либо, вовеки, до скончания века* харак-

ктеризуются селективным признаком синтаксического будущего времени, ср.: *Мы еще когда-нибудь встретимся*; **Мы уже когда-нибудь встречались*; **Мы когда-нибудь встречаемся*. Следует, однако, отметить, что в контексте ирреальности последнее правило нарушается, ср.: *Возможно, вы когда-нибудь с ним встречались, но забыли*.

Остальные КС с точки зрения синтаксического времени являются немаркированными, ср.: *Борна всегда волновала/волнует/будет волновать не только "техника квантов", но и "философия квантов"*. Немаркированность данных единиц является, однако, как правило, ограниченной — имеются темпоральные контексты, которые для них более или менее предпочтительны. С этой точки зрения можно выделить несколько подгрупп КС: 1) кванторы, которые не совместимы с формами качественных глаголов настоящего времени: *ни разу, один раз, однажды*; 2) кванторы, которые не совместимы с формами ситуативными глаголов настоящего времени: *всегда, какое-то время, все время, ежедневно, каждый день, каждый раз, часто, как правило, ни минуты* и др.; 3) кванторы, которые не совместимы с синтаксическим будущим временем: *иногда, бывать, обычно, иной раз* и др.

2.3. Резюме

Если в главе 1 определялась функциональная характеристика КС как единой семантической категории в системе языка, то глава 2 представляет своего рода рентгеновский снимок этой категории — здесь описаны и упорядочены ее важнейшие имманентные свойства. Наблюдения показали, что, будучи семантической категорией, квантификация лишена единства в области грамматики. Она обладает сложной внутренней структурой, а актуализация КС в речи требует учета факторов, относящихся к разным уровням языка. Внутренняя неоднородность квантификации обусловлена ее относительно открытым характером, а именно — корреляциями с близкими по содержанию категориями языка (модальности, количества, степени и др.). Так, межпарадигматическим взаимодействием объясняется наличие в лексическом содержании ряда КС дополнительных количественных и градуальных признаков. Связь квантификации с категорией истинности проявилась в специфическом характере отрицания КС, которое реализуется с помощью инклюзивных и эксклюзивных рестрикторов и соответствующих им пресуппозиций. Бедность словообразовательной системы КС подтверждает их сходство с семантическими операторами (союзами, частицами, предлогами), а, с другой стороны, относительно большая доля композитных дериватов указывает на близость КС к числительным.

План выражения квантификации представляет собой своего рода функциональное поле, в котором сосуществуют *eksplikativnĭe* (номинативные) и имплекативные формы. Номинативные формы, и среди них — лексические, составляют ядро этого функционального поля. Анализ материала потребовал введения нового типа представления языковой семантики — имплекативных форм, которые проявляются в использовании плана содержания одного знака (или группы знаков) в качестве плана выражения другого знака. Использование семантических признаков отрицания, модальности, предельности, степени, числа и др. в качестве имплекативных форм квантификации свидетельствует об объективном характере тех содержательных корреляций квантификации с категориями количества, степени и истинности, которые описаны в главе 1.

Многочисленность форм выражения категориальной семантики квантификации объясняется тенденцией к экономии синтагматических речевых усилий говорящего — способ манифестации кванторного значения варьируется в зависимости от семантического и прагматического контекста, что позволяет говорящему выбирать ту форму, которая в конкретных коммуникативных условиях является максимально экономной. Одним из таких способов выступает указание по умолчанию — когда отсутствие номинативного маркера того или иного семантического признака компенсируется аксиологическим фактором — наличием у говорящего представления о данном признаке как о количественной норме рассматриваемого объекта (или группы объектов).

В плане содержания квантификации последовательно описаны синтаксические, морфологические — словоизменительные и словообразовательные, и лексико-семантические признаки.

Специфика семантико-синтаксической функции КС состоит в том, что она не может быть отождествлена с функцией предикатов, аргументов или атрибутов. Это — особые двуместные операторы, одну из валентностей которых занимает множественный аргумент, а другую — высказывание. Для большинства КС это означает невозможность употребления в качестве предиката-сказуемого, например: **Шарик был каждый*.

КС, составляющие лексико-семантическую, а не морфологическую категорию, выражают разнообразные грамматические признаки, что, прежде всего, проявляется в их частеречной принадлежности — существуют кванторные местоимения, существительные, прилагательные и глаголы. Наиболее типичным средством экспликации кванторной семантики являются местоимения, что связано с дейктической природой КС: актуализация кванторной семантики осуществляется только при условии определенности исходного множества индивидов, а

оно, в свою очередь, определено благодаря ситуативной, коммуникативной или эпистемической соотнесенности с говорящим.

Кванторная семантика в некоторых случаях изменяет грамматические характеристики КС — местоимений. Так, кванторные глаголы (например *существовать*) лишены форм 1-го и 2-го лица, повелительного наклонения, кванторные прилагательные (например, *круглый*) — форм степеней сравнения, кванторные существительные (например, *часть*) — форм множественного числа. Структурные и функциональные модификации категории числа характерны также для кванторных местоимений, что обусловлено наличием множественной семантики уже в лексическом содержании КС. Так, некоторые кванторные местоимения менее регулярно образуют формы множественного числа (например, *каждый*); различие кванторных местоимений *весь* и *все* состоит не в том, что первое определяет единичный объект, а второе — множество, а в том, что в первом случае множество носит партитивный, а во втором — гипонимический характер.

Отдельно исследовались классификационные и реляционные грамматические признаки КС. По тематике (т.е. указанию на тип семантической функции связанного аргумента) выделено 12 классов КС: личные, предметные, темпоральные, локативные, директивные, посессивные, финитивные, каузативные, квалитативные, квантитативные, медиативные и немаркированные.

Уточнены семантические отношения высказываний с отрицательными местоимениями в именительном и родительном падеже.

Основное место при описании внутренней структуры категории квантификации заняли лексико-семантические признаки, что вполне закономерно — ведь синтаксическое назначение КС как особых количественных маркеров множественных аргументов реализуется благодаря наличию у них соответствующих лексических значений.

К категориальным отнесены обязательные характеристики КС, которые составляют две семантические оппозиции: экстенциональную оппозицию абсолютной — относительной квантификации и интенциональную оппозицию синтетической — аналитической квантификации. Различие экстенционального и интенционального аспектов в содержании КС — одно из наиболее радикальных нововведений данной работы. Общепринято, что экстенциональной семантикой обладают лишь конкретные имена (некоторые исследователи ограничивают их круг собственными именами). Однако, совершенно очевидно, что признаки экстенциональной семантики имеются и у тех операторов, которые обуславливают истинностное значение высказывания, например, у КС и союзов. Интенциональный аспект кванторной се-

мантики заключается в том, что, кроме указания на возможные миры, в которых высказывание истинно или ложно, КС включают также указание на способ представления экстенциональной информации. Например, высказывание с частичной актуализацией исходного множества в описываемом событии истинно и для тех элементов, которые участвуют в событии, и для тех элементов, которые в нем не участвуют. Однако значение части может обладать различной значимостью: если она противопоставляется полноте, то часть — отрицательное значение ‘не полнота’, а если она противопоставляется пустоте (отсутствию), то часть — положительное значение ‘наличие’. Таким образом, в языке различаются интенциональные варианты одного и того же экстенционального значения, ср.: *не все (только некоторые)* и *хотя бы / по крайней мере некоторые*.

Различие экстенциональных и интенциональных семантических признаков в содержании КС позволяет упорядочить категорию квантификации — выделить в ней четыре основных подкласса: 1) абсолютная синтетическая квантификация, например *все*, 2) абсолютная аналитическая квантификация, например *никто*, 3) относительная синтетическая квантификация, например, *только некоторые*, 4) относительная аналитическая квантификация, например, *хотя бы некоторые*.

Предложенная трактовка категориальной семантической структуры квантификации позволила решить один из наиболее спорных вопросов теории грамматики — о так называемом “двойном” отрицании в славянских языках. Специалисты, исследовавшие эту проблему, разделились на два лагеря: одни рассматривали высказывания типа *Никто не спит* как полинегативные, другие — как мононегативные. В данной работе принята интегральная точки зрения. В результате анализа высказываний с *ни*-словами было установлено, что в их структуре актуализируется несколько семантических признаков, маркерами которых выступают отрицательная частица, КС и рестриктор. Если функция отрицательной частицы заключается в замене значения ‘истина’ на значение ‘ложь’ применительно к ассертивной части высказывания, то функция инклюзивной частицы *ни* состоит в указании на ложность условной имплицатуры — предположения о большем объеме референтного множества, чем тот, который является объектом ассертивного отрицания. Так, частица *не* в высказывании *Никто не спит* отрицает высказывание *Некоторые спят*, но, поскольку отрицание части само по себе многозначно (*Если неверно, что некоторые P, то или все P или никто не P*), то для ликвидации этой неоднозначности употребляется частица *ни*, которая блокирует одну из альтернатив, а именно — отрицает полное вхождение исходного множества в ситуацию. В

целом отрицание высказываний типа *Никто не спит* реализуется в виде силлогизма:

<i>Неверно, что хотя бы некоторые спят.</i>	функция частицы <i>не</i>
<i>Возможно, что все спят.</i>	
<i>Неверно, что все спят.</i>	функция частицы <i>ни</i>
<hr/>	
<i>Никто не спит.</i>	

Значительное место в данной главе заняло описание дополнительных некатегориальных лексико-семантических признаков КС, которые представлены двумя типами: номинативными и селективными. Содержание этих признаков отражает взаимодействие квантификации с группой семантических макропарадигм — так, признаки номинального объема исходного или референтного множества указывает на принадлежность квантификации к макрокатегории количества, признаки фреквентивности — на принадлежность квантификации к макрокатегориям количества и степени, признак неопределенности — на принадлежность квантификации к макрокатегории определенности.

Единство сходного и различного, которое наблюдалось при сопоставлении квантификации с другими семантическими категориями языка, наблюдается и в ее внутренней структуре. С одной стороны, КС обладают одной и той же семантической функцией в высказывании, упорядочены в рамках единой системы категориальных семантических оппозиций. С другой стороны, в естественных языках кванторы характеризуются различными позициями в поверхностно-синтаксической структуре высказывания, неопиновыми словоизменительными и словообразовательными признаками, разнообразными некатегориальными лексико-семантическими свойствами. Мы эксплицировали и ту часть информации о КС, которая программируется их общепарадигматическими параметрами, и ту часть информации о КС, которая проявляется на уровне отдельных подклассов квантификации и даже отдельных лексем.

Такой подход открывает возможность функционального моделирования КС, поскольку в системе языка одна и та же единица одновременно входит в несколько парадигм, и ее речевая актуализация осуществляется с учетом целого комплекса языковых характеристик.

ГЛАВА 3. КАТЕГОРИЯ КВАНТИФИКАЦИИ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Содержательная наполненность языковых единиц проявляется не только в их парадигматических и синтагматических отношениях в структуре языка, но и в процессах речевого функционирования. “Язык — не просто система знаков, а функционирующая система, — писал Мурзин. — Поэтому правила реализации знаков в речи, правила образования речевых единиц и текстов входят в язык органической частью. Такие правила и составляют костяк того, что называют динамическим аспектом языка” (1974, 8). Языковая динамика, а именно — “синхроническая динамика”, отражает процессы внутриязыковых преобразований, “закономерности воплощения, реализации языковых моделей в речевых единицах” (Норман 1983, 16–18). Одним из таких внутриязыковых процессов является семантическая деривация — преобразование лексических значений (Апресян 1974, 175).

В данном разделе систематизируются функционально-динамические характеристики КС, относящиеся к трем областям. В первой части описывается взаимодействие кванторной семантики с другими семантическими признаками в структуре высказывания и, как результат этого взаимодействия, деформации референциального содержания высказывания в целом. Во второй части исследуются процессы лексико-семантической деривации КС, приводящие к их языковой многозначности. В третьей части описываются типы семантической актуализации КС в связном тексте.

3.1. Семантико-синтаксическая деривация КС

Принцип композициональности высказывания состоит в том, что его содержание зависит, во-первых, от семантических функций компонентов и, во-вторых, от типа их взаимодействия (законов композиции). В работе (Киклевич 1991с) мы описали законы композиции, определяющие истинностные значения высказываний с союзом *и*. Взаимодействие различных семантических признаков (совместности, прерывности, абсолютной или относительной квантификации и др.) приводит к тому, что в ряде случаев в высказывании с конъюнктивным союзом отсутствует значение конъюнкции. В данной части работы исследуются семантико-синтаксические процессы, приводящие к модификации кванторных значений.

3.1.1. Значение относительной квантификации в высказываниях с маркером абсолютной синтетической квантификации

Рассмотрим высказывания: *Нет, весь я не умру — душа в заветной лире Мой прах переживет и тленья убежит* (Пушкин); *На все вопросы не нашел ответа, но людям я не лгал, хотя и мог* (Сулейменов); *...Sam nie robił wszystkiego, nie ciosał belek i kamieni, nie wgniatał cegły, nie nosił jej na rusztowania... On tylko wymalował plan* (Prus); *Nie znam wszystkich utworów Nabokowa: z tych, które czytałem, prócz "Lolity", najlepszy jest "Pnin"* ("Polityka". 1991/41) (примеры из других языков см.: Bauer, Grepl 1980, 47; Besters-Dilger 1988, 272-273; Nozyczna 1988, 156; Wall 1973, 103 и др.). В подобных высказываниях с обобщающими местоимениями выражается не системно закрепленная за этими местоимениями семантика абсолютной квантификации, а семантика относительной квантификации, ср.: *Пусть на некоторые вопросы я не нашел ответа, но людям я не лгал*. На значение относительной квантификации в высказываниях этого типа указывают различные контекстуальные факторы, общее назначение которых — информировать о том, что референциальное множество не пусто, ср.: *...душа в заветной лире Мой прах переживет и тленья убежит; On tylko wymalował plan*. В высказывании *Nie znam wszystkich utworów Nabokowa: z tych, które czytałem, prócz "Lolity", najlepszy jest "Pnin"* упоминание о прочтенных "Лолите" и "Пнине" блокирует возможность интерпретации высказывания как *Nie znam żadnego utworu Nabokowa*. В высказывании *На все вопросы не нашел ответа, но людям я не лгал, хотя и мог*, благодаря семантической presupпозиции глагола *лгать*, предполагается, что *Существовали вопросы, на которые я ответил*.

Важнейшими характеристиками выражений подобного типа являются:

- 1) отрицательное качество высказывания;
- 2) аналитическое выражение отрицания, ср.: нем. *Alle Menschen sind nicht sterblich*, которое, помимо общекванторной, допускает также частнокванторную интерпретацию *Nicht jeder Mensch ist sterblich*. Высказывание с синтетически выраженным отрицанием *Alle Menschen sind unsterblich* может быть осмыслено только как общекванторное: *Kein Mensch ist sterblich* (Wall 1973, 103);
- 3) принадлежность предиката к реме, а КС — к теме высказывания, что отражается в порядке слов и интонации, ср.: *Всех он в этом не винил* = 'Были такие, которых он в этом не винил' и *Он не винил в этом всех* = 'О каждом можно было сказать, что он его не винил'. Поскольку, как ука-

зывалось выше, информация о непустоте референциального множества является пресуппозитивной, то темой сообщения выступает гипотеза о полном объеме этого множества, а его отрицание составляет рему высказывания.

В литературе сложилось достаточно устойчивое представление о частнокванторных высказываниях типа *Все x-ы не P* как о выражениях со смещенным отрицанием, или трансфером негации (Бондаренко 1983, 179–181; Коссек, Костюк 1982, 59–60; Кржижкова 1969b, 26–27; Падучева 1974, 149–150). При смещенном отрицании позиция негатора в поверхностно-синтаксической структуре высказывания не совпадает с его местом в семантической структуре высказывания, например выражение *Nie myślałem, że on to robi* равнозначно выражению *Myślałem, że on tego nie robi* (Кобозева 1976, 54–55; Ницолова 1991, 44; Antas 1991, 52; Besters-Dilger 1988, 369). Смещенным также называют общее по форме и частное по содержанию отрицание (Русская грамматика 1979b, 836), хотя Кржижкова (1969a, 203) считает, что любое отрицание с семантической точки зрения является общим.

Трансфер негации в целом характерен для славянских языков, в особенности — для западнославянских и болгарского, например: *Przepraszam, ale nie widzę dobrze bez okularów* (Mrożek), ср.: *widzę niedobrze*; *Przeczytałem, że najważniejsze nie jest to, iż p. Sikorski ma dwa obywatelstwa* (Passent), ср.: *najważniejsze jest nie to, że...*; *Główne przeszkody nie leżą w sferze politycznej* (“Polityka”. 1992/2), ср.: *leżą nie w sferze politycznej*. Смещенное отрицание широко распространено в польских конструкциях типа *To nie jest X, ale Y*, которым в русском языке соответствуют выражения модели *Это (есть) не X, а Y*, ср.: *To nie był Żyd, ale stary Ormianin* (Słonimski) — *Это был не еврей, а старый армянин*; *Iza uśmiechnęła się, lecz nie był to uśmiech dla mnie, ale dla lusterka* (Breza) — *Иза улыбнулась, но это была улыбка не для меня, а для зеркала*; *Nie był to właśnie sen, ale jakieś odrętwienie* (Dygat) — *Это был не сон, а какое-то оцепенение*.

Смещенным отрицанием характеризуются также многие польские высказывания с частицей *ani*: *Ani do kogo zagada, ani się uśmiecha* (Strug), ср.: *ani zagada do kogoś*; *Ani mi było za jednymi, ani za drugimi* (Breza), ср.: *ani za jednymi, ani za drugimi*; *Cały nienawistny kolektyw ani się domyśla powodu, ani mnie bierze za szaleńca* (Słyk), ср.: *ani bierze mnie za szaleńca*.

Смещенное отрицание в выражениях типа *Все x-ы не P* усматривается в их семантическом тождестве с выражениями типа *Не все x-ы P*, которое возможно благодаря тому, что оператор отрицания формально относится к предикату, а содержательно — к квантору.

Имеется, однако, существенная деталь, которая препятствует такой интерпретации. В коммуникативной структуре высказываний типа *Все x-ы не пришли* с семантикой относительной квантификации позицию ремы занимает отрицаемый предикат, ср.: *Все x-ы не пришли*, — а это свойство нормального, а не смещенного отрицания (Богуславский 1985, 86; Труб 1994, 44).

Если в высказывании *Все x-ы не пришли* изменить коммуникативную структуру так, чтобы к реме относилось КС, оно будет допускать только общекванторную интерпретацию, ср.: *Все x-ы не пришли* = 'Для каждого x-а из рассматриваемого множества верно, что он не пришел'.

Семантическое различие выражений типа *Все x-ы не пришли* и *Все x-ы не пришли* обусловлено их деривационной историей: первое представляет собой отрицание выражения *Все x-ы пришли*, а второе — отрицание выражения *Только некоторые x-ы не пришли*. Высказывания *Все x-ы пришли*, с одной стороны, и *Все x-ы не пришли*, с другой стороны, как взаимоотрицаемые выражения, имеют общую пресуппозицию *По крайней мере некоторые x-ы пришли ↔ Существуют x-ы, такие, которые пришли*, которая указывает на то, что класс индивидов, участвующих в событии не пуст. Отрицание высказывания *Все x-ы пришли* с учетом этой пресуппозиции можно представить в виде диалога:

- Субъект А. *Известно, что по крайней мере некоторые x-ы пришли. Можно предполагать, что верно не только это утверждение, но также утверждение, что все x-ы пришли. Так ли это?*
- Субъект В. *Гипотеза о полном участии исходного множества в ситуации не верна. Из ложности предположения о том, что все x-ы пришли, при условии, что по крайней мере некоторые x-ы пришли, следует, что по крайней мере некоторые x-ы не пришли.*

Таким образом, высказывание *Все x-ы не пришли*, которое по количественному содержанию равнозначно высказыванию о неполном объеме референтного множества, обладает не только пресуппозицией *Существуют x-ы, такие, которые пришли*, но и импликацией *Существуют x-ы, такие, которые не пришли*.

Пресуппозиция о наличии элементов исходного множества в объеме референтного множества является условием, без которого рассуждение о полном участии исходного множества в ситуации было бы бессмысленным. Именно эта пресуппозиция и обуславливает нормальный (а не смещенный) характер отрицания, результатом которого являются высказывания типа *Все x-ы не пришли* — отрицается гипотеза о полном вхождении множества в ситуацию.

3.1.2. Значение относительной квантификации в высказываниях с маркером абсолютной аналитической квантификации

Следующий тип семантико-синтаксических процессов в высказываниях с КС охватывает группу имеющих частнокванторное представление выражений с отрицательными местоимениями. Большинство из них стилистически маркировано — относится к сфере разговорной речи, например: *Скажите, там нигде моя ручка не лежит, черная?* (пример Лаптевой); *Мой первый вопрос: вы никого там не встречали?; Поищите, в этом ящике ничего нет?; Интересно, вы никогда не пробовали корейской водки?* Подобные выражения содержат то же количественное значение, что и высказывания с маркерами относительной квантификации, ср.: *(Не) лежит ли там где-нибудь моя черная ручка?; Вы кого-нибудь там встречали?; Есть в этом ящике что-нибудь интересное?; Вы когда-нибудь пробовали корейскую водку?*

Вопросительные высказывания данного типа реализуют общий (или замкнутый) вопрос (*Хочу узнать, верно ли q*), при котором “говорящий спрашивает о модальности правдивости” (Русская грамматика 1979b, 818). В основе общих вопросов лежит дизъюнкция, ср.: *Ты спишь (или нет)?*, поэтому вряд ли закономерна дифференциация разделительных и общих вопросов у Рахилиной (1990, 11) — вопросительная модальность преобразует правила развертывания дизъюнктивных выражений, в частности, в вопросительном контексте дизъюнкция сохраняется при элиминировании одного (при этом — любого!) из составляющих простых высказываний, ср.: *Вы кого-нибудь там встречали или никого там не встречали? ↔ Вы кого-нибудь там встречали? ↔ Вы никого там не встречали?* Данная форма речевого акта — принуждение к информированию — имеет два перлокутивных варианта: 1) получение информации о характере ситуации и 2) подтверждение отрицательной информации о характере ситуации. Рассмотрим примеры: *Скажите, вы никого там не встречали?; Вы, действительно, никого там не встречали?* В первом случае у корреспондента отсутствуют предварительные сведения о ситуации, во втором случае — такие сведения имеются: корреспонденту известно, что адресат *никого там не встречал*, и его коммуникативная задача состоит в том, чтобы подтвердить это. В высказываниях обоих типов может быть выделена дизъюнкция, однако в первом случае она связывает высказывания с пропозициональными предикатами, а во втором — с модальными (эпистемическими) предикатами, ср.: *Скажите, вы там кого-нибудь встречали или не встречали?; Это правда, что вы там никого не встречали, или неправда?*

Вопросительные высказывания с отрицательными местоиме-

ниями, перлокутивная сила которых заключается в подтверждении полученной ранее информации, содержат значения абсолютной квантификации, соответствующее содержанию отрицательных местоимений, ср.: ‘Верно ли, что не существовали *x*-ы из интересующего множества, такие, которых вы не встречали?’ В поверхностно-синтаксической структуре таких коммуникативных единиц имеются специальные маркеры, указывающие на то, что спрашивающий владеет уже минимумом информации о ситуации, например, вводные слова *действительно, в самом деле, правда ли, разве* и др. Для этой цели может быть использован и повтор КС, например: *Вы никогда-никогда не были на Мадагаскаре?*

Высказывания типа *Вы там никого не встречали?* с частнокванторным значением обладают некоторыми прагматическими особенностями. Křížková рассматривает их в ряду параллельных конструкций с отрицанием и без, например: *Мама не плакала, когда с вами говорила? — Мама плакала, когда с вами говорила?* (1973, 13). При этом Křížková указывает, что вопрос с отрицательной частицей, как правило, предполагает ожидание говорящим отрицательного ответа. Например, спрашивая *Мама не плакала?*, говорящий предполагает что *Мама не плакала*, ср. в связном тексте: — *Я вам не помешаю? — Да что вы, ничутьючку.* Подобные вопросительные высказывания употребляются также для выражения “мягкой, вежливой просьбы” (Храковский, Володин 1986, 207–209), ср.: *Не напишешь ли ты матери письмо = ‘Прошу тебя написать матери письмо’.*

3.1.3. Значение абсолютной синтетической квантификации в высказываниях с маркером относительной квантификации

Третий тип модификации количественной семантики охватывает высказывания с неопределенными местоимениями, например: *Обойдусь без каких-либо твоих советов ↔ Обойдусь без всех твоих советов; Przed Marcinem trudno co ukryć (Hołuj) ↔ Przed Marcinem trudno wszystko ukryć.* Семантическая модификация высказывания состоит в том, что оно содержит значение абсолютной синтетической квантификации, которое не соответствует значению относительной аналитической квантификации, т.е. меняется и экстенциональный, и интенциональный аспекты кванторной семантики.

Чаще всего маркерами квантификации в подобных выражениях оказываются неопределенные местоимения с частицами *-либо, -нибудь, -kolwiek, bądź* и др. В толковых словарях кванторные местоимения с этими частицами обычно трактуются как многозначные. Например, “Słownik języka polskiego” (ред. Doroszewski)

определяет *cokolwiek* как “местоимение, обозначающее какой-нибудь предмет неопределенным образом”, *ktokolwiek* — как “точно не определенное лицо; любое лицо, один из многих; произвольное лицо”. Приводимые в словаре иллюстрации отражают их частнокванторную и общекванторную семантику, например: *Przepraszam, jeżeli cię czymkolwiek zasmucę; Jakie tam prawo do sądenia ciebie czy kogo-kolwiek?* Первое высказывание следовало бы интерпретировать как ‘Прошу меня извинить, если существуют x -ы из множества того, что я буду говорить, такие, которыми я тебя удручу’, а второе — как ‘Верно ли, что я имею право осуждать тебя, и верно ли, что существуют x -ы из обсуждаемого множества людей, такие, которых я имею право осуждать?’ Grzegorzycykowa выделяет два значения *ktokolwiek* — частнокванторное и общекванторное (1987, 136), а Karolak квалифицирует это местоимение как общий квантор (1989, 10). Некоторые словари трактуют неопределенные местоимения *jakiś*, *jakikolwiek*, *którykolwiek* и т.п. как синонимы обобщающих местоимений *każdy*, *wszystek*, *wszelki* и др. (Dąbrowska и др. 1996, 39).

Абсолютная синтетическая квантификация выражается в содержащих неопределенные местоимения высказываниях со значением условия, например: *Jeżeli ktokolwiek z klientów będzie telefonował, proszę powiedzieć, że jestem w biurze* = ‘Каждому из множества тех, кто являются клиентами, такими, которые будут звонить, прошу сказать, что я в бюро’. Семантическая база подобных высказываний включает:

- 1) ирреальность — ‘Возможна ситуация K ’;
- 2) повторяемость ситуации — ‘Возможна серия ситуаций типа K ’;
- 3) импликацию — ‘Если будет иметь место серия ситуаций K , то будет иметь место серия ситуаций M ’;
- 4) абсолютную квантификацию — ‘Всегда, когда будет иметь место ситуация K , будет иметь место также ситуация M ’.

Было бы, однако, ошибочным приписывать значение абсолютной синтетической квантификации непосредственно местоимению *ktokolwiek* — в данном случае мы наблюдаем импlicative выражение кванторной семантики, принцип которого описан в разделе 2.1.2. Местоимение *ktokolwiek* имеет в подобных выражениях основное частнокванторное значение ‘существуют такие, что’, но его взаимодействие с признаками потенциальности, условности и повторяемости приводит к возникновению новой кванторной семантики. Высказывание *Jeżeli ktokolwiek z klientów będzie telefonował, proszę powiedzieć, że jestem w biurze* можно интерпретировать и как ‘Возможно, что будут существовать x -ы из множества наших кли-

ентов, которые будут звонить, и если будут существовать x -ы из множества наших клиентов, такие, которые будут звонить, то я прошу сказать x -ам, что я занят', и как 'Возможно, что будут существовать x -ы из множества наших клиентов, которые будут звонить, и каждому x -у из множества наших клиентов, таких, которые будут звонить, прошу сказать x -ам, что я занят'.

Маркерами условности в подобных выражениях могут быть союзы или частицы, например *bądź, by*, ср.: *Cokolwiek bądź się stanie, nie martw się; Z kimkolwiek byłaby sprawa, o cokolwiek, stoję przy tobie.*

Семантико-синтаксическая деривация неопределенных местоимений происходит также в сравнительных конструкциях, например: *A w Moskwie tak pusto, jak gdzie indziej* (Drawicz) = 'В Москве так же пусто, как и во всех других местах'; *Robił to lepiej, niż ktokolwiek* = 'Он делал это лучше всех других'; *Вы более, чем кто-либо со мной согласитесь* (Ю.Ким) = 'Вы более, чем все другие, со мной согласитесь'; *Он найдет это место быстрее, чем кто-нибудь другой* = 'Он найдет это место быстрее, чем любой другой'. Семантика сравнения сопровождается в подобных случаях семантикой дивергентности, которую манифестируют такие лексические единицы, как *другой, indziej* и т.п., а также семантикой ирреальности и условности. Содержание высказывания заключается в сопоставлении потенциального вхождения в одну и ту же ситуацию, с одной стороны, выделенного элемента или подмножества и, с другой стороны, остатка множества, т.е. множества без выделенных элементов. Так, высказывание *Он найдет это место быстрее, чем кто-нибудь другой* может быть интерпретировано как 'Если будет существовать отрезок времени x и y , являющийся человеком, но не совпадающий с рассматриваемым лицом a , такие, что a будет искать в этом отрезке времени место b и y будет искать в этом отрезке место b , то отрезок времени, когда a будет искать место b , будет меньше, чем отрезок времени, когда y будет искать место b '.

В высказываниях с семантикой реальности значение абсолютной квантификации теряется, ср.: *Он нашел это место быстрее, чем некоторые другие* ↔ *Некоторые другие нашли это место медленнее, чем он*; ср.: **Он нашел это место быстрее, чем кто-либо другой*.

Высказывание *Я — противник каких-либо экспериментов в этой области* содержит, несмотря на наличие неопределенного местоимения, значение абсолютной квантификации, на что указывает возможность его трансформации: *Я — противник всяких / любых экспериментов в этой области*. Данная трансформация регулируется принципом контрапозиции:

$$P(M) \rightarrow P(M_1) \quad (3.1)$$

$$\neg P(M_1) \rightarrow \neg P(M) \quad (3.2)$$

Принцип контрапозиции в данном случае означает, что из высказывания о полном объеме референтного множества следует высказывание о наличии элементов исходного множества в объеме референтного и, наоборот, из отрицания высказывания о наличии элементов исходного множества в объеме референтного следует отрицание высказывания о полном объеме референтного множества. В рассматриваемом случае отрицание выражается лексически (*противник* = ‘не сторонник’), что дает возможность употребить в трансформе не отрицательное, а обобщающее местоимение. Если лексическое отрицание заменить синтаксическим, то же количественное содержание можно выразить с помощью отрицательного местоимения, например: *Я не поддерживаю никаких экспериментов в этой области.*

Общекванторную семантику содержат также императивные (включающие ирреальность) высказывания с неопределенным местоимением, например: *Спой какую-нибудь песенку* = ‘Спой хотя бы одну песенку из множества всех песенок, которые ты знаешь’; *Oddaj klucze komukolwiek w pracowni* = ‘Отдай ключи одному из множества всех тех, кто находится в мастерской’.

3.1.4. Значение абсолютной аналитической квантификации в высказываниях с маркером относительной квантификации

Отрицательные местоимения представляют собой результат семантического преобразования неопределенных, а именно — результат присоединения к ним инклюзивных рестрикторов в отрицательном контексте. В речевом материале, однако, имеются также факты, когда абсолютная аналитическая квантификация реализуется в высказываниях без инклюзивных частиц, т.е. когда высказывание с неопределенным местоимением содержит семантику абсолютной аналитической квантификации. Широко распространены подобные выражения в польском языке: *Nie wiem co to jest... Nie słyszałem o czymś takim* (Lem) ↔ *Nie słyszałem o niczym takim*; *Nigdy chyba dotąd przed oczyma Aleksandra nie pojawił się ktoś taki* (Terlecki) ↔ *Nie pojawił się nikt taki*; *Przedstawiciele ministerstwa czegoś takiego w ogóle nie znają* (“Polityka”. 1988/42) ↔ *Niczego takiego w ogóle nie znają*; *Żadna partia w Polsce nie proponuje czegoś takiego* (“Polityka”. 1991/36) ↔ *Żadna partia w Polsce nie proponuje niczego takiego*. Чаще всего в подобных выражениях неопределенное местоимение сочетается с указательным местоимением *taki* (как в приведенных выше примерах), хотя встречаются и конструкции иного рода: *Czegoś podobnego jeszcze nie wiedziałam* (Grodzińska) ↔ *Nic podobnego jeszcze nie wiedziałam*;

A całkiem już nie chciał słuchać jakichś nieprzystojnych opowiadań o kobietach (Broszkiewicz) ↔ *Nie chciał słuchać żadnych nieprzystojnych opowiadań o kobietach; Jasne było, że nie może się na coś zdecydować* (Breza) ↔ *Nie może na nic się zdecydować*. Неопределенные местоимения в этих случаях нередко употребляются в контексте отрицательных, некоторые примеры см. выше, а также: *Żadna przyzwoita amerykańska rodzina nie wzięłaby czegoś takiego do domu* (Zadrzyńska); *Żadna kultura nie jest czymś danym raz na zawsze* ("Polityka". 1991/22). Подобные русские примеры см.: Селиверстова (1988, 98-99). При переводе польскому отрицательному местоимению иногда соответствует русское неопределенное или слово степени, например: *Ani Kulicki, ani żaden z jego kolegów nie miał zegarka* (Breza) — *Ни у Кулицкого, ни у кого-либо / *ни одного из его коллег не было часов; To jest patologia, a nie żadna obrona życia poczętego* ("Polityka". 1991/26) — *Это патология, а вовсе не защита жизни зародыша; Te i inne roszczenia muszą być skreślane bez żadnych rekompensat* ("Polityka". 1991/27) — *Эти и другие претензии должны быть исключены без каких-либо компенсаций*.

В русском языке подобные семантико-синтаксические процессы распространены в превентивных высказываниях, которые выражают "предостережение против действий, которые не должны совершаться преднамеренно" (Храковский 1991, 60-61), ср.: *Только скажи кому-нибудь!* ↔ *Никому не говори!*

Семантическая основа подобных выражений заключается в том, что контекстуально блокируется альтернативный возможный мир с полным вхождением исходного множества в ситуацию, а высказывания, описывающие такой альтернативный мир, нередко являются некорректными, ср.: **Słyszałam o wszystkim takim; *Przedstawiciele ministerstwa znają wszystko takie; *Słyszałam wszystko podobne*. Другими словами, абсолютная квантификация аргумента в этих случаях потенциально исключена (Киклевич 1992d, 24-25). Селиверстова пишет, неопределенное местоимение при этом имеет значение 'по крайней мере один', так что "отрицание при реализации этого значения равно отрицанию всех" (1988, 104).

3.1.5. Семантико-синтаксическая деривация как система

Рассмотренные типы семантико-синтаксических процессов КС представляют собой замкнутую симметричную систему, которую графически можно представить в виде рис. 3.1.

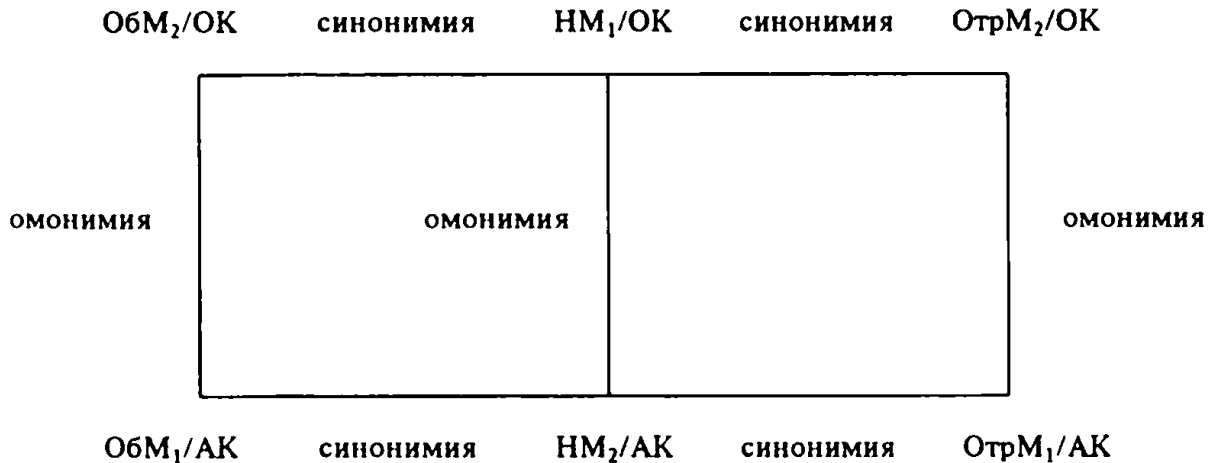

Рис. 3.1

Условные обозначения:

ОбМ ₁ /АК	каноническое (содержащее абсолютную квантификацию) высказывание с обобщающим местоимением;
ОбМ ₂ /ОК	неканоническое (содержащее относительную квантификацию) высказывание с обобщающим местоимением;
НМ ₁ /ОК	каноническое (содержащее относительную квантификацию) высказывание с неопределенным местоимением;
НМ ₂ /АК	неканоническое (содержащее абсолютную квантификацию) высказывание с неопределенным местоимением;
ОтрМ ₁ /АК	каноническое (содержащее абсолютную квантификацию) высказывание с отрицательным местоимением;
ОтрМ ₂ /ОК	неканоническое (содержащее относительную квантификацию) высказывание с отрицательным местоимением.

Данная модель представляет систему первичных и вторичных значений высказываний с КС в виде чередования синонимии и омонимии. Таким образом, тезис Карцевского о единстве синонимии и омонимии подтверждается также в области семантических операторов высказывания. Это дает основание утверждать, что при всем разнообразии лексического, грамматического и коммуникативного материала, который участвует в рассмотренных выше семантико-синтаксических процессах с КС, эти процессы в определенной мере программируются языковой системой, в частности, таким фундаментальным свойством естественного языка, как асимметрия плана выражения и плана содержания знака.

3.2. Семантическая деривация КС

Различие логики и естественного языка, как указывал Koschmider (1965, 92), заключается, помимо прочего, в том, что для логики не существует проблемы поиска значения — элементы логического словаря (предикаты, аргументы, операторы) обладают стандартными, фиксированными значениями, тогда как единицы естественного языка неизбежно характеризуются многозначностью.

Феномен полисемии, казалось бы, является фактором, который препятствует “счастливой коммуникации”, усложняет языковой код за счет нарушений прямых соответствий между планом выражения и планом содержания. Однако в действительности полисемия, напротив, сопровождается их, поскольку становится очевидной мотивировка знака (или внутренняя форма). Полисемия реализуется только в условиях ангажированности (термин Барта) языка, когда невербальные знания о среде позволяют экономить его план выражения, т.е. когда прочтение знака требует актуализации не “вертикальных” ассоциаций между звуком и образом, а “горизонтальных” ассоциаций между одним образом и другим (Киклевич 1993d, 18).

Семантическая деривация, приводящая к многозначности языковых знаков, охватывает не только единицы, которые используются в качестве конститuentов (аргументов и предикатов) высказывания, но и операторы отношений между конститuentами, что описано значительно меньше. Примерами семантической деривации местоимений могут быть высказывания: *Он вспомнил про какавшего партиица, сказавшего на собрании: “Товарищи, я не наш человек”* (Гроссман); *Он давно ушел в мир еще более тот, чем этот* (Битов); *Сколько таких, кто считает себя не такими* (“Лит. газета”. 24 октября 1984); *За наших играл или за них?* (“Лит. газета”. 5 декабря 1984), где словоформы *наш, тот, такими, за них* обладают вторичными лексическими значениями. В подобных случаях семантическая деривация реализуется в виде конкретизации значения слова (Бондарев 1978, 7; Мечковская 1988, 385), ср. также: *sat, mój* — ‘муж’, *sama, moja, twoja* — ‘жена’, и т.п. (Jodłowski 1973, 103).

Семантическая деривация охватывает также языковые единицы, выполняющие функцию квантификации. Существуют два типа деривационно-семантических процессов КС: 1) *внутрипарадигматические* (или модификации) — видоизменяющие лексическое значение в рамках категории квантификации, и 2) *межпарадигматические* (или мутации) — результатом которых является исчезновение кванторной семантики.

3.2.1. Семантическая модификация

Внутрипарадигматические процессы семантической деривации КС представлены двумя типами: 1) гиперболизацией, результатом которой является изменение значения в рамках оппозиции абсолютной — относительной квантификации, и 2) инкорпорацией, которая заключается в присоединении к количественному значению КС указания на предметную область, которая является объектом квантификации.

Свойство репрезентативности высказывания состоит в том, что в зависимости от прагматической функции (информирования, констатации, введения в заблуждения и др.) оно варьирует свое истинностное значение, которое базируется на отношении высказывания к конкретной ситуации одного из возможных миров. Так, при употреблении констативов, включающих кванторную информацию, требуется, чтобы значение абсолютной или относительной квантификации в высказывании соответствовало объему множества участников описываемой ситуации; например, высказывание *Все металлы электропроводны* истинно, а *Все металлы драгоценны* ложно.

Принцип репрезентативности, который проявляется в буквальном “прочтении” КС, может использоваться для создания юмористического эффекта в парадоксальных (аутофальсифицированных) высказываниях: *Человек все может отдать за свободу. Даже свободу* (“Лит. газета”. 20 сентября 1989); *Wszystko jest złudzeniem. Oczywiście i poprzednie zdanie* (Лес).

Однако абсолютно строгое следование принципу репрезентативности, как и вообще абсолютное языковое послушание речевых субъектов, — нечастое явление. В основе гиперболизации КС лежит психологический механизм, который Розет назвал анаксиоматизацией, это — обесценивание информации и способов выполнения действий (1977, 124). Данное явление охватывает значительное количество языковых выражений, в которых формы абсолютной квантификации не репрезентативны — они не соответствуют действительному частичному вхождению множества в ситуацию, которая описывается в высказывании. Говорящий пренебрегает точностью сообщения, он “завышает” количественную оценку ситуации, употребляя КС в условиях, которые нарушают изоморфизм между языковым содержанием высказывания и онтологическим содержанием ситуации (подобным образом регулярно употребляются и числительные, см. Kikiewicz 1996, 105–118). Приведем несколько примеров: *Все пятки, даже четверок мало! — радостно говорил Саша* (Сологуб); *У франта умерла тетка, имевшая очень много денег, еще больше веснушек и не имевшая ни одного родственника* (Олеша); — *Все болит. — Что именно? — Голова* (Разговорная речь); *Он*

объездил всю Россию; Było tam wszystko: koszmarnie nie kończące się ucieczki, w których nagle przestaje ubywać przestrzeni — wszystko to wciąż na jakichś wysokościach (Bratny); — Co tu się sprzedaje? — Wszszszysstko, wszszszysstko. Wszszszysstko co jest potrzebne do życia i do przeżycia — mówi coraz bardziej wściekła, bo wszystko to kapusta (“Polityka”. 1991/12); Jeżeli coś było źle, a staje się dobrze (czyli władza), to wszystko staje się dobrze (“Polityka”. 1992/49). В выражениях подобного типа общекванторная словоформа либо соотносится с единичным объектом, а не множеством (*все — голова, wszystko — kapusta*), либо вступает в противоречие с информацией, уже содержащейся в высказывании (*все пятерки — мало четверок; У франта была тетка — Тетка не имела ни одного родственника*).

На возможность употребления маркеров абсолютная квантификация вместо фреквентивных форм относительной квантификации указывает Откупщикова: в высказывании *Повсюду цветы, флаги, транспаранты* местоимение *повсюду* употреблено на месте фреквентивного квантора *во многих местах* (1984, 8). Ср. также: *Вот так, не ходит, не ходит, а потом всего закупит* (Петрушевская), ср.: *многого закупит; За это время у нас было все. Да, да, все! У буфетчика две тысячи рублей требовали. Посудомойку шантажировали. Стреляли...* (“Комс. правда”. 18 октября 1989), ср.: *многое было; Что это? — поинтересовался Герман, интересовавшийся всем понемногу* (“Лит. газета”. 13 апреля 1989), ср.: *интересовавшийся многим*.

Данный тип семантической модификации КС имеет прагматическое обоснование. Мечковская пишет о том, что характерным признаком развития культуры является возрастание рефлексивности речи и роли метаязыковых реминисценций (1993, 297). Однако совершенно очевидна и противоположная установка речевых субъектов — установка на профанацию (фальсификацию) мира, которая, в частности, проявляется в синдроме “бегства от референции”, ср.: *За много лет знакомства мы говорили, наверное, обо всем и только вот помним, что обо всем, а о чем — не помним* (Битов); *Ведущий. Володя, а что ты думаешь? Володя. Мне все понемногу не нравится. Ведущий. Ну что именно?.. Володя. Да не знаю я!* (“Лит. газета”. 1 января 1986); *Другой кричит: “Я — Иисусик, Молитесь мне, я на кресте, В ладонях гвозди и везде”* (Заболоцкий). Семиотическая стратегия говорящего при гиперболизации заключается в том, чтобы, используя общий квантор вместо частного, избежать повода для конкретизации множества, которая не входит в коммуникативную задачу. Мы уже отмечали, что относительная квантификация, в отличие от абсолютной, характеризуется объективной неопределенностью референтного множества индивидов, и именно эта неопределенность с точки зрения говорящего нежелательна в содержании высказывания. Таким образом, в семантической модификации КС можно усмотреть тенденцию к редукции энтропии выска-

звания, стремление речевого субъекта ограничиться минимумом референциальной информации. Общий квантор — своего рода што-ра, используя которую речевой субъект прикрывает окно в мир.

Употребление КС для “затушевывания” мира характерно для некоторых типов поэтики. “Основополагающей идеей символизма, — пишет Смирнов, — была мысль о связи всего со всем. Для символизма релевантна не какая-то особая связь, но связь как таковая. Мир панкогерентен” (1994, 405). Комментруя стихи Брюсова *Я все мечты люблю, мне дороги все речи, И всем богам я посвящаю стих*, Смирнов отмечает: “<...> ‘Я’, связанное со всеми, не в состоянии определить, с чем (или с кем) оно конкретно соотносено”.

Вполне естественно выглядят коммуникативные ситуации, в которых реципиент не удовлетворен подобным дефицитом информации о референтном множестве и стремится ее дополнить или уточнить, например: Енох. *Мне ничего не нравится*. Ева. *Печенка тебе тоже не нравится?* (Дюрренматт, пер. Марьямова); — *Gdzie pan był? — Wszędzie po trochu. — A w okolicach Obarowa?* (Andrzejewski); — *Bo to w końcu umowne. — Co umowne? — Chyba wszystko. — A zazdrość?* (Konwicki); *Ale człowiek, który nic nie potrzebuje, nie potrzebuje również pomocy, czyż nie tak?* (Stachura).

В ряде случаев семантическая модификация КС обусловлена трансформацией онтологического дискурса и представляет собой не собственно языковую, а ментальную операцию. В высказываниях типа *Все мужчины пахнут табаком* (Мориц) проявляется онтологическая аномалия, которая может быть обоснована пропозициональной установкой говорящего: *Я считаю, что все мужчины пахнут табаком*.

Криптореферентная, а именно — эвфемистическая функция языковых квантификаторов проявляется также в том, что они выступают в качестве заместителей символов, которые по тем или иным причинам табуируются говорящим, например: *А теперь, друзья, какое всюду отупенье нрава — нету женщине покоя, повсюду распущенная орава — деву за руки хватают, всюду трогают ее* (Заболоцкий); *Мать. Опомнись, что между вами могло быть!* Альдонса. *Всё* (Володин); *Швейк подошел к постели. Как-то особенно улыбаясь, она смерила взглядом его коренастую фигуру и мясистые ляжки. Затем погладила нежную материя, которая прикрывала и скрывала все, приказала строго: “Снимите башмаки и брюки”* (Гашек, пер. Богатырева); — *Ты считаешь, что это я во всем виноват? — В чем это “во всем”?* — *Ты же понимаешь* (Кинофильм “А если это любовь?”); *Ярецв вскочил на ноги с такой поспешностью, как будто ему в одно место воткнули шило* (Войнович); *Девушка юноше: — Только ничего не делай; “Jak się nazywasz, mała?” pyta on, próbując się jej pozbyć. “Lolita Ciapciak”, odpowiada ona, patrząc mu w oczy, gotowa na wszystko* (“Polityka”. 1991/41); — *Czegoż ty chcesz? — zapytała Rebeka. — Wszy-*

stkiego — odpowiedział szorstko... Słowo “wszystko” brzmiało po prostu erotyczną aluzją (Choromański). В литературе отмечается вторичное употребление отрицательного местоимения *ничто* для эвфемистического обозначения половых органов женщины — например, в названии известной шекспировской пьесы “Много шума из ничего”.

Несовпадение количественного содержания высказывания с содержанием ситуации (как она понимается речевым субъектом) является причиной прагматического недоверия субъекта к общим кванторам, которые рассматриваются как средство фальсификации истинностного значения высказывания, ср.: — *Да, я, конечно, выставил в типе Погожева все недостатки славянофилов... — Уж будто и все, — прошептал тихонько Лямшин* (Достоевский); *Я не верю в любовь к “сорока тысячам братьев”. Кто любит всех, тот не любит никого* (Мариенгоф); — *Там же все пьют! — Это слухи, — сказал я. — Все не могут пить. Дети не пьют, старухи тоже не пьют* (Житинский); *Твердишь, что хочется обнять весь мир, А хочется тебе — обнять подружку* (Ю.Ким); *Кто везде — тот нигде* (“Лит. газета”. 3 февраля 1988); *Tolstoj uciekł od smutku, Miał wszystko, więc nie miał nic* (Staff); *Widzisz: zawsze i wszędzie — to przecież to samo, co: nigdzie i nigdy* (Lem); — *To jest wszystko. — Wszystko? Wszystko zawsze znaczy najmniej* (Andrzejewski); *Wiedzieliśmy o nim wszystko, czyli nic* (Iredyński); *Kto jest wszędzie, nie ma go nigdzie* (Bunsch); *Rozumiemy wszystko, dlatego nie możemy niczego zrozumieć* (Lec). Ср. также устойчивое сочетание *везде и нигде*, которое обозначает отсутствие конкретной локализации события или серии событий.

При семантической инкорпорации КС, сохраняя свою количественную семантику, дополнительно указывают на исходное множество индивидов, которое находится в сфере действия квантификации. Рассмотрим высказывания: *Что делаем? Ничего не делаем... Книжку вслух читаем* (Шпаликов); — *А что здесь было, в этом подвале? — Ничего. Песок, мусор и вода по колена* (“Правда”. 2 января 1981); — *Что у вас говорят про его?.. — Да ничего не говорят — нету его* (Шукшин); — *Куда собралась, мамаша? — Куда? Никуда!* (Мишин); *О чем они? Не знаю. Ни о чем* (Кушнер). Здесь отрицается участие в ситуации множества, которое по своему содержанию не совместимо с данной ситуацией, а ситуация в целом оценивается как не отклоняющаяся от нормы, ср.: *Ничего не делаем ↔ Ничего особенного, экстраординарного не делаем*.

Отрицательное местоимение может также инкорпорировать характеризующий исходное множество семантический признак ‘то, что является опасным, угрожающим’, например: *Ничего с вами не будет* (Достоевский), ср.: *Ничего страшного с вами не будет; Ничего, побьем друг друга — земля освободится* (Горький), ср.: *Ничего страшного — земля освободится*. В подобном употреблении встречаются и обобщающие местоимения, например: *...Пришел в гостиницу — со-*

вершенно разбитый, больной и готовый, как говорится, ко всему (Пантелеев), ср.: *готовый ко всему худшему*. Нередко в такой инкорпоративный комплекс входит и предикативная семантика — эквивалентом отрицательного местоимения является в этом случае выражение с глаголом осуществления события *Ничего опасного, угрожающего не происходит/не произойдет*, например: *Ничего, что мелкий дождь смочил одежду* (Кузмин); — *Не осуждайте меня. — Ничего, — добродушно улыбнулся король* (Аверченко); *В литературе этого делать нельзя, а в кино, ничего, можно* (Антониони, пер. Двин).

Семантическая инкорпорация характеризует также КС в составе ряда фразеологических сочетаний, например: *судя по всему ↔ судя по всем имеющимся фактам, данным, свидетельствам, показаниям; брать всем ↔ иметь все достоинства; всего! ↔ всего хорошего; каждому — свое ↔ каждый человек имеет свой вкус или свои интересы; nie mieć nic do czegoś ↔ nie mieć żadnych pretensji do czegoś; nie mieć nic przeciwko komuś ↔ nie mieć względem kogoś żadnych zarzutów; nie mieć w sobie nic z tego ↔ być pozbawionym wszelkich wspólnych cech; zostać bez niczego ↔ zostać bez żadnych środków do życia; nic z tego nie będzie ↔ nic dobrego, udanego z tego nie będzie; mieć czas na wszystko ↔ mieć czas na wszystko, co dotyczy obowiązków i rozrywek; mieć dosyć wszystkiego ↔ mieć ponad miarę wszystkiego gorszego, co było w życiu; plunąć na wszystko ↔ zrezygnować z wszystkich obowiązków i spraw; pozwalać komuś na wszystko ↔ zbyt pozwalać komuś na wszystkich nieodpowiedzialnych działaniach; stawiać wszystko na jedną kartę ↔ ryzykować wszystkim, co się ma; wydawać wszystko ↔ wydawać wszystkie pieniądze, cały dochód; przysięgać na wszystko ↔ przysięgać na wszystkie najważniejsze rzeczy; wszystko idzie po staremu ↔ wszystkie sprawy układają się po staremu; wszystko przepadło ↔ całe wydarzenie nie jest osiągalne; wszystko w porządku ↔ wszystkie sprawy układają się dobrze; mimo wszystko ↔ wbrew wszystkim pozorom; jest do wszystkiego ↔ jest wszechstronnie zdolny; mieć wszystko ↔ mieć wszystko, co jest potrzebne.*

3.2.2. Семантическая мутация

Межпарадигматические процессы приводят к исчезновению количественной семантики КС и появлению у них лексических значений, которые характерны для единиц полнозначных частей речи — существительных, прилагательных, наречий, глаголов. В зависимости от того, какое типовое значение выражает семантически преобразованный квантор (предметное, качественное, акциональное, обстоятельственное), можно различать несколько видов семантической мутации КС: субстантивацию, адъективацию, адвербиализацию, вербализацию и др. (примером подобного подхода к

интерпретации семантической деривации КС для нас послужила, в частности, работа: Jodłowski 1973).

Основой семантической мутации КС являются нарушения различных дистрибутивных свойств квантификации, прежде всего — множественности, субстанциальности, экзистенциальности, релевантности и определенности. Отрицательные местоимения приобретают вторичную семантику, главным образом, в высказываниях без отрицания пропозиционального предиката, хотя иногда это возможно и в отрицательных высказываниях (Křížková 1968, 30; Киклевич 1990с, 118); Обобщающие местоимения испытывают семантическую деривацию преимущественно в сочетаниях с абстрактными и собственными именами. Сферой регулярного переносного употребления КС является также фразеология.

3.2.2.1. Субстантивация КС

Субстантивация КС проявляется в семантике предметности, в видоизменениях морфологической парадигмы и дистрибутивных признаков, а также семантической функции в высказывании. Последний признак является, пожалуй, наиболее очевидным: субстантивированные КС выполняют в высказывании семантические функции аргументов, а не операторов отношений между аргументами и высказыванием. Например: *Никуда выгибается пленка на орбите его круговой* (Тарковский) — КС *никуда* может быть прочтено как 'в пустоту', его семантическая функция является директивной. Аналогичные примеры: *Ohok drogi. prowadzącej donikąd zebrał się niewielki tłum* (Konwicki); *Z głową łabędzio przechyloną nad brzegiem dymiącego kubka skierowała oczy nigdzie* (Lem). В ряде случаев субстантивированные КС обладают также семантической функцией предиката, ср.: *Для нового пополнения они стали ничто* (Солженицын).

Дистрибутивным проявлением субстантивации КС является возможность их сочетаемости с прилагательными, а также (в рамках сочинительной конструкции) с существительными, например: *Ku ziemi przypadłe obliczem mrą w hańbie prochem i niczem* (Wyspiański); *Эти математические связи существовали сами по себе в пустом ничто* (Гроссман).

В большинстве приведенных выше примеров отрицательное местоимение, которое употребляется в высказывании с положительным качеством предиката, может быть отождествлено с существительными *пустота*, *вакуум*. Дополнительным маркером субстантивации в подобных случаях является сочетаемость адвербиальных отрицательных местоимений с предлогом *в* — по аналогии с сочетанием *в пустоту*, ср.: *Его дорога в никуда И в никогда — и не дорога* (Глазков); *Как все волшебники, он исчез в никуда* (Ушаков); *Надоело критиковать ведомства за скверную технику и каналы в никуда*

(Черниченко).

Невербальным средством выражения субстантивированности в письменном тексте могут использоваться кавычки, например: *Эмигрантская судьба сделала Набокова выбитым из жизни, причем выбитым в “никуда”*. (“Лит. газета”. 15 февраля 1989).

Характерный для русского языка порядок следования компонентов в синтагматической группе Part_{neg} + Pгаер + Pгон (*ни для кого, ни во что, ни с кем*) в результате семантической деривации отрицательного местоимения изменяется на Pгаер + Part_{neg} + Pгон (Ермакова 1969, 89), например: *Вот здесь соединяются все противоречия и превращаются силой моей мысли в ничто* (Платонов); *Между совершенно плоским небом и плоской землей — дым, уходящий в ничто* (Рейснер); *И льется смолкой, сам себе не веря, Из ничего, из нити, из темна* (Мандельштам). Эта характеристика не относится к отрицательным местоимениям в польском языке, которые независимо от прямого или переносного употребления построены по модели Pгаер + Part_{neg} + Pгон, ср.: *Czemu czcigodny ojciec nie chce z nikim rozmawiać?* (Andrzejewski); — *Po co ci widelec, chmyzie? — zapytał. — Po nic* (Iredyński).

Сферой употребления отрицательных местоимений в значении ‘пустота’ является фразеология, например: *pójść na nic, wszystko na nic* — *исчезнуть, прекратить существование*.

Общим семантическим свойством отрицательных местоимений со значением ‘пустота’ является то, что они употребляются в высказываниях с положительным качеством предиката, хотя в отдельных случаях подобная семантическая деривация реализуется и в контексте отрицательного предиката (Киклевич 1990с, 119), например: *Groźba ochlokracji nie wzięła się znikąd* (“Polityka”. 1991/20) — *Угроза охлократии не возникла из пустоты*; *To swego rodzaju satysfakcja, że nie była to droga donikąd* (“Polityka”. 1991/45) — *Это не была дорога в пустоту*.

Существительное *пустота* является шифтером (индексальным знаком), объем значения которого зависит от контекста употребления (см. раздел 2.2.4.1.7). Эта семантическая характеристика относится и к отрицательным местоимениям, которые употребляются в значении ‘пустота’ — референциальное содержание этой лексемы в разных контекстах варьируется, например: *Хотелось изобрести им золото. И только. Тогда как Резерфорд ничто изобретет* (Матвеева); *Сделав тихое лицо, говорил никому: “Здрасьте...”* (Н.Булгаков); *В степь, в никуда убежали евреи* (Соболь); *И на дым летучий, на ничто пала человеческая тень* (В.Соколов), где местоимения *ничто, никому, в никуда, на ничто* соотносятся с разными представлениями о пустоте — как об отсутствии макрообъектов, как об отсутствии общества, как об отсутствии жилья, как об отсутствии твердых предметов и т.д.

В польском языке для выражения семантики пустоты исполь-

зуется также производная от *nic* лексема *nicość*: *Taka odprawa oznaczała skazanie na nicość* (Капуściński); *Tylko wzgardliwym śmiechem należy strącić w nicość obietnice Nowego Ładu* (Lem); *Wiadomo, że władza upaja i pociąga, że prowadzi na pomniki i do mauzoleum, na szafot lub w nicość* ("Polityka". 1991/19).

В противоположность *ni*-словам обобщающие местоимения во вторичной семантической функции употребляются как символы онтологической неограниченности с семантическим признаком 'универсум, полнота'. Например: *Мы всеохватны. В нас всё.* ("Лит. газета". 25 октября 1989); *"Setka" w ogóle stała się tak symboliczna, że z czasem zaczęła po prostu oznaczać "wszystko", stała się symbolem całości* ("Polityka". 1991/13). *Всё* как символ универсума занимает важное место в ряде философских и мифопоэтических концепций, например, у Стачуры: *Człowiek-nikt wie wszystko. To wszystko jest niewyczerpalne w swojej wszystkości... Niechaj ten, kto szuka... zdumieje się i zdobędzie władztwo nad Wszystkim.*

В некоторых выражениях обобщающие и отрицательные местоимения противопоставляются своими вторичными значениями — как символы полноты и пустоты, реальности и ирреальности, материальности и идеальности: *Obejmę całe moje życie, Aby zatęsknić za wszystkim i niczem* (Staff); *Kochał moje wszystko i moje nic* (Kuncewiczowa); *Tak wiele jest wszystkiego, że Nic jest całkiem zasłonięte* (Szymborska); *И подстегивает интерес все устроить из ничего* (Рейн).

В ряде случаев субститутами отрицательных местоимений могут быть именные словосочетания типа *незначительное лицо, незначительный предмет/факт, не заслуживающее внимания событие*, в содержании которых имеется семантический признак уничижительности, например: *Понятия, которые в его жизни были чем-то ценным и важным, превратились в ничто* ("Огонек". 1989/52), ср.: *превратились в то, что не имеет значения*; *Ponieważ w sezonie ogórkowym nie ma o czym pisać, pisze się o niczym* (Pilch), ср.: *pisze się o rzeczach nie wartych uwagi*; *Czas dla niego niczym*, ср.: *Czas dla niego nie jest istotną rzeczą.*

Отрицательные местоимения с грамматическим признаком одушевленности (например, *nikto*) содержат деминутивную оценку лица, ср.: *Я никто; у нас партия — вот лицо!* (Платонов); *Звони министру речного флота — министр тебе и поможет. А я теперь — никто* (Конецкий) — *Вы кто? — Никто, пенсионеры мы* ("Лит. газета". 11 апреля 1990). Однако грамматическая оппозиция кванторов *nikto* и *niczto*, *nikt* и *nic* по признаку одушевленности в случае их семантической мутации может нейтрализоваться, ср.: *Byłem niczym — jedenastolatkiem, który wprawdzie przepływał rzekę podczas powodzi* (Broszkiewicz), где неодушевленное местоимение *niczym* имеет значение 'незначительное лицо'. То же самое наблюдается в высказываниях:

Mój ojciec był bohater, a my jesteśmy nic (Wyspiański); *Zrobił wreszcie karierę — niczym był, a jest zerem* (Czarny). Другой грамматической особенностью семантически преобразованных КС может быть потеря ими форм падежа, например: *И рассказчики переходят на шепот, потому что вслух говорить об этом "ничто" было бы просто неприлично* ("Комс. правда". 24 августа 1983).

Семантический компонент 'незначительное лицо' имеется в содержании некоторых устойчивых сочетаний с отрицательными местоимениями, например: *zdawać się / przydawać się na nic, być za nic, nic robić z kogoś, niby nic*.

В сочетаниях семантически трансформированного подобным образом отрицательного местоимения с предлогом частица занимает интерпозицию, ср.: *Мол, как это государственному у маленького человека, у ничто?!* ("Лит. газета". 3 августа 1983).

Уничижительная оценка объекта может дублироваться в значении отрицательного местоимения и существительного, что составляет основу семантической избыточности текста, например: *Я этого, маленькая, не знаю: я ничто* (Платонов), ср.: *маленькая — ничто; И тут-то они с Марфой начисто сгорели... И стали голода, ничто* (Солженицын), ср.: *голода — ничто; Остальные люди перед ним — ничто, пшик, чепуха, бред собачий* (Голявкин), ср.: *ничто — чепуха*.

Другой элемент связности текста — сопоставление объектов с точки зрения их значимости в рассматриваемой области, при этом отрицательное местоимение характеризует объект с меньшей степенью престижности: *То, со може для niej uczynić, jest w ogóle niczym w porównaniu do tego, co ona sama robi dla niego* (Terlecki); *Сталин — он никто по сравнению с ними* ("Огонек". 1989/39).

Негативная оценка значимости объекта в содержании отрицательных местоимений коррелирует с семантикой пустоты: объект, лишенный некоторого позитивного признака, т.е. отсутствующий в некотором интервале абстракции, может рассматриваться и как онтологическая лакуна — он, как это ни парадоксально, совпадает с границами пространства, в котором, с точки зрения носителя языка, ничего нет. В этом смысле весьма показательной кажется характеристика, данная Гоголем одному из своих персонажей: *прореха на человечестве*.

В противоположность отрицательным, субстантивированные обобщающие местоимения могут выражать семантический признак экстремальности — высокой или максимальной степени значимости объекта, например: *Пушкин — это наше все* (Григорьев), ср.: *Пушкин является наиболее значительной нашей ценностью; Для меня машинка — все, последнее* (Битов), ср.: *Машинка для меня является самой важной вещью*.

Признак экстремальной значимости объекта содержится также в некоторых высказываниях с переносным употреблением не-

определенных местоимений, например: *Oni nie byli kimś sami z siebie. Byli widoczni dla ludu tylko tak długo, dopóki oświetlał ich blask monarszej korony* (Капуściński); *Ford to był ktoś* (Bratny); *Wysiadł z pociągu jak rychły zwycięzca, z upartą ambicją stania się "kimś"* (К. Brandys); *Być docentem — znaczyło być kimś* ("Tygodnik Powszechny". 1996/22), где словоформам *kimś* и *ktos* следует приписать значение 'значительное лицо'.

С точки зрения оценки значимости объекта обобщающие и отрицательные местоимения могут противопоставляться в одном и том же высказывании или связном тексте: *Когда человек принужден сказать: Я ничто — он этим самым говорит: Бог есть все* (В. Соловьев); *Polityk wczoraj był wszystkim — dziś jest niczym* (Passent).

Приведем также примеры субстантивированных КС, которые имеют другие значения:

— 'неизвестный, неопределенный предмет/лицо', например: *Owo nie mające nazwy "coś" pociągnęło za sobą świadomość Heliodora* (Parnicki); *Nie bój się chodzenia po morzu... czekania na nikogo* (Twardowski); *Он с легким и радостным сердцем влезет в рот широкого нечто и раздерет его в кровь* (М. Булгаков); *И все посмотрели в постель и увидели, что простыня, материя будущего, уж и не простыня вовсе и не материя будущего, а нечто* (Е. Попов). В подобном переносном употреблении, которое характерно для неопределенных местоимений, КС могут сочетаться с именами собственными, ср. *Приходил некто Воропаев* = 'Приходил человек по фамилии Воропаев, и этот человек мне не известен';

— 'человек, не имеющий близких, родственных отношений к рассматриваемому лицу', например: *"Она вам никто!" — уверенно говорит паспортный стол. "Она нас в войну спасла", — отвечает семья* ("Лит. газета". 15 февраля 1989);

— 'положение, течение дел', например: *Как твое ничего?, ср.: Как твои дела?*

— 'конец', например: бел. *Яшчэ пайду вады прынясу і будзе ўсё* (Крапіва), ср.: *Прынясу вады і будзе канец*;

— 'ожидаемый результат', например: *To nie prowadzi donikąd*, ср.: *To nie ma oszpekiwanej perspektywy; Это ничего не даст*, ср.: *Это не приведет к желаемому результату*.

3.2.2.2. Адъективация КС

Адъективация КС заключается в их переходе в разряд прилагательных. При этом КС приобретает качественный признак, нередко — относящийся к привативной или градуальной оппозиции. Наиболее типичными являются следующие семантические признаки адъективированных КС:

— ‘положительный, полноценный’, например: *Да у него винтовка не хуже моей и конь как будто ничего* (Соболь), ср.: *Конь у него хороший; А на вид будто ничего* (Пастернак), ср.: *На вид — хороший;*

— ‘обладающий отрицательными качествами, плохой, негодный, неполноценный’ (см.: Пеньковский 1988, 65), например: *А нервы у нас никуда* (Бунин), ср.: *Нервы у нас плохие; Старик был никаким изобретателем — он был художник...* (А. и Б. Стругацкие), ср.: *Старик был плохим изобретателем; Молодым уже действовать пора, а они еще никакие* (“Огонек”. 1990/26), ср.: *А они еще слабые, негодные;*

— ‘неопределенный’, например: *Jeżeli pojawiła się krytyka czy wątpliwości — były mdłe i nijakie* (“Polityka”. 1989/2), ср.: *Były nieokreślone; Ręce powędrowały po lekkim, nijakim ciele* (Nowakowski), ср.: *Ręce powędrowały po ciele, które nie miało określonej formy; Подполковник Котов... ничуть не злой и ничуть не добрый, вообще никакой — сидел за столом* (Солженицын), ср.: *Полковник был в неопределенном настроении;*

— ‘полный, абсолютный, совершенный’, например: *Będziemy je wykorzystywali w całej głębi wszystkich ich sensów* (“Tygodnik Powszechny”. 1992/48), ср.: *Będziemy wykorzystywali w absolutnej, pełnej ich głębi; Трудность заключается в том, что можно сказать всю правду, но наврять в пропорциях* (Аверинцев), ср.: *Можно сказать полную, абсолютную правду;*

— ‘небольшой, незначительный’, например: *Он испытывает некоторые трудности*, ср.: *Он испытывает небольшие трудности; Zaczęło się od małego, nijakiego zdarzenia* (Капуściński), ср.: *Zaczęło się od nieznacznego, drobnego zdarzenia;*

— ‘настоящий, действительный, аутентичный’, например: *Ech! Cały z pana złodziej*, ср.: *Pan jest prawdziwym złodziejem;*

— ‘абсолютно похожий’, например: *Cały ojciec*, ср.: *Jest zupełnie podobny do ojca;*

— ‘неполный’, например: *W niecałe cztery lata po tej uchwale państwo polskie przestało istnieć* (“Tygodnik Powszechny”. 1991/18), ср.: *Через неполных четыре года польское государство перестало существовать;*

— ‘состоящий из молока, риса, желтка, сахара и ванилина’, видимо, имеется также периферийный семантический признак ‘постный’, ср.: *zupa nie*.

3.2.2.3. Адвербиализация КС

Адвербиализация КС — переход в класс наречий, где для них характерно выражение общекатегориального для наречий признака действия (или, в современной терминологии, предиката второго порядка).

Одно из типичных лексических значений адвербиализованных КС — значение степени, например: *A całej zjednoczonej niemieckiej potęgi nie wystarczy* (Parnicki); *Mimo całej urazy i niechęci do stryja, nie mógł nie pomyśleć o nim teraz jak najżyczliwiej* (Parnicki). В подобных выражениях КС выступают как носители высокой степени наличия/отсутствия признака, ср.: *Zjednoczonej niemieckiej potęgi wcale nie wystarczy*; *Mimo że miał dużą urazę i niechęć do stryja, nie mógł nie pomyśleć o nim jak najżyczliwiej*.

Отсутствие кванторной семантики в подобных выражениях проявляется, в частности, в том, что обобщающее местоимение нельзя заменить маркером относительной квантификации, например: *Całym rozmachem goniącego ciała wali w czarną postać* (Parnicki), ср.: **Częścią rozmachu / niektórym rozmachem ciała wali w czarną postać*; *Вся отсталость этих районов обусловлена традицией*, ср.: **Часть отсталости этих районов обусловлена традицией*.

В семантической структуре сочетаний КС с абстрактными именами содержится третий компонент — пропозициональный субъект, выраженный притяжательным или относительным прилагательным, притяжательным местоимением или формой косвенного падежа существительного. Ср рассмотренные выше примеры: *całej niemieckiej potęgi*; *całej (mojej) urazy*; *całym rozmachem ciała*; *вся отсталость районов*. Подобные синтаксические структуры представляют собой результат номинализации глагольного предиката и компрессии высказывания, ср.: *Niemcy były bardzo potężne*; *Miałem bardzo dużą urazę*; *Ciało miało duży rozmach*; *Эти районы очень отстали*.

Семантика интензивности распространена также в устойчивых сочетаниях с адвербиализованным КС, например: *изо всех сил — очень стараться, напрягаться*; *вставать во весь рост — подниматься очень высоко*; *все глаза проглядеть — очень долго смотреть*; *во всю мочь/во весь дух/во весь опор — очень быстро*; *со всего размаху — очень сильно*; *zjeść wszystkie rozumy — bardzo mądry*; *na całe gardło — bardzo głośno*; *o całe niebo (przewyższać się) — bardzo (przewyższać się)*; *na całą okolicę — bardzo obszernie*; *całą parą / całym pędem — bardzo szybko*; *całą pierś — bardzo głęboko*; *całą duszą — bardzo szczerze*; *całymi godzinami — bardzo długo*; *na całej linii — zupełnie*; *na całego — intensywnie, pełną parą* и др. Эта же семантика характерна для сочетаний типа *без всякого/какого-либо сожаления*, *без всякой/какой-либо цели*, *без всякого/какого-либо интереса*.

Семантика степени является также вторичной функцией некоторых отрицательных местоимений, например: *Nic by to nie pomogło* (Boy), ср.: *Wcale by to nie pomogło; Tak, nic nie można odpocząć* (Iredyński), ср.: *Wcale nie można odpocząć; Nic się nie zmienił — zawolałem* (Breza), ср.: *Wcale się nie zmienił; Nic a nic nie był do siebie podobny* (Kapuściński), ср.: *Wcale nie był do siebie podobny; Воды мне ничего не помогли* (Гоголь), ср.: *Воды мне совершенно не помогли; — Как ты смел карандашом мазать!.. — Ничего я карандашом не мажаю* (Сологуб), ср.: *Я вовсе не мажаю; — Да, тонкое наблюдение!.. — Ничего не тонкое!* (В.Попов), ср.: *Совсем не тонкое*. Для русского языка, по сравнению с польским, подобное употребление субстантивных отрицательных местоимений в целом менее характерно.

Существуют КС, для которых переносное употребление является основным, например, местоимение *никакой*. Нельзя, однако, согласиться с мнением Бондарева, что *никакой* — экспрессивно-оценочное прилагательное, “бывшее местоимение” (1978, 4) — все-таки оно функционирует и как КС, причем его кванторная семантика является первичной, ср.: — *Вы знаете какие-нибудь работы по детской психологии?* = ‘Существуют ли работы по детской психологии, которые вы знаете’ — *Нет, не знаю никаких* = ‘Не существует работ по детской психологии, которые бы я знал’.

Переносное значение ‘полное отсутствие признака’ КС *никакой*, которое Гуревич трактует как “общеотрицательную модальность” (1989, 100) и которое манифестируется также лексемами *вовсе, совершенно, совсем* и др., реализуется обычно в высказываниях с единичными аргументами (нередко такому употреблению местоимения сопутствует эллипсис предиката), например: — *Рано ты поставил крест на себе... Но никакого креста я на себе не чувствовал* (Бунин), ср.: *Креста на себе я вовсе не чувствовал; Фронта не было. Вообще не было. И быта никакого* (Шкловский), ср.: *Быта совсем не было; Роскоши никакой, зато полно реклам* (В.Некрасов), ср.: *Роскоши совершенно нет*. Замена *никакой* другим маркером квантификации влечет некорректность высказывания: **Я не ставил на себе ни одного креста/всех крестов*.

Одним из синтаксических типов высказываний, в которых регулярно наблюдается адвербиализация отрицательного местоимения *никакой*, являются предложения тождества, например: *Это никакая не музыка, а просто скандирование* (“Лит. газета”. 10 января 1990); *To żaden zaszczyt, może nawet wstyd* (Parnicki); *To żadna sztuka bronić prawa do krytyki gospodarczego programu rządu czy złej polityki obronnej* (“Polityka”. 1991/2); *Tutaj nagość to żaden parytas* (Hen); *Do roku 1956 jej wyniki są żadne* (“Tygodnik Powszechny”. 1992/7); *Przy naszej inflacji nawet trzy i pół miliona to nie są żadne pieniądze* (Mroźek); *To nie jest żaden paradoks* (“Polityka”. 1992/32); *To nie są żadne powody*

(“Polityka”. 1993/18); *To nie megalians, żaden gest litości ani dobra wola* (“Polityka”. 1991/9).

В польском языке, помимо синтаксических моделей типа Quant – S – Part_{neg} – VF, встречаются и другие синтаксические типы высказываний с переносным употреблением отрицательных местоимений: Pron_{dem} – Part_{neg} – Quant – S – VF или VF – S₁ – Konj_(a) – Part_{neg} – Quant – S₂, например: *To nie żadna architektura* (Kunczewiczowa); *Właśnie przemysłowiec, kupiec, a więc żaden księżę czy magnat* (Breza); *Jest to gotowość przyjęcia władzy przez “Solidarność”, a nie żadna koalicja* (Passent). В восточнославянских языках подобные синтаксические конструкции построены иначе – они требуют либо переноса отрицания к предикату, либо замены отрицательного местоимения на неопределенное, ср. бел.: *Гэта ніякая не архітэктара; Гэта купец, а не які-небудзь князь / Гэта ніякі не князь, а купец.*

Переносному употреблению *никакой, żaden* способствует его сочетаемость с абстрактными существительными – при этом нарушаются дистрибутивные свойства множественности, экзистенциальности и определенности, ср.: *Nie łączy ich już nic w żadną całość* (Lost); *One są w ciąży i nie widzę żadnego wyjścia* (“Polityka”. 1993/1); *Но то, чего на этом свете нет, Не поддается никакому счету* (Плисецкий); *Официальные профсоюзы не пользуются никаким доверием народа* (“Лит. газета”. 2 августа 1989). При этом, как правило, сопутствующими компонентами являются экзистенциальный предикат и отрицание, например: *нет, не имеется, не было*, ср.: *И за кратким детским удовольствием самостоятельного устройства с тоскою понял, что никакого одиночества нет* (Битов); *Я верила, что в словах Венедикта не было никакого лукавства* (Алфеева).

Одной из коммуникативных характеристик подобных конструкций с семантической деривацией КС является перформатив несогласия с полученным сообщением. Ср.: — *А вдруг у него сотрясение мозга! “Дудки!” — подумал Незнайка. — Никакого сотрясения мозга у меня нет* (Носов). В высказывании *Дергай теперь не дергай — никакого взрыва не будет* (“Лит. газета”. 7 октября 1990) местоимение *никакой* вводится на фоне пресуппозиции *Ожидается, что будет взрыв*. Высказывание в этом случае выступает как антитезис в системе интеррогативной коммуникации. Иногда антитезис может сопровождаться тезисом, т.е. принадлежащей тому же коммуниканту положительной версией ситуации, например: *Никакая это не испанка — это грипп* (“Знамя юности”. 21 января 1992); *В сущности, это была никакая не улица, а всего лишь глухой тупик* (Амаду, пер. Богданковского). Подобным образом может также функционировать субстантивное отрицательное местоимение, например: — *Ależ głupstwo, towarzyszu generale... — Nic nie głupstwo* (Putrament); — *Но позвольте, Григорий Борисович... — Ничего не позвольте* (Штейнберг).

Переносное значение адъективных отрицательных местоимений реализуется и в сочетаниях с именами собственными, которые имеют единичную референцию, например: *Никакая Европа не помешала ей сослать Радищева* (“Огонек”. 1989/52), ср.: *Европа вовсе не помешала ей сослать Радищева; Никакой Маркс и никакие марксисты не могли этого предвидеть* (“Комс. правда”. 17 января 1990), ср.: *Маркс совершенно не мог этого предвидеть. Никакой* может даже составлять синтагматическую группу с личным местоимением в единственном числе, ср.: *Никакого “меня самого” и нет помимо самой жизни* (“Лит. газета”. 24 января 1990), ср.: *Меня самого вовсе нет помимо самой жизни*.

В отдельных случаях, хотя и достаточно редко, *никакой* употребляется без кванторной семантики и в сочетании с множественным аргументом, например: *Однако он увидел, что, во-первых, билеты никакие не продаются, да и кассы-то никакой нету* (Е. Попов), ср.: *Вопреки ожиданию, билеты вовсе не продаются и кассы вовсе нет; Никаких пролетариев, которым нечего терять, кроме своих цепей, сегодня в мире нет* (Конечский), ср.: *Вопреки ожиданиям, пролетариев, которым нечего терять, кроме своих цепей, сегодня в мире вовсе нет; Это есть атомизация общества, при которой никто... не имеет никаких корней* (Аверинцев), ср.: *Никто совершенно не имеет корней; Żona nigdy nie czytała żadnych podręczników rozpusty* (Broszkiewicz), ср.: *Żona wcale nie czytała podręczników rozpusty; Żadnych wątpliwości nie miał Aleksander* (“Polityka”. 1991/16), ср.: *Aleksander wcale nie miał wątpliwości; Listy nie miały żadnych skutków praktycznych* (“Polityka”. 1993/19), ср.: *Listy wcale nie miały skutków praktycznych*.

Некоторые сочетания с адвербиализованными отрицательными местоимениями *никакой, żaden* носят устойчивый характер, например: *не обратить никакого внимания, не иметь никакого отношения, не иметь никакого понятия, нет никакой разницы, нет никакого дела, нет никаких забот, нет никакой возможности, nie sprawia żadnych trudności, pod żadnym pozorem* и др.

Помимо значения высокой и абсолютной степени признака адвербиализованные КС выражают также ряд других значений:

— ‘в небольшом количестве, в небольшой степени’ (как вторичная семантическая функция неопределенных местоимений), например: *Daj mi cokolwiek tego jadła*, ср.: *Daj mi trochę tego jadła; Cokolwiek więcej*, ср.: *Trochę więcej; Sygnały zaczęły cokolwiek uciszać się*, ср.: *Sygnały zaczęły nieco uciszać się; Liznęło się tam tego co nieco*, ср.: *Trochę tego się liznęło*;

— ‘положительным образом, достаточно хорошо’ (как вторичная семантическая функция отрицательных местоимений), например: *Скажи, ты здоров ли, болен? А выглядишь ничего* (Слуцкий), ср.: *Выглядишь неплохо; — Тебе ничего было? — Ничего, — сказала Настя*

(Платонов), ср.: *Тебе хорошо было?; — А как ты относишься к абстрактной живописи? — Ничего отношусь* (Битов), ср.: *Отношусь неплохо; Całe szczęście, że nie jestem jednym z tych dziennikarzy* (“Polityka”. 1992/16), ср.: *Dobrze, że nie jestem jednym z tych dziennikarzy;*

— ‘приблизительно’ (как вторичная семантическая функция неопределенных местоимений), например: *W ciągu 4 miesięcy z około 6000 więźniów zostało coś około 500–600* (“Polityka”. 1989/38), ср.: *Zostało z grubsza około 500–600 więźniów;*

— ‘бесплатно, дешево, по низкой цене’ (как вторичная семантическая функция отрицательных местоимений), например: *Dziwkom branzoletki rozdawałem za nic* (Nowakowski), ср.: *Branzoletki rozdawałem za darmo;*

— ‘надолго’ (как вторичная семантическая функция отрицательных местоимений), например: *Ta uczta się odwlekała na święte nigdy,* ср.: *Uczta się odwlekała na długo;*

— ‘без причины, неожиданно’ (как вторичная семантическая функция отрицательных местоимений), например: бел. *Без нічога ніякага пакінула мужа,* ср.: *Нечакана пакінула мужа; Бригадзір аблаяў яго за нішто,* ср.: *Брыгадзір безпадстаўна аблаяў яго;*

— ‘категорически, безусловно’, (как вторичная семантическая функция обобщающих и отрицательных местоимений), например: *О том, что посудомойка и сегодня стоит на их лестнице — никак нельзя было ему признаться* (Солженицын), ср.: *Ему решительно нельзя было признаться; Gotowi mi się tu wszyscy na kark zwalić jak nic,* ср.: *Niewątpliwe, że są gotowi się zwalić mi na kark* Ср также фразеологизмы *никак нет, ничего не скажешь, w każdym razie* и др.;

— ‘не меньше’ (как вторичная семантическая функция обобщающих местоимений), например: *Проселками до станции будет все 20 километров,* ср.: *Проселками до станции будет не меньше 20 километров;*

— ‘суммарно’ (как вторичная семантическая функция обобщающих местоимений), например: *Всего будет проведено шесть таких сеансов* (“Лит. газета”. 18 октября 1989), ср.: *В сумме будет проведено шесть сеансов; To hulaszczе życie trwało wszystkiego cztery dni* (Lem), ср.: *To hulaszczе życie trwało w sumie/w całości cztery dni;*

— ‘безрезультатно’ (как вторичная семантическая функция отрицательных местоимений), например: *Pojechałbym na nocleg do Paruża i znów skończyłoby się na niczym* (Lem), ср.: *Skończyło by się bez skutku; Ну и тут дело как-то свелось на ничего* (Гоголь), ср.: *Дело закончилось безрезультатно; Хорошо, что все это скоро прошло и разрешилось ничем* (Достоевский), ср.: *Разрешилось безрезультатно.*

3.2.2.4. Вербализация КС

Вербализация КС приводит к появлению у них лексической и синтаксической семантики, характерной для глаголов. Нередко вербализация сопровождается сентенциализацией — когда КС выступает знаком ситуации.

Наиболее характерным для семантической деривации этого типа является переносное значение лимитативности — законченности ситуации во времени и/или пространстве, которое выражают обобщающие местоимения, например: *Пришибить его и все* (Гроссман), ср.: *Пришибить его и на этом закончить дело*; *Даже не будешь мучать себя вопросами — сольешься и все* (Аксенов), ср.: *Сольешься и все сомнения закончатся*; *Мясо всё. На витрине только то, что осталось от ветеранов* (Разговорная речь), ср.: *Мясо закончилось*; *Петька Чапаеву: — Василий Иванович, рыба-то вся! — Ладно, жарь всю* (Анекдот), ср.: *Запас рыбы кончился*; *А я думал, тебе уже все* (Войнович), ср.: *Я думал, что ты уже мертв*.

Языковыми формами, которые могут обуславливать подобную интерпретацию обобщающих местоимений, являются частицы *вот, уже, наконец*, отсутствие глагольного предиката, финальная позиция в линейной структуре высказывания, а также некоторые синтаксические модели, например: *Вот и все кино*; *Вот и вся история*; *Вот и вся любовь*; *Вот и все дела*. Существительное в подобных выражениях имеет сентенциальное значение (ср. *кино* в значении ‘кинотеатр’), а их общее содержание можно отразить как ‘В данный момент времени ситуация или серия ситуаций завершается’.

Семантику лимитативности манифестируют также некоторые устойчивые сочетания с КС, например: *cała rzecz, jest po wszystkim*.

Напротив, при отрицании подобного рода единиц выражается семантика незавершенности события, ср.: *Nosić strój Ekscelencji to jeszcze nie wszystko* (Mrozek), где *nie wszystko* означает, что ситуация *Być Ekscelencją* не реализовалась. Аналогичные примеры: *Reakcja premierowej widowni to jeszcze nie wszystko* (“Polityka”. 1992/16); *Молодость — это еще не все* (“Огонек”. 1990/26).

Другое значение, которое является результатом сентенциализации КС, — ‘отсутствие негативного эффекта воздействия на объект или положение дел’, например: *Wszyscy się przestraszyli, a on nic*, ср.: *A on się nie przestraszył*; ...*Тот смешался, весь покраснел, производил головою отрицательный жест и наконец уже выразился, что это сущее ничего...* (Гоголь), ср.: *Выразился, что это его не беспокоит*; *Нам это ничего* (Платонов), ср.: *На нас это не оказывает отрицательного воздействия*. Ту же семантику регулярно выражают *нипочем, nic i nic, i nic, a nic, na nic*, например: *Бури ему нипочем*, ср.: *Он не боится бурь*; *Biuro studiów ostrzy już zęby, a ty nic i nic* (Kuśniewicz), ср.: *A ty nie*

reagujemy na to; "Solidarność" została zlegalizowana w porozumieniu Okrągłego Stołu. I nic ("Polityka". 1989/15), ср.: *Ale to nie miało efektu; Tyle roboty na nic* (Hłasko), ср.: *Tyle roboty bez skutku*.

Следует отметить, что в подобных высказываниях предполагается отсутствие эффекта именно целенаправленной деятельности субъекта, а не стихийного события, поэтому некорректны выражения типа: **Cała burza na nic*.

Вербализованные КС могут обозначать также индетерминированность — отсутствие взаимодействия между объектом и ситуацией, между несколькими объектами или между несколькими ситуациями. Для этого, например, регулярно используется сочетание *ни при чем*, ср.: *Как раз в этой смерти советская действительность, вероятно, ни при чем* (Г.Иванов), ср.: *Советская действительность не имеет отношения к этой смерти; Стало быть, пресловутая Зинаида, сказал Чинариков, — положительно ни при чем* (Пьецух), ср.: *Зинаида не имеет отношения к этой ситуации*. Элиминация объекта или ситуации из причинно-следственного ряда содержательно близка отсутствию эффекта воздействия, ср.: *Эта смерть не является эффектом воздействия советской действительности*. Различие данных семантических признаков состоит только в том, что в одном случае актуализировано указание на объект, который выполняет действие, а в другом случае — указание на объект, который испытывает воздействие. Семантику индетерминированности в польском языке выражается отрицательным местоимением *nic*, ср.: *Nic tu po was — Ваше участие в этой ситуации не обязательно/нежелательно; Mnie tam nic do nich — Я не имею к ним отношения*.

Широко распространенными маркерами индетерминированности, в содержание которых иногда входит также семантический компонент индифферентности, являются сочетания *все равно; wszystko jedno*, например: *To zresztą w gruncie rzeczy wszystko jedno: drąży czy grąży* (Kuśniewicz), ср.: *Drąży czy grąży — ten fakt nie zmienia przebiegu sytuacji*. Семантику индетерминированности и индифферентности сочетают в себе также высказывания с некоторыми неопределенными местоимениями, например: *Верим так, как школьники верят в существование какой-нибудь Америки* (Шаламов), ср.: *Как школьники верят в существование Америки или других ненаблюдаемых объектов; Почему ты голоден? Съел бы какой-нибудь коржик*, ср.: *Съел бы коржик или другое съестное*. В этом же значении могут употребляться и местоимения других классов, например: *Teraz wszyscy chodzą w dzinsach, jak w Warszawie czy innym Paryżu* ("Polityka". 1989/51-52); *Wręcz śmiesznie mało w porównaniu z taką Francją* ("Życie Warszawy". 1 ноября 1988); *Założmy, że Wajda, Kieślowski albo inny Machulski zechce dziś nakręcić film o Polakach szczęśliwych* ("Polityka". 1992/34).

Индетерминированность может в некоторых случаях интерпретироваться как идентичность, что проявляется в высказываниях типа: болг. *Като ми цалуна ръка, все едно, че на майка ти ще цалуна ръка*, где *все едно* выполняет семантическую функцию предиката тождества.

К сфере вербализации КС относятся также значения:

— ‘не известна причина’, например: *Что-то дует в щели*, ср.: *Странно, что дует в щели*; *Coś nie przychodzą gości*, ср.: *Nie wiem, dlaczego nie przychodzą gości*;

— ‘не следует, нет смысла, не является целесообразным’, например: *Только нечего зря распаляться* (Окуджава), ср.: *Не следует зря распаляться*; *Нам ни к чему здесь оставаться*, ср.: *Нет смысла нам здесь оставаться*;

— ‘отсутствовать’, например: *Papierów jakby nie, ср.: Papierów jakby nie ma*.

3.2.2.5. Другие типы семантической мутации КС

Результатом семантической деривации КС может быть их употребление как аналогов рестриктивных частиц *только, лишь* и т.п., например: *Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы* (Гоголь), ср.: *Приезжий делал не только пустые вопросы*; *Наташа. У вас такое большое общество, я смущена ужасно...* Ольга. *Полно, у нас всё свои* (Чехов), ср.: *У нас только свои*; *Вся причина пропаганды в том, что народ можно поддеть на вопросе о малоземелье* (Кони), ср.: *Причина пропаганды только в том, что народ можно поддеть на вопросе о малоземелье*. Одним из условий подобной реализации обобщающих местоимений является наличие в высказывании семантики единичности или семантики малого количества, например: *Всей мебели был один фанерный дырявый шкаф* (Битов), ср.: *Из мебели был только фанерный дырявый шкаф*. Переносному значению этого типа способствует также сочетаемость обобщающего местоимения с абстрактным существительным, например: *Вся трудность заключается в том, что мы не знакомы с новой технологией*, ср.: *Трудность заключается только в том, что мы не знакомы с новой технологией*; *Nana. Nie jesteś jeszcze piękny. Опусу. То cała przyczyna?* (Мрожек), ср.: *Tylko to jest przyczyną?* В восточнославянских языках это значение выражается местоимениями типа *всего, всего-навсего*, в том числе и в сочетаниях с числительными, например: *У нас ведь всего одна комната* (А.Ким), ср.: *У нас лишь одна комната*. Реже то же значение выражают неопределенные местоимения, например: *За какой-нибудь век люди справились с этим пространством* (Битов), ср.: *Только за один век люди справились с этим пространством*; *Кажет-*

ся, будто пролетело каких-нибудь две недели ("Лит. газета". 21 ноября 1989), ср.: *Кажется, будто пролетело только две недели.*

В некоторых выражениях обобщающее местоимение и рестриктивная частица составляют один комплекс, например: *Надо всего лишь обратиться к первоисточникам* (Левиков).

Имеется ряд выражений с семантикой ограниченности, в которых, однако, невозможна непосредственная замена обобщающего местоимения рестриктором, например: *Całego czytania jest na dziesięć minut* (Hen), ср.: *Czytania jest tylko na dziesięć minut i nie więcej*; *Całą jego pociechą religia*, ср.: *Tylko religia jest jego pociechą*; *Pokój miał za całe oświetlenie dwa kandelabry*, ср.: *Tylko dwa kandelabry oświetlały pokój*; *Вот и вся его вина была* ("Лит. газета". 1 августа 1990), ср.: *Его вина состояла только в этом.* В отдельных высказываниях КС и маркер рестриктивности составляет единый комплекс с общим содержанием, например: *Za całe pożyczenie przyjął tylko mleko.*

Семантика рестриктивности обобщающих местоимений коррелирует с семантикой индетерминированности, ср.: *Она — просто меняется, и все* (Битов), ср.: *Она только просто меняется, и ничего другого не происходит*; — *Идемте, Галина Сергеевна, сегодня в кафе. Кофе поьем... — И все?* (Маринин), ср.: *Только кофе поьем и ничего другого делать не будем?* Иногда в подобных случаях употребляется выражение *только и всего*, например: *Испортили мне настроение, только и всего* (Житинский).

Семантика ограниченности может сопровождаться, помимо значения завершенности ситуации, также семантикой малого количества, например: *Все наше знакомство на этом закончилось*, ср.: *Наше непродолжительное знакомство только в этом и заключалось.*

В других случаях рестриктивное содержание КС дополняется семантикой категоричности, например: *Я был уверен, что она там, и все* (Битов), ср.: *Я был уверен в том, что она там и только там*; *Церковь отделена от государства, и все* ("Сов. культура". 10 февраля 1990), ср.: *Церковь, безусловно, отделена от государства.*

Отдельную сферу переносного употребления КС составляют выражения с семантикой противопоставления, где обобщающие местоимения (нередко в сочетании с частицами *же, таки* и т.п.) выступают как аналоги сочинительных союзов *но, однако, тем менее* и др., например: *Как ни старается, а все же уступает профессионалу* — *Как ни старается, однако уступает профессионалу.* С той же семантической функцией может употребляться и сочетание *все равно*, ср.: *Он все равно сделает по-своему — А он сделает по-своему*; однако такое употребление не свойственно польскому *wszystko jedno*, ср.: **On wszystko jedno robi po swojemu.*

В польском языке (на что наше внимание обратила Гюлу-

мянц) семантику уступительности иногда выражает темпоративный квантор *zawsze*: *Książę zlecił tu opiekę nad córką... Dziesiąta woda po kisielu. No, ale zawsze* (Breza), ср.: *и тем не менее*; *Ma chleb trochę wprawdzie ościsty, ale zawsze chleb* (Konopnicka), ср.: *но все-таки хлеб*; *Beata zgubiła rękawiczki. Pomyślałam, że może zostawiła je u was. Mała nadzieja, ale zawsze* (Lewandowska), ср.: *но все-таки*.

Кванторное местоимение *niczym* функционирует также как аналог сравнительного союза, например: *Zarzeka się niczym żaba błota*, ср.: *Zarzeka się jak żaba błota*.

КС могут выполнять в высказывании коммуникативно-экспрессивную функцию, например: *Буханки-то все черствые* (с усилительным значением); *Nie taki on znowu był młody ten cały Włodek* (с экспрессивно-оценочным значением). *Ничто* в некоторых диалектах употребляется как вопросительная частица, например: *Ничто буханки черствые?*, ср.: *Неужели буханки черствые?* В конструкциях типа “*весь этот* + пейоративное существительное” КС усиливает негативную оценку предмета или явления: *Я знал также, что его раздражала вся эта возня с ними* (Миллер, пер. Куберского).

3.3. Семантическая актуализация КС в тексте

В соответствии с условием дескриптивности, как указывалось в разделе 1.1.3.6, для реализации квантификации требуется обязательное наличие исходного множества индивидов того или иного таксономического вида, количественное ограничение которого в ситуации, описываемой высказыванием, составляет семантическую функцию КС. Соотнесенность КС с денотативной семантикой аргументов, к которым они применяются как специфические определители, некоторые исследователи называют семантизацией (Добрева, Савова 1987а, 87–91). Более предпочтительным нам, однако, представляется термин *семантическая актуализация КС*, потому что, именно присоединяясь к аргументам, они реализуют в структуре коммуникативных единиц значения, которые составляют ядро языковой программы их потенциального употребления. Как каждая лексическая единица языка, КС обладают значением “до востребования”, которое актуализируется только благодаря их семантическому контакту с аргументами и на фоне семантического отношения между аргументом и высказыванием в целом. Под типами семантической актуализации КС, которые являются объектом исследования в данной части книги, понимаются способы экспликации информации об исходном множестве индивидов в поверхностно-синтаксической и глубинно-семантической структуре высказывания с КС.

Исследователи выделяют несколько таких типов. Так, Паду-

чева различает в этой области синтаксическое подчинение словоформ, денотативные взаимоотношения аргументов, функциональную перспективу высказывания и др. (1979, 77). Добрева, Савова относят к средствам определения предметной области значения связанной квантором переменной 1) использование зрительного восприятия объекта, 2) указание пространственных координат объекта посредством мыслительных операций, 3) локализацию высказывания в коммуникативной ситуации, 4) указание границ речевого акта, 5) контекст (1987а, 87-91).

В данной работе предлагается иной подход, в соответствии с которым все факторы, которые обуславливают семантическую актуализацию КС, дифференцируются в зависимости от принадлежности к уровню языковой системы. Мы будем различать актуализацию КС 1) на уровне слова, 2) на уровне синтагмы, 3) на уровне высказывания и 4) на уровне текста.

3.3.1. Актуализация КС на уровне слова

Семантическая актуализация КС на уровне слова наблюдается в составе композитов типа *ежегодный, ежеквартальный, каждодневный, всенародный, всемирный* и др., описанных в разделе 2.2.3. Первая часть сложного слова выражает кванторную семантику, вторая — характеризует исходное множество, ср.: *ежегодный* = 'повторяющийся каждый год', где исходное множество характеризуется свойством 'быть периодом времени, равным году'.

В составе композитов названного типа указание на базовое множество индивидов достигается употреблением корневых морфем. В польском языке существует и аффиксальный способ семантической актуализации КС. В высказываниях с формой глагола 1-го или, реже, 2-го лица множественного числа прошедшего времени, а также с формой 1-го или, реже, 2-го лица множественного числа настоящего времени глагола *być* его окончание может присоединяться к форме КС, например: *Przez ciebie wszyscyśmy zabili* (Nowak), ср.: *Przez ciebie wszyscy zabiłiśmy* или *Myśmy wszyscy przez ciebie zabili*; *Wszystkieśmy takie* (Hen), ср.: *Wszystkie jesteście takie*. Указание на исходную предметную область в этих случаях реализуется с помощью глагольных окончаний *-śmy, -ście*, которые по содержанию совпадают с личным местоимением 1-го или 2-го лица множественного числа *my, wy*.

3.3.2. Актуализация КС на уровне синтагмы

Семантическая актуализация КС на уровне синтагмы осуществляется благодаря непосредственной синтаксической связи КС с аргументом. При этом КС может занимать синтаксическую позицию зависимого (например: *каждый человек, все птицы, некоторые философы*) или главного (например: *некоторые из философов, никто из друзей, один из них*) члена синтагмы.

При неограниченной (генерической) актуализации КС квантифицируется генерическое множество, которое совпадает с областью значения переменной, а при ограниченной (референтной) актуализации КС – множество, объем которого уже области значения переменной (Добрева, Савова 1987b, 376; Дюкро 1982, 264; МакКоли 1983, 180; Lalewicz 1972, 155). В первом случае КС применяется к символу множества, а во втором – к символу подмножества.

В выражениях с неограниченной квантификацией для определения области применения КС достаточно рамок синтагмы, а именно – лексического значения синтаксически связанного с КС имени, а в выражениях с ограниченной квантификацией для актуализации КС рамок синтагмы недостаточно и необходима дополнительная лексическая информация. Рассмотрим высказывания: *Все вопросы являются общими или частными; Референт ответил на все вопросы.* В первом выражении КС *все* определяет объем исходного множества, которое задано с помощью словоформы *вопросы*, ср.: 'Для всех x -ов, которые являются вопросами, верно, что они являются общими или частными'. Второе выражение не может быть интерпретировано по той же схеме, трансформация 'Для всех u -ов, которые являются вопросами, верно, что x , который является референтом, ответил на y ' лишь частично отражает смысл базового выражения. Высказывание *Референт ответил на все вопросы* следовало бы прочесть как 'Для всех u -ов, которые являются вопросами, такими, которые были заданы x -у, который является референтом, верно, что x ответил на y '. В этом случае исходное множество характеризуется не только дескрипцией *вопросы*, которое составляет часть синтагмы *все вопросы*, но и дескрипцией *заданные рецензенту*, которая выявляется благодаря анализу семантической (как в рассматриваемом случае) или поверхностно-синтаксической структуры высказывания, как, например, в выражении *Референт ответил на все заданные ему слушателями вопросы.* Уточнение исходного множества в поверхностно-синтаксической структуре высказывания достигается с помощью разного рода распространителей существительного: морфологизованных и неморфологизованных атрибутов, придаточных предложений, например: *Тщательно проверялась каждая написанная или переписанная страница* (Рисс); *Студентка изучила*

все новые работы по биохимии; Студентка изучила все работы, рекомендованные научным руководителем.

Под термовой актуализацией КС будем понимать их применение к аргументу — символу термового множества, а под дескриптивной актуализацией — применение КС к аргументу — символу дескриптивного множества (различие данных типов множеств см. в разделе 1.1.2.3), например: *Все точно с цепи сорвались — кухонные мальчишки, купцы, инородцы* (Бабель); *Все дети наделены воображением*.

В высказываниях с сочинительной конструкцией КС может выполнять функцию так называемого обобщающего члена. При этом его семантическая актуализация может варьироваться, ср.: *Продавец ни разу в жизни не подарил ни одного шара: ни красного, ни желтого, ни синего* (Олеша); *Конечно, об этом я думал всегда — и днем и ночью, и во сне и наяву* (Воробьев). В первом высказывании исходное множество задается неопределенной дескрипцией *шар*, которая характеризует множество в целом, и группой дескрипций *красный, желтый, синий*, которые характеризуют его отдельные подмножества. Второе высказывание содержит лишь дескриптивные характеристики элементов множества: *ночь, день, сон, явь*.

Нельзя согласиться с мнением Розиной, что КС “служит заменой наименования в тех случаях, когда в силу малой семантической общности существительных, объединенных сочинением, это наименование не может быть найдено” (1982, 147), Ср.: *Drzewo jest samotne i dlatego jest, i jest społeczne, gdziekolwiek jest: czy to w miejskim parku, czy to w wiejskim lesie, czy to w otwartym polu, czy to na brzegu eki, czy to na szczytach górskich: wszędzie* (Stachura). В данном высказывании имеется общий для всех компонентов сочинительного ряда семантический признак ‘часть ландшафта’ (что отражает свойство лексико-семантической близости словоформ, характерное для сочинения в целом).

Обычно обобщающий член в высказываниях с сочинительной связью обозначает свойство, характерное для всех перечисляемых элементов (Gramatyka 1984a, 323). Это правило сохраняется и в высказываниях с дескриптивной актуализацией КС — обобщающего члена сочинительного ряда. Даже в тех случаях, когда дескрипция, характеризующая множество, в поверхностно-синтаксической структуре высказывания отсутствует, указание на множество не ограничивается только его поэлементным представлением. Например: *Wyruszamy w kosmos, przygotowani na wszystko, to znaczy, na samotność, na walkę, męczeństwo i śmierć* (Lem). Квантифицируемое множество в приведенном выражении состоит из элементов, которые обозначаются существительными *samotność, walka, męczeństwo, śmierć*. Оператор конкретизации *to znaczy* относится не непосредственно к КС *wszystko*, а к характеристике множества, которая имеет

дескриптивную природу и которая осуществляется благодаря наличию семантических отношений между компонентами внутри высказывания (роль этих отношений для семантической актуализации КС будет описана далее), ср.: *Wyruszamy w kosmos, przygotowani na wszystko, co nas w kosmosie czeka, to znaczy, na samotność, walkę, męczeństwo i śmierć.*

Дополнительная дескриптивная характеристика исходного множества в высказываниях с КС — обобщающим членом может быть объективной или коммуникативной. В первом случае актуализируются свойства множества, проявляемые им в одном из возможных миров. Во втором случае множество задается с помощью делиберативного глагола или указательного местоимения как то, что было упомянуто, ср.: *Dziedzictwo historii, wojna, komunizm — wszystko to demoralizowało pokolenie za pokoleniem* (“Тыгодник Powszechny”. 1992/28), где *wszystko to* может быть интерпретировано как *wszystko to, co zostało wymienione*. В высказывании *Nie było świeckiej filozofii rosyjskiej. Sołowiow, Bierdiajew, Frank — wszyscy są religijni* (“Тыгодник Powszechny”. 1991/47) однородный ряд *Sołowiow, Bierdiajew, Frank* содержит, скорее всего, указание на подмножество множества русских философов, а высказывание в целом может быть интерпретировано как *Sołowiow, Bierdiajew, Frank — wszyscy wymienieni rosyjscy filozofowie i inni są religijni*.

Смешанная (дескриптивно-термовая) актуализация КС наблюдается также в высказываниях с рестрикторами *кроме, в том числе, даже, poza, w tym, nawet* и др., например: *Там, куда смотрел Вася, не было видно ничего, кроме потемок* (Чехов); *Na świecie nie dzieje się nic, poza mordami, gwałtami, porodami sióstr syjamskich oraz dzieci o dwóch mózgach* (“Polityka”. 1992/46). С одной стороны, в семантической структуре высказывания имеется дескриптивное указание на множество, ср.: *ничего из множества предметов, которые были там и żadne poważne wydarzenie*, а с другой стороны, названы входящие в это множество объекты, которые не участвуют в ситуации: *потемки; mordy, gwałty, porody sióstr syjamskich oraz dzieci o dwóch mózgach*.

Высказывания с КС и эксклюзивным рестриктором содержат семантику абсолютной квантификации, иначе они некорректны, например: **Пришли некоторые мои сотрудники, кроме Петровой*. В высказываниях *Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя* (Гумилев); *Такой вывод едва ли кто-нибудь кроме недоброжелателей Октября подтвердит* (“Лит. газета”. 17 января 1990), несмотря на наличие неопределенных местоимений *что-нибудь* и *кто-нибудь*, выражается абсолютная квантификация (явления подобного рода описывались в разделе 3.1.4), ср.: *Ты не хочешь верить ни во что кроме дождя; Такой вывод никто, кроме недоброжелателей Октября, не подтвердит*.

3.3.3. Актуализация КС на уровне высказывания

Семантическая актуализация КС на уровне высказывания регулируется пресуппозитивным содержанием коммуникативных единиц. Например: *Доброй свинье все впрок*, где отсутствует лексическая экспликация исходного множества, зато учитывается пресуппозиция *Существует то, что дают свинье в пищу*. Экзистент этой пресуппозиции *то, что дают свинье* совпадает с характеристикой исходного множества, ср.: *Доброй свинье все, что дают ей в пищу, идет впрок*.

Можно выделять несколько видов пресуппозиций, реализующих семантическую актуализацию КС на уровне высказывания.

В приведенном выше высказывании актуализируется пресуппозиция экзистенциально-фактуального типа, содержанием которой является существование объектов, характеризующихся по их участию в ситуации, отличной от той, которую описывает ассертивное выражение. Основным пресуппогенным компонентом при этом является предикат. Рассмотрим несколько примеров: *Дениска, прислушивавшийся к их разговору и ничего не понявший, встряхнул головой и, приподнявшись, стегнул по обеим гнедым* (Чехов), пресуппозиция *Существовало то, о чем они говорили*, ср.: *Дениска, ничего не поняв из того, о чем они говорили, стегнул по обеим гнедым*; *Некогда очень красивые глаза привыкли все принимать как должное* (Зайцев), пресуппозиция *Существует то, что происходит вокруг*, ср.: *Глаза привыкли принимать все то, что происходит вокруг, как должное*, *Им столько лет ormai, что мы ничему не верим* ("Соп культура". 7 апреля 1990), пресуппозиция *Существует то, что нам говорят*, ср.: *Мы не верим ничему из того, что нам говорят*; *Человек может лишиться всего* ("Лит. газета". 25 июня 1990), пресуппозиция *Существует то, что имеет человек*, ср.: *Человек может лишиться всего того, что он имеет*; — *Саша, вам сутана идет. — Мне все идет* (Разговорная речь), пресуппозиция *Существует то, что я надеваю*, ср.: *Мне идет все, что я надеваю*.

Семантическое правило, согласно которому осуществляется актуализация КС в высказываниях с экзистенциально-фактуальными пресуппозициями, заключается в том, что КС должно занимать в структуре высказывания синтаксическую позицию того компонента, который выступает экзистентом пресуппозиции. Так, в высказывании *Из похода вернулись все* КС *все* занимает приглагольную позицию, которую потенциально может занять субъект экзистенциально-фактуальной пресуппозиции *Существовали такие, кто участвовал в походе*, ср.: *Из похода вернулись все те, кто участвовал в походе*.

Элиминирование из поверхностно-синтаксической структуры высказывания лексических маркеров исходного множества (типа

те, кто участвовал в походе) связано с тенденцией к экономии речевых средств, ведь с семантической точки зрения такие маркеры уже запрограммированы в лексическом содержании глагола и их дублирование целесообразно только из стилистических соображений.

В некоторых высказываниях КС занимает потенциальную позицию субъекта экзистенциальной пресуппозиции, а характеристическим признаком квантифицируемого множества выступает факт существования его элементов в одном из возможных миров. Например: *Ликург приказал тщательно сверить все варианты драматических произведений* (Рисс), пресуппозиция *Имелись варианты драматических произведений*, ср.: *Ликург приказал тщательно сверить все имеющиеся варианты драматических произведений*; *Этот кабинет неизменно состоял из бесчисленного количества папиросных мундштуков всех форм и величин* (Кони), пресуппозиция *Существуют всевозможные формы и величины мундштуков*, ср.: *Кабинет состоял из бесчисленного множества мундштуков всех существующих форм и величин*; *Morze zaś tonęło we wszystkich odmianach błękitu* (Terlecki), пресуппозиция *Istnieją (różne) odmiany błękitu*, ср.: *Morze zaś tonęło we wszystkich istniejących odmianach błękitu*; *Ta książka spełniła wszystkie warunki sukcesu* ("Polityka". 1992/28), пресуппозиция *Istnieją warunki sukcesu*, ср.: *Ta książka spełniła wszystkie istniejące warunki sukcesu*; *Rozejrzeć się po okolicy i jednak odlecieć na północ, gdzie wszystko czeka w podnieceniu* (Каруściński), пресуппозиция *Tam coś jest*, ср.: *Gdzie wszystko, co tam jest, czeka w podnieceniu*.

Следующий тип имплицитной информации о референции связанного квантором аргумента — экзистенциально-обобщающие пресуппозиции. В содержание субъекта таких пресуппозиций входит семантика одного из конституентов высказывания, чаще всего — предиката, например: *В этот период он все делал невпопад* (Пастернак), пресуппозиция *Существовало то, что он делал*, ср.: *В этот период он делал все, что он делал, невпопад*; *Ничто не бросают так царственно, как фольгу от шоколадки*, пресуппозиция *Существует то, что бросают*, ср.: *Ничто из того, что бросают, не бросают так царственно, как фольгу от шоколадки*; *Он всегда обедает в ресторане*, пресуппозиция *Существуют интервалы времени, когда он обедает*, ср.: *Всегда, когда он обедает, он делает это в ресторане*; *Uszer określał wszystko bezbłędnie* (Hen), пресуппозиция *Istniało to, co określał Uszer*, ср.: *Wszystko, co Uszer określał, on określał bezbłędnie*; *Romaniszyn zwykł był rzetelnie prowadzić wszystkie sprawy* (Lost), пресуппозиция *Istniały sprawy, które prowadził Romaniszyn*, ср.: *Romaniszyn zwykł był rzetelnie prowadzić wszystkie sprawy, które prowadził*; *Wszystko dzieje się jak najlepiej* ("Tygodnik Powszechny". 1993/23), пресуппозиция *Coś się dzieje*, ср.: *Wszystko, co się dzieje, dzieje się jak najlepiej*.

Реже в содержании исходного множества дублируется семантика одного из аргументов, например: *Свободный разговор всегда мечется* (Сологуб), пресуппозиция *Существуют отрезки времени, когда ведется свободный разговор*, ср.: *Всегда, когда ведется свободный разговор, он мечется*.

Свойством пресуппогенности обладают не только лексические, но и грамматические значения, что достаточно слабо изучено в литературе. На семантическую актуализацию КС влияют компаративные пресуппозиции, которые обусловлены грамматической категорией степени прилагательных и наречий. Пресуппозиции такого типа содержатся в высказываниях *Иван рисует хуже Петра*, пресуппозиция *Иван рисует; Петр рисует; У Ивана самая дорогая машина*, пресуппозиция *У других тоже есть машины*.

Сочетание формы сравнительной степени с обобщающим местоимением, как указывалось в разделе 1.2.2, равнозначно форме превосходной степени, ср.: *богаче всех — самый богатый*. Высказывания с подобными сочетаниями обладают однотипными пресуппозициями, ср.: *Макар в этой деревне самый богатый* и *Макар в этой деревне богаче всех* имеют пресуппозицию *Существуют другие люди, которые живут в этой деревне*. Если КС занимает потенциальную позицию субъекта градуальной пресуппозиции, то эта пресуппозиция выступает характеристическим признаком квантифицируемого множества, ср.: *Макар в этой деревне богаче всех* = 'Для каждого *x*-а, который является человеком, таким, который является жителем этой деревни, верно, что Макар богаче *x*-а'. Ср. аналогичные примеры: *Плохая — не плохая жена, а ближе всех* (Солженицын) — ...*Ближе всех других людей, с которыми поддерживаешь отношения; Журналисты во многих случаях напоминают пожарников, которые мчатся, завидев дым, быстрее всех* ("Огонек". 1989/49) — *Мчатся, завидев дым, быстрее всех других, кто мчится на пожар*.

Пресуппогенной является также грамматическая категория времени глагола. Семантическая актуализация КС может быть также осуществляться благодаря наличию в содержании высказывания темпоральных пресуппозиций, которые обусловлены грамматическими значениями времени, например: *Мы никогда не увидимся*, пресуппозиция *Существуют моменты времени, относящиеся к будущему*, ср.: *Мы никогда в будущем не увидимся; Мы никогда не встречались*, пресуппозиция *Существуют моменты времени, относящиеся к прошлому*, ср.: *Мы никогда раньше не встречались*.

В высказываниях с частицами *уже, еще* в рестриктивно-темпоральном значении для характеристики исходного множества темпоральные пресуппозиции актуализируются вместе с экзистенциально-фактуальными и экзистенциально-обобщающими пресуппозициями, например: *Город никогда еще так сильно не преображался*, ср.: *Раньше, когда город преображался, он никогда не преображался*

так сильно, как сейчас.

Характеризация предметной области квантификации реализуется также с помощью модально-обобщающих пресуппозиций, содержание которых включает семантику пропозиционального предиката и алетической или деонтической модальности. Рассмотрим несколько примеров: *Люди давно на свете живут и все уже выдумали* (Платонов), пресуппозиция *Существует множество того, что можно выдумать*, ср.: *Люди уже выдумали все то, что можно выдумать*; *Побываем всюду, а потом осядем по-хорошему в Самаре, подле своего заводика, и наливочку будем распивать* (Ильф, Петров), пресуппозиция *Существует множество мест, где можно побывать*, ср.: *Побываем всюду, где только можно побывать*; *Ради того, чтобы исполнилась эта мечта, я сделаю все!* (Олеша), пресуппозиция *Существует множество того, что можно сделать для исполнения этой мечты*, ср.: *Ради того, чтобы исполнилась эта мечта, я сделаю все, что можно сделать*; *Как легко разучиться думать, когда можно говорить все!* (“Студ. меридиан”. 1990/2), пресуппозиция *Существует то, что хочется сказать*, ср.: *Как легко разучиться думать, когда можно говорить все, что хочется сказать*.

В подобных выражениях чаще всего актуализируется модальная семантика возможности (как в приведенных выше примерах), высказываний со значением необходимости в нашем материале меньше, ср.: *Наготове все запасы — крови, брони и свинца* (Окуджава), пресуппозиция *Существуют необходимые запасы*, ср.: *Наготове все необходимые запасы*; *Но kloкочущий забиячный возраст требовал действия! Время уходит — не сделано ничего* (Солженицын), ср.: *Не сделано ничего из того, что следовало сделать*.

В высказывании *Это значит — можно все, что можно* (Самойлов) эллиптирован пропозициональный предикат, а модальное слово *можно* выступает в двух разных значениях: деонтической модальности разрешения и алетической модальности потенциальности, ср.: *Это значит, разрешается делать все то, что можно делать*.

3.3.4. Актуализация КС на уровне текста

Область применения КС определяется также на уровне текста, причем существует несколько видов такой актуализации КС.

Когда позиция связанного аргумента является незамещенной, важнейшую роль в семантической актуализации КС играет условие коммуникативной определенности (предупомнутости) исходного множества, ср.: *На площади появились демонстранты. Некоторые держали в руках плакаты* = ‘Некоторые из тех, кто упомянуты, т.е. демонстранты, несли в руках плакаты’. Фактор определенности при отсутствии лексической экспликации исходного множества обуславливает семантическую повторяемость в

тексте, которая, в свою очередь, влияет на его связность. В микродискурсе **На площади появились демонстранты. Все были нарезаны мелкими дольками* предупомянутость исходного множества отсутствует, что отражается в отсутствии семантической повторяемости и связности микродискурса.

При семантической актуализации КС в тексте учитываются также селективные признаки компонентов высказывания, прежде всего — предиката. Ср. микродискурсы: *Девушки ехали на лошадях. Все громко разговаривали* и *Девушки ехали на лошадях. Все были гнедой масти*. В первом случае исходное множество характеризуется дескрипцией *девушки*, а во втором случае — дескрипцией *лошади*, ср.: *Все девушки громко разговаривали* и *Все лошади были гнедой масти*. Данное различие актуализации КС все обусловлено тем, что субъекты в высказываниях *Все громко разговаривали* и *Все были гнедой масти* обладают селективными признаками 'быть человеком' и 'быть лошастью', которые обусловлены лексическим значением предикатов *разговаривать* и *быть гнедой масти*. Эти селективные признаки могут быть определены и с помощью теоретико-множественных понятий. В высказывании *Все громко разговаривали* имеется актуальное множество {те, кто громко разговаривал}, а в высказывании *Все были гнедой масти* — актуальное множество {те, которые имели гнедую масть}. Семантическая актуализация КС реализуется благодаря наличию в тексте лексических элементов, которые имеют общие с актуальным множеством содержательные признаки, ср.: {девушки} — {те, кто громко разговаривал} — 'одушевленность'.

Семантическую актуализацию КС в тексте, которая обусловлена фактором семантической повторяемости его лексических компонентов, будем называть *анафорической*. Приведем ряд подобных примеров семантической актуализации КС в тексте: *Только к вечеру... я застал его (Шатова. — А.К.) дома. К удивлению моему у него сидели гости — Алексей Нилыч и еще один незнакомый мне господин, некто Шигалев... Еще с лестницы слышно было, что они разговаривают очень громко, все трое разом* (Достоевский), ср.: *Было слышно, что все трое, т.е. Шатов, Алексей Нилыч и Шигалев, громко разговаривают; Там сидят мужики по лавкам — все наряженные в сукно* (Корнилов), ср.: *Все мужики, сидящие на лавках, наряжены в сукно; За огромным столом — Борис, его жена Зинаида Николаевна, Ахматова, артист Ливанов, Федин, Нейгаузы, какой-то начинающий поэт Андрюша... Начинаящий поэт Андрюша глядел всем по очереди в рот* ("Лит. Россия". 11 марта 1988), ср.: *Начинаящий поэт Андрюша глядел всем, т.е. Борису, его жене, Ахматовой, Ливанову, Федину, Нейгаузам, по очереди в рот*.

К анафорической актуализации КС в тексте следует отнести и немногочисленные случаи *катафоры*, когда незамещенная

позиция связанного аргумента восполняется семантической связью с консеквентом кореферентного отношения, ср.: *Sama teraz się dziwię, że tak długo nie podejrzewałam niczego* (Grodzieńska; начало рассказа “*Opowiadanie z grozą*”), где характеристика множества является делиберативным объектом, который конкретизируется в дальнейшем повествовании. Weinlich считает, что КС имеют различную предрасположенность к анафорической и катафорической актуализации в связанном тексте (1976, 216).

Отсутствие лексического дескриптора исходного множества в высказываниях с анафорической актуализацией КС является одним из элементов экономии речевых средств, которая в данном случае регулируется коммуникативной импликатурой: *При отсутствии прямого указания на множество имеется в виду множество, которое упомянуто в тексте, и если бы имелось в виду другое множество, оно было бы специально обозначено.*

При пресуппозитивной актуализации КС в расчет принимается содержательно-подтекстовая информация (термин Гальперина 1981, 28). Ср. высказывания: — *А если съесть рыбу с запахом нефти? — Ничего гарантировать нельзя; — А если сказать начальнику, что я о нем думаю? — Ничего гарантировать нельзя; — А если прийти в красном костюме и желтом галстуке? — Ничего гарантировать нельзя.* Одно и то же КС *ничего* в высказываниях с одним и тем же лексическим составом имеет, однако, различную семантическую актуализацию, которая обусловлена различными пресуппозициями, имеющимися в содержании каждого микродискурса, ср.: — *А если съесть рыбу с запахом нефти?*, пресуппозиция *Употребление в пищу рыбы с запахом нефти может иметь негативные последствия для здоровья*; *А если сказать начальнику, что я о нем думаю?*, пресуппозиция *Информирование начальника о том, что я о нем думаю, может иметь негативные последствия для карьеры*; *А если прийти в красном костюме и желтом галстуке?*, пресуппозиция *Приход в красном костюме и желтом галстуке может иметь негативные последствия для репутации.* Эти пресуппозиции и учитываются при семантическом наполнении связанного аргумента, ср.: *Ничего из множества негативных последствий для здоровья, которые возможны, если употреблять в пищу рыбу с запахом нефти, гарантировать нельзя.*

Ср. также: *После приземления я узнаю, что во время четвертой грозы разбился какой-то туристский самолет. Погибли все* (Антониони, пер. Двин), где актуализируется пресуппозиция *В самолете находились экипаж и пассажиры-туристы*, ср.: *Погибли все, кто находился в самолете, т.е. экипаж и пассажиры-туристы; Что у вас в карманах? Выньте все*, где актуализируется пресуппозиция *Существуют предметы, которые находятся у вас в карманах*, ср.: *Выньте все, что находится у вас в карманах.*

При ситуативной актуализации КС в тексте использует-

ся информация о том событийном ряде, в который входит ситуация, описываемая высказыванием с КС. При декодировании текста реципиент осуществляет поиск аргумента, который имеет общие лексико-семантические признаки с актуальным множеством, ср. (пример Вольф): *Подходит поезд. Все бегут ему навстречу*, где высказывание с КС может быть прочтено как *Все ожидающие бегут ему навстречу*. Общим семантическим компонентом актуального множества {те, кто бежит навстречу поезду} и связанным аргументом *ожидающие* является признак 'персональность'. Связанный аргумент *ожидающие* может быть эксплицирован в результате анализа фрейма существительного *вокзал*, фрагмент которого реализован в данном микродискурсе, ср.: *Поезда прибывают на вокзал и отбывают с вокзала. На вокзале находятся люди, которые ожидают прибытия своего поезда, чтобы отбыть с вокзала с качестве пассажиров или встретить прибывших на вокзал пассажиров. При подходе поезда ожидающие начинают двигаться в поисках своего вагона.*

Ситуативная актуализация КС зависит от контекста или кон-ситуации. В первом случае информация о событийном ряде обусловлена фреймом, т.е. носит эпистемический характер, как в рассмотренном выше примере. Ср. также: — *Я ничего не знаю*, — сказал студент экзаменатору, где используется фрейм существительного *экзамен*, ср.: *Я не знаю ничего из того, что входит в программу этого предмета*; — *Я ничего не знаю*, — сказал пленный в штабе полка, где используется фрейм существительного *плен*, ср.: *Я не знаю ничего из того, что касается интересующих вас военных сведений.*

Во втором случае — при актуализации КС благодаря кон-ситуации — характеристика исходного множества осуществляется посредством остенсивного указания, например: — *Ваше величество... чем вы правите?* — *Всем*, — просто ответил король... *Король повел рукою, скромно указывая на свою планету, а также и на другие планеты, и на звезды* (Экзюпери, пер. Двин).

Под коммуникативной актуализацией КС будем понимать совпадение референта связанного аргумента с адресатом сообщения в императивных и интеррогативных речевых актах, например: Обращение к сотрудникам: — *Всем сдать деньги на подписку!* = 'Все *x*-ы, относящиеся к множеству адресатов данного сообщения, принуждаются к сдаче денег на подписку'; Учитель ученикам: — *Эта теорема всем понятна?* = 'Все *x*-ы, относящиеся к множеству адресатов данного сообщения, принуждаются к информированию о том, понятна ли им эта теорема'.

В зависимости от того, совпадает или не совпадает адресат с референтом связанного аргумента, в интеррогативных речевых ситуациях варьируется характер реплицирования, ср.: Учитель ученикам: — *Эта теорема всем понятна?*; Учитель коллеге: — *Эта теорема всем понятна?* В обоих случаях КС *всем* применяется к множеству

учеников, однако в первом случае оно актуализируется по коммуникативному типу, а во втором — по ситуативному или анафорическому типу. Различны и возможные ответные реплики: при несовпадении адресата и квантифицируемого объекта ответная реплика сохраняет КС, ср.: Учитель коллеге: — *Эта теорема всем понятна?* — *Да, эта теорема понятна всем моим ученикам.* При совпадении адресата и квантифицируемого объекта общекванторное значение в вопросе обуславливает полное участие аудитории в реплицировании, ср.: Учитель ученикам: — *Эта теорема всем понятна?* Ученики: — *Да, понятна / Понятна / Нет, не понятна / Слишком сложно для детского ума...* и т.д., где (идеально) количество реплик равняется объему аудитории.

При парцеллятивной актуализации КС имеется лексический маркер исходного множества, который, однако (иногда в сочетании с дублирующимся КС), составляет в тексте самостоятельную коммуникативную единицу, ср.: *A na południu nie ma nic. Nic gotowego* (Капуściński); *Aron opowiedział Gerbertowi wszystko. Wszystko, co usłyszał od Tymoteusza* (Parnicki); *Я вам говорю: в книгах ничего нет. Ничего такого, во что можно было бы поверить* (Брэдбери, пер. Шинкарь).

3.4. Резюме

Противопоставленность языка и речи, являющаяся одним из важнейших факторов языковой эволюции, помимо прочего, заключается в том, что индивидуальная речевая деятельность лишь в определенной степени программируется языковым кодом, использование которого в обществе отчасти напоминает своего рода “организованную преступность”. Поскольку функционально-речевые признаки языковых единиц не всегда совпадают с их структурно-парадигматическими характеристиками, в данной главе потребовалось дополнить картину квантификации сведениями об особенностях реализации кванторной семантики в речи.

В отличие от других типов семантических операторов (союзов, частиц, артиклей, предлогов), КС допускают многообразные формы преобразования своих категориальных значений.

В предыдущей главе рассматривались виды имплицативного выражения квантификации в результате синтагматического взаимодействия нескольких семантических признаков. Такое взаимодействие имеет и другую силу — оно преобразовывает семантику, выражаемую КС. В процессах семантико-синтаксической деривации участвуют такие признаки, как условность, повторяемость, сравнение, отрицание, модальность, рестриктивность и др., большинство из которых используется в качестве имплицативных форм

квантификации. Это значит, что средства синтаксического производства и синтаксической модификации кванторных значений, в основном, совпадают.

Комбинаторика значений в семантической структуре высказывания обуславливает новые значения или видоизменяет уже имеющиеся. Роль порождающей семантики в речевой деятельности исключительно важна — она позволяет реализовать прагматическую тенденцию к экономии речевых усилий говорящего. Истоки экономии в речи восходят, отчасти, к избыточности в языке — именно парадигматические корреляции квантификации с макрокатегориями количества, степени, истинности и определенности обуславливают их устойчивые взаимоассоциации в синтагматических структурах текста, а это, в свою очередь, — возможность компрессии его плана выражения.

Объектом семантико-синтаксической деривации выступает высказывание с КС, семантическое представление которого включает кванторное значение, не совпадающее со значением КС. Имеются четыре типа высказываний с производной кванторной семантикой (см. таблицу 3.1).

Таблица 3.1

№	Значение КС	Кванторное значение высказывания	Примеры
1	абсолютная синтетическая квантификация	относительная синтетическая квантификация	<i>Всем я помочь не в состоянии</i> — 'Я в состоянии помочь только некоторым'.
2	абсолютная аналитическая квантификация	относительная аналитическая квантификация	<i>Вы там никого не встречали?</i> — 'Вы там кого-нибудь встречали?'
3	относительная аналитическая квантификация	абсолютная синтетическая квантификация	<i>Обойдусь без каких-либо твоих советов</i> — 'Обойдусь без всех твоих советов'.
4	относительная аналитическая квантификация	абсолютная аналитическая квантификация	<i>Чего-то интересного мы так и не услышали</i> — 'Ничего интересного мы так и не услышали'.

Многозначность высказываний с КС обусловлена принципом асимметрического дуализма языкового знака: план выражения высказывания соответствует двум планам содержания, а план содержания — двум планам выражения. Например, высказывания с неопределенными местоимениями используются и как формы относительной, и как формы абсолютной квантификации, с другой стороны, семантика относительной и абсолютной квантификации может быть выражена в высказываниях с обобщающими, неопределенными и отрицательными местоимениями. Такое мно-

гообразии способов экспликации кванторных значений в речи, на первый взгляд, может показаться избыточным и усложняющим программу речевой деятельности, однако, в действительности, это многообразие является исключительно важным фактором регулирования объема поверхностно-синтаксической структуры высказывания — оно дает возможность говорящему выбирать форму, которая либо при сохранении содержания требует наименьших речевых усилий, либо позволяет выразить дополнительные семантические оттенки, входящие в коммуникативную задачу корреспондента.

Многозначность, как указывает Морковкин, принадлежит языку, но является продуктом речи (1979, 77). Объектом лексико-семантической деривации выступают КС, которые в результате этого процесса изменяют свое основное языковое значение. Полисемия КС представлена двумя разновидностями: семантической модификацией и семантической мутацией. В первом случае трансформация кванторного значения не выходит за рамки квантификации: при гиперболизации различие между маркерами абсолютной и относительной квантификации нивелируется, говорящий игнорирует онтологические условия употребления КС, в результате чего высказывание с обобщающим местоимением оказывается лишенным репрезентативности, ср.: *Я все знаю*. При семантической инкорпорации в лексическое содержание КС включается указание на исходную предметную область.

Семантическая мутация заключается в том, что КС лишаются кванторной семантики и функционируют как аналоги существительных, прилагательных, глаголов, наречий и др. Соотнесенность с различными частями речи проявляется, прежде всего, в заимствовании категориального признака соответствующей части речи (субстанциальности, акциональности, квалитативности и др.), а также в изменениях синтаксической функции и позиции, лексико-семантической и грамматической сочетаемости и др. Переносные значения КС имеют двойное происхождение: либо они получены в результате переосмысления (например, субстантивации) категориальных кванторных признаков (ср.: 'пустота', 'полнота'), либо обусловлены экстрапарадигматическими корреляциями квантификации. Так, вторичные значения 'незначительный', 'значительный', 'предельный', 'положительный', 'отрицательный', 'абсолютный' и др. заимствованы из макропарадигмы степени; значения 'неизвестный', 'неопределенный', 'приблизительный', 'не известна причина' и др. заимствованы из макропарадигмы определенности; значения 'в небольшом количестве', 'не меньше', 'суммарно' и др. заимствованы из макропарадигмы количества; значения 'настоящий, аутентичный', 'категорически' и др. заимствованы из макропарадигмы истинности. Некоторые вторичные семантические признаки соста-

влияют бинарные оппозиции: 'пустота — универсум', 'значительное лицо — незначительное лицо', 'в большом количестве — в небольшом количестве', 'завершенность действия — незавершенность действия' и т.д., что свидетельствует об относительно упорядоченном характере процессов лексико-семантической деривации КС.

КС применяются к множественным аргументам с признаком дескриптивности — содержание обозначаемого множества индивидов должно быть эксплицировано на этапе, предваряющем актуализацию КС. В третьей части главы 3 были систематизированы способы экспликации информации о предметной области действия КС. Было выделено несколько типов семантической актуализации КС в зависимости от уровневой принадлежности фактора, определяющего содержательные параметры исходного множества. На уровне слова квантифицируемое множество задается морфологически: с помощью корневых морфем в композитах типа *каждодневный* или с помощью словоизменительных аффиксов в конструкциях типа *Wszystcyśmy wiedzieli*.

На уровне синтагмы КС реализуются в рамках подчинительной связи между членами высказывания. Различаются ограниченная/неограниченная и термовая/дескриптивная актуализация КС. При неограниченной актуализации квантифицируется универсальное множество, равное по объему множеству, заданному с помощью дескрипции, ср.: *Все дети талантливы* = 'Все предметы, которые являются детьми, талантливы'. При ограниченной квантификации для характеристики исходного множества содержания дескрипции и рамок синтагмы не достаточно — для этого используются дополнительная (эксплицитная или имплицитная) информация, ср.: *Все дети уснули* = 'Все предметы, которые являются детьми, такими, о которых идет речь, уснули'.

Термовая и дескриптивная актуализация КС различаются тем, что в первом случае исходное множество задано поэлементно, а во втором — качественно, т.е. путем указания на присущее элементам множества общее свойство, ср.: *Пришли все: Саша, Петя и Павлик; Пришли все друзья*.

Актуализация предметной области квантификации на уровне высказывания характеризуется тем, что прямая поверхностно-синтаксическая экспликация связанного аргумента отсутствует, ср.: *Доброй свинье все впрок*, — и КС, на первый взгляд, предоставлено само себе. Однако в глубинно-семантической структуре подобных высказываний указание на область применения КС все-таки имеется — благодаря взаимодействию ассертивной и пресуппозитивной частей высказывания. Рассмотрены типы пресуппозиций, способствующих актуализации КС: экзистенциально-фактуальные, экзистенциальные, экзистенциально-обобщающие, компаративные, темпоративные и модально-обобщающие.

Наконец, при актуализации КС используются средства, имеющиеся в структуре связного текста, например, семантическая повторяемость его компонентов. В зависимости от источника информации об исходном множестве в тексте различаются анафорическая, ситуативная, коммуникативная и парцеллятивная актуализация КС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

“Особое внимание мы должны обратить на разыскание сходств, скрытых за видимыми различиями”. Как бы следуя этому принципу, сформулированному Пуанкаре, в последние десятилетия лингвисты обратились к изучению группировок языковых знаков, которые лишены формально-грамматической манифестации. Развитие этого направления лингвистических исследований стимулировала функциональная грамматика, прежде всего — в версии Бондарко, с ее апологией плюрализма форм выражения морфологических категорий, имеющих вид иерархически организованных “функциональных полей”. Главными действующими лицами в лингвистических исследованиях стали семантические категории — модальность, определенность, персональность, агентивность, итеративность, лимитативность, интенсивность, каузативность и др., условия их актуализации в семантической структуре высказывания и текста, их взаимоотношения в парадигматике языка. Одно из значительных мест в этом ряду занимает семантическая категория квантификации.

В истории разработки лингвистической теории квантификации выделяются два направления: логическое и грамматическое. Логический подход к описанию КС в языке имеет ряд преимуществ, и прежде всего — то, что он позволяет эксплицитировать семантический компонент языковых выражений в формальных моделях, где каждому элементу плана содержания соответствует элемент плана выражения. Вместе с тем логическое моделирование выражений естественного языка дает лишь приблизительное представление об их объективной семантической структуре, а иногда приводит “к огрублению описываемых явлений” (Санников 1989, 251) — оно абстрагируется от языковых характеристик, которые не входят в стандартное содержание кванторов, но которые вербализуют логическое содержание, трансформируют “логос” в “лексис”.

Грамматическое описание КС ограничивается обычно изучением отношений между классами обобщающих, неопределенных и отрицательных местоимений. В рамках этого направления исследовался также ряд конкретных вопросов языковой семантики, например, проблема “двойного” отрицания. Однако, поскольку квантификация является категорией семантического, а не морфологического типа, возможности грамматического подхода были ограниченными — он не позволял преодолеть рамок частных морфологических парадигм и выйти на более высокий уровень обобщения.

В данной работе к описанию КС был применен интег-

- 1.1.1.2.2.2.1. Классификационные признаки КС.
- 1.1.1.2.2.2.1.1. Предметные персональные КС.
- 1.1.1.2.2.2.1.2. Предметные имперсональные КС.
- 1.1.1.2.2.2.1.3. Темпоральные КС.
- 1.1.1.2.2.2.1.4. Локативные КС.
- 1.1.1.2.2.2.1.5. Директивные КС.
- 1.1.1.2.2.2.1.6. Посессивные КС.
- 1.1.1.2.2.2.1.7. Финитивные КС.
- 1.1.1.2.2.2.1.8. Каузативные КС.
- 1.1.1.2.2.2.1.9. Квантитативные КС.
- 1.1.1.2.2.2.1.10. Квалитативные КС.
- 1.1.1.2.2.2.1.11. Медиативные КС.
- 1.1.1.2.2.2.1.12. Немаркированные КС.
- 1.1.1.2.2.2.2. Реляционные признаки КС.
- 1.1.1.2.2.2.2.1. Грамматическая категория числа.
- 1.1.1.2.2.2.2.2. Грамматическая категория падежа.
- 1.1.1.2.3. Словообразовательные признаки КС.
- 1.1.1.2.3.1. Аффикация.
- 1.1.1.2.3.2. Словосложение.
- 1.1.1.2.3.3. Редупликация.
- 1.1.1.2.3.4. Модификация.
- 1.1.1.2.3.5. Мутация.
- 1.1.1.2.3.6. Транспозиция.
- 1.1.1.2.4. Лексико-семантические признаки КС.
- 1.1.1.2.4.1. Категориальные признаки КС.
- 1.1.1.2.4.1.1. Абсолютная — относительная квантификация.
- 1.1.1.2.4.1.2. Синтетическая — аналитическая квантификация.
- 1.1.1.2.4.2. Некатегориальные признаки КС.
- 1.1.1.2.4.2.1. Селективные признаки КС.
- 1.1.1.2.4.2.2. Номинативные признаки КС.
- 1.1.2. Функционально-дискурсивные признаки КС.
- 1.1.2.1. Семантико-синтаксическая деривация КС.
- 1.1.2.2. Лексико-семантическая деривация КС.
- 1.1.2.3. Семантическая актуализация КС.
- 1.2. Внекатегориальные признаки КС.
- 1.2.1. Связь с макрокатегорией количества.
- 1.2.2. Связь с макрокатегорией степени.
- 1.2.3. Связь с макрокатегорией истинности.
- 1.2.4. Связь с макрокатегорией определенности.

Как целостная языковая категория, квантификация обладает общими семантическими признаками, которые составляют две оппозиции: полное — неполное участие элементов исходного множества в ситуации и наличие — отсутствие элементов исходного множества в ситуации. Признаки полноты и отсутствия, с одной стороны, и признаки неполноты и наличия, с другой стороны, противопоставляются в аспекте экстенционального содержания КС: первые указывают на тотальность, а вторые — на паритивность актуализации множества относительно некоторого со-

бытия (имевшего место или не имевшего места). КС с тотальным значением содержат абсолютную квантификацию, а КС с партитивным значением — относительную квантификацию. Различие абсолютной и относительной квантификации проявляется в истинностной характеристике высказывания: при относительной квантификации высказывание с КС истинно по отношению к обоим логическим возможным мирам — с участием и без участия исходного множества в ситуации, а при абсолютной квантификации истинностное значение высказывания варьируется в зависимости от возможных миров. Например, высказывание *В кафе остались некоторые посетители* истинно и по отношению к тем посетителям, которые остались, и по отношению к тем посетителям, которые ушли из кафе, а высказывание *В кафе не осталось ни одного посетителя* истинно только при одном условии — что ситуация *В кафе остались посетители* не имеет места.

Помимо экстенционального компонента, определяющего возможные миры, в которых высказывание истинно или ложно, содержание КС включает также интенциональный компонент, который заключается в способе представления значений тотальности и партитивности. При синтетической квантификации тотальность и партитивность представляются в виде оппозиции полноты — неполноты, а при аналитической квантификации — в виде оппозиции наличия — отсутствия. Взаимодействие основных семантических оппозиций квантификации отражает следующая таблица:

	Абсолютная квантификация	Относительная квантификация
Синтетическая квантификация	полнота	неполнота
Аналитическая квантификация	отсутствие	наличие

Разграничение экстенционального и интенционального компонентов категориального содержания КС позволило упорядочить категорию квантификации, логически обосновать выделение подклассов КС, прежде всего — подклассов обобщающих, неопределенных и отрицательных местоимений, разрешить ряд спорных вопросов синтаксической семантики, прежде всего — вопрос о “двойном” отрицании в славянских языках. Комплексный лингвистический анализ выражений типа *Никто не спит* показал, что их трактовка как полинегативных или монологических ошибочна, поскольку не учитывает иерархичности семантической структуры высказывания, в которой выделяется ассертивная и пресуппозитивная части. В высказываниях типа *Никто не спит* отрицательная частица *не* актуализируется в условиях, когда говорящему известно, что пол-

ное вхождение исходного множества в ситуацию исключается, т.е. дериивационная история выражений типа *Никто не спит* может быть представлена в виде интеррогативного метасиллогизма:

— *Известно, что неверно, что все спят. Если исключена максимальная степень участия исходного множества в ситуации, возможна минимальная степень участия исходного множества в ситуации, т.е. возможно, что хотя бы некоторые спят.*

— *Неверно, что хотя бы некоторые спят.*

— *Значит, множество участвующих в ситуации рассматриваемых элементов пусто, т.е. никто не спит.*

Функцией инклюзивной частицы *ни* является отрицание модальной имплицатуры, содержащей значение абсолютной квантификации, а функцией частицы *не* — ассертивное отрицание частноутвердительного суждения (или высказывания со значением относительной квантификации).

Общекатегориальное значение квантификации состоит в указании на относительный объем референтного множества индивидов, участвующих в описываемой высказыванием ситуации. В отличие от числительных, которые характеризуют объем референтного множества путем его соотнесения с арифметической нормой, и фреквентивных слов, которые оценивает количественное участие множества в ситуации посредством его соотнесения с ситуативной нормой, КС актуализируются в высказывании благодаря наличию экзистенциальной нормы — объема исходного, рассматриваемого говорящим множества. Так, в высказывании *Все можно было бы вынести за скобки: Никиту, Осю, Кису, Роджера, тройку славных ребят из железных ворот ГПУ, даже Тоню, даже неудачную главу моего первого романа (Савицкий)* КС все используется для указания на полноту участия множества, состоящего из перечисленных с помощью сочинительной конструкции индивидов, в ситуации, соотносимой с высказыванием *Это можно было бы вынести за скобки*, т.е. количество элементов исходного множества {Никита, Ося, Киса, Роджер и т.д.}, участвующих в ситуации, равно по объему количеству элементов исходного множества. В высказываниях с семантикой синтетической квантификации устанавливается отношение равенства/неравенства между исходным и референтным множествами, а в высказываниях с аналитической квантификацией — отношение пересеченности/непересеченности между исходным и актуальным множествами. Ср.: *Месяц я ничего не делал... Иногда я умудрялся спать в волнах шопеновских этюдов...* (Савицкий), где актуальное множество {моменты времени, когда я умудрялся спать в волнах шопеновских этюдов} имеет общие элементы с исходным множеством {моменты времени в интервале месяца, который упо-

мянут (когда я ничего не делал)}.

Тот факт, что семантическая функция КС составляет одно из звеньев сложной семантической структуры высказывания, обуславливает взаимодействие квантификации с другими категориями языка. Во-первых, в парадигматике языка квантификация составляет отдельный подкласс макрокатегорий количества, степени, истинности и определенности. Например, в рамках макрокатегории истинности очевидны содержательные корреляции между системой обобщающих, неопределенных, отрицательных местоимений и системой соединительных, разделительных и противительных союзов (что отразилось в подстановочной интерпретации кванторов в логике), а также системой модальных операторов необходимости, возможности и невозможности. Во-вторых, в синтагматической структуре высказывания проявляется ряд дистрибутивных свойств квантификации: в соответствии с условием экзистенциальности предметная область связанной переменной не должна быть пустой. Условие субстанциальности ограничивает возможность применения КС только по отношению к индивидуальным (предметным) терминам — аргументам. Согласно условию множественности КС применяются только к аргументам, обозначающим множества индивидов. Условие факультативности характеризует квантификацию как категорию, которая может быть выражена или не выражена в речи в зависимости от интенции говорящего, в отличие от грамматических категорий в естественном языке или категории квантификации в логике, экспликация которых обязательна. Условие аддитивности заключается в том, что значения квантификации могут варьироваться в одном и том же контексте, т.е. сообщение о множестве допускает корректное с языковой точки зрения сообщение о подмножестве. Условие дескриптивности означает, что исходное множество, для количественной квалификации которого употребляется КС, должно быть дескриптивно или поэлементно заданным. Наконец, в соответствии с условием определенности КС актуализируются только применительно к определенным аргументам, которые обозначают известное говорящему подмножество заданного множества (при конкретно-референтной определенности) или как подмножество, совпадающее по объему с заданным множеством (при универсальной определенности).

“Факты были бы бесплодны, если бы не было умов, способных производить между ними выбор”, — писал Пуанкаре. Но несомненно и то, что и умы были бы бесплодны, если бы они не ощущали неумолимого сопротивления фактов. “Мышление не знает границ: ему ничто не запрещено до тех пор, пока оно остается чистым мышлением. Однако когда приходится думать о вещах действительного мира, то это больше не соответствует истине, потому

что вещи сталкиваются именно в пространстве”, — писал Борн. Проведенное исследование показало, что широко распространенное в современной лингвистической семантике заимствование постулатов экстенциональной и интенциональной логики не всегда является оправданным, логические модели как база семантического представления языковых единиц нуждаются в серьезной корректировке. Так, анализ логической теории атрибутивных суждений показал, что семантические возможности реализации распределенности/нераспределенности терминов в естественном языке шире, чем в логике. Необходимость корректного семантического описания языковых выражений с КС потребовала уточнить ряд общепринятых положений современной экстенциональной семантики. Так, оппозиция общих и сингулярных терминов была дополнена оппозиций множественных и единичных аргументов; введены понятия качественной и количественной определенности аргументов; нетрадиционно трактуется и качественная определенность аргументов, которая выступает в двух разновидностях: конкретно-референтной и универсальной (генерической); модифицированы модели представления языковых выражений с помощью формул логики предикатов; систематизированы отношения между важнейшими типами семантических операторов: кванторами, союзами, рестрикторами, операторами денотативного статуса, модальными, градуальными, количественными операторами и др. Одно из важнейших новшеств, введенных в данной работе, — замена логической дихотомии кванторов всеобщности и существования оппозициями абсолютной — относительной и синтетической — аналитической квантификации, что позволило приблизить лингвистическое описание кванторов к реальным языковым объектам.

Открытый характер категории квантификации проявляется и в том, что для ее выражения в языке используются не только специальные лексические и морфологические формы, но и значения других семантических категорий. Структура языкового знака трихотомична — она включает субстанциональный, структурный и функциональный аспекты (т.е. план выражения, внутреннюю форму и план содержания). При этом принципиально важно, что статус каждой из этих характеристик динамичен и варьируется в зависимости от формата знака: содержание знака меньшей степени сложности выступает выражением знака большей степени сложности и т.д. Арнхейм подчеркивает, что форма знака в естественных семиозисах есть нечто большее, чем только форма. Подобным образом и содержание знака есть нечто большее, чем только содержание. Языковая семантика не связана “по рукам и ногам” языковой формой — в определенных условиях она сама “формализуется”, приобретает смыслопорождающую функцию. К имплицитным формам квантификации были отнесены семантические

признаки, взаимодействие которых в структуре высказывания приводит к возникновению одного из кванторных значений, среди таких признаков — множественное и обобщенное единственное число существительных, условность, предельность, отрицание, модальность, повторяемость, превосходная степень и др.

Синтагматическое взаимодействие семантических категорий и роль имплицативных форм не ограничивается только порождением кванторной семантики. Процессы семантико-синтаксической деривации выражений с КС заключаются в том, что комбинаторика семантических признаков в структуре высказывания модифицирует содержащуюся в нем кванторную семантику и отчасти деформирует принцип композициональности высказывания, при котором его содержание является функцией по отношению к функциям отдельных компонентов. В результате семантико-синтаксической деривации содержание высказывания (в частности, его количественное содержание) устанавливается как функция по отношению к отношениям функций отдельных синтаксем. Так, в высказывании *И свидетели есть. Правда, все свидетели прийти не смогли*, несмотря на наличие обобщающего местоимения *все*, выражается относительная, а не абсолютная квантификация — типичная семантика обобщающих местоимений, что является результатом взаимодействия пресуппозиции и отрицания. Роль пресуппозиций, как и роль соответствующих пресуппогенных единиц (например, рестрикторов) в процессах функционирования КС чрезвычайно велика. Инклюзивные и эксклюзивные частицы регулируют отрицание КС, блокируя один из возможных альтернативных миров при неоднозначности асертивного отрицания. Исключительно важна для функционирования КС и коммуникативная структура высказывания: в соответствии с условием определенности КС наиболее регулярно присоединяются к аргументам в позиции темы. В ряде случаев изменение коммуникативной структуры влечет трансформацию кванторного значения, например, в некоторых процессах семантико-синтаксической деривации, в высказываниях с КС *один, однажды, часто, редко, всегда* и др.

Связь квантификации с другими семантическими категориями проявляется в характере некатегориальных синтаксических, морфологических и лексико-семантических признаков. Так, подобно числительным, КС образуют конструкции с обратным подчинением (например: *некоторые из депутатов*), активно используют способ словосложения (например: *каждодневный, всемирный, ежемесячный*). Отдельные подклассы КС дополнительно выражают номинальное и оценочное количество, например: *один, однажды, часто, многие, большинство* и др.

Наконец, открытый характер категории квантификации проявляется в процессах лексико-семантической деривации КС: вто-

ричные семантические признаки, которые закрепляются за КС в языке, относятся, главным образом, к макрокатегориям количества, степени, истинности и определенности.

Единство тождества и различия, которое применительно к парадигматическим и синтагматическим группам языковых знаков постулировал Соссюр и которое пронизывает всю систему категории квантификации, с нашей точки зрения, обусловлено единством гносеологического и онтологического содержания языка: внутреннее многообразие языковой системы и ее подсистем различного масштаба позволяет языку функционировать в качестве средства отражения динамичного мира в изменчивой и неоднородной социальной среде, а наличие языковых группировок в результате функциональной идентификации знаков позволяет языку быть средством концептуализации мира.

Полученные в исследовании результаты могут иметь конкретное теоретическое и практическое применение, например, могут составить комплексную базу данных для толково-комбинаторного словаря кванторных операторов, который, в свою очередь, мог бы лечь в основу интегративного лексикографического описания универсума семантических операторов естественного языка (кванторов, частиц, союзов, предлогов, модальных слов, служебных глаголов, артиклей и др.). Например, толкование лексемы *каждый* включало бы признаки:

Каждый — употребляется для обозначения полного участия рассматриваемого (известного говорящему) множества объектов в ситуации, которая описывается высказыванием.

[+дистрибутивность] не применяется к коллективным множествам, **Каждый собрался в клубе*

Поверхностно-синтаксические признаки:

Quant \Leftarrow S *каждый день*

Quant \Leftarrow VF *знает каждого*

Quant \Rightarrow Praep — S/Pron *каждый из них*

Quant \Rightarrow Adv/Pron *там каждый знает*

Синтаксические модели:

Quant_{Adj} — S/Pron — VF *Каждый ребенок талантлив*; Quant_{Adj} — Adj/Pron_{Adj} — VF *Каждый четвертый погиб* и др.

Грамматические признаки:

тематика не маркирована

число: во множественном числе сочетается лишь с существительными pluralia tantum (*каждые сутки, каждые ножницы*), а также с существительными, обозначающими время при условии повторяемости события (*Каждые три дня в начале месяца лаборатория закрывалась на профилактику*)

Словообразовательные признаки:

кажд-ый; диалектными и просторечными дериватами этой формы являются *каженный, кажонный* и др.; композиты *каждо-*

дневный/-о и др.

Деривационно-семантические признаки:

характеризуется инкорпорацией семантики персональности в составе некоторых фразеологизмов: *каждому свое* = 'каждый человек имеет свои интересы', *всех и каждого* = 'абсолютно всех людей из рассматриваемого множества', *каждая собака* = 'каждый человек из рассматриваемого множества; отношение говорящего к этому множеству негативное'

Способы семантической актуализации:

на уровне слова *каждодневный*; на уровне синтагмы *каждый день*; на уровне высказывания *Каждый знает, что курение опасно*; на уровне текста/дискурса *Каждый поднимите руки!*

Книга написана, главным образом, на материале русского и польского языков. Сопоставительное описание этого материала в основную задачу исследования не входило. Вместе с тем мы неоднократно отмечали и типологические особенности отдельных языков в сфере реализации кванторных значений. В целом же научная информация, содержащаяся в работе, может быть градуирована следующим образом: 1) информация, имеющая универсально-лингвистический характер (например система синтагматических условий квантификации); 2) информация, относящаяся к группе славянских языков (например описание специфического для славянских языков "двойного" отрицания); 3) информация, касающаяся отдельных языков или подгрупп языков. Именно с целью экспликации информации этого третьего типа для анализа, помимо польского и русского, эпизодически привлекались другие языки — белорусский, болгарский, чешский, немецкий и др.

В частности, было установлено, что между отдельными подгруппами славянских языков существуют различия, касающиеся лексического или грамматического выражения некоторых кванторных значений. Например, выражение семантики фреквентивности или качественной неограниченности референтного множества в восточнославянских языках, польском и болгарском, преимущественно, реализуется с помощью лексических средств, а в чешском, словацком и словенском — морфологических средств (в рамках системы местоимений). Различные славянские языки лишены одно-однозначных лексических соответствий в области квантификации. Так, лексические пары *ничто* — *nic*, *каждый* — *každy*, *все* — *wszystko*, *что* — *co*, *целый* — *cały* и др. характеризуются лишь частичной общностью своего содержания, по ряду же семантических признаков они принципиально различны.

Особенностью белорусского языка является наличие достаточно обширной группы глаголов с двойной префиксацией (с приставками *пера-*, *павы-*, *вы-*, *папа-*, *паза*), которые выражают абсолютную или относительную квантификацию объекта (во втором

случае с дополнительным семантическим признаком большой степени объема референтного множества): *napasyпаць, пазабіраць, напаварыць, папаваяваць, папагаладаць, папаадкасваць, папападкрэсліваць, пападпіраць, пападпісваць* и др.

Специфика выражения квантификации в польском языке, в частности, состоит в использовании окончания глаголов прошедшего времени для указания на предметную область связанного аргумента, ср.: *Wszyscyśmy wiedzieli o groźnej sytuacji w tym regionie*. КС в таких случаях выступает как целостный инкорпоративный комплекс с включенной в его содержание семантикой персональности и занимает в высказывании позицию распространителя глагольного предиката.

Отмечается, что в болгарском языке определенный артикль используется как имплицативное средство выражения абсолютной квантификации.

Имеется ряд синтаксических особенностей КС. Так, в польском языке распространены также конструкции типа “*nikt + Adj*”, которые в целом не характерны для восточнославянских языков, например: *Nikt uczciwy nie wyrazi podobnej opinii* (Капуściński) — **Никто порядочный не выскажет такого мнения*, ср.: *Ни один порядочный человек не выскажет такого мнения*. Особенностью не-слов в польском языке является то, что они сохраняют падежное значение, которое имеет кванторное местоимение в высказывании с положительным качеством предиката.

Характерный для восточнославянских языков порядок следования компонентов в синтагматической группе $\text{Part}_{\text{neg}} + \text{Pcp}$ + Pron (*ни для кого, ни во что, ни с кем* и др.) в результате семантической деривации отрицательных местоимений изменяется на Pcp + $\text{Part}_{\text{neg}} + \text{Pron}$ (*в ничто, из никуда*). Эта характеристика не относится к отрицательным местоимениям в польском языке, которые независимо от прямого или переносного употребления построены по модели Pcp + $\text{Part}_{\text{neg}} + \text{Pron}$.

В множестве темпоральных КС имеется обширная группа лексем с признаком отсутствия предела действия: *навекы, навечно, на веки веков, на веки вечные, до скончания века, всегда, никогда, что ни день, то..., каждый раз, когда бы ни..., ежедневно, обычно, иногда, редко, бывает* и др. Единицы этого типа актуализируются в контексте семантики имперфектности глаголов и обычно не допускают синтаксической сочетаемости с глаголами совершенного вида. Однако данное правило не является абсолютным и не выполняется в синтаксических конструкциях с глаголами совершенного вида в модифицированном значении, а именно — лишенном семантики перфектности. Конструкции такого типа более распространены в западнославянских, чем в восточнославянских языках. В отличие от русского *никогда* польское *nigdy* достаточно свободно сочетается с

формами совершенного вида прошедшего времени глаголов, например: *Tego nigdy nie zrobił żaden władca* (Karusiński) — *Этого никогда не сделал ни один властелин. Общим свойством подобных выражений обычно является семантический компонент 'до рассматриваемого момента времени', который может быть эксплицирован в поверхностно-синтаксической структуре высказывания с помощью выражения *dotąd* и др., ср.: *Tego nigdy dotąd nie zrobił żaden władca*.

Типологические особенности отдельных славянских языков проявляются и в области словообразования КС. Так, в польском распространена деривационная модель $\text{Quant} - S_{\text{Arg}}$: *wszelstronność* = 'свойство быть развитым во всех областях', *wszelświat* = 'весь мир', *wszelzłó* = 'все существующее зло', *wszelczas* = 'все время', *wszelchocean* = 'весь океан', *wszelplan* = 'весь план', *wszelrzecz* = 'все вещи, все, что существует', *wszelkpolskość* = 'все польское'. Композиты этого типа не характерны для восточнославянских языков, о чем, как исключения, подтверждающие правило, свидетельствуют единичные примеры из словаря Jelitte: *всебожность* = 'свойство по отношению ко всем богам', *всевременность* = 'свойство по отношению ко всем временам', *всезвонность* = 'способность к выражению всех звуковых тонов', *всенебесность* = 'свойство по отношению ко всем небесам'.

В работе выявлены структурно- и функционально-грамматические различия КС в некоторых языках. Польские адъективные кванторные местоимения, в отличие от восточнославянских, во множественном числе обладают лично-мужским и женско-вещным значениями, ср.: *wszyscy* — *wszystkie*, при этом было установлено, что формы первого типа функционируют, преимущественно, в приглагольной синтаксической позиции (как субстантивированные), а формы второго типа — в присубстантивной синтаксической позиции. Различаются также функциональные характеристики некоторых польских и русских падежных форм, например, именительного и родительного падежа кванторных местоимений *żaden* — *żadnego*, *никакой* — *никакого*.

Наконец, в различных языках наблюдаются особенности семантико-синтаксической и лексико-семантической деривации КС. Например, в русских и польских высказываниях тождества КС *никакой* и *żaden* могут употребляться с переносным значением как градуальные маркеры экстремальности. При этом в польском языке, помимо синтаксических моделей типа $\text{Quant} - S - \text{Part}_{\text{neg}} - \text{VF}$, встречаются и другие синтаксические типы высказываний с градуальным употреблением отрицательных местоимений, например: $\text{Pron}_{\text{dem}} - \text{Part}_{\text{neg}} - \text{Quant} - S - \text{VF}$ или $\text{VF} - S_1 - \text{Konj}_{(a)} - \text{Part}_{\text{neg}} - \text{Quant} - S_2$. В восточнославянских языках подобные синтаксические конструкции построены иначе — они требуют либо переноса

са отрицания к предикату, либо замены отрицательного местоимения на неопределенное, ср.: *To żadna architektura* — бел. *Гэта ніякая не архітэктара*.

Мы стремились представить квантификацию как упорядоченную категорию в ее единстве разнообразного и разнообразии единства, систематизировать ее важнейшие характеристики. Сложный характер самого объекта определил комплексный подход к его описанию: в работе сочетаются различные методы лингвистического анализа, например, структурная типология КС в области лексической семантики, логический анализ, семантические трансформации, квантитативный анализ, формальное моделирование и др., взаимодействуют различные концептуальные парадигмы, например, структурная семантика, логическая семантика, семантический синтаксис, лингвистика текста и др. Как представляется, нет другого, более эффективного способа функционального описания семантических категорий, ведь каждая содержательная единица существует в системе языка во всем многообразии ее связей, а сложная внутренняя структура языковых парадигм и динамическое взаимодействие их элементов различного формата как раз и обеспечивают жизнеспособность языка в изменчивых условиях речевой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Абу Хайян ат-Таухиди. Диалоги. (Из "Книги услады и развлечения") // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Москва: Наука, 1988. С. 40—85.
- Адамец П. Нулевые эквиваленты местоимений и их референциальная соотнесенность // Československá rusistika. 1987, XXXII. № 3. С. 108—113.
- Ананьева Н.Е. Об одной функционально-семантической особенности польского глагола // Сборник от научните трудове, посветен на седемдесетгодишнината на професор Мирослав Янакиев. София, 1993. С. 127—137.
- Аничков И.Е. Можно ли считать проблему частей речи решенной? // Вопросы теории частей речи. Ленинград: Наука, 1968. С. 116—128.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва: Наука, 1974. 368 с.
- Апресян Ю.Д. Словарная фиксация синтаксических свойств лексем: взаимодействие словаря и грамматики // Wiener Slawistischer Almanach. 1990. 25/26. С. 31—51.
- Апресян Ю.Д., Йомдин Л.Л. Конструкции типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография // Семиотика и информатика. Москва, 1989. Вып. 29. С. 34—93.
- Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / АН СССР. Ин-т философии. Москва: Мысль, 1978. Т. 2. 686 с.
- Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // ИАН ОЛЯ. 1973. № 1. С. 84—89.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. Москва: Наука, 1976а. 384 с.
- Арутюнова Н.Д. Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований. Москва: Наука, 1976б. С. 93—118.
- Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1982. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 5—40.
- Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Д. Русское предложение. Бытийный тип. Москва: Русский язык, 1983. 198 с.
- Асанидзе Г.З. О диалогическом обосновании логики // Логико-семантические исследования. Тбилиси, 1981. С. 37—54.
- Асмус В.Ф. Логіка. Київ, 1947. 410 с.
- Аспекты семантических исследований / Под ред. Н.Д.Арутюновой, А.А.Уфимцевой. Москва: Наука, 1980. 358 с.
- Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. Москва: Соцэкгиз, 1960. 314 с.
- Бакрадзе К. Логика. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1951. 454 с.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. 416с.
- Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1993. 182 с.
- Барлас Л.Г. Особенности семантики местоименных слов // Очерки по лексике и фразеологии. Ростов-на-Дону, 1976. С. 67—77.
- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.
- Барулин А.Н. Категория числа в местоимениях // Исследования в области грамматики и типологии языков. Москва, 1980. С. 145—164.
- Бахарев А.И. Отрицание в логике и грамматике. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та,

1980. 78 с.
- Бахарев А.И. Категория отрицания в русском языке. Способы выражения и пути развития. Ташкент: ФАН, 1990. Ч. I. 84 с.
- Беларуская граматыка: у 2 ч. / АН БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я.Коласа. Мінск: Навука і тэхніка, 1985. Ч. 1. Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. 432 с.
- Беличова Е. О теории функциональной грамматики // ВЯ. 1990. № 2. С. 64-74.
- Белнап Л., Стил Т. Логика вопросов и ответов. Москва: Прогресс, 1981. 288 с.
- Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. Москва: Высшая школа, 1977. 248 С.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва: Прогресс, 1974. 448 с.
- Бессонов А.В. Предметная область в логической семантике. Новосибирск: Наука, 1985. 112 с.
- Битехтина Г.А. Употребление местоимений. Москва: Изд-во МГУ, 1967. 23 с.
- Блумфилд Л. Язык. Москва: Прогресс, 1968. 608 с.
- Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1977. 204 с.
- Богданов В.В. Роль предикатов и непередикатов в семантике предложения // Структурная и прикладная лингвистика. Ленинград, 1983. Вып. 2. С. 3-9.
- Богданов В.В. Структурная схема и семантика предложения // Исследования по семантике. Уфа, 1985. С. 18-26.
- Богданов В.В. Речевое общение. Ленинград, 1990. 88 с.
- Богуславский И.М. Отрицание в предложениях с обстоятельствами в русском языке // *Studia gramatyczne. Wrocław etc.*, 1974. С. 121-136.
- Богуславский И.М. Отрицание и противопоставление // ПСЛ 1981. Москва: Наука, 1982. С. 63-76.
- Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. Москва: Наука, 1985. 175 с.
- Богуславский И.М. Лингвистический процессор и локативные обстоятельства // ВЯ. 1991. № 1. С. 69-78.
- Бозанкет Б. Основания логики. Москва, 1914. 180 с.
- Болявина Г.В. Выражение модального значения невозможности действия в некоторых моделях простого предложения // Семантика грамматических форм и речевых конструкций. Москва, 1991. С. 44-49.
- Бондарев А.И. Семантические особенности функционирования в речи так называемых местоименных слов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Моск. гос. пед. ин-т. Москва, 1978. 16 с.
- Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. Москва: Наука, 1983. 212 с.
- Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Ленинград: Наука, 1978. 176 с.
- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Москва: Наука, 1983. 208 с.
- Бондарко А.В. К истолкованию понятия "функция" // ИАН ОЛЯ. 1987. № 3. С. 195-207.
- Борель Э. Случай. Москва-Петроград, 1923. 216 с.
- Булатова Л.Н. Еще раз о грамматическом статусе категории числа существительных в русском языке // ПСЛ 1981. Москва: Наука, 1983. С. 120-130.
- Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. Москва: Наука, 1977. 288 с.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Когнитивные характеристики языковых выра-

- жений // Язык и логическая теория. Москва, 1987. С. 203–209.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. Москва: Наука, 1988а. С. 5–19.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Несколько замечаний о словах типа *несколько* // Язык: система и функционирование. Москва: Наука, 1988b. С. 44–54.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // ВЯ. 1989. № 3. С. 51–61.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. “Возможности” естественного языка и модальная логика // Язык логики и логика языка. Москва: Наука, 1990. С. 135–167.
- Бэбби Л. Порядок слов, падеж и отрицание в бытийных предложениях русского языка // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1985. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. С. 464–474.
- Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. Москва: Прогресс – Универс, 1993. 502 с.
- Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. Москва: Прогресс, 1987. С. 44–87.
- Васильев Н.А. Воображаемая логика. Избранные труды. Москва: Наука, 1989. 264 с.
- Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Москва: Прогресс, 1970. Вып. V. Языковые универсалии. С. 163–249.
- Ветров А.А. Семиотика как дедуктивная система // Системный анализ и научное знание. Москва: Наука, 1978. С. 202–215.
- Виноград Т., Флорес Ф. О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект. Москва, 1995. С. 185–229.
- Виноградов В.В. Русский язык. Москва: Высшая школа, 1972. 614 с.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1985. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. С. 79–128.
- Войшвилло Е.К. Символическая логика (классическая и релевантная): Философско-методологические аспекты. Москва: Высшая школа, 1989. 150 с.
- Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. Москва: Наука, 1974. 222 с.
- Вътов В. По въпроса за отрицателни изречения в българския език // Език и литература. 1987. № 5. С. 68–79.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва: Наука, 1981. 140 с.
- Гаргов Г. Именни групи с информация за екзистенциална квантификация в българското изречение // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. София, 1987. Т. 3. Съвременен български език. С. 455–461.
- Гетманова А.Д. Отрицание в системах формальной логики Москва, 1972. 140 с.
- Гетманова А.Д. Учебник по логике. Москва: Владос, 1994. 304 с.
- Гладкий А.В., Дрейзин Ф.А. К семантике русского отрицания // Wiener Slawistischer Almanach. 1983. 11. С. 123–152.
- Гносеологические проблемы формализации / Горский Д.П., Уваров Л.В., Толкачев А.А. и др. Минск: Наука и техника, 1969. 268 с.
- Городецкий И.Д. Логика. Москва, 1912. 172 с.
- Горский Д.П. Формальная логика и язык // Философские вопросы современной формальной логики. Москва: Наука, 1962. С. 53–91.
- Горский Д.П. Логика. Москва: Учпедгиз, 1963. 292 с.

- Горский Д.П. Обобщение и познание. Москва: Мысль, 1985. 208 с.
- Грамматика на съвременния български книжовен език: в 3 т. / БАН. Ин-т за български език. София: Изд-во БАН, 1983. Т. 2. Морфология. 512 с.
- Грамматика русского языка: в 2 т. / АН СССР. Ин-т языкознания. Москва: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. Синтаксис. Ч. 1. 704 с.
- Греллинг К. Теория множеств. Москва—Ленинград: НТИ, 1935. 56 с.
- Гуревич В.В. О семантике неопределенности // ФН. 1983. № 1. С. 54—60.
- Гуревич В.В. Модальность, истинностное значение, референция // ВЯ. 1989. № 6. С. 95—101.
- Дегтярев В.И. Основы общей грамматики. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1973. 254 с.
- Дегтярев В.И. Плюрализация имен собирательных в истории славянских языков // ВЯ. 1987. № 5. С. 59—73.
- Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста. С. 59—336.
- Декарт Р. Избранные произведения. Москва: Госиздат полит. лит-ры, 1950. 710 с.
- Деянова М. За една особеност на употребата на свършения глаголен вид в словенски и словашки език // Език и литература. 1967. XXII. № 4. С. 49—60.
- Джемс У. Мышление // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. Москва: Изд-во МГУ, 1981. С. 11—20.
- Добрева Е., Савова И. Извънтекстова семантизация на местоименните наречия за място // Език и литература. 1987а. № 2. С. 86—94.
- Добрева Е., Савова И. Местоименни наречия за място без конкретна семантизация в текста // Български език. 1987б, XXXVII. № 5. С. 375—381.
- Доннелан К.С. Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1982. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 134—160.
- Дорошевичский В. Элементы лексикологии и семиотики. Москва: Прогресс. 1973. 284 с.
- Дэйвисон А. Лингвистическое или прагматическое описание: размышления о “Парадоксе перформативности” // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов. С. 235—269.
- Дюкро О. Неопределенные выражения и высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1982. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 263—291.
- Ермакова О.П. Отрицательные местоимения типа *никто* в русском языке // РЯШ. 1969. № 4. С. 87—90.
- Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль, 1990. 82 с.
- Жинкин Н.И. Четыре коммуникативные системы и четыре языка // Теоретические проблемы прикладной лингвистики. Москва: Изд-во МГУ, 1965. С. 7—37.
- Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. Москва: Мир, 1976. 188 с.
- Закревский А.Д. Логика распознавания. Минск: Наука и техника, 1988. 118 с.
- Зализняк А.А. Об одном употреблении презенса совершенного вида (“презент напрасного ожидания”) // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990. S. 109—114.
- Зализняк А.А., Падучева Е.В. О контекстной синонимии ед. и мн. числа существительных // Информационные вопросы семантики, лингвистики и

- автоматического перевода. Москва, 1974. Вып. 4. С. 30–35.
- Зельдович Г.М. Лексема *хоть*: семантическое взаимодействие модуса и частицы // *Československá rusistika*. 1990, XXXV. № 2. С. 79–85.
- Зельдович Г.М. Наречие „всегда“ и его квазисинонимы „все время“ и „постоянно“ // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1995. 36. S. 223–257.
- Земская Е.А. Словообразование как деятельность. Москва: Наука, 1992. 222 с.
- Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Москва: Наука, 1988. 440 с.
- Ивић М. О “партикуляризаторима” // *Јужнословенски филолог*. 1980, XXXVI. С. 1–12.
- Ивлев Ю.В. Курс лекций по логике. Москва: Изд-во МГУ, 1988. 158 с.
- Ильин Г.М., Лейкина Б.М., Откупщикова М.И. и др. О двух типах внутреннего представления текста // *Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности*. Ленинград, 1974. Вып. 2. С. 48–58.
- Ильин Г.М., Смирнова Л.Н. Об одном способе выражения в тексте класса “количество” // *Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности*. Ленинград, 1974. Вып. 1. С. 74–85.
- Ионице М.П., Потапова М.Д. Проблемы логико-семантической организации предложения. Кишинев, 1982. 136 с.
- Исаченко А.В. О синтаксической природе местоимений // *Проблемы современной филологии*. Москва: Наука, 1965. С. 159–167.
- Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. Москва: Наука, 1982. 200 с.
- Йомдин Л.Л. Симметричные предикаты в русском языке // *ПСЛ* 1979. Москва: Наука, 1981. С. 82–105.
- Йомдин Л.Л. Автоматическая обработка текста на естественном языке. Модель согласования. Москва: Наука, 1990. 168 с.
- Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. Москва: Наука, 1976. 356 с.
- Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. Москва: Наука. 1981. 366 с.
- Карпов В.А. Язык как система. Минск: Вышэйшая школа, 1992. 302 с.
- Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. Ленинград: Наука, 1988. 308 с.
- Киклевич А.К. Семантика союза *и* и синтаксическая неоднородность // *Семантика служебных слов*. Пермь, 1982. С. 82–90.
- Киклевич А.К. Типология сочинительной связи в славянских языках (на материале простого предложения в польском и русском языках). Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 1983. 20 с.
- Киклевич А.К. Ассоциация, сочинение, паратаксис // *Веснік Белар. ун-та*. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. 1986. № 1. С. 49–53.
- Киклевич А.К. Категория абстрактности/конкретности и одушевленности/неодушевленности в функциональном аспекте // *Веснік Белар. ун-та*. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. 1988а. № 1. С. 56–60.
- Киклевич А.К. Соединительный союз *ни... ни* с деривационной точки зрения // *Деривация в речевой деятельности (Языковые единицы)*. Тез. докл. конф. Пермь, 1988б. С. 21–22.
- Киклевич А.К. Кванторные местоимения и текст // *Probleme der Textlinguistik*. München: Otto Sagner, 1989а. С. 1–18.
- Киклевич А.К. К семантической типологии общекванторных местоимений // *Русские местоимения: семантика и грамматика*. Владимир, 1989б. С. 37–46.
- Киклевич А.К. Отрицание кванторов и модальные пресуппозиции // *Веснік*

- Белар. ун-та. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. 1989с. № 3. С. 50–55.
- Киклевич А.К. Содержательные аспекты систематизации множественных актантов // Веснік Белар. ун-та. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. 1989d. № 1. С. 44–49.
- Киклевич А.К. О прагматической модели квантификации в естественном языке // X Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки. Тез. докл. конф. Минск, 1990а. Ч. 1–5. С. 147–148.
- Киклевич А.К. О типах вхождения множественного актанта в поле интенции предиката // Деривация в речевой деятельности. Пермь, 1990b. С. 123–132.
- Киклевич А.К. Отрицательные местоимения в утвердительном предложении (на материале русского и польского языков) // ФН. 1990с. № 5. С. 114–119.
- Кіклевіч А.К. Польскі злучнік *ani* з сінхранічнага і дыяхранічнага пункту гледжання // Веснік Белар. ун-та. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. 1990d. № 3. С. 52–55.
- Киклевич А.К. Сопоставительный анализ польских и русских конструкций с кванторами // Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства. Матэрыялы Першай усесаюзнай навуковай канферэнцыі. Віцебск, 1990e. С. 52–56.
- Киклевич А.К. Двойное отрицание: “за” и “против” // Русский язык. Минск: Университетское, 1991а. С. 93–100.
- Киклевич А.К. К семантике местоимения *целый* // Веснік Белар. ун-та. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. 1991b. № 3. С. 41–45.
- Киклевич А.К. Логическая интерпретация союза *и* в семантической структуре предложения и текста // Проблемы лингвистики текста. Минск, 1991с. С. 181–197.
- Киклевич А.К. Славянские отрицательные местоимения как грамматический класс // Советское славяноведение. 1991d. № 5. С. 69–76.
- Киклевич А.К. Квантификация: референциальные и когнитивные аспекты // Веснік Белар. ун-та. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. 1992а. № 3. С. 60–64.
- Киклевич А.К. Однородные и неоднородные определения: внутри- и межъязыковая типология (на материале польского и русского языков) // *Slavia Orientalis*. 1992b, XLI. № 3. С. 113–123.
- Киклевич А.К. Семантика абсолютной квантификации в отрицательном предложении // ФН. 1992с. № 4. С. 96–103.
- Киклевич А.К. Семантическая деривация в системе русских кванторных местоимений (референциальный аспект) // *Russistik*. 1992d. № 2. С. 19–27.
- Киклевич А.К. Семантические и функциональные признаки польского местоимения *cały* // Веснік Белар. ун-та. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. 1992e. № 1. С. 30–35.
- Киклевич А.К. Синтаксические конструкции с симметричными предикатами // Белорусско-болгарские языковые параллели. Минск: Университетское, 1992f. С. 142–152.
- Киклевич А.К. Художественный текст и теория возможных миров // Художественный текст: онтология и интерпретация. Саратов, 1992g. С. 39–47.
- Кіклевіч А.К. Аб некаторых сінтаксічных уласцівасцях квантарных лексем // Веснік Белар. ун-та. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. 1993а. № 2. С. 30–34.
- Киклевич А.К. Контрастивный анализ польских, русских и белорусских от-

- рицательных конструкций // Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства. Матэрыялы Другой міжнароднай навуковай канферэнцыі. Віцебск, 1993b. 77–80.
- Киклевич А.К. Референциальные аспекты семантики кванторов в свете теоретико-множественного подхода // *Przegląd Rusycystyczny*. 1993c, XVI. № 3–4. С. 97–104.
- Киклевич А.К. Язык – личность – диалог (Некоторые экстраполяции социометрической концепции М.М.Бахтина) // *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 1993d. № 1 (2). С. 9–20.
- Киклевич А.К. Модальность в семантике кванторных слов // *Modalität und Modus. Allgemeine Fragen und Realisierung im Slawischen*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1994a. С. 91–113.
- Киклевич А. О двух дистрибутивных свойствах кванторных слов в русском и польском языках: субстанциональность и множественность // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Bd. 40. 1994b. S. 37–51.
- Киклевич А.К. Презумпция референтности и экзистенциальные пресуппозиции в выражениях с кванторами // *Съпоставително езикознание*. 1994c, XIX. № 3–4. С. 47–56.
- Кіклевіч А.К. Функцыянальнае поле (структура плана выражэння) катэгорыі квантыфікацыі // *Веснік Белар. ун-та. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія*. 1994. № 3. С. 50–56.
- Киклевич А. Об одном типе семантических процессов в выражениях с кванторными словами (русские и польские неопределенные местоимения в утвердительных высказываниях с абсолютной квантификацией) // *Nemzetközi Szlavisztikai Napok V. II Kötet*. Szombathely, 1995a. С. 714–721.
- Киклевич А. Квантификация и определенность // *Slavia Orientalis*. T. XLIV. 1995b. № 3. S. 409–424.
- Киклевич А.К. Проблемы грамматической семантики в современной польской лингвистике // *Новые исследования в зарубежной лингвистике*. Минск, 1996. С. 83–130.
- Кинэн Э.Л. К универсальному определению подлежащего // *Новое в зарубежной лингвистике*. Москва, 1982. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. С. 236–276.
- Кириллов В.И., Старченко А.А. *Логика*. Москва: Высшая школа, 1987. 272 с.
- Клаус Г. *Введение в формальную логику*. Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. 507 с.
- Клини С.К. *Введение в метаматематику*. Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 526 с.
- Клини С.К. *Математическая логика*. Москва: Мир, 1973. 480 с.
- Кобозева И. Синтаксическое обоснование правила перенесения отрицания в русском языке // *Československá rusistika*. 1976, XXI. № 2. С. 54–62.
- Кондаков Н.И. *Логика*. Москва: Изд-во АН СССР, 1954. 512 с.
- Кондаков Н.И. *Введение в логику*. Москва: Наука, 1967. 466 с.
- Копыленко М.М. *Средства выражения количества в русском языке*. Алма-Ата, 1993. 184 с.
- Копыленко М.М., Попова З.Д. *Очерки по общей фразеологии. Фразеосочетания в системе языка*. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 192 с.
- Косеска-Тошева В. О кванторной модели описания семантических категорий в болгарском и польском языках // *Втори международен конгрес по българистика. Доклади*. София, 1987. Т. 3. Съвременен български език. С. 401–409.
- Косеска-Тошева В., Гаргов Г. *Българско-полска съпоставителна граматика*.

- София: БАН, 1990. Т. 2. Семантичната категория определеност/неопределеност. 182 с.
- Коссек Н.В., Костюк В.Н. Слабое и сильное отрицание в русском языке // ПСЛ 1980. Москва: Наука, 1982. С. 50–62.
- Костюк В.Н. Логика. Киев–Одесса: Вища школа, 1975. 112 с.
- Кошешова И.Г., Лукашенко И.Г. Категория числа // *Československá rusistika*. 1972, XVII. № 2. С. 49–53.
- Кошутин Р. Грамматика польского языка. Београд, 1898. 202 с.
- Красильникова Е.В. Некоторые проблемы изучения морфологии русской разговорной речи // ПСЛ 1981. Москва: Наука, 1983. С. 107–120.
- Кржижкова Е. Заметки о месте негации в языковой структуре // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. Москва: Наука, 1969а. С. 187–205.
- Кржижкова Е. Предикативное определение и структура предложения в современном русском языке // *Slavia*. 1969b, XXXVIII. С. 1–35.
- Кржижкова Е. Количественная детерминация прилагательных в русском языке // Синтаксис и норма. Москва: Наука, 1974. С. 122–144.
- Кривоносов А.Т. Естественный язык и логика. Москва–Нью-Йорк, 1993. 318 с.
- Кривоносов А.Т. Язык, логика, мышление. Умозаключение в естественном языке. Москва–Нью-Йорк, 1996. 682 с.
- Кронгауз М.А. Тип референции именных групп с местоимениями *все, всякий и каждый* // Семиотика и информатика. Москва, 1984. Вып. 23. С. 107–123.
- Крумова Л. Грамматическая категория на число в историята на съвременния български книжовен език // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. София, 1987. Т. 2. История на български език. С. 14–22.
- Крылов С.А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. М., 1984. Вып. 23. С. 124–154.
- Крысин Л.П. Социальные компоненты в прагматике языкового знака: квазисимметричные предикаты // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990. С. 195–200.
- Куайн У.О. Референция и модальность // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1982. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 87–108.
- Куайн У.О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1986. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. С. 24–98.
- Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. О типологии процессов деривации // Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982. С. 7–20.
- Курилович Е. Очерки по лингвистике. Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 456 с.
- Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. Москва: Прогресс, 1978. 544 с.
- Лакофф Дж. О порождающей семантике // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1981. Вып. X. Лингвистическая семантика. С. 302–349.
- Лашкова Л. Средства, функции и дистрибуция на синтаксичното отрицание в сърбохърватски и български език // *Јужнословенски филолог*. 1976, XXXII. С. 162–193.
- Левин Ю.И. О семантике местоимений // Проблемы грамматического моделирования. Москва: Наука, 1973. С. 108–121.
- Левицкий Ю.А. Предложение и высказывание. Пермь, 1988. 72 с.
- Лейкина Б.М. Некоторые функции союза *и* // Лингвистические проблемы

- функционального моделирования речевой деятельности. Ленинград, 1979. Вып. 4. С. 38—46.
- Лекомцев Ю.К. Введение в формальный язык лингвистики. Москва: Наука, 1983. 264 с.
- Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. Москва: Просвещение, 1969. 214 с.
- Лещенко М.И. Виртуальный и актуальный аспекты предложения. Минск: Вышэйшая школа, 1988. 132 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 684 с.
- Линде Ф. Строение понятия. Петроград, 1915. 62 с.
- Линский Л. Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1982. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 161—178.
- Липпе Т. Основы логики. С.-Петербург, 1902. 302 с.
- Литвак С.Я. Классы множественности существительных как языковые и подязыковые универсалии // Лингвистические исследования 1984. Грамматика и семантика предложения. Москва, 1984. С. 103—114.
- Логика / Под ред. Д.П.Горского, П.В.Таванца. Москва: Госиздат. полит. лит., 1956. 280 с.
- Логический словарь: Дефорт. Москва: Мысль, 1994. 268 с.
- Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. Москва, 1968. 296 с.
- Лосский Н.О. Логическая и психологическая сторона утвердительных и отрицательных суждений // Логос. 1912—1913, кн. 1—2. С. 83—98.
- Льюис К.И. Виды значения // Семиотика. Москва: Радуга, 1983. С. 211—224.
- Любищев А.А. Понятия системности и организованности // Труды по знаковым системам. Тарту, 1977. Вып. 9. С. 134—141.
- Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. Москва: Наука, 1986. 200 с.
- Мажэйка Н.С., Супрун А.Я. Частотны слоўнік беларускай мовы. Мастацкая проза. Мінск: Выд-ва БДУ, 1976. 230 с.
- Мажэйка Н.С., Супрун А.Я. Частотны слоўнік беларускай мовы. Публіцыстыка. Мінск: Выд-ва БДУ, 1979. 216 с.
- Мажэйка Н.С., Супрун А.Я. Частотны слоўнік беларускай мовы. Вусная народная творчасць. Мінск: Выд-ва БДУ, 1982. 302 с.
- Мажэйка Н.С., Супрун А.Я. Частотны слоўнік беларускай мовы. Гутарковая мова. Мінск: Універсітэцкае, 1989. 174 с.
- Мажэйка Н.С., Супрун А.Я. Частотны слоўнік беларускай мовы. Паэзія. Мінск: Універсітэцкае, 1992. 172 с.
- Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. Москва: Наука, 1969. 308 с.
- МакКоли Дж. О месте семантики в грамматике языка // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1981. Вып. X. Лингвистическая семантика. С. 235—301.
- МакКоли Дж. Логика и словарь // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1983. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. С. 177—200.
- Максапетян А.Г. Каузация (лингвистические и экстралингвистические аспекты). Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1990. 338 с.
- Максимова Г. Средства выражения категорий общности и множественности в русском языке // *Slavia Orientalis*. 1984, XXXIII. № 4. С. 451—458.

- Малкольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения “Я знаю” // *Философия. Логика. Язык*. Москва: Наука, 1987. С. 234–263.
- Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном знании.— Новосибирск: Наука, 1982. 256 с.
- Мартынов В.В. Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. Минск: Наука и техника, 1966. 146 с.
- Мартынов В.В. Семиотические основы информатики. Минск: Наука и техника, 1974. 192 с.
- Мартынов В.В. Универсальный семантический код. Минск: Наука и техника, 1977. 192 с.
- Мартынов В.В. Категории языка. Семиологический аспект. Москва: Наука, 1982. 192 с.
- Мартынов В.В. Принципы объективной семантической классификации // *Реализационный аспект функционирования языка*. Минск, 1995. С. 83–92.
- Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Вена: *Wiener Slawistischer Almanach*, 1985. 509 с.
- Мечковская Н.Б. Различия между системами местоимений в словенском и восточнославянских языках // *Sodobni slovenski jezik, književnost in kultura*. Ljubljana, 1988. 8. С. 383–397.
- Мечковская Н.Б. Модальность и метаязыковой план высказывания // *Russian Linguistics*. 1993, Vol. 17. № 3. С. 279–297.
- Мигирин В.Н. Опыт построения классификаций,, прогнозирующих развитие местоимений и словообразовательных парадигм // *ФН*. 1973. № 3. С. 68–75.
- Миллер Дж.А. Некоторые пролегомены к психолингвистике // *Психолингвистика за рубежом*. Москва: Прогресс, 1972. С. 31–44.
- Міхневіч А.Я. Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. 264 с.
- Мишланов В.А. Семантика и структура русского сложного предложения в свете динамического синтаксиса. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. 286 с.
- Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. Москва: Наука, 1987. 280 с.
- Монтегю Р. Прагматика и интенциональная логика // *Семантика модальных и интенциональных логик*. Москва: Прогресс, 1981. С. 223–253.
- Морковкин В.В. Рассуждения о некоторых лингвистических понятиях в прикладном аспекте // *Русский язык за рубежом*. 1979. № 6. С. 74–79.
- Моррис Ч.У. Основания теории знаков // *Семиотика*. Москва: Радуга, 1983. С. 37–89.
- Мразек Р. Славянский синтаксический тип “мне нечего читать” // *Sbornik prací filosofické fakulty Brněnské university. Řada jazykovědná*. R. 1972. Brno, 1972. S. 97–105.
- Мразек Р. Количественный предикат и его связь с двухбазисными структурами // *Československá rusistika*. 1973, XVIII. № 3. С. 117–123.
- Мразек Р. Функционально-семантическое поле взаимности и совместности (на русско-чешском материале) // *Československá rusistika*. 1987, XXXII. № 3. С. 114–122.
- Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в со временном русском литературном языке. Москва: Наука, 1971. 298 с.
- Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. Пермь, 1974. 170 с.
- Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984. 56 с.
- Мчедlishvili Л.И. Некоторые понятия традиционной формальной логики с современной точки зрения // *Логика, семантика, методология*. Тбилиси,

1978. С. 23–39.
- Нарский И.С. Понятие “существования”, логический позитивизм и формальная логика // Философские вопросы современной формальной логики. Москва: Изд-во АН СССР, 1962. С. 152–186.
- Нёргор-Сёренсен Е. Семантическое содержание категории определенности // *Scando-Slavica*. 1983, XXIX. С. 209–223.
- Нёргор-Сёренсен Е. К вопросу о линейной организации предложения. На материале русского, польского, болгарского и немецкого языков // *Studia gramatyczne*. Wrocław etc., 1987. VIII. S. 155–179.
- Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. Москва: Высшая школа, 1988. 168 с.
- Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). Москва: Наука, 1985. 168 с.
- Ницолова Р. Някои въпроси на квантификацията в екзистенциалните изречения // *Studia gramatyczne*. Wrocław etc., 1982. V. S. 39–45.
- Ницолова Р. Българските местоимения. София: Наука и изкуство, 1986. 220 с.
- Ницолова Р. Теоретични бележки за местоименията // Съпоставително езиковедие. 1991. № 2. С. 41–50.
- Новоселов М.М. Категория тождества и ее модели // Кибернетика и диалектика. Москва: Наука, 1978. С. 183–211.
- Норман Б.Ю. Переходность, залог, возвратность. Минск: Навука і тэхніка, 1972. 132 с.
- Норман Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности. Минск: Вышэйшая школа, 1978. 150 с.
- Норман Б.Ю. Болгарский язык. Минск: Изд-во БГУ, 1980. 288 с.
- Норман Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности. Простое предложение. Дис... д-ра филол. наук: 10.02.19. Минск, 1983. 412 с.
- Осенмук Л.П. Функция слова *всё* в русском языке // Исследования языков народов СССР. Новосибирск: Наука, 1985. С. 74–79.
- Осуга С. Обработка знаний. Москва: Мир, 1988. 292 с.
- Откупщикова М.А. Некоторые способы сокращения структуры связного текста // Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Ленинград, 1973. Вып. 1. С. 138–150.
- Откупщикова М.А. Семантическая классификация местоимений // Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Ленинград, 1979. Вып. 4. С. 56–72.
- Откупщикова М.А. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1984. 88 с.
- Откупщикова М.А. Проблема однородности в задаче общения пользователя с ЭВМ // Структурная и прикладная лингвистика. Ленинград, 1987. Вып. 3. С. 165–173.
- Павилёнис Р. Язык и логика. Вильнюс, 1975. 166 с.
- Паде Х.Ч. Глагол *быть* и количественная характеристика объекта // *Russian Linguistics*. 1985, Vol. 9. № 1. С. 17–25.
- Падучева Е.В. Семантический анализ отрицательных местоимений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Москва, 1969. С. 5–36.
- Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Москва: Наука, 1974. 272 с.
- Падучева Е.В. Об одной проблеме логического анализа языка: сфера действия кванторов // Логический анализ естественных языков. Москва: ИФАН, 1979. С. 74–77.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Ре-

- ференциальные аспекты семантики местоимений). Москва: Наука, 1985. 272 с.
- Падучева Е.В. Идея всеобщности в логике и в естественном языке // ВЯ. 1989. № 2. С. 15–25.
- Падучева Е.В., Розина Р.И. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-семантические свойства // ВЯ. 1993. № 6. С. 5–16.
- Панкрац Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней. Минск – Москва, 1992. 112 с.
- Панфилов В.З. Грамматика и логика. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963. 80 с.
- Панфилов В.З. Типы модальных значений и их роль в конструировании предложения // *Otazky slovanské syntaxe*. IV. Vро, 1980. S. 9–12.
- Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. Москва: Наука, 1982. 358 с.
- Пеллетье Ф.Дж. Или // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1986. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. С. 318–335.
- Пеньковский А.Б. О лексико-семантической структуре блоков полного усиленного отрицания в современном русском языке // Современный русский синтаксис: словосочетание и предложение. Владимир, 1986. С. 58–72.
- Пеньковский А.Б. О семантике категории „чуждости“ в русском языке // ПСЛ 1985–1987. Москва, 1988. С. 54–82.
- Пете И. Дистрибутивная множественность в русском языке // *Russian Linguistics*. 1981a, Vol. 6. № 1. С. 57–63.
- Пете И. Семантические типы количественных отношений // *Die Welt der Slaven*. 1981b, XXVI. С. 338–345.
- Петров В.В. Структура значения. Логический анализ. Новосибирск: Наука, 1979. 142 с.
- Петров В.В. Язык и логическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1986. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. С. 5–23.
- Петрова О.В. Местоимения в системе функционально-семантических классов слов. Воронеж, 1989. 158 с.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Москва: Учпедгиз, 1956. 512 с.
- Пиотровский Р.Г. Моделирование фонологических систем и методы их сравнения. Москва–Ленинград: Наука, 1966. 300 с.
- Поллер П.И. О системах членения предложения в зарубежной грамматической литературе (критический обзор) // Проблемы изучения языка. Москва, 1957. С. 55–69.
- Попович М.В. Философские вопросы семантики. Киев: Наукова думка, 1975. 300 с.
- Потапова М.Д. Семантика грамматической категории числа в свете понятия множества // ИАН ОЛЯ. 1983. № 2. С. 130–141.
- Пуанкаре А. О науке. Москва: Наука, 1990. 736 с.
- Разлогова Е.А. Лексика количественного сравнения и лексическая интенсификация // Исследования в области грамматики и типологии языков. Москва, 1980. С. 65–116.
- Рахилина Е.В. Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München: Otto Sagner, 1990. 206 с.
- Рассел Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1982. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 41–54.
- Рассел Б. Мое философское развитие // Аналитическая философия. Избран-

- ные тексты. Москва: Изд-во МГУ, 1993. С. 11–27.
- Ревзин И.И. Структура языка как моделирующей системы. Москва: Наука, 1978. 288 с.
- Реньи А. Трилогия о математике. Москва: Мир, 1980. 376 с.
- Реформатский А.А. Введение в языковедение. Москва: Просвещение, 1967. 542 с.
- Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. Москва: Наука, 1987. 264 с.
- Розет И.М. Психология фантазии. Экспериментально-теоретическое исследование внутренних закономерностей продуктивной умственной деятельности. Минск: Изд-во БГУ, 1977. 312 с.
- Розина Р.И. Союз как идентификатор семантического класса // Семантика служебных слов. Пермь, 1982. С. 142–150.
- Руденко Д.И. Имя в парадигмах “философии языка”. Харьков: Основа, 1990. 300 с.
- Русская разговорная речь. Тексты. Москва: Наука, 1978. 308 с.
- Русская грамматика: в 2 т. Прага, 1979а. Т. 1. 664 с.
- Русская грамматика: в 2 т. Прага, 1979б. Т. 2. 1094 с.
- Русская грамматика: в 2 т. / АН СССР. Ин-т языкознания. Москва: Наука, 1980а. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 784 с.
- Русская грамматика: в 2 т. / АН СССР. Ин-т языкознания. Москва: Наука, 1980б. Т. 2. Синтаксис. 710 с.
- Саматова К.В. К вопросу о “двойном отрицании” в современном русском языке // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1959. № 3. С. 153–167.
- Санников В.З. Значение русских разделительных союзов. Москва, 1986. 70 с.
- Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. Москва: Наука, 1989. 268 с.
- Санников В.З. Два русских сочинительных союза: *и*; *и то* // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990. С. 211–220.
- Свинцов В.И. Логика. Москва: Высшая школа, 1987. 288 с.
- Селиверстова О.Н. Опыт семантического анализа слов типа *и все* и типа *кто-нибудь* // ВЯ. 1964. № 4. С. 79–90.
- Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. Москва: Наука, 1988. 152 с.
- Семантические типы предикатов / Под ред. О.Н.Селиверстовой. Москва: Наука, 1982. 356 с.
- Сепир Э. Язык: Введение в изучение речи. Москва–Ленинград: Соцэкгиз, 1934. 222 с.
- Сепир Э. Градуирование. Семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1985. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. С. 43–78.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Прогресс, 1993. 656 с.
- Серль Дж. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1982. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 179–202.
- Серль Дж. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов. С. 151–169.
- Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. Киев–Одесса: Лыбидь, 1990. 148 с.
- Скотт Д. Советы по модальной логике // Семантика модальных и интенциональных логик. Москва: Наука, 1981. С. 280–318.

- Слинин Я.А., Сергеев К.А. Различные виды существования и способы их выражения в языке // Логический анализ естественных языков. Москва, 1979. С. 86–90.
- Словарь русских народных говоров / АН СССР. Ин-т русского языка. Словарный сектор. Ленинград: Наука, 1986. Вып. 21. 360 с.
- Смирнов В.А. Современные семантические исследования модальных и интенциональных логик (вступительная статья) // Семантика модальных и интенциональных логик. Москва, 1981. С. 5–26.
- Смирнов И.П. Символизм, или истерия // Russian Literature. 1994, XXXVI–IV. С. 403–426.
- Смирнов С.Н. Элементы философского содержания понятия “система” как ступени развития познания и общественной практики // Системный анализ и научное знание. Москва: Наука, 1978. С. 60–82.
- Смирнова Е.Д. Основы логической семантики. Москва: Высшая школа, 1990. 143 с.
- Современная западная философия. Словарь. Москва: Изд-во полит. лит., 1991. 414 с.
- Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. Москва: Наука, 1977. 342 с.
- Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Москва: Наука, 1981. 360 с.
- Степанов Ю.С. Пространства и миры – “новый”, “воображаемый”, “ментальный” и прочие // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков: ОКО, 1994. С. 3–18.
- Стросон П.Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1982а. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 55–86.
- Стросон П.Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1982б. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 109–133.
- Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов. С. 130–150.
- Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1985. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. С. 419–438.
- Сулейменова О.А. Местоименные актуализаторы *весь* и *целый* в современном русском языке // ФН. 1985. № 4. С. 78–82.
- Супрун А.Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск: Изд-во БГУ, 1969. 232 с.
- Супрун А.Е. Лексическая система и методы ее изучения // Методы изучения лексики. Минск: Изд-во БГУ, 1975. С. 5–22.
- Супрун А.Е. План выражения и план содержания языкового знака // Общее языкознание. Минск: Высшая школа, 1983. С. 154–175.
- Супрун А.Е. Эволюция системы частей речи в славянских языках. Минск: Университетское, 1988. 48 с.
- Таванец П.В. Суждение и его виды. Москва: Изд-во АН СССР, 1953. 176 с.
- Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1948. 326 с.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. Москва: Прогресс, 1988. 654 с.
- Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука, 1990. 264 с.
- Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. С.-Петербург: Наука, 1991. 370 с.

- Теория функциональной грамматики. Субъективность. Объективность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. С.-Петербург: Наука, 1992. 304 с.
- Типология конструкций с предикатными актантами / Под ред. В.С.Храковского. Ленинград: Наука, 1985. 232с.
- Тондл Л. Проблемы семантики. Москва: Прогресс, 1975. 484 с.
- Тополињска З. Количествена информација во именската синтагма во јужномакедонските говори // Македонски јазик. 1987–1988, XXXVII–XXXIX. С. 27–45.
- Труб В.М. К проблеме функционального сходства нейтрального и контрастного отрицания // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. Москва, 1990, С. 194–204.
- Труб В.М. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности // ВЯ. 1994. № 1. С. 44–61.
- Уемов А.И. Выводы из понятий // Логико-грамматические очерки. Москва, 1961. С. 5–25.
- Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. Москва: Мысль, 1978. 272 с.
- Урысон Е.В. О синтаксисе слова *все* // Новейшие направления лингвистики. Тез. докл. конф. Москва, 1989. С. 189–191.
- Усикова Р. Семантика на глаголските формации со повратен елемент *се* во македонскиот литературен јазик // Македонски јазик. 1984, XXXV. С. 147–158.
- Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. Москва: Наука, 1974. 206 с.
- Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Uppsala: AUU, 1994. 238 с.
- Ферстер Г. Био-логика // Проблемы бионики. Москва, 1965. С. 7–23.
- Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1981. Вып. X. Лингвистическая семантика. С. 369–495.
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. С. 52–92.
- Фогараши Б. Логика. Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. 496 с.
- Формальная логика / И.Я.Чупахин, А.М.Плотников, К.А.Сергеев и др. / Под ред. И.Я.Чупахина, И.Н.Бродского. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1977. 360 с.
- Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Москва: ВИНТИ, 1977. Вып. 8. С. 181–210.
- Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия. Логика. Язык. Москва: Прогресс, 1987. С. 18–47.
- Хинтиќка Я. Логико-эпистемологические исследования. Москва: Прогресс, 1980. 448 с.
- Хинтиќка Я. Виды модальности // Семантика модальных и интенциональных логик. Москва: Прогресс, 1981. С. 41–59.
- Хованская Л.В. Участие субстантивных местоимений в организации текста // Сборник научных трудов МГПИИЯ. Прагматика и структура текста. Москва, 1983. Вып. 209. С. 206–218.
- Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Ленинград: Наука, 1977. 304 с.
- Храковский В.С. Императив. Проблемы и решения // *Walencja czasownika a problemy leksykografii dwujęzycznej*. Wrocław etc., 1991. С. 53–66.
- Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Ленинград: Наука, 1986. 272 с.

- Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск: Наука, 1977. 191 с.
- Чарняк Ю. Умозаключения и знания // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1983. Вып. XII. Прикладная лингвистика. С. 272–317.
- Частотный словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1977. 936 с.
- Чейф У.Л. Значение и структура языка. Москва: Прогресс, 1975. 432 с.
- Червенкова И. О показателях меры признака // Годишник на Софийския университет. Фак. по слав. филологии. 1974. 1975, LXVIII/1. С. 5–110.
- Червенкова И. Адвербиальные показатели степени признака в русском языке // Годишник на Софийския университет. Фак. по слав. филологии. 1975. 1977, LXVII/3. С. 123–188.
- Червенкова И. О частицах *только* и *лишь* // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990. С. 75–82.
- Черч А. Введение в математическую логику. Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. 486 с.
- Чеснокова Л.Д. Категория количества и способы ее выражения. Таганрог, 1992. 178 с.
- Чуглов В.И. Субстантивные словосочетания – аналоги местоимений // ФН. 1985. № 5. С. 70–74.
- Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Ленинград: Учпедгиз, 1941. 620 с.
- Шелякин М.А. О семантической структуре отрицательных местоимений русского языка и происхождении конструкций с непарным отрицанием // Уч. записки Тартус. ун-та. Вып. 579. Вопросы становления и развития языковой системы. Тарту, 1981. С. 71–80.
- Шелякин М.А. Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление). Тарту, 1986. 91 с.
- Широкова А.Г. Системно-функциональная и узуальная эквивалентность при сопоставительном изучении славянских языков // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. 1992. № 4. С. 27–37.
- Шиданович Ю.А. Введение в современную математику. Начальные понятия. Москва, 1965. 376 с.
- Щедровицкий Г.П. О методе семантического исследования знаковых систем // Семиотика и восточные языки. Москва, 1967. С. 19–47.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука, 1974. 428 с.
- Щур М.Г. Коммуникативная организация высказываний с частицей *только* // ФН. 1988. № 1. С. 72–76.
- Якобсон Р. Избранные работы. Москва: Прогресс, 1985. 456 с.
- Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. Москва: Наука, 1972. С. 95–113.
- Ajdukiewicz K. *Język i poznanie*. Warszawa: PWN, 1960. T. 1. 378 s.
- Antas J. *O mechanizmach negowania. Wybrane semantyczne i pragmatyczne aspekty negacji*. Kraków: Universitas, 1991. 166 s.
- Bachmann H. *Der Weg der mathematischen Grundlagenforschung* Bern — Frankfurt am Main — New York, 1985. 240 S.
- Barwise J., Perry J. *Situationen und Einstellungen. Grundlage der Situationssemantik*. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 1987. 450 S.
- Bauer J., Grepl M. *Skladba spisovné češtiny*. Praha: SPN, 1980. 368 s.
- Bednarek A. *Ile razy... tyle razy... (rozważania semantyczne)* // *Wyrażenia funkcyjne w systemie i tekście*. Toruń, 1995. S. 57–61.
- Bednarek A. *Leksykalne wykładniki parametryzacji świata*. Toruń, 1994. 206 s.

- Běllčová H.** Kvantifikující adverbialní určení v současných slovanských jazycích // SaS. 1992, LXI/2. S. 119–136.
- Benni T., Łoś J., Nitsch R., Rozwadowski J., Ułaszyn H.** Gramatyka języka polskiego. Warszawa etc., 1923. 604 s.
- Besters-Dilger J.** Zur Negation im Russischen und Polnischen. München: Otto Sagner, 1988. 400 S.
- Biedermann J.** Grammatiktheorie und grammatische Deskription in Rußland in der 2. Hälfte des 18. und zu Anfang des 19. Jahrhunderts. Frankfurt am Main — Berlin: Peter Lang, 1981. 166 S.
- Birkenmaier W.** Die Funktion von *одн* im Russischen // Zeitschrift für slawische Philologie. 1977, XXXIX. S. 43–59.
- Birkenmaier W.** Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache. München: Wilhelm Fink, 1979. 160 S.
- Bogusławski A.** Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim. Wrocław etc.: PAN, 1966. 280 s.
- Borras F.V., Christian R.F.** Russian Syntax. Aspects of Modern Russian Syntax and Vocabulary. Oxford: At the Clarendon Press, 1977. 444 p.
- Brekke H.E.** Semantik. Eine Einführung in die sprachwissenschaftliche Bedeutungslehre. München: Wilhelm Fink, 1972. 144 S.
- Brykczyński P.** Uwagi o znaczeniu zdań ogólnych z kwadratu logicznego // Studia Semiotyczne. 1990, XVI–XVII. S. 213–216.
- Chojak J., Zaron Z.** Szkic do portretu leksykograficznego wyrażenia *cały* // Words are Physicians for an Ailing Mind. München: Otto Sagner, 1991. S. 113–120.
- Czapiga Z.** Predykatywność określeń w języku polskim i rosyjskim. Rzeszów: WSP, 1994. 184 s.
- Dahl O.** Quantifikation // Logic and the formal Theory of natural Language. Hamburg, 1978. P. 95–101.
- Davidson D.** Wahrheit und Interpretation. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. 408 S.
- Dąbrowska A., Geller E., Turczyn A.** Słownik synonimów. Warszawa, 1996. 490 s.
- Dittel W.** Intention und Kommunikation. Beitrag zu einer Theorie der Bedeutung. Frankfurt am Main, 1977. 200 S.
- Döppke W.** Kasus, Sachverhalte und Quantoren. Beitrag zur formalen Semantik. Tübingen, 1985. 268 S.
- Drozdek A.** Zdania i sądy // Studia gramatyczne. 1986. XIV–XV. S. 165–172.
- Fałowski A.** Gradacyjne wyrażenia porównawcze z negacją w języku staroruskim i starorosyjskim // Studia Rossica Poznaniensia. Poznań, 1986. XVIII. S. 153–164.
- Feleszko K.** Charakterystyka ilościowa grupy imiennej w języku polskim // Studia gramatyczne. 1978. II. S. 5–16.
- Feleszko K.** Charakterystyka ilościowa grupy imiennej w języku polskim // Studia gramatyczne. 1978. IV. S. 191–208.
- Freundlich R.** Einführung in die Semantik. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972. 72 S.
- Fukushima K.** Phrase Structure Grammar, Montague Semantics, and Floating Quantifiers in Japanese // Linguistics and Philosophy. D. 1991. 14. P. 581–628.
- Gaertner H.** Gramatyka współczesnego języka polskiego. Lwów — Warszawa, 1933. T. 2. 206 s.
- Garde P.** Grammaire Russe. T. 1. Phonologie — Morphologie. Paris: Institut D'études Slaves, 1980. 486 cf.

- Geach P.T. Czemu zdanie nie jest nazwą // *Studia Semiotyczne*. 1972. III. S. 13–21.
- Giusti F. La referenza nominale in una lingua senza articolo. *Analisi comparativa del russo e dell'italiano*. Firenze, 1981. 214 p.
- Giusti F. Неопределенные показатели имени нарицательного // *Russian Linguistics*. 1982, Vol. 7. № 1. S. 3–19.
- Głuszkowska J. Zaimki nieokreślone we współczesnym białoruskim języku literackim. Warszawa: PAN, 1985. 98 s.
- Gladrow W. Die Determination des Substantivs im Russischen und Deutschen. Leipzig. VEB, 1979. 282 S.
- Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia. Warszawa: PWN, 1984a. 398 s.
- Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa: PWN, 1984b. 560 s.
- Greszczuk B. Konstrukcje porównawcze i ich rozwój w języku polskim. Rzeszów, 1988. 172 s.
- Grochowski M. Frazy nominalne w zdaniach ogólnych i w zdaniach analitycznych // *Problemy opisu gramatycznego języków słowiańskich*. Warszawa, 1991. S. 69–74.
- Grzegorzczak A. Zarys logiki matematycznej. Warszawa, 1975. 510 s.
- Grzegorzczak R. Problemy kwantyfikacji w grupie werbalnej // *Liczba, ilość, miara*. Warszawa, 1973. S. 83–99.
- Grzegorzczak R. Aktualizacja wypowiedzi poprzez kwantyfikację argumentów i predykatu // *Otázky slovanské syntaxe*. Brno, 1976. IV/1. S. 195–200.
- Grzegorzczak R. Zdania egzystencjalne a tzw. kwantyfikator egzystencjalny // *Studia gramatyczne*. 1982. V. S. 23–29.
- Grzegorzczak R. Osobliwość zaimków jako części mowy // *Biuletyn PTJ* 1983. 1986. XL. S. 53–58.
- Grzegorzczak R. Zaimki uogólniające a mechanizmy tworzenia zdań ogólnych // *Прилози XII/2. Одделение за лингвистика и литературна наука*. Скопје, 1987. S. 133–140.
- Grzegorzczak R. Wprowadzenie do semantyki językowej. Warszawa: PWN, 1990. 220 s.
- Grzegorzczak R. Problemy dyskusyjne w opisie zjawiska referencji // *Etudes de linguistique Romane et Slave*. Kraków, 1992. S. 271–281.
- Grzegorzczak R. Funkcje modalne niektórych zaimków nieokreślonych we współczesnej polszczyźnie // *Wyrażenia funkcyjne w systemie i tekście*. Toruń, 1995. S. 143–149.
- Grzegorzczak R. Wykłady z polskiej składni. Warszawa: PWN, 1996. 160 s.
- Hall Partee B. *Fundamentals of Mathematic for Linguistics*. Dordrecht, 1978. 242 p.
- Hartig M. *Syntax und Semantik in der Transformationsgrammatik*. München, 1975. 226 S.
- Helbig G. *Probleme der Valenz- und Kasus-theorie*. Tübingen: Max Niemeyer, 1992. 194 S.
- Hinst P. *Logische Propädeutik*. München, 1974. 456 S.
- Hlavsa Z. Skladebná platnosť některých zájmen a číslovek // *SaS*. 1970, XXXI/1. S. 33–42.
- Hlavsa Z. K protikladu určenosti v češtině // *SaS*. 1972, XXXIII. S. 199–203.
- Hlavsa Z. Denotace objektu a její prostředky v současné češtině. Praha: Academia, 1975. 110 s.

- Hlavsa Z., Svozilová N. K povaze významu u zájmen // SaS. 1969, XXX. S. 120–124.
- Holk A.G.F. van. Erkundungen zur Tiefenstruktur von Nekrasovs *Moroz, Krasnyj nos* // Zeitschrift für slavische Philologie. 1992, LII/1. S. 50–73.
- Ingarden R. Z teorii języka i filozoficznych podstaw logiki. Warszawa, 1972. 486 s.
- Jachnow H. Serbokroatische und deutsche Attributskonstruktionen unter dem Aspekt des theoretischen Sprachvergleichs // Slavistische Linguistik 1990. Referate des XVI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. München, 1991. S. 121–145.
- Jelitte H. Die russischen Nomina abstracta des 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 1990. 406 S.
- Jodłowski S. Ogólnojęzykozawczna charakterystyka zaimka. Wrocław etc., 1973. 156 s.
- Kantorczyk U. Äquivalenzbeziehungen zwischen russischen Existenzialsätzen und ihren deutschen Entsprechungen // Zeitschrift für Slawistik. 1990, XXXV. H. 4. S. 523–528.
- Karolak S. Interpolacja, interpretacja i analiza syntaktyczna // Biuletyn PTJ. 1968. XXVI. S. 139–152.
- Karolak S. Z problematyki opisu wyrażen predykato-argumentowych // Studia gramatyczne. 1977. I. S. 75–102.
- Karolak S. Kwantyfikacja a temporalizacja // Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. Wrocław etc., 1986. 1. Temporalność S. 65–82.
- Karolak S. O nieokreśloności // Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. Wrocław etc., 1987. 2. Określoność/nieokreśloność. S. 41–64.
- Karolak S. Kwantyfikacja referencyjna a kwantyfikacja numeryczna // Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. Wrocław etc., 1989. 3. Ilość. Gradacja. Osoba. 7–26.
- Karolak S. Kwantyfikacja a determinacja w językach naturalnych. Warszawa: PWN, 1990. 444 s.
- Kiklewicz A. Konfrontatywne stosunki polsko-wschodniosłowiańskie w zakresie semantyki logicznej // Białostocki Przegląd Kresowy. T. 3. Kontakty językowe pogranicznych kultur narodowych. Białystok, 1995a. S. 83–95.
- Kiklewicz A. Kwantyfikacja a derywacja (na materiale języka polskiego) // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. 32. Warszawa, 1995b. S. 25–37.
- Kiklewicz A. O niektórych zasadach komunikacji powszedniej (na materiale polskich i rosyjskich wyrażen ilościowych) // Funkcjonowanie języka w różnych warunkach socjokulturalnych i tekstowych. Siedlce, 1996. S. 105–118.
- Kiklewitsch A. Über die Quantifikation von Situationen (am Material der russischen und der polnischen Sprache) // Anzeiger für slavische Philologie. Bd XXIII. 1995. S. 35–44.
- Klajn I. O funkcji i prirodi zamenica. Beograd, 1985. 134 s.
- Klaus G. Moderne Logik. Berlin, 1973. 502 S.
- Komárek M. Sémantická struktura deiktických slov c češtině // SaS. 1978, XXXIX. 1. S. 5–14.
- Kopečný F. Kvantitativní přívlastek a určené míry // SaS. 1953, XIV. S. 115–121.
- Kopečný F. Základy české skladby. Praha, 1962. 360 s.
- Koschmider E. Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965. 224 S.
- Koseska-Toszewa V. Czy istnieje zdanie egzystencjalne w języku naturalnym? // Studia gramatyczne. Wrocław etc., 1982. V. S. 47–51.
- Koseska-Toszewa V. O pewnym kwantyfikacyjnym modelu opisu językowej kategorii określoności/nieokreśloności // Studia gramatyczne bułgarsko-polskie.

- Wrocław etc., 1987. 2. Określoność/nieokreśloność. S. 65–82.
- Kotarbiński T. Wykłady z dziejów logiki. Łódź, 1957. 252 s.
- Kotarbiński T. Wybór pism. Warszawa, 1958. T. 2. 936 s.
- Kotarbiński T. Kurs logiki dla prawników. Warszawa: PWN, 1963. 216 s.
- Kotarbiński T. Elementy teorii poznania, logiki formalnej i metodologii nauk. Warszawa: PWN, 1986. 510 s.
- Kraszewski Z. Logika. Nauka rozumowania. Warszawa: PWN, 1975. 272 s.
- Křížková H. К вопросу о двойной негации в славянских языках // Slavia. 1968. № 1. С. 21–39.
- Křížková H. System neurčitých zájmen v současných slovanských jazycích // Slavia. 1971, XL. S. 342–370.
- Křížková H. Pravdivostní modalita a komunikativní typy vět // Československá rusistika. 1973, XVII. Č 1. S. 8–13.
- Kryński A. Gramatyka języka polskiego. Warszawa, 1903. 374 s.
- Lakowa M. Informacja kwantyfikatorska i niekwantyfikatorska w zdaniu bułgarskim // Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. Wrocław etc., 1987. 2. Określoność/nieokreśloność. S. 83–104.
- Lalewicz J. Język, wypowiedź, akt mówienia // Studia semiotyczne. 1972. III. S. 145–160.
- Leinfellner E. & W. Ontologie, Systemtheorie und Semantik. Berlin: Duncer & Humblot, 1978. 478 S.
- Levinson S.C. Pragmatik. Tübingen: Max Niemayer, 1990. 422 S.
- Löbner S. Wahr und Falsch. Duale Operatoren als die Quantoren natürlichen Sprache. Tübingen: Max Niemayer, 1990. 230 S.
- Lyons J. Semantyka. Warszawa: PWN, 1984. T. 1. 360 s.
- Lyons J. Semantyka. Warszawa: PWN, 1989. T. 2. 484 s.
- Maldžieva V. Gramatyczne sposoby wyrażania znaczenia "możliwość" w języku polskim i bułgarskim. Wrocław etc.: PAN, 1989. 156 s.
- Mauro Tullio de. Einführung in die Semantik. Tübingen: Max Niemayer, 1982. 194 S.
- Mayenowa M.R. Poetyka teoretyczna. Zagadnienia języka. Wrocław etc.: Ossolineum, 1974. 464 s.
- Mędelska J. Zaimek w polsko-rosyjskiej konfrontacji przekładowej. Bydgoszcz, 1992. 200 s.
- Mindak J. Parę uwag o polskich leksemach *jakiś*, *pewien*, *jeden* i ich związku z wyrażaniem informacji o określoności/nieokreśloności // Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. Wrocław etc., 1987. 2. Określoność/nieokreśloność. S. 147–155.
- Misz H. Opis grup syntaktycznych dzisiejszej polszczyzny pisanej. Bydgoszcz, 1967. 120 s.
- Mleziwa M. Problem označovani a vyjadřovani v logické sémantice // SaS. 1967, XXVII. S. 46–52.
- Moderne Sprachphilosophie. Hamburg, 1976. 232 S.
- Nozsicska A. Bemerkungen zur Quantifikation, Konjunktion und Negation im Russischen // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. 2. S. 209–239.
- Nozsicska A. Die Grammatik der Negation. Am Beispiel des Deutsche und Russischen. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1988. 476 S.
- Nozsicska A. Was heißt "quantifizieren" in einer natürlichen Sprache? // Wiener Slawistischer Almanach. 1990. Bd. 36. S. 113–132.
- Ondrus P. Morfologia spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1964. 204 s.
- Ondrus P. Číslovky v súčasnej spisovnej slovenčine. Bratislava, 1969. 148 s.
- Osadnik W. Kilka uwag o kwantyfikacyjnym modelu opisu kategorii określoności

- ci/nieokreśloności // *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie*. Wrocław etc., 1987. 2. Określoność/nieokreśloność. S. 127–133.
- Paillard D.** Формальное описание *всякий* и *любой* // *Problemi di morfosintassi delle lingue slave*. 5. Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave. Padova, 1996. P. 187–198.
- Palek B.** Zajímavé podněty pro lingvistickou sémantiku // *SaS*. 1965, XXVI. S. 250–262.
- Palek B.** Věta a denotat // *SaS*. 1968, XXIX. S. 354–360.
- Palek B. a kol.** Intenzionálné logika a sémantika přirozeného jazyka // *SaS*. 1975, XXXVI. S. 205–218.
- Panevová J.** Formy a funkce ve stavbě česke věty. Praha, 1980. 188 S.
- Pasenkiewicz K.** Logika ogólna. Warszawa: PWN. 128 s.
- Pauliny E., Růžička J., Štolc J.** Slovenska gramatika. Bratislava: Slovenské Pedagogické Nakladatelstvo, 1968. 596 s.
- Petrowa-Wasilewicz A.** Wyrażenie *mnogo* w języku bułgarskim na tle innych intensywów i wyrażen kwantyfikujących w bułgarskim i polskim // *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie*. Warszawa, 1991. 4. Modalność i inne kategorie językowe. S. 103–110.
- Pisarkowa K.** Predykatywność określeń w polskim zdaniu. Wrocław etc.: PAN, 1965. 130 s.
- Pisarkowa K.** Funkcje składniowe polskich zaimków odmiennych. Wrocław etc.: PAN, 1969. 188 s.
- Quine W.V.** Ereignisse und Reifizierung // *Die Wahrheit der Interpretation. Beiträge zur Philosophie Donald Davidson*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. S. 123–139.
- Rasłowa H.** Wstęp do matematyki współczesnej. Warszawa: PWN, 1975. 302 s.
- Rathmayr R.** Zur Polyfunktionalität kleiner Wörter am Beispiel von russisch *только* // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1983. Bd. 11. S. 113–132.
- Reis M.** Präsuppositionen und Syntax. Tübingen, 1977. 238 S.
- Rozzko R.** Funkcjonowanie bułgarskiego *edin x* w wybranych konstrukcjach indykatywnych i pozaindykatywnych warunkowych // *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie*. Warszawa, 1991. 4. Modalność i inne kategorie językowe. S. 86–95.
- Růžička R.** Кто-то und кто-нибудь // *Zeitschrift für Slawistik*. 1973. Bd. XVIII. S. 705–736.
- Růžička R.** Маркированность применительно к парности отрицательных предложений в современном русском языке // *Russian Linguistics*. 1981, Vol. 6. № 1. С. 1–14.
- Růžička R.** Asymetry And Parallelism Between Affirmative And Negative (Есть) Где Спать // *Russian Linguistics*. 1994, Vol. 18. № 1. С. 53–72.
- Saloni Z.** Kategorie gramatyczne liczebników we współczesnym języku polskim // *Studia gramatyczne*. 1977. I. S. 145–174.
- Saloni Z., Świdziński M.** Składnia współczesnego języka polskiego. Warszawa: PWN, 1985. 288 s.
- Sawicka I.** Referencijalna kwantifikacija rečenice // *Зборник за филологију и лингвистику*. Нови Сад, 1978. S. 55–61.
- Schabowska M.** Rzeczowniki ilościowe w języku polskim. Wrocław etc., 1967. 82 s.
- Schaller H.W.** Das direkte Objekt in verneinten Sätzen des Russischen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1978. 214 S.
- Schifko P.** Bedeutungstheorie. Einführung in die linguistische Semantik. Stuttgart —

- Bad Cannstatt: Friedrich Frommann, 1975. 176 S.
- Schnelle H.** Sprachphilosophie und Linguistik. Reinbeck, 1973. 330 S.
- Schwarz M., Chur J.** Semantik. Ein Arbeitsbuch. Tübingen: Gunter Narr, 1993. 224 S.
- Schwenk H.-J.** Studien zur Semantik des Verbalaspekts im Russischen. München: Otto Sagner, 1991. 262 S.
- Schwinn M.** Semantische Interpretation syntaktischer Kategorien und die Zeichentheorie von C.S. Peirce. Heidelberg, 1989. 192 S.
- Sekulič V.** Negacija u engelskom i srpskohrvatskom jeziku. Cetinje, 1973. 108 s.
- Semantik.** Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. Berlin New York: Walter de Gruyter, 1991. 922 S.
- Sgall P. a kol.** Úvod do syntaxe a sémantiky. Praha, 1986. 198 s.
- Šikra J.** Sémantika slovenských prísloviak. Bratislava, 1991. 210 s.
- Słownik** frekwencyjny polszczyzny współczesnej. Kraków, 1990. T. 1–2. 480/980 s.
- Soerensen A.** Polnische Grammatik in systematischer Darstellung. Leipzig, 1900. 352 S.
- Stanislav J.** Slovakische Grammatik. Bratislava, 1977. 190 s.
- Stanosz B.** Wprowadzenie do logiki formalnej. Warszawa: PWN, 1985. 106 s.
- Svoboda K.F.** K netradičnímu výkladu kvantitativního přívlastku // SaS. 1956, XVII. S. 36–40.
- Szober S.** Zarys językoznawstwa ogólnego. Warszawa, 1924. 228 s.
- Szpakowicz S.** Formalny opis składniowy zdań polskich. Warszawa: WUW, 1986. 140 s.
- Tokarz M.** Semantyka bez pojęcia denotacji // Studia semiotyczne. 1986. XIV–XV. S. 133–146.
- Topolińska Z.** Mac. *eden*, sch. *jedan* operatory deskrypcji nieokreślonej // Studia Linguistica Polono–Jugoslavica. Sarajevo, 1983. S. 175–183.
- Toporišič J.** Slovenska slovnica. Maribor, 1976. 588 s.
- Uhlířová L.** Vyjadřování určenosti v slovanské nominální skupině // Slavia. 1992, LXII/1. S. 44–52.
- Ullmann S.** Grundzüge der Semantik. Die Bedeutung in sprachwissenschaftlicher Sicht. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1967. 348 S.
- Urbańczyk S.** Zdania rozpoczynane wyrazem *co* w języku polskim. Kraków: Polska Academia Umiejętności, 1939. 68 s.
- Vertulani Z.** O kwantyfikatorze zerowym // Studia Semiotyczne. 1990. XVI–XVII. S. 179–187.
- Wall R.** Logik und Mengenlehre. Kronberg Ts., 1973. 327 S.
- Weinrich H.** Sprache in Text. Stuttgart: Ernst Klett, 1976. 356 S.
- Weinsberg A.** Językoznawstwo ogólne. Warszawa: PWN, 1983. 292 s.
- Weiss D.** Syntax und Semantik polnischer Partizipialkonstruktionen. Bern etc.: Peter Lang, 1977. 404 S.
- Wierzbicka A.** Dociekania semantyczne. Wrocław: Ossolineum, 1969. 202 s.
- Wierzbicka A.** Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1991. 506 p.
- Wiśniewski M.** Czy liczebnik może być uznany za nadrzędnik dystrybucyjny szeregu rzeczownikowego? // Studia gramatyczne. 1990. IX. S. 87–98.
- Wróbel H.** Czy zaimek *jakiś* jest wyrażeniem kwantyfikującym? // Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. Wrocław etc., 1987. 2. Określoność/nieokreśloność. S. 167–177.
- Zaron Z.** Interpretacja składniowa struktur złożonych // Wyrażenia funkcyjne w systemie i tekście. Toruń 1995. S. 17–26.
- Ziemiński Z.** Logika praktyczna. Warszawa: PWN, 1987. 262 s.

- Zimmermann T.E.** Zu Risiken und Nebenwirkungen von Bedeutungspostulaten // Linguistische Berichte. 1993. Bd. 146. S. 263—282.
- Żmigrodzki P.** Semantyczno-składniowy opis czasownika *być* we współczesnej polszczyźnie // Polonica. 1991. XV. S. 23—37.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абу Хайян ат-Таухиди 10; 267
 Адамец П. 96; 97; 267
 Ананьева Н.Е. 197; 267
 Аничков И.Е. 116; 267
 Апресян Ю.Д. 46; 52; 63; 91; 94;
 158; 178; 205; 267
 Аристотель 4; 73; 267
 Арнхейм Р. 260
 Арутюнова Н.Д. 22; 23; 26; 45; 65;
 267
 Асанидзе Г.З. 60; 79; 267
 Асмус В.Ф. 16; 93; 151; 163; 267
 Ахманов А.С. 141; 267
- Бакрадзе К. 16; 18; 151; 267
 Балли Ш. 141; 267
 Баранов А.Г. 29; 267
 Барлас Л.Г. 115; 267
 Барт Р. 16; 216; 267
 Барулин А.Н. 165; 267
 Бахарев А.И. 140; 267; 268
 Беличова Е. 172; 268
 Белнап Л. 60; 79; 268
 Белошапкова В.А. 110; 113; 268
 Бенвенист Э. 23; 116; 268
 Бессонов А.В. 79; 268
 Битехтина Г.А. 134; 268
 Блумфилд Л. 119; 268
 Богданов В.В. 23; 24; 38; 101; 102;
 268
 Богин Г.И. 49
 Богуславский И.М. 78; 145; 156;
 208; 268
 Бозанкет Б. 23; 268
 Болявица Г.В. 178; 268
 Бондарев А.И. 143; 216; 229; 268
 Бондаренко В.Н. 142; 143; 207; 268
 Бондарко А.В. 13; 23; 98; 254; 268
 Борель Э. 31; 268
 Борн М. 260
 Булатова Л.Н. 31; 268
 Булыгина Т.В. 29; 30; 31; 42; 55; 60;
 64; 66; 94; 99; 100; 163; 268; 269
 Бэбби Л. 46; 269
- Бюлер К. 32; 269
- Вайнрих Х. 152; 269
 Васильев Н.А. 93; 151; 152; 153; 269
 Вейнрейх У. 13; 102; 116; 117; 269
 Ветров А.А. 152; 269
 Виноград Т. 116; 269
 Виноградов В.В. 100; 105; 269
 Витгенштейн Л. 6; 22; 23; 269; 275
 Войшвилло Е.К. 149; 269
 Володин А.П. 61; 210; 219; 281
 Вольф Е.М. 101; 116; 134; 248; 269
 Вътов В. 139; 143; 269
- Гак В.Г. 15
 Гальперин И.Р. 247; 269
 Гаргов Г. 21; 24; 33; 47; 48; 51; 52;
 53; 62; 66; 95; 97; 98; 106; 143; 182;
 189; 197; 269; 273
 Гетманова А.Д. 143; 149; 150; 269
 Гладкий А.В. 60; 141; 143; 269
 Городецкий И.Д. 16; 269
 Горский Д.П. 16; 19; 22; 26; 30; 45;
 51; 79; 151; 269
 Греллинг К. 31; 270
 Гуревич В.В. 24; 25; 134; 182; 187;
 229; 270
 Гюлумянц К.М. 237
- Дегтярев В.И. 14; 31; 270
 Дейк Т.А. ван. 163; 270
 Декарт Р. 158; 270
 Деянова М. 197; 270
 Джемс У. 25; 270
 Добрева Е. 105; 237; 238; 239; 270
 Долинина И.Б. 166
 Доннелан К.С. 28; 270
 Дорошевский В. 26; 270
 Дрейзин Ф.А. 60; 143; 269
 Дэйвисон А. 168; 270
 Дюкро О. 19; 21; 58; 66; 151; 239;
 270
- Ермакова О.П. 109; 143; 158; 223;

270

- Жельвис В.И. 181; 270
 Жинкин Н.И. 25; 270

 Заде Л. 31; 270
 Закревский А.Д. 150; 270
 Зализняк А.А. 69; 117; 123; 125; 197; 270
 Зельдович Г.М. 153; 195; 270; 271
 Земская Е.А. 69; 271
 Золотова Г.А. 54; 104; 271

 Ивић М. 172; 271
 Ивлев Ю.В. 19; 271
 Ильин Г.М. 68; 103; 271
 Ионице М.П. 22; 271
 Исаченко А.В. 140; 141; 190; 271
 Ицкович В.А. 46; 127; 271

 Йомдин Л.Л. 109; 158; 165; 178; 267; 271

 Караулов Ю.Н. 31; 37; 271
 Карпов В.А. 68; 70; 271
 Касевич В.Б. 48; 189; 271
 Кибрик А.Е. 108
 Киклевич А.К. 9; 23; 26; 38; 46; 47; 49; 54; 62; 66; 68; 82; 84; 104; 112; 125; 140; 142; 150; 162; 165; 171; 179; 196; 205; 214; 216; 222; 223; 271; 272; 273
 Кіклевіч А.К. 76; 80; 95; 149; 272; 273
 Кинэн Э.Л. 52; 273
 Кириллов В.И. 16; 273
 Клаус Г. 79; 101; 137; 195; 273
 Клини С.К. 19; 22; 57; 137; 163; 273
 Кобозева И. 207; 273
 Кондаков Н.И. 16; 17; 93; 273
 Копыленко М.М. 76; 95; 191; 273
 Косеска-Тошева В. 21; 33; 47; 48; 51; 53; 62; 66; 95; 97; 98; 106; 143; 182; 189; 197; 273
 Коссек Н.В. 19; 140; 169; 190; 207; 273
 Костюк В.Н. 19; 57; 140; 169; 190; 207; 273; 274
 Кошечая И.Г. 31; 188; 274

 Кошутин Р. 137; 274
 Красильникова Е.В. 31; 274
 Кржижкова Е. 77; 98; 112; 207; 274
 Кривонос А.Т. 10; 21; 274
 Крипке С.А. 28
 Кронгауз М.А. 62; 135; 274
 Крумова Л. 30; 31; 274
 Крылов С.А. 16; 32; 36; 62; 64; 274
 Крысин Л.П. 165; 274
 Кубрякова Е.С. 23; 274
 Куайн У.О. 32; 274
 Курилович Е. 24; 274

 Лайонз Дж. 164; 274
 Лакофф Дж. 52; 274
 Лаптева О.А. 209
 Лашкова Л. 138; 143; 274
 Левин Ю.И. 120; 165; 274
 Левицкий Ю.А. 24; 274
 Лейкина Б.М. 31; 271; 274
 Лекомцев Ю.К. 140; 274
 Леонтьев А.А. 103; 275
 Лещенко М.И. 24; 275
 Линде Ф. 17; 275
 Линский Л. 26; 275
 Липпс Т. 16; 25; 31; 275
 Литвак С.Я. 75; 190; 275
 Лосев А.Ф. 11; 275
 Лосский Н.О. 141; 275
 Лукашенко И.Г. 31; 188; 274
 Льюис К.И. 22; 25; 275
 Любищев А.А. 30; 275
 Ляпон М.В. 174; 275

 Мажэйка Н.С. 90; 275
 Майтинская К.Е. 116; 117; 137; 159; 275
 МакКоли Дж. 52; 93; 163; 239; 275
 Максапетян А.Г. 38; 275
 Максимова Г. 69; 134; 162; 165; 275
 Малкольм Н. 60; 275
 Марков Ю.Г. 30; 275
 Мартынов В.В. 5; 17; 24; 95; 117; 119; 275; 276
 Мельчук И.А. 71; 104; 276
 Мечковская Н.Б. 64; 186; 216; 218; 276
 Міхневіч А.Я. 38; 276
 Мразек Р. 102; 165; 178; 190; 276

291

- Мигирин В.Н. 112; 120; 140; 141;
 165; 276
 Миллер Дж.А. 23; 26; 237; 276
 Мишланов В.А. 168; 169; 276
 Монтегю Р. 23; 276
 Морковкин В.В. 251; 276
 Моррис Ч.У. 64; 276
 Мурзин Л.Н. 107; 205; 276
 Мучник И.П. 98; 276
 Мчедлишвили Л.И. 16; 163; 276
- Нарский И.С. 104; 141; 276
 Нёргор-Сёренсен Е. 26; 276
 Никитин М.В. 24; 277
 Николаева Т.М. 77; 98; 134; 182;
 185; 188; 277
 Ницолова Р. 64; 66; 102; 116; 125;
 207; 277
 Новоселов М.М. 26; 277
 Норман Б.Ю. 165; 185; 205; 277
- Осенмук Л.П. 106; 277
 Осуга С. 19; 57; 151; 277
 Откупщикова М.А. 48; 97; 134; 137;
 140; 160; 163; 165; 218; 271; 277
- Павилёнис Р. 60; 79; 93; 141; 143;
 151; 163; 173; 277
 Паде Х.Ч. 45; 277
 Падучева Е.В. 25; 50; 51; 59; 62; 69;
 78; 92; 93; 116; 117; 123; 125; 134;
 140; 162; 174; 182; 187; 195; 196;
 207; 238; 277
 Панкрац Ю.Г. 22; 23; 24; 274; 278
 Панфилов В.З. 10; 30; 68; 278
 Пеллетье Ф.Дж. 149; 278
 Пеньковский А.Б. 138; 227; 278
 Пете И. 30; 68; 71; 165; 278
 Петров В.В. 10; 188; 278
 Петрова О.В. 101; 278
 Пешковский А.М. 109; 140; 141;
 278
 Пиотровский Р.Г. 11; 278
 Поллер П.И. 104; 278
 Попова З.Д. 76; 273
 Попович М.В. 19; 278
 Потапова М.Д. 22; 163; 271; 278
 Пуанкаре А. 29; 254; 259; 278
- Разлогова Е.А. 75; 278
 Рассел Б. 6; 25; 29; 278
 Рахилина Е.В. 60; 278
 Ревзин И.И. 24; 25; 31; 34; 63; 66;
 117; 140; 278
 Реньи А. 4; 22; 278
 Реформатский А.А. 116; 119; 278
 Розет И.М. 217; 279
 Розина Р.И. 277; 279
 Руденко Д.И. 31; 95; 96; 279
- Савова И. 105; 237; 238; 239; 270
 Саматова К.В. 143; 279
 Санников В.З. 77; 80; 81; 82; 254;
 279
 Свинцов В.И. 16; 279
 Селиверстова О.Н. 45; 50; 134; 160;
 162; 167; 168; 172; 214; 279
 Сепир Э. 5; 68; 71; 77; 108; 165; 190;
 279
 Сергеев К.А. 45; 279
 Серль Дж. 27; 28; 279
 Сидоренко Е.Н. 116; 134; 279
 Слинин Я.А. 45; 279
 Скотт Д. 60; 279
 Смирнов В.А. 99; 279
 Смирнов И.П. 219; 280
 Смирнов С.Н. 30; 280
 Смирнова Е.Д. 10; 152; 280
 Смирнова Л.Н. 68; 271
 Солнцев В.М. 68; 280
 Соссюр Ф. де 151; 262
 Старченко А.А. 16; 273
 Степанов Ю.С. 31; 51; 57; 102; 137;
 158; 190; 280
 Стил Т. 60; 79; 268
 Столнейкер Р.С. 22; 23; 280
 Стросон П.Ф. 25; 26; 28; 188; 280
 Сулейменова О.А. 62; 66; 134; 280
 Супрун А.Е. 72; 73; 89; 90; 108; 115;
 117; 158; 172; 275; 280
- Таванец П.В. 16; 151; 163; 280
 Тарский А. 6; 20; 31; 99; 280
 Теньер Л. 24; 280
 Тондл Л. 19; 25; 77; 152; 280
 Тополињска З. 72; 280
 Труб В.М. 42; 208; 281

- Уайтхед А.Н. 6
 Уемов А.И. 17; 30; 281
 Урысон Е.В. 111; 112; 165; 281
 Усикова Р. 165; 281
 Уфимцева А.А. 68; 69; 281
- Ферм Л. 130; 281
 Ферстер Г. 30; 281
 Филлмор Ч. 24; 46; 281
 Флорес Ф. 116; 269
 Фогараш Б. 16; 281
 Фреге Г. 23; 25; 281
- Хинтиikka Я. 23; 45; 60; 152; 281
 Хованская Л.В. 165; 281
 Холодович А.А. 29; 30; 281
 Храковский В.С. 210; 214; 281
- Целищев В.В. 151; 281
- Чарняк Ю. 19; 52; 93; 137; 281
 Чейф У.Л. 34; 93; 173; 281
 Червенкова И. 75; 77; 78; 172; 281
 Черч А. 6; 19; 22; 26; 149; 282
 Чеснокова Л.Д. 73; 74; 108; 163;
 165; 282
 Чуглов В.И. 105; 282
- Шахматов А.А. 109; 282
 Шелякин М.А. 116; 134; 137; 143;
 165; 173; 174; 182; 187; 282
 Широкова А.Г. 197; 282
 Ширяев Е.Д. 45; 65; 267
 Шиханович Ю.А. 19; 25; 60; 282
 Шмелев А.Д. 29; 30; 31; 42; 55; 60;
 64; 66; 94; 99; 100; 163; 268; 269
- Щедровицкий Г.П. 11; 282
 Щерба Л.В. 37; 282
 Щур М.Г. 77; 282
- Якобсон Р. 101; 117; 282
- Ajdukiewicz K. 16; 25; 31; 282
 Antas J. 207; 282
- Bachmann H. 19; 21; 79; 282
 Barwise J. 22; 282
- Bauer J. 206; 282
 Bednarek A. 65; 68; 195; 282
 Běličová H. 75; 77; 282
 Benni T. 110; 137; 282
 Besters-Dilger J. 126; 128; 141; 206;
 207; 282
 Biedermann J. 116; 137; 138; 282
 Birkenmaier W. 46; 65; 69; 182; 188;
 189; 283
 Bogusławski A. 69; 70; 73; 172; 188;
 283
 Borrás F.V. 126; 134; 190; 283
 Brekle H.E. 10; 25; 283
 Brykczyński P. 141; 143; 283
- Chojak J. 66; 283
 Christian R.F. 126; 134; 190; 283
 Chur J. 21; 22; 31; 287
 Czapiga Z. 103; 283
- Dąbrowska A. 123; 133; 211; 283
 Dahl O. 57; 283
 Davidson D. 283; 287
 Dittel W. 99; 283
 Döppke W. 33; 48; 52; 69; 78; 165;
 283
 Doroszewski W. 210
 Drozdek A. 22; 283
- Fałowski A. 140; 283
 Feleszko K. 30; 283
 Freundlich R. 10; 53; 57; 283
 Fukushima K. 104; 283
- Gaertner H. 116; 283
 Garde P. 134; 137; 159; 182; 188; 283
 Głuszkowska J. 120; 134; 173; 182;
 188; 283
 Geach P.T. 22; 283
 Geller E. 283
 Giusti F. 25; 61; 62; 63; 64; 141; 182;
 188; 283
 Gladrow W. 28; 32; 60; 182; 184; 187;
 283
 Grepl M. 206; 282
 Greszczuk B. 195; 284
 Grochowski M. 95; 284
 Grzegorzczak A. 19; 35; 79; 284
 Grzegorzczakowa R. 21; 24; 25; 26; 46;
 48; 51; 52; 61; 62; 63; 69; 96; 97;

- 105; 117; 123; 134; 140; 143; 160;
163; 165; 172; 182; 184; 190; 191;
211; 284
- Hall Partee B. 19; 57; 93; 284
Hartig M. 94; 103; 165; 284
Helbig G. 23; 24; 37; 284
Hinst P. 79; 101; 103; 151; 163
Hlavsa Z. 33; 50; 52; 63; 70; 103; 106;
107; 109; 110; 112; 123; 284
Holk A.G.F. van. 102; 112; 284
- Ingarden R. 63; 284
- Jachnow H. 22; 284
Jelitte H. 131; 132; 265; 285
Jodłowski S. 117; 216; 222; 285
- Kantorczyk U. 92; 285
Karolak S. 35; 45; 47; 48; 53; 57; 59;
62; 69; 100; 101; 102; 106; 123;
134; 160; 188; 285
Kiklewicz A. 190; 198; 217; 285
Kiklewitsch A. 49; 285
Klajn I. 116; 285
Klaus G. 16; 19; 47; 79; 149; 151; 285
Komárek M. 69; 140; 176; 186; 285
Kopečný F. 68; 70; 103; 109; 285
Koschmider E. 216; 285
Koseska-Toszewa V. 21; 285
Kotarbiński T. 26; 59; 62; 79; 143;
163; 285
Kraszewski Z. 26; 285
Křížková H. 134; 136; 140; 173; 184;
186; 210; 222; 286
Kryński A. 137; 286
- Lakowa M. 35; 48; 69; 94; 286
Lalewicz J. 239; 286
Leinfellner E. & W. 30; 286
Levinson S.C. 151; 155; 156; 286
Löbner S. 44; 77; 184; 286
Lyons J. 52; 57; 65; 93; 286
- Maldžieva V. 99; 286
Mauro Tullio de. 24; 286
Mayenowa M.R. 23; 25; 286
Mędelska J. 109; 129; 286
Mindak J. 134; 286
Misz H. 109; 286
- Mleziva M. 286
- Nitsch R. 282
Nozsciska A. 52; 68; 77; 96; 108; 134;
139; 140; 141; 143; 149; 190; 196;
206; 286
- Ondrus P. 72; 286
Osadnik W. 141; 143; 286
- Paillard D. 174; 286
Palek B. 11; 61; 286; 287
Panevová J. 24; 287
Pasenkiewicz K. 137; 151; 287
Pauliny E. 129; 137; 165; 176; 186; 287
Perry J. 22; 282
Petrowa-Wasilewicz A. 191; 287
Pisarkowa K. 24; 106; 110; 128; 287
- Quine W.V. 53; 287
- Rasiowa H. 19; 57; 59; 151; 161; 287
Rathmayr R. 78; 287
Reis M. 45; 287
Roszko R. 185; 287
Rozwadowski J. 282
Růžička J. 287
Růžička R. 46; 178; 182; 287
- Saloni Z. 109; 140; 141; 164; 287
Sawicka I. 25; 62; 287
Schabowska M. 68; 287
Schaller H.W. 143; 287
Schifko P. 25; 287
Schnelle H. 19; 57; 287
Schwarz M. 21; 22; 31; 287
Schwenk H.-J. 98; 287
Schwinn M. 63; 287
Sekulič V. 140; 288
Sgall P. 59; 62; 288
Soerensen A. 137; 139; 288
Stanislav J. 137; 288
Stanosz B. 19; 52; 94; 137; 155; 288
Svoboda K.F. 103; 288
Svozilová N. 63; 284
Szober S. 116; 288
Szpakowicz S. 108; 288
Świdziński M. 140; 141; 164; 287
Šikra J. 71; 77; 288

Tokarz M. 26; 34; 79; 94; 95; 288
Topolińska Z. 185; 288
Toporišič J. 186; 288
Turczyn A. 283

Uhlířová L. 288
Ullmann S. 10; 25; 288
Urbańczyk S. 166; 288

Vertulani Z. 35; 64; 68; 143; 151;
158; 288

Wall R. 19; 57; 151; 206; 288
Weinrich H. 68; 247; 288
Weinsberg A. 21; 57; 69; 102; 288
Weiss D. 45; 61; 103; 288
Wierzbicka A. 32; 35; 77; 288
Wiśniewski M. 69; 288
Wróbel H. 64; 288

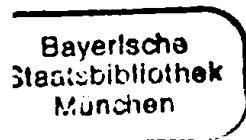
Zaron Z. 66; 67; 283; 288
Ziemiński Z. 59; 288
Zimmermann T.E. 97; 289
Żmigrodzki P. 102; 289

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ.....	10
ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ КВАНТИФИКАЦИИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА.....	15
1.1. КВАНТИФИКАЦИЯ В СИНТАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	15
1.1.1. Квантификация в логическом высказывании	16
1.1.2. Квантификация в языковом высказывании	21
1.1.2.1. Пропозиция и референция	22
1.1.2.2. Определение квантификации.....	33
1.1.3. Дистрибутивные свойства квантификации	44
1.1.3.1. Условие экзистенциальности.....	45
1.1.3.2. Условие субстанциальности.....	47
1.1.3.3. Условие множественности.....	50
1.1.3.4. Условие факультативности.....	52
1.1.3.5. Условие аддитивности.....	54
1.1.3.6. Условие дескриптивности.....	56
1.1.3.7. Условие определенности.....	60
1.2. КВАНТИФИКАЦИЯ В ПАРАДИГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	67
1.2.1. Квантификация и количество	68
1.2.2. Квантификация и степень.....	74
1.2.3. Квантификация и истинность.....	77
1.3. РЕЗЮМЕ.....	84
ГЛАВА 2. КАТЕГОРИЯ КВАНТИФИКАЦИИ В СТРУКТУРНОМ АСПЕКТЕ.....	89
2.1. СТРУКТУРА ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ КВАНТИФИКАЦИИ.....	89
2.1.1. Номинативные формы квантификации	90
2.1.2. Импликативные формы квантификации	93
2.2. СТРУКТУРА ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ КВАНТИФИКАЦИИ	101
2.2.1. Синтаксические признаки КС	101
2.2.2. Морфологические признаки КС.....	115
2.2.3. Словообразовательные признаки КС.....	129
2.2.4. Лексико-семантические признаки КС.....	134
2.2.4.1. Количественная семантика КС.....	135
2.2.4.1.1. Типы количественных значений КС.....	136
2.2.4.1.2. “Двойное” отрицание	138
2.2.4.1.3. Отношение обобщающих и отрицательных местоимений.....	143
2.2.4.1.4. Многозначность относительной квантификации	150
2.2.4.1.5. Пресуппозитивная семантика в высказываниях с КС.....	151
2.2.4.1.6. Отрицание КС.....	154
2.2.4.1.7. Синтетическая и аналитическая квантификация	159
2.2.4.2. Качественные лексико-семантические признаки КС	162
2.2.4.2.1. Микропарадигма абсолютной синтетической квантификации	162

2.2.4.2.1.1. Селективные признаки.....	162
2.2.4.2.1.1.1. Дистрибутивность/коллективность.....	162
2.2.4.2.1.1.2. Реальность/ирреальность.....	167
2.2.4.2.1.1.3. Партитивность/гипонимичность.....	170
2.2.4.2.1.2. Номинативные признаки.....	172
2.2.4.2.1.2.1. Объем исходного множества.....	172
2.2.4.2.1.2.2. Объем референтного множества.....	173
2.2.4.2.1.2.3. Качественная ограниченность/неограниченность.....	173
2.2.4.2.2. Микропарадигма абсолютной аналитической квантификации.....	176
2.2.4.2.2.1. Селективные признаки.....	176
2.2.4.2.2.1.1. Партитивность/гипонимичность.....	176
2.2.4.2.2.1.2. Реальность/ирреальность.....	178
2.2.4.2.2.2. Номинативные признаки.....	178
2.2.4.2.2.2.1. Ассертивное/пресуппозитивное отрицание.....	179
2.2.4.2.2.2.2. Объем исходного множества.....	180
2.2.4.2.2.2.3. Стилистическая характеристика.....	181
2.2.4.2.3. Микропарадигма относительной квантификации.....	181
2.2.4.2.3.1. Селективные признаки.....	181
2.2.4.2.3.1.1. Дистрибутивность/коллективность.....	182
2.2.4.2.3.1.2. Реальность/ирреальность.....	182
2.2.4.2.3.1.3. Партитивность/гипонимичность.....	183
2.2.4.2.3.2. Номинативные признаки.....	184
2.2.4.2.3.2.1. Определенность/неопределенность.....	184
2.2.4.2.3.2.2. Качественная ограниченность/неограниченность.....	187
2.2.4.2.3.2.3. Номинальный объем референтного множества.....	188
2.2.4.2.3.2.4. Фреквентивность.....	190
2.2.4.2.3.2.5. Дивергентность.....	193
2.2.4.2.4. Микропарадигма темпоральных КС.....	194
2.2.4.2.4.1. Объективное/релятивное время.....	194
2.2.4.2.4.2. Прерывность/непрерывность.....	194
2.2.4.2.4.3. Предельность/непредельность.....	197
2.2.4.2.4.4. Синтаксическое время.....	199
2.3. РЕЗЮМЕ.....	200
ГЛАВА 3. КАТЕГОРИЯ КВАНТИФИКАЦИИ В ФУНКЦИОНАЛЬНО- ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	205
3.1. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КС.....	205
3.1.1. Значение относительной квантификации в высказываниях с маркером абсолютной синтетической квантификации.....	206
3.1.2. Значение относительной квантификации в высказываниях с маркером абсолютной аналитической квантификации.....	209
3.1.3. Значение абсолютной синтетической квантификации в высказываниях с маркером относительной квантификации.....	210
3.1.4. Значение абсолютной аналитической квантификации в высказываниях с маркером относительной квантификации.....	213
3.1.5. Семантико-синтаксическая деривация как система.....	215
3.2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КС.....	216
3.2.1. Семантическая модификация.....	217

3.2.2. Семантическая мутация	221
3.2.2.1. Субстантивация КС	222
3.2.2.2. Адъективация КС	227
3.2.2.3. Адевербиализация КС	228
3.2.2.4. Вербализация КС	233
3.2.2.5. Другие типы семантической мутации КС	235
3.3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ КС В ТЕКСТЕ	237
3.3.1. Актуализация КС на уровне слова	238
3.3.2. Актуализация КС на уровне синтагмы	239
3.3.3. Актуализация КС на уровне высказывания	242
3.3.4. Актуализация КС на уровне текста	245
3.4. РЕЗЮМЕ	249
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	254
ЛИТЕРАТУРА	267
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	290

Specimina philologiae slavicae

Herausgegeben von O. Horbatsch, G. Freidhof und P. Kosta

(= Sphs)

Lieferbare Titel

16. **Russische Gaunersprache I.** Herausgegeben und eingeleitet von O. Horbatsch. Frankfurt am Main 1978. 2. Auflage 1982. 154 S. 16.- DM.
19. **Polnische Gaunersprache I.** Herausgegeben und eingeleitet von O. Horbatsch. Frankfurt am Main 1979. IV, 191 S. 22.-DM.
20. **Polnische Gaunersprache II.** Herausgegeben von O. Horbatsch. Frankfurt am Main 1979. 48, X, 128 S. 21.- DM.
22. **Materialien zum Curriculum der west- und südslawischen Linguistik.** Nr. 1. V. Mathe-sius, *Čeština a obecný jazykozpyt*. Prag 1947. Teilnachdruck mit neuem Anhang. Frankfurt am Main 1979. 200 S. 16.- DM./ 125.- öS./ 17.- sFr. (3-87690-169-3)
23. **Materialien zum Curriculum der west- und südslawischen Linguistik.** Nr. 2. Texte zur Geschichte der polnischen und tschechischen Sprache. Frankfurt am Main 1979. 110 S. 10.- DM./ 78.- öS./ 11.- sFr. (3-87690-170-7)
24. **Klemisch, L.:** Die antikisierenden Tragödien A. N. Gruzincevs. Studien zur spätklassizi-stischen Tragödie in Rußland. 1979. 246 S. 36.- DM./ 281.- öS./ 37.- sFr. (3-87690-171-5)
25. **Materialien zum Curriculum der west- und südslawischen Linguistik.** Nr. 3. Texte zur Geschichte der serbokroatischen und slowenischen Sprache. Frankfurt am Main 1979. 167 S. 14.- DM./ 110.- öS./ 15.- sFr. (3-87690-172-3)
28. **Freidhof, Gerd:** Quantifizierungen im medizinischen Fachwortschatz. 1980. 97 S. 14.- DM./ 110.- öS./ 15.- sFr. (3-87690-176-6)
30. **Notizen und Materialien zur russistischen Linguistik.** Unterlagen für die Seminararbeit. Nr. 6. 1981. 158 S. 20.- DM./ 156.- öS./ 20.- sFr. (3-87690-178-2)
31. **Materialien zum Curriculum der west- und südslawischen Linguistik.** Nr. 4. Sloweni-sche Texte aus der Reformationszeit. 1981. 142 S. 24.- DM./ 188.- öS./ 25.- sFr. (3-87690-174-X)
33. **Daničič, D.:** Istorija oblika srpskoga ili hrvatskoga jezika do svršetka XVII vijeka. U Bio-gradu 1874. 1981. 400 S. 80.- DM./ 624.- öS./ 81.- sFr. (3-87690-189-8)
34. **Materialien zum Curriculum der west- und südslawischen Linguistik.** Nr. 5. F. Šimek, *Slovníček staré češtiny*. Praha 1947. 1981. 110 S. 14.- DM./ 110.- öS./ 15.- sFr. (3-87690-191-X)
35. **Materialien zum Curriculum der west- und südslawischen Linguistik.** Nr. 6. W. Kuraszkiwicz. *Historische Grammatik der polnischen Sprache*. 1981. 200 S. — *Ver-griffen*.
38. **Rodde, J.:** Russische Sprachlehre. Ausgabe Riga 1773. Nachdruck besorgt von G. Freidhof und B. Scholz. 1982. XIV, 249 S. 50.- DM./ 390.- öS./ 51.- sFr. (3-87690-198-7)
51. **Murav'ev, V. N.:** Ovladenie vremenem. Moskva 1924. Nachdruck nebst einer einführenden Studie von M. Hagemester. 1983. 27, 127 S. 25.- DM./ 195.- öS./ 26.- sFr. (3-87690-231-2)
56. **Novák, K.:** Slovník k českým spisum Husovým. Praha 1934. 1984 XIII, 221 S. 41.- DM./ 320.- öS./ 42.- sFr. (3-87690-239-8)
58. **Červins'ka, L. F., A. T. Dykyj:** Pokažčyk z ukrajins'koji movy. Charkiv 1929-1930. Mate-rialien zu einer ukrainistischen sprachwissenschaftlichen Bibliographie bis zum Jahre 1929. Herausgegeben und eingeleitet von O. Horbatsch. 1985. III, 290 S. 45.- DM./ 351.- öS./ 46.- sFr. (3-87690-296-7)
60. **Hulákovský, J. M.:** Abbreviaturae vocabulorum usitatae in scripturis praecipue Latinis medii aevi, tum etiam Slavicis et Germanicis. Pragae 1852. 1988. 78 S. 25.- DM./ 195.- öS./ 26.- sFr. (3-87690-305-X)
63. **Igry narodov SSSR.** M.-L. 1933. Nachdruck in Auswahl und Einleitung von W. Koschmal. 1987. XI, 131 S. 26.- DM./ 203.- öS./ 27.- sFr. (3-87690-335-1)

66. **Tuwim, J.:** Pegaz dęba. Reprint and introduction by J. Sawicka. XXIII, 431 S. 86.- DM./ 671.- öS./ 87.- sFr. (3-87690-339-4)
- 69-70. **Sohler, J.:** Grammaire et Méthode Russes et Françaises. 1724. I-II. 1987. XLI, 453, 432 S. 198.- DM. Teil I. 108.- DM./ 834.- öS./ 110.- sFr. (3-87690-364-5). Teil II. 90.- DM./ 702.- öS./ 91.- sFr. (3-87690-365-3)
71. **The Slavonic Calvinist Reading-Primer** in Trinity College Dublin Library. Part 2: Word-list to the confession and catechism. Compiled by C. B. Roberts. 1987. 89 S. 24.- DM./ 188.- öS./ 25.- sFr. (3-87690-362-9)
72. **Bablaczyk, A.:** Lexikon zur altpolnischen Bibel 1455. Breslau 1906. 1988. 354 S. 74.- DM./ 578.- öS./ 75.- sFr. (3-87690-367-X)
73. **Kozmografia Czeská.** Praha 1554. In Auswahl nachgedruckt und eingeleitet von G. Freidhof. Teil I. 1988. XXXVI, 200 S. 63.- DM./ 492.- öS./ 64.- sFr. (3-87690-368-8)
74. **Bellinskij, V. G.:** Osnovanija ruskoj grammatiki. Čast' pervaja. Grammatika analitičeskaja (Ėtimologija). Moskva 1837. Nachdruck und Aufsatzstudie von G. Freidhof. 1988. XX, 121 S. 34.- DM./ 266.- öS./ 35.- sFr. (3-87690-398-X)
76. **Adelphotos.** L'viv-Lemberg 1591. Herausgegeben und eingeleitet von O. Horbatsch. Zweite, um das Faksimile erweiterte Auflage. 1988. II, XVI, 221, 326, V S. 60.- DM./ 468.- öS./ 61.- sFr. (3-87690-401-3)
77. **Florovskij, A. V.:** Češkaja biblija v istorii ruskoj kul'tury i pis'mennosti. Praha 1946. 1988. 108 S. 26.- DM./ 203.- öS./ 27.- sFr. (3-87690-402-1)
78. **Kozmografia Czeská.** Praha 1554. In Auswahl nachgedruckt und eingeleitet von G. Freidhof. Teil 2. 1988. 158 S. 36.- DM./ 281.- öS./ 37.- sFr. (3-87690-403-X)
79. **Polikarpov, F.:** Leksikon trejazyčnyj. Dictionarium trilingue. Moskva 1704. Nachdruck und Einleitung von H. Keipert. 1988. XXX, 806 S. 190.- DM./ 1482.- öS./ 192.- sFr. (3-87690-404-8)
81. **Knjazev, Ju. P.:** Akcional'nost' i stal'nost': Ich sootnoženie v russkich konstrukcijach s pričastijami na -n, -t. 1989. 271 S. 60.- DM./ 468.- öS./ 61.- sFr. (3-87690-407-2)
82. **Freidhof, G.:** Ausgewählte Vorträge zur slawischen Philologie 1976-1981. 1989. 108 S. 12.- DM./ 94.- öS./ 13.- sFr. (3-87690-429-3)
83. **Dullĕ, S. K.:** Očerk istorii jazykoznanija v Rossii. T. I (XIII v.-1825 g.). SPb. 1904. Nachdruck und Nachwort von H. Keipert. 1989. XI, 1248, VII S. 220.- DM./ 1716.- öS./ 223.- sFr. (3-87690-430-7)
85. **Vladimirov, P. V.:** Doktor Francisk Skorina. Ego perevody, pečatnyja izdanija i jazyk. SPb. 1888. 1989. XIV, XXVI, 351, XI S. 86.- DM./ 671.- öS./ 87.- sFr. (3-87690-432-3)
86. **Freidhof, G.:** Ausgewählte Vorträge zur slawischen Philologie. 1981-1986. 1989. 110 S. 14.- DM./ 110.- öS./ 15.- sFr. (3-87690-434-X)
87. **Sowjetische Beiträge zum Wortspiel** (Ščerbina, Chodakova). Mit einer Aufsatzstudie von G. Freidhof. 1989. X, 219 S. 52.- DM./ 406.- öS./ 53.- sFr. (3-87690-435-8)
88. **Voznjak, M.:** Hramatyka Lavrentija Zyzanija z 1596 r. Lemberg 1911. 1989. IV, 87 S. 28.- DM./ 219.- öS./ 29.- sFr. (3-87690-436-6)
90. **Carrier, Capucine:** Trediakovskij und die „Argenida“. Ein Vorbild, das keines wurde. 1991. 330 S. 70.- DM./ 546.- öS./ 71.- sFr. (3-87690-500-1)
91. **Jedlička, A.:** Josef Jungmann a obrozenská terminologie literárně vědná a lingvistická. (Praha 1948) München 1991. 106 S. 28.- DM./ 219.- öS./ 29.- sFr. (3-87690-473-0)
92. **Göttlinger Studien zu Wortschatz und Wortbildung im Polnischen.** Herausgegeben von A. de Vincenz u.a. 1991. XXIII, 211 S. 50.- DM./ 390.- öS./ 51.- sFr. (3-87690-474-9)
93. **Epitome praeceptorum rhetoricorum. (Počajiv 1764)** Die lateinische Schulrhetorik des Basilianerordens aus d. J. 1764. Herausgegeben von Olexa Horbatsch. 1992. 253 S. (Facsimileausgabe) 35.- DM./ 273.- öS./ 36.- sFr. (3-87690-475-7)
95. **Gorbačevskij, N. I.:** Wörterbuch der alten Urkundensprache des Großfürstentums Litauen und des Königreichs Polen. 1992. 397 S. 65.- DM./ 507.- öS./ 66.- sFr. (3-87690-522-2)
96. **A Reader in Slovak linguistics.** Studies in semantics. 1992. IV, 329 S. 50.- DM./ 390.- öS./ 51.- sFr. (3-87690-523-0)

97. **Bierich, A.K., S.S. Volkov, T.G. Nikitina: Slovar' ruskoj frazeologičeskoj terminologii.** Herausgegeben von Alexander Bierich. 1993. X+136 S. 30.- DM./ 234.- öS./ 30.- sFr. (3-87690-524-9)
100. **Grimm, Anja: Metasprachlich indizierte Reformulierungen im Russischen.** 1993. 218 S. 44.- DM./ 343.- öS./45.- sFr. (3-87690-547-8)
101. **Archiepiskop Amvrosij: Živoe slovo. Izdanie vtoroe, Char'kov 1903.** Nachdruck und Einleitung von Holger Kuße. 1994. XLIV, 128 S. 44.- DM./ 343.- öS./ 45.- sFr. (3-87690-562-1)
102. **Birjullin, L. A.: Semantika i sintaksis rusckogo impersonala: verba meteorologica i ich diatezy.** 1994. 161 S. 36.- DM./ 281.- öS./ 36.- sFr. (3-87690-563-X)
103. **Hansen, Björn: Typologie. Ein Forschungsbericht für Slavisten.** 1994. 149 S. 38.- DM./ 296.- öS./ 38.- sFr. (3-87690-564-8)
104. **Freidhof, Gerd: Služebnye jazykovye sredstva v strukture slavjanskogo dialoga.** 1995. 104 S. 26.- DM./ 203.- öS./ 26.- sFr. (3-87690-587-7)
105. **Gladrow, Wolfgang (Hrsg.): Das Russische in seiner Geschichte, Gegenwart und Literatur.** Festschrift für Erika Günther. 1995. 228 S. 56.- DM./ 437.- öS./ 57.- sFr. (3-87690-506-0)
106. **Freidhof, G., H. Kuße, F. Schindler (Hrsg.): Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität. Sammelband 1.** 1995. 180 S. 44.- DM./ 343.- öS./ 45.- sFr. (3-87690-598-2)
107. **Beljanin, Valerij: Vvedenie v psichiatričeskoe literaturovedenie.** 1996. 281 S. 68.- DM./ 530.- öS./ 69.- sFr. (3-87690-644-X)
108. **Freidhof, G., H. Kuße, F. Schindler (Hrsg.): Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität. Sammelband 2.** 1996. 242 S. 62.- DM./ 483.- öS./ 63.- sFr. (3-87690-646-6)
109. **Fillipec, Josef: Studia lexicologica.** Nachdruck besorgt von Ernst Eichler. 1996. 159 S. 44.- DM./ 343.- öS./ 45.- sFr. (3-87690-645-8),
110. **Roguski, Piotr: Aufsätze zur polnischen und deutschen Romantik.** 1996. 115 S. 36.- DM./ 281.- öS./ 36.- sFr. (3-87690-647-4)
111. **Freidhof, G., H. Kuße, F. Schindler (Hrsg.): Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität. Sammelband 3.** 1996. 304 S. 70.- DM./ 546.- öS./ 71.- sFr. (3-87690-655-5)
112. **Freidhof, Gerd: Dialoganalyse und Partikelgebrauch. Zwei Aufsatzstudien zum Slavischen, insbesondere Russischen.** 1996. 136 S. 28.- DM./ 219.- öS./ 29.- sFr. (3-87690-656-3)
113. **Weber, Petra: Kommentierung und Ankündigung von Sprechhandlungen: Metakommunikative Strukturen im russischen dramatischen Text.** 1997. 146 S. 38.- DM./ 296.- öS./ 38.- sFr. (3-87690-660-1)
114. **Müllerová, Olga: Komunikativní složky výstavby dialogického textu.** Nachdruck der Ausgabe Praha 1979. 1997. 161 S. 38.- DM./ 296.- öS./ 38.- sFr. (3-87690-661-X)
115. **Dukova, Ute: Die Bezeichnung der Dämonen im Bulgarischen.** 1997. 150 S. 38.- DM./ 296.- öS./ 38.- sFr. (3-87690-676-8)

Supplementbände

(= SphsS)

22. **Schweler, U.: Zum Flexionsakzent in der großrussischen Literatursprache des 16. und des 17. Jahrhunderts.** Beschreibung und vergleichende Einordnung der Akzentsysteme der Ostroger Bibel (Neues Testament) von 1580-1581 und der Moskauer Bibel von 1663. 1987. 390 S. 89.- DM./ 695.- öS./ 90.- sFr. (3-87690-363-7)
27. **Comatl, S: Sravnitel'nyj struktural'nyj i funkcional'nyj analiz na bälgarski i nemski publicistični zaglavija.** 1989. 173 S. 44.- DM./ 344.- öS./ 45.- sFr. (3-87690-406-4)
29. **Timkovič, Ulrike: Das Wortspiel und seine Übersetzung in slavische Sprachen.** 1990. 256 S. 64.- DM./ 500.- öS./ 65.- sFr. (3-87690-437-4)
30. **Reltz, Karen: Die Entwicklung analytischer Konstruktionen in der russischen Fachsprache der Mathematik seit dem 18. Jahrhundert.** 1990. 339 S. 98.- DM./ 765.- öS./ 99.- sFr. (3-87690-472-2)

31. **Studia phraseologica et alia.** Festschrift für Josip Matešić zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von Wolfgang Eismann und Jürgen Petermann. 1992. XII, 561 S. 130.- DM./ 1014.- öS./ 132.- sFr. (3-87690-520-6)
32. **Fleischer, Michael:** Das lyrische Werk von Tadeusz Peiper. Analyse und Konkordanzwörterbuch. 1992. 597 S., 1 Falttafel. 110.- DM./ 858.- öS./ 112.- sFr. (3-87690-521-4)
33. **Schneider, Ilse:** Poleznyj dialog. Journalistische Textsorten im Spiegel ihrer Schlagzeilen. 1993. 247 S. 68.- DM./ 530.- öS./ 69.- sFr. (3-87690-544-3)
34. **Pfandl, Heinrich:** Textbeziehungen im dichterischen Werk Vladimir Vysockijs. 1993. XIX, 453 S. 80.- DM./ 624.- öS./ 81.- sFr. (3-87690-546-X)
35. **Schindler, Franz:** Das Sprichwort im heutigen Tschechischen. Empirische Untersuchung und semantische Beschreibung. 1993. 572 S. 98.- DM./ 764.- öS./ 99.- sFr. (ISBN 3-87690-561-3)
36. **Birich, A., V. Moklenko, L. Stepanova:** Bibliographie zur Geschichte und Etymologie der russischen Phraseme (1825-1994). 1994. Ln. 273 S. 70.- DM./ 546.- öS./ 71.- sFr. (3-87690-565-6)
37. **Schmidt, Peter, Werner Lehfeldt:** Kongruenz, Rektion, Adjunktion. Systematische und historische Untersuchungen zur allgemeinen Morphosyntax und zu den Wortfügungen (slovo-sočetanija) im Russischen. 1995. Ln. 360 S. 92.- DM./ 718.- öS./ 93.- sFr. (3-87690-585-0)
38. **Panfilowitsch, Igor:** Aleksandr Puškins „Mednyj vsadnik“. Deutungsgeschichte und Gehalt. 1995. Ln. 656 S. 90.- DM./ 702.- öS./ 91.- sFr. (3-87690-586-9)
39. **Fleischer, Michael:** Das System der polnischen Kollektivsymbolik. (Eine empirische Untersuchung.) 1995. Ln. 280 S. 70.- DM./ 546.- öS./ 71.- sFr. (3-87690-588-5)
40. **Zachar'in, D. B.:** Evropejskie naučnye metody v tradicii starinnych russkich grammatik (XV-ser. XVIII v.). 1995. Ln. 244 S. 70.- DM./ 546.- öS./ 71.- sFr. (3-87690-589-3)
41. **Aničkov, E. V.:** Jazyčestvo i Drevnjaja Rus'. St. Petersburg 1914. 1995. XXXVIII, 386 S. 98.- DM./ 764.- öS./ 99.- sFr. (3-87690-597-4)
42. **Dippong, Horst (Hrsg.):** Linguistische Beiträge zur Slavistik aus Deutschland, Österreich und der Schweiz. III. JungslavistInnen-Treffen Hamburg 1994. Unter Mitwirkung von E. Rauschenecker u. D. Marszk. 1995. 286 S. 64.- DM./ 499.- öS./ 65.- sFr. (3-87690-599-0)
43. **Anstatt, Tanja:** 'Zeit'. Motivierungen und Strukturen der Bedeutungen von Zeitbezeichnungen in slavischen und anderen Sprachen. 1996. 262 S. 84.- DM./ 655.- öS./ 85.- sFr. (3-87690-630-X)
44. **Appel, Daniela:** Textsortenbedingter Aspekt-Tempus-Gebrauch im Russischen. 1996. 226 S. 76.- DM./ 593.- öS./ 77.- sFr. (3-87690-631-8)
45. **Dippong, Horst:** Über den Ort der Einstellungen im Satz. Überlegungen im Grenzgebiet von Syntax und Pragmatik. 1996. XI, 269 S. 86.- DM./ 671.- öS./ 87.- sFr. (3-87690-632-6)
46. **Hansen, Björn:** Zur Grammatik von Referenz und Episodizität. 1996. 233 S. 78.- DM./ 608.- öS./ 79.- sFr. (3-87690-633-4)
47. **Marszk, Doris:** Russische Verben und Granularität. 1996. 129 S. 58.- DM./ 452.- öS./ 59.- sFr. (3-87690-634-2)
48. **Fleischer, Michael:** Weltbildgesteuerte Wirklichkeitskonstruktion. (Beiträge zum Phänomen Weltbild). 1996. 225 S. 70.- DM./ 546.- öS./ 71.- sFr. (3-87690-600-8)
49. **Fleischer, Michael:** Die weltbildgesteuerte kulturelle Zeit- und Raumkonstruktion. 1996. 184 S. 60.- DM./ 468.- öS./ 61.- sFr. (3-87690-643-1)
50. **Spraul, H., W. Peters (Hrsg.):** Russkij jazyk v perelomnoe vremja: 1985-1995 gg. Vystuplenija na VIII Meždunarodnom kongresse MAPRJAL. Regensburg 1994 g. 1996. 173 S. 44.- DM./ 343.- öS./ 45.- sFr. (3-87690-652-0)
51. **Schindler, F. (Hrsg.):** Linguistische Beiträge zur Slavistik aus Deutschland und Österreich. IV. JungslavistInnen-Treffen Frankfurt a.M. 1995. 1996. 356 S. 70.- DM./ 546.- öS./ 71.- sFr. (3-87690-653-9)
52. **Späth, Andreas:** Der Imperativsatz im Slowakischen mit Blick auf andere westslawische Sprachen. Syntax, Semantik und Pragmatik eines Satztyps. 1996. 173 S. 50.- DM./ 390.- öS./ 51.- sFr. (3-87690-654-7)
53. **Fan, Yong:** Nominale Mehrworttermini der russischen Fachsprache. 1997. 237 S. 60.- DM./ 468.- öS./ 61.- sFr. (3-87690-657-1)